

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

• 18(6) • 2025

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Scopus, Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, директор по научным коммуникациям МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризона (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН, заведующий кафедрой международной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий Лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорд У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (Russia).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, independent researcher.

Kokoshin A.A. – Head of International Security Department, Lomonosov Moscow State University Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Sakwa R. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Doctor of Sciences (Politics), Professor of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.
ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Захарова Е.А., Гожина А.В.,
Кузнецов Д.А., Уруева М.С., Учаев Е.И., корректор – Кубышкина Е.В.,
вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО
МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 20,88 усл. п.л. Заказ № ____.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160.
ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 18(6) • 2025

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Восток в мировой политике

- 7 Özkaya M., Izgi B. – Rationality and Rivalry: A Game-Theoretic Analysis of the Turkey-Greece Aegean Dispute
- 23 Аршакян Г.М., Сафарян А.В., Аветисян С.Р. – Влияние сирийского кризиса на местную армянскую общину
- 44 Беккин Р.И. – «Мит-Гамр»: история и механизмы функционирования первого в мире исламского банка
- 62 Гусева Ю.Н. – Историческая память о джадидизме в современном Узбекистане

Россия в мировой экономике

- 88 Гринберг Р.С., Борисов А.Н., Бородин А.И., Губарев Р.В., Дзюба Е.И. – Применение азиатского типа оплаты труда «по результатам» для региональных гражданских служащих в России
- 124 Сизов А.А. – Внешнеполитические риски для связности электроэнергетической системы России

Европейский союз

в мировой политике

- 154 Стрежнева М. В. – Политика формирования доходов бюджета Европейского союза
- 174 Кавешников Н.Ю., Доманов А.О. – Влияние отказа от консенсуса на скорость законодательного процесса в Европейском союзе
- 193 Ровинская Т.Л. – Зелёные в Германии: из «партии мира» в «партию войны»

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 221 Белов В. И., Грызлов Г. В. – Трансформация международных отношений в Азии на современном этапе: от постбиполярности к новой холодной войне

Table of Contents • 18(6) • 2025

RESEARCH ARTICLES

East in World Politics

- 7 Özkaya M., Izgi B. – Rationality and Rivalry: A Game-Theoretic Analysis of the Turkey-Greece Aegean Dispute
- 23 Arshakyan G.M., Safaryan A.V., Avetisyan S.R. – Impact of the Syrian Crisis on the Local Armenian Community
- 44 Bekkin R.I. – Mit Ghamr: the History and Operating Mechanisms of the World's First Islamic Bank
- 62 Guseva Yu.N. – Jadidism in Uzbekistan's Politics of Memory: Constructing the Narrative of the Third Renaissance

Russia in World Economy

- 88 Grinberg R.S., Borisov A.N., Borodin A.I., Gubarev R.V., Dzyuba E.I. – Application of the Asian Type of Performance-Based Pay for Regional Civil Servants in Russia
- 124 Sizov A.A. – Foreign Policy Risks to the Connectivity of Russia's Electric Power System

EU in World Politics

- 154 Strezhneva M.V. – Revenue Formation Policy in the European Union Budget
- 174 Kaveshnikov N.Yu., Domanov A.O. – The Impact of Renunciation of Consensus on the Speed of Legislative Process in the European Union.
- 193 Rovinskaya T.L. – Greens in Germany: from "Peace Party" into "War Party"

BOOK REVIEWS

- 221 Belov V.I., Gryzlov G.V. – Contemporary Transformation of International Relations in Asia: From Post-Bipolarity to a New Cold War

Rationality and Rivalry: A Game-Theoretic Analysis of the Turkey-Greece Aegean Dispute

Murat Özkaya¹, Burhaneddin Izgi²

¹ Çanakkale Onsekiz Mart University, Çanakkale

² Istanbul Technical University, Istanbul

Abstract: The Aegean dispute between Türkiye and Greece remains one of the most persistent interstate rivalries in the Eastern Mediterranean, structured around overlapping claims and recurrent frictions concerning maritime zones, national airspace, and the (de)militarised status of Aegean islands, islets, and rocks. While episodes of escalation – most notably the Kardak/Imia crisis–have periodically raised the risk of a wider confrontation, the conflict has largely been managed through controlled, low-intensity interaction rather than open warfare. This article explains that pattern through a game-theoretic model that formalises the strategic interdependence of the two actors and clarifies the logic of their observed behaviour.

The study models the dispute as a sequential game in which each side is assumed to act rationally and can choose among three stylised strategies–aggressive, passive-aggressive, and passive–depending on its assessment of the situation and the expected response of the other.

A decision tree specifies the structure of interaction and the associated payoffs, and the equilibrium logic is derived via backward induction.

The model yields a clear implication: under the specified preference ordering, both sides converge on passive-aggressive behaviour as the outcome that maximises attainable payoffs while limiting the risks of uncontrolled escalation. Substantively, the results account for the empirical regularity of reciprocal demonstrations of presence–naval manoeuvres, air and maritime incidents, and other forms of harassment or signalling–that allow each government to project resolve and defend reputational claims without crossing the threshold into direct military confrontation.

By providing a transparent strategic rationale for this “managed tension” equilibrium, the article contributes to a more precise understanding of why the Aegean dispute persists and why crisis dynamics often stabilise at the level of chronic, low-intensity rivalry rather than culminating in full escalation.

Keywords: Turkey, Greece, Aegean Dispute, Aegean Sea, Eastern Mediterranean, International Conflict, International Relations, Game Theory

UDC: 327.56:519.8

Received: June 26, 2025

Accepted: October 29, 2025

Game theory examines strategic interaction among agents in competitive (and, in many cases, mixed-motive) settings by modelling decision-making as interdependent choice. Its intellectual origins are commonly associated with work in the 1920s on probabilistic reasoning in gambling and strategic situations, and the field's formal foundations are typically traced to John von Neumann's proof of the minimax theorem (von Neumann 1928). A further landmark was von Neumann and Oskar Morgenstern's *Theory of Games and Economic Behavior* (1944), which consolidated key analytical principles and introduced canonical solution concepts for two-person zero-sum games, thereby providing a systematic toolkit for analysing strategic conflict. Since then, game theory has been widely adopted to model conflicts and decision problems across diverse domains, including military strategy, resource allocation, water management, insurance and contract design, marketing strategy, political bargaining, and—most relevant here—international relations.

Recent research over the past two decades illustrates the breadth of these applications. For example, Wang et al. developed a game-theoretic framework for water-resource allocation (Wang et al. 2003), while Hollander and Prashker applied game-theoretic methods to transportation systems (Hollander and Prashker 2006). Esmaeili et al. modelled seller–buyer interactions in supply chains using non-cooperative games (Esmaeili et al. 2009), and Brams offered a comprehensive discussion of game theory's contribution to political science (Brams 2011). Brown et al. employed game-theoretic models to study traffic patrolling (Brown et al. 2014), and Bjornskau used game theory to explain deviations from prescribed traffic rules (e.g., zebra crossings) and to analyse road-user interaction in Norway (Bjornskau 2017). Pakdaman et al. examined strategic interaction between insurance companies and health systems (Pakdaman et al. 2019), while Wang et al. analysed the Sino–Indian border dispute from a game-theoretic perspective (Wang et al. 2019). Abapour et al. applied game-theoretic reasoning to problems in power systems, and Abedian explored the selection of marketing-mix strategies using game-theoretic tools (Abedian 2022). Ho et al. provided an in-depth discussion of game theory in defence studies (Ho et al. 2022). Jamali et al. studied competition between renewable and non-renewable energy producers and applied game theory to energy pricing in Iran (Jamali et al. 2023), while Li et al. used game-theoretic approaches to assess risks in urban natural-gas pipelines and to identify optimal risk-management strategies through dynamic evaluation games (Li et al. 2023). More recently, Amuji et al. applied game theory to the Nigerian electoral system (Amuji et al. 2024); Zarreh et al. addressed drinking-water pricing (Zarreh et al. 2024); and Kalagy et al. considered waste separation in local authorities and analysed the associated Nash equilibria (Kalagy et al. 2025). Shahmohammadian and Ghafory-Ashtiany examined safety and resilience in natural disasters, highlighting how game-theoretic reasoning can support cooperative strategies for building more resilient systems (Shahmohammadian and Ghafory-Ashtiany 2025). Taken together, these studies underscore game theory's capacity to clarify strategic structure in complex decision environments.

Alongside these applications, the use of formal modelling to analyse international relations has become an established approach for examining conflicts of interest, bargaining, deterrence, and escalation. By representing strategic choice in a logically explicit and internally consistent form, game theory can illuminate how actors' expectations about each other's moves shape observable behaviour. In the study of international politics, this perspective has been used to improve analytical leverage on negotiation dynamics, crisis bargaining, and conflict management, complementing—rather than replacing—traditional diplomatic and historical approaches.

The literature applying game theory to international conflict is substantial. Early contributions include Haywood's analysis of military doctrines used during the Second World War (Haywood 1954). Lumsden applied the prisoner's dilemma to the Cyprus conflict and argued that peace constitutes a Pareto-superior outcome under the model's assumptions (Lumsden 1973). Perjes examined the Battle of Mohács using game-theoretic reasoning (Perjes 1981), while Brown analysed US–Soviet interaction and discussed how game-theoretic insights may improve negotiation outcomes (Brown 1986). O'Neill explored models of peace and war and discussed debates over game theory's relevance for realism, cooperation, deterrence, and nuclear strategy (O'Neill 1994). Langlois and Langlois constructed a model of rational behaviour consistent with the evolution of China–US relations from the early 1970s to the late 1980s (Langlois and Langlois 1996). Subsequent work has applied standard 2×2 games to nuclear deterrence, the Taiwan Strait, nuclear competition, and disputes over shared oil and gas resources (Kraig 1999; Frank and Melese 2003; Aydın 2009; Esmaeili et al. 2015). Zagare provided a broad overview of applications in diplomatic and security studies (Zagare 2019). More recent contributions have modelled a range of crises and conflicts—including cases comparable to Turkey–Syria (Özkaya and İzgi 2021), asymmetric conflicts such as Russia–Ukraine (Özkaya and Bakkaloğlu 2023), the Cuban Missile Crisis (Shaabai and Gorji 2023)—all through a game-theoretic lens. Collectively, this scholarship demonstrates the continued relevance of game theory for analysing the strategic logic of international disputes.

In the context of the Aegean dispute, the interaction between Turkey and Greece involves multiple, interlinked issues—maritime delimitation, territorial claims, and the status of islands—under conditions of enduring rivalry and high political salience. In such multidimensional settings, game theory can be useful for clarifying the strategic incentives, identifying potential equilibrium patterns of behaviour, and distinguishing between confrontational postures and escalation thresholds. The approach is particularly valuable insofar as both states must simultaneously protect perceived rights and reputations while managing the risks associated with crisis escalation.

Against this background, the present study employs game theory as an analytical framework to examine the Aegean dispute between Turkey and Greece. Specifically, it models the potential behaviour of both countries with respect to maritime boundaries and island-related issues in order to clarify the strategic structure of their interaction.

The article's contributions can be summarised as follows. First, it analyses the dynamics of the Aegean dispute in line with core principles of game theory, presenting stylised strategies and the associated solution space available to Turkey and Greece. Second, by modelling mutual strategic interdependence, it contributes to a clearer understanding of possible behavioural patterns and reciprocal responses. Third, it seeks to account for the rationality underlying observed positions and tactics adopted by both parties. Fourth, it considers the implications for de-escalation and strategy design, arguing that credible approaches to reducing tensions matter not only for national interests but also for regional peace and stability.

Turkey vs Greece: Conflict of Aegean Sea

Following the collapse of the Ottoman Empire, Greece's independence, and the establishment of the Republic of Turkey, a series of disputes emerged in the Aegean Sea and along the two states' adjacent coastal zones. Among the most enduring is the dispute over the Aegean Islands. The status of many islands was partially clarified by the 1923 Treaty of Lausanne (and, later, the 1947 Paris Peace Treaty), which provided, *inter alia*, that certain islands allocated to Greece were to remain disarmed and demilitarised. Against this background, disagreements over territorial waters and over the sovereignty and status of islands, islets, and rocks have for decades generated recurrent diplomatic tensions and episodic crises, creating a persistent risk of regional escalation. The dispute is multidimensional—implicating control over territory, the delimitation of maritime zones, and the interpretation and application of international law—and therefore bears not only on bilateral relations but also on regional security and the governance of international maritime space (Salapatas 2014).

A second core issue concerns the demilitarised status of parts of the Aegean. The Paris Peace Treaty of 1947 assigned certain islands to Greece on the condition that they remain free of military presence, yet the extent of Greece's compliance and the legal scope of the relevant obligations remain contested¹. In the literature and in official argumentation, demilitarisation is commonly linked to Turkey's security concerns, given the proximity of several islands to the Turkish mainland (Yumuşak 2024; Rizas 2009). For example, islands such as Kastellorizo and Kos lie close to Turkey's coast—approximately 2 km and 20 km away, respectively (Meinardus and Triantafyllou 2021)². Turkey has repeatedly accused Greece of violating demilitarisation clauses

¹ Başlıca Ege Denizi Sorunları. 2025. *Ministry of Foreign Affairs of Türkiye*. URL: <https://www.mfa.gov.tr/baslica-ege-denizi-sorunlari.tr.mfa> (accessed 10.12.2025); Militarization of Eastern Aegean Islands Contrary to the Provisions of International Agreements. 2025. *Ministry of Foreign Affairs of Türkiye*. URL: <https://www.mfa.gov.tr/militarization-of-eastern-aegean-islands-contrary-to-the-provisions-of-international-agreements.en.mfa> (accessed 10.12.2025)

² General Assembly, Letter dated 15 June 2021 from the Permanent Representative of Turkey to the United Nations addressed to the Secretary-General, A/75/929. 2021. *United Nations*. URL: <https://docs.un.org/en/A/75/929> (accessed 10.12.2025)

by deploying military assets to these islands³. Greece, for its part, maintains that its measures conform to prevailing international norms and are justified by the right of self-defence, whereas Turkey argues that such deployments breach Greece's treaty obligations under international law. In this sense, the question of demilitarisation is directly connected to Turkey's threat perceptions, while for Greece the islands possess considerable strategic value in the Eastern Aegean. As a result, moves perceived as altering the demilitarised status tend to intensify bilateral tension.

In addition, Greek governments have periodically raised the possibility of extending Greece's territorial waters in the Aegean Sea. Turkish officials have long treated such proposals as coercive, arguing that Greece has threatened since 1995 to extend its territorial waters to 12 nautical miles⁴ (Fodor 2023). This position was reiterated at the highest political level in 2021, when the Prime Minister of Greece publicly stated that Greece was "growing" through the extension of its territorial waters in the Aegean Sea⁵. Greek authorities have sought to legitimise this stance by framing it as an exercise of sovereign rights under international law and by articulating it in official policy documents, including statements published on the website of the Ministry of Foreign Affairs⁶. From Turkey's perspective, any such extension would directly affect its interests in the seabed and constrain access from the Turkish mainland (Kassimeris 2008). At times, these disputes have brought the two states close to confrontation. The most acute episode was the 1995/1996 Kardak (Imia) crisis, triggered when a Turkish cargo ship ran aground near one of the islets in the Aegean Sea. The incident escalated as both states asserted sovereignty and disputed whether the events occurred within their respective territorial waters (Pratt and Schofield 1996; Heraclides and Heraclides 2010; Şihmantepe 2013; Bayar and Kotelis 2014).

³ Disputed Islands in the Aegean Sea: The Ongoing Conflict between Greece and Turkey. 2023. *The Foreign Policy Council*. URL: <https://foreignpolicycouncil.com.wordpress.com/2023/01/16/disputed-islands-in-the-aegean-sea-the-ongoing-conflict-between-greece-and-turkey/> (accessed 10.12.2025); The Greco-Turkish Dispute over the Aegean Sea. 2022. *The Indian Council of World Affairs*. URL: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=1&ls_id=8622&lid=5627 (accessed 10.12.2025); Militarization of Greek Islands with Non-Armed Status Violates Treaties. 2022. *Daily Sabah*. URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/militarization-of-greek-islands-with-non-armed-status-violates-treaties> (accessed 10.12.2025); How Greece's Militarisation of Aegean Islands Violates International Law. 2022. *TRT World*. URL: <https://www.trtworld.com/magazine/how-greece-s-militarisation-of-aegean-islands-violates-international-law-58276> (accessed 10.12.2025)

⁴ Greece to Extend Territorial Waters South, West of Crete: Local Media. 2022. *Daily Sabah*. URL: <https://www.dailysabah.com/politics/greece-to-extend-territorial-waters-south-west-of-crete-local-media/news> (accessed 10.12.2025); Turkey Issues New Threat against Greece over Aegean Islands. 2022. *Politico*. URL: <https://www.politico.eu/article/border-greece-turkey-issues-new-threat-over-aegean-islands/> (accessed 10.12.2025)

⁵ Greece Expands its Territorial Boundaries in Ionian Sea. 2021. *The Maritime Executive*. URL: <https://maritime-executive.com/index.php/article/greece-expands-territorial-seas-claim-in-ionician-sea> (accessed 10.12.2025); Greek MPs Approve Extension of Territorial Waters in Ionian Sea. 2021. *Aljazeera*. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/1/20/greek-mps-approve-extension-of-territorial-waters-in-ionician-sea> (accessed 10.12.2025); Greece to Extend Territorial Waters to 12 miles; Turkey Threatens with War. 2022. *The Greek City Time*. URL: <https://greekcitytimes.com/2022/10/11/greece-waters-12-miles-turkey/> (accessed 10.12.2025)

⁶ Territorial Sea – Casus Belli. 2025. *Ministry of Foreign Affairs of Greece*. URL: <https://www.mfa.gr/en/foreign-policy/foreign-policy-issues/issues-of-greek-turkish-relations/territorial-sea-casus-belli/> (accessed 10.12.2025).

A further, closely related dimension concerns national airspace. Since national airspace is generally understood to extend over a state's territory and adjacent territorial waters, disputes over maritime boundaries translate directly into disputes over airspace. Greece claims an airspace breadth of 10 nautical miles, a position that Turkey does not recognise⁷. In support of their respective claims, Turkish and Greek military aircraft frequently operate in contested areas, leading to repeated interceptions and, at times, aerial confrontations⁸. The frequency of alleged airspace violations has increased over time (Tetik 2007; Choulis 2022). These incidents not only heighten military friction but also impede progress towards negotiated solutions. More broadly, the recurrent cycle of territorial-water disputes, airspace incidents, and controversy over the militarisation of Aegean islands sustains high levels of distrust and periodically destabilises bilateral relations.

These issues have been analysed from multiple perspectives in Turkish, Greek, and international scholarship, producing a wide range of interpretations and explanatory accounts (Yücel 2010; Çelikkol and Karabel 2017; Athanasopoulos 2017; Papadakis 2018; Heraclides 2019; Grigoriadis 2023; Yumuşak 2024). Yet the dispute remains unresolved. This study approaches the Aegean conflict through the lens of game theory, examining the strategic interaction between Turkey and Greece and the logic underpinning their observed patterns of behaviour.

Game Model for Behavior of Turkey and Greece to the Conflict of Aegean Sea

In this section, we analyse the behaviour of Turkey and Greece in the Aegean dispute through the lens of game theory. We begin by developing a game-theoretic model in order to clarify the strategic decisions available to both countries and to show how particular choices may contribute to the persistence of regional tensions. In line with basic game-theoretic assumptions, the model treats both actors as rational and represents their interaction as a sequential game. In practice, Turkey and Greece can adopt aggressive, passive-aggressive, or passive behaviour in response to a given episode of contestation as they seek to protect national interests. For analytical clarity, we refer to the two actors as Country 1 and Country 2, since either side may initiate a crisis.

Assume that Country 1 initiates the interaction. Country 1 can open the dispute in one of three ways: aggressive, passive-aggressive, or passive. These strategic behaviours are defined as follows.

⁷ The Outstanding Aegean Issues. 2025. *Ministry of Foreign Affairs of Türkiye*. URL: <https://www.mfa.gov.tr/maritime-issues---aegean-sea---the-outstanding-aegean-issues.en.mfa> (accessed 10.12.2025)

⁸ Greece and Turkey Accuse each Other's Military of Airspace Violations. 2022. *Euronews*. URL: <https://www.euronews.com/2022/04/29/greece-and-turkey-accuse-each-other-s-military-of-airspace-violations>. (accessed 10.12.2025)

Aggressive action. Country 1 may undertake direct and forceful steps that visibly escalate tensions. Examples include deploying troops to disputed islands and establishing a military presence there (i.e., militarisation), or seeking formal authorisation to extend territorial waters or national airspace—for instance, extending territorial waters from 6 to 12 nautical miles or extending national airspace to 10 nautical miles (as claimed by Greece). Such moves are classified as aggressive because they alter the status quo in an explicit and confrontational manner.

Passive-aggressive action. Alternatively, Country 1 may choose actions that stop short of a formal change in legal status yet are intended to signal resolve, pressure the other side, or create *faits accomplis*. This can include military harassment—for example, dispatching naval vessels into waters claimed by Country 2 or operating near islands with a demilitarised status—or intimidating fishermen in contested areas. Episodes involving seismic research vessels (e.g., the Oruç Reis incidents⁹) are often interpreted in this category: they are less overt than outright militarisation, but they can nonetheless provoke reactions and intensify the dispute.

Passive action. Finally, Country 1 may escalate in a relatively indirect manner, for example by making public statements about extending territorial waters, engaging in diplomatic signalling or symbolic gestures related to contested islands, or issuing demands concerning control over particular islets or rocks in the Aegean. These moves do not immediately involve the use of force, but they may still increase tensions by hardening positions and generating domestic or international pressure.

Given these action sets, a decision tree can be constructed to represent the potential outcomes associated with different combinations of moves by Country 1 and Country 2. The tree maps Country 1's initial choice (aggressive, passive-aggressive, or passive) and Country 2's subsequent response (aggressive, passive-aggressive, or passive), thereby formalising the sequential structure of interaction and the strategic options available at each stage. The proposed decision tree for the Aegean dispute between Turkey and Greece is presented in Figure 1.

⁹ Greek, Turkish Warships in 'Mini Collision' Ankara Calls Provocative. 2020. *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/world/greek-turkish-warships-in-mini-collision-ankara-calls-provocative-idUSKCN25A160/> (accessed 10.12.2025).

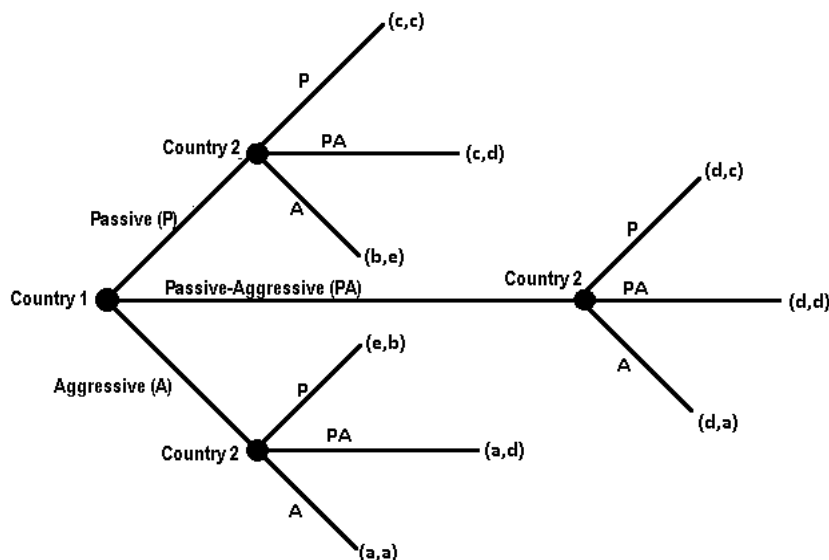

Figure 1. Decision Tree for the Aegean Dispute between Turkey and Greece

The outcomes are ranked to reflect each country's preference ordering, inferred from observed patterns of behaviour in previous episodes of the dispute. We assume the following strict ordering of payoffs:

$$a < b < c < d < e.$$

In other words, each country prefers outcome b to outcome a , outcome c to outcome b , and so on.

To illustrate, suppose Country 1 initiates the interaction with a passive move. Country 2 then has three possible responses – aggressive, passive-aggressive, or passive. If Country 2 also responds passively, the interaction yields outcome c for both sides. For convenience, we normalise this benchmark outcome as $c=0$, indicating that both countries obtain the same intermediate payoff.

Consider next the case in which Country 1 acts aggressively. Country 2 again faces the same three response options. Assume, for example, that Country 2 responds passively. The resulting outcome is denoted (e,b) , where the first component is Country 1's payoff and the second component is Country 2's payoff. The preference ordering implies that Country 1 obtains its most favourable outcome—consistent, for instance, with gaining control over islands/islets/rocks or securing formal approval to extend territorial waters—whereas Country 2 incurs a comparatively poor outcome. Substantively, this reflects reputational and political costs (domestically and internationally) associated with not responding to an action perceived as violating existing arrangements and affecting sovereignty. The remaining cases are interpreted analogously: each combination of initial moves and responses produces a distinct outcome pair, with corresponding payoffs for both countries.

For analytical simplicity—without loss of generality—we map the ordinal ranking onto a symmetric numerical scale:

$$a = -2, \quad b = -1, \quad c = 0, \quad d = 1, \quad \text{and} \quad e = 2.$$

These payoff values are then assigned to the relevant terminal nodes of the decision tree. Figure 2 presents the decision tree for the Aegean dispute between Turkey and Greece with the corresponding payoff values.

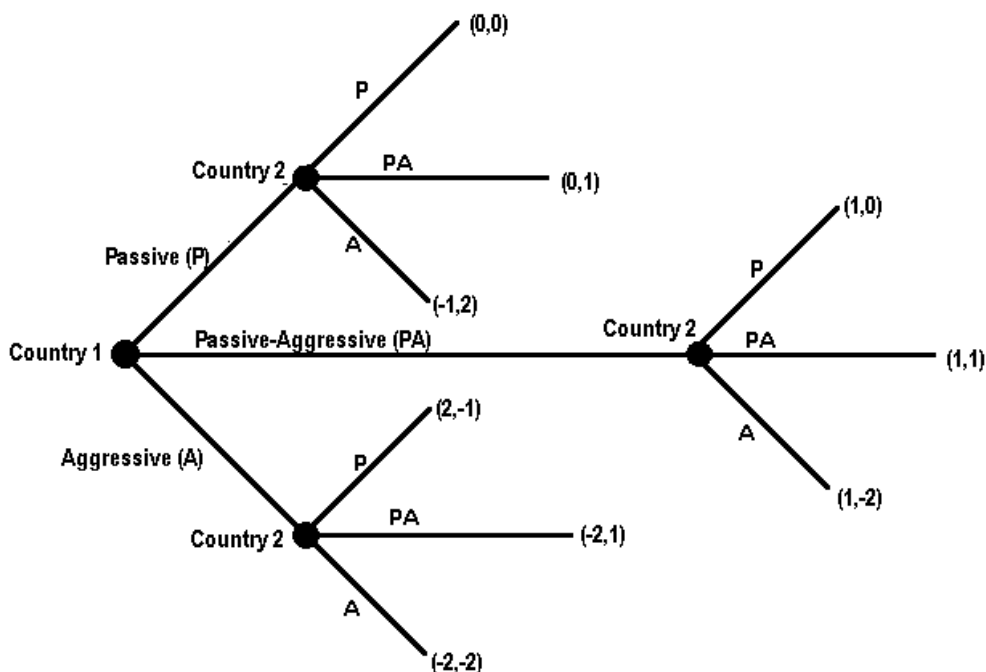

Figure 2. Decision Tree with Values for the Aegean Dispute between Turkey and Greece

We solve the game using backward induction. At each decision node, Country 2 selects the response that maximises its payoff, conditional on Country 1's preceding move. If Country 1 adopts a passive-aggressive strategy, Country 2's most preferred response is also passive-aggressive, yielding $d=1$ for Country 2 (the highest payoff available in that subgame). If Country 1 behaves passively, Country 2's optimal response is aggressive, as this produces Country 2's maximum payoff of $e=2$ (while Country 1 receives $b=-1$). Finally, if Country 1 initiates an aggressive move (associated in the model with an unfavourable payoff for Country 1, $a=-2$), Country 2's best available outcome is again achieved by choosing passive-aggressive behaviour, which yields $d=1$ for Country 2.

The resulting action–response combinations and the corresponding payoff pairs are summarised in Table 1.

Table 1. The Best Strategies for Each Country in the First Step of Backward Induction

Action of Country 1/Country 2	Rewards
(Passive, Aggressive)	$(b, e)=(-1,2)$
(Passive-Aggressive, Passive-Aggressive)	$(d, d)=(1,1)$
(Aggressive, Passive-Aggressive)	$(a, d)=(-2,1)$

Even if Country 2’s **aggressive** response yields the highest payoff in Table 1, Country 2 anticipates that Country 1 is unlikely to choose an initial move that would leave it strictly worse off. Country 1 therefore has an incentive to avoid strategies that predictably produce losses and, instead, to select a **passive-aggressive** course of action. More generally, because both actors seek to avoid a clear defeat in an enduring rivalry, they are inclined to sustain the conflict at a controlled level—signalling resolve and testing the other side—while stopping short of full escalation. In this logic, **passive-aggressive** behaviour becomes a convenient equilibrium-like pattern: it allows each side to demonstrate firmness without accepting the political and strategic risks associated with overt military confrontation.

If other action profiles are considered, the underlying strategic intuition becomes clearer. For example, if Country 1 escalates only **passively**—through limited provocations or indirect signalling—Country 2 may find it optimal to respond **aggressively**, for instance by deploying forces to the area of contestation (e.g., to islands or disputed maritime zones). Such a response may yield domestic reputational benefits by demonstrating resolve and, at the same time, may facilitate the internationalisation of the dispute, allowing Country 2 to frame its actions as enforcement of rights or defence of the status quo. In contrast, the pair of strategies in which Country 1 acts **aggressively** while Country 2 responds **passive-aggressively**—for example, by deploying air and naval assets without engaging in direct combat—can impose disproportionate reputational and diplomatic costs on Country 1, potentially strengthening Country 2’s leverage in subsequent interactions. From the standpoint of both actors, this is therefore a relatively unattractive outcome.

By comparison, when both countries adopt **passive-aggressive** tactics—such as naval manoeuvres in contested areas, close monitoring or harassment of fishing activity, and reciprocal demonstrations of presence—neither side incurs the immediate costs associated with either backing down or initiating open hostilities. At the same time, each government can frame its conduct domestically as the defence of national rights and interests, potentially strengthening its political standing at home. This combination of limited risk, signalling value, and domestic political payoff helps explain why passive-aggressive behaviour is repeatedly observed in the Aegean context.

Consistent with Table 1 and the final step of backward induction, the model’s optimal strategy profile is for both countries to select passive-aggressive actions in order to secure the highest attainable payoffs. Empirically, this prediction is broadly consistent with recurring episodes of low-level friction between Greece and Turkey. For instance, on 11 July 2024, Turkish Coast Guard sources reported that the Turkish-flagged fish-

ing vessel *Kızılelma-1*, operating off the coast of Zürafa Feneri near Gökçeada, was harassed when a Greek Coast Guard asset passed at close range and caused material damage to the vessel; Turkish Coast Guard units were subsequently dispatched to the area¹⁰. Similar incidents are regularly reported in the media¹¹. In addition, public statements by the Greek Prime Minister on the potential extension of territorial waters have periodically reinforced the signalling dimension of the dispute (The Maritime Executive, 2021; Al Jazeera, 2021; The Greek City Times, 2022). Taken together, these examples illustrate a pattern in which both Greece and Turkey predominantly rely on passive-aggressive tactics – thereby sustaining a persistent level of tension in the Aegean Sea.

Conclusions

This study examined the Aegean Sea dispute between Türkiye and Greece—two states engaged in a protracted contestation over sovereignty and jurisdictional claims involving islands, islets, rocks, and maritime zones. Although tensions have periodically escalated as a result of competing actions in the Aegean, and despite several acute episodes—including the Kardak (Imia) crisis—bilateral relations have not deteriorated to the point of complete rupture. To capture the strategic logic of this pattern, the article developed a game-theoretic model of interaction between the two countries. Within the model, each actor can sequentially choose among three types of actions—aggressive, passive-aggressive, and passive—and the analysis considers alternative scenarios in which one side initiates the episode using one of these strategies and the other responds accordingly. Under the model's assumptions, passive-aggressive behaviour emerges as the optimal strategy for both actors, as it yields the highest attainable payoff. The implication is that, while this equilibrium-like pattern reduces the likelihood of major crises, it also sustains a chronic level of tension that can be politically instrumentalised by governments seeking to consolidate domestic support.

The recurrent reliance on passive-aggressive tactics reflects the dispute's underlying complexity: both states aim to assert claims and signal resolve while avoiding actions that would trigger open confrontation. Direct military engagement would risk escalation into a broader international crisis, particularly given that both Türkiye and Greece are NATO members, which adds an additional layer of geopolitical sensitivity. In practice, alliance dynamics create incentives and channels for crisis management,

¹⁰ Turkish Coast Guard Alleges Harassment of Fishing Vessel by Greek Asset. 2024. *The Greek City Time*. URL: <https://greekcitytimes.com/2024/07/12/turkish-coast-guard-alleges-harassment-of-fishing-vessel-by-greek-asset/> (accessed 10.12.2025)

¹¹ Turkish Fisherman, Crew Harassed by Greek Coast Guard in International Waters. 2022. AA. URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/turkish-fisherman-crew-harassed-by-greek-coast-guard-in-international-waters/2493603> (accessed 10.12.2025); Türk balıkçı teknesini taciz eden Yunanistan Sahil Güvenlik unsuru bölgeden uzaklaştırıldı. 2024. AA. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/turk-balikci-teknesini-taciz-eden-yunanistan-sahil-guvenlik-unsuru-bolgeden-uzaklastirildi/3341548> (accessed 10.12.2025)

reducing the probability that disputes in the Aegean will be allowed to develop into full-scale war, not least because both countries are important to the security architecture of the Eastern Mediterranean and the Black Sea.

Against this background, the model helps to explain the persistence of a low-intensity conflict in which reciprocal, controlled escalation becomes the default mode of interaction. At the same time, the findings underscore that a transition from chronic tension to more durable stability would require both sides to reduce provocative actions and to invest in confidence-building measures. Relevant steps may include joint de-escalation protocols, enhanced bilateral cooperation on maritime safety, and institutionalised communication channels at the political and military levels. A sustainable pathway towards conflict management also presupposes continued adherence to existing international agreements and legal commitments, alongside a willingness to use high-level diplomatic mechanisms to address points of contention.

Finally, the analytical framework advanced here can be extended to analogous disputes in other regions. Future research could enrich the model by incorporating additional determinants of state behaviour—such as domestic political incentives, third-party mediation, or economic interdependence—and by allowing for repeated interaction, asymmetric information, and the involvement of external actors. Such extensions would better capture the full complexity of international disputes while preserving the explanatory advantages of a formal, strategic approach.

About the authors:

Murat Özkaya – PhD, Assistant Professor, Faculty of Political Sciences, Department of Business, Çanakkale Onsekiz Mart University, Terzioğlu Campus, Faculty of Political Sciences, 17100 Çanakkale, Türkiye. E-mail: murat.ozkaya@comu.edu.tr

Burhaneddin İzgi – PhD, Professor, Department of Mathematics, Istanbul Technical University. ITU Ayazağa Campus, Rectorate Building, Maslak, Istanbul 34469, Türkiye. E-mail: bizgi@itu.edu.tr

Conflict of interest:

The authors declare the absence of conflict of interests.

УДК: 327.56:519.8

Поступила в редакцию: 26.06.2025

Принята к публикации: 29.10.2025

Рациональность и соперничество в международных конфликтах: теоретико-игровое моделирование турецко-греческого спора в Эгейском море

 М. Озкая¹, Б. Изги²[DOI 10.24833/2071-8160-2025-6-105-7-22](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-6-105-7-22)¹ Университет Чанаккале Онсекиз Март, Чанаккале² Стамбульский технический университет, Стамбул

Конфликт между Турцией и Грецией в Эгейском море относится к числу наиболее продолжительных и политически чувствительных противоречий в Восточном Средиземноморье. Его ключевые параметры связаны с притязаниями сторон в отношении разграничения морских пространств, режима национального воздушного пространства, а также статуса (де)милитаризации отдельных островов, островков и скальных образований. Несмотря на наличие кризисных эпизодов, включая инцидент Кардак/Имия, противостояние, как правило, не перерастает в открытую вооружённую конфронтацию и развивается в логике ограниченного соперничества и управляемой эскалации.

В статье предлагается теоретико-игровая интерпретация указанной динамики. Конфликт моделируется как последовательная игра, в рамках которой обе стороны рассматриваются как рациональные акторы, выбирающие между тремя типовыми стратегиями поведения – агрессивной, пассивно-агрессивной и пассивной – в зависимости от оценки ситуации и ожидаемой реакции оппонента. Структура взаимодействия задаётся в виде дерева решений, а равновесные исходы определяются методом обратной индукции. Показано, что при принятой в модели иерархии предпочтений наилучшим достижимым исходом для обеих сторон оказывается пассивно-агрессивная линия поведения, позволяющая сочетать демонстрацию решимости с ограничением рисков неконтролируемой эскалации.

Полученные результаты соотносятся с наблюдаемой практикой повторяющихся эпизодов взаимной демонстрации присутствия (морские и воздушные инциденты, манёвры), которые, с одной стороны, поддерживают конфликт, а с другой – удерживают стороны ниже порога прямого военного столкновения. Предложенная модель объясняет механизм устойчивости конфликта в Эгейском море и позволяет более строго описать причины, по которым кризисная динамика как правило стабилизируется на уровне противостояния низкой интенсивности, не перерастая в полномасштабную эскалацию.

Ключевые слова: Турция, Греция, Эгейский спор, Эгейское море, восточное Средиземноморье, международный конфликт, международные отношения, теория игр

Об авторах:

Мурат Озкая – доктор наук, профессор факультета политических наук Университета Чанаккале Онсекиз Март. Турция, 17100, г. Чанаккале, кампус Терзиоглу, факультет политических наук. E-mail: murat.ozkaya@comu.edu.tr

Бурханеддин Изги – доктор наук, профессор кафедры математики Стамбульского технического университета. Турция, 34469, г. Стамбул, р-н Маслак, кампус Айзага, Стамбульский технический университет. E-mail: bizgi@itu.edu.tr

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References:

Abapour S., Nazari-Heris M., Mohammadi-Ivatloo B., Tarafdar Hagh M. 2020. Game Theory Approaches for the Solution of Power System Problems: A Comprehensive Review. *Archives of computational methods in engineering*. 27(1). P. 81–103. DOI: 10.1007/s11831-018-9299-7

Abedian M., Amindoust A., Maddahi R., Jouzdani J. 2022. A Game Theory Approach to Selecting Marketing-mix Strategies. *Journal of Advances in Management Research*. 19(1). P. 139–158. DOI: 10.1108/JAMR-10-2020-0264

Amuji H.O., Onwuegbuchunam D.E., Okechukwu B.N., Okeke K.O., Okere K.K. 2024. Application of Game Theory in the Nigerian Electoral System. *International Journal of Computational and Applied Mathematics & Computer Science*. 4. P. 13–26. DOI: 10.37394/232028.2024.4.2

Athanasopulos H. 2017. *Greece, Turkey and the Aegean Sea: A Case Study in International Law*. McFarland.

Aydın S. 2009. *The Super Power versus a Regional Power: A game theoretical approach to the current nuclear tension between the US and Iran*. Bilkent Üniversitesi (Turkey).

Bayar M., Kotelis A. 2014. Democratic Peace or Hegemonic Stability? The Imia/Kardak case. *Turkish Studies*. 15(2). P. 242–257. DOI: 10.1080/14683849.2014.933948

Bjørnskau T. 2017. The Zebra Crossing Game—Using game theory to explain a discrepancy between road user behaviour and traffic rules. *Safety Science*. №92. P. 298–301. DOI: 10.1016/j.ssci.2015.10.007

Brams S.J. 2011. *Game Theory and Politics*. Courier Corporation.

Brown M., Saisubramanian S., Varakantham P., Tambe M. 2014. STREETS: Game-Theoretic Traffic Patrolling with Exploration and Exploitation. *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*. 28(2). P. 2966–2971.

Brown S. 1986. The Superpowers' Dilemma: Can Game Theory Improve the US-Soviet Negotiating Relationship? *Negotiation Journal*. 2(4). P. 371–384.

Çelikkol A.O., Karabel S. 2017. Türkiye-Yunanistan İlişkileri ve Denizden Kaynaklanan Uluslararası Sorunlar. *Bilge Strateji*. 9(16). P. 13–31.

Choulis I., Mehrl M., Ifantis K. 2022. Arms Racing, Military Build-Ups and Dispute Intensity: Evidence from the Greek-Turkish Rivalry, 1985–2020. *Defence and Peace Economics*. 33(4). P. 779–804. DOI: 10.1080/10242694.2021.1933312

Esmaili M., Aryanezhad M.B., Zeephongsekul P. 2009. A Game Theory Approach in Seller–Buyer Supply Chain. *European Journal of Operational Research*. 195(2). P. 442–448. DOI: 10.1016/j.ejor.2008.02.026

Esmaili M., Bahrini A., Shayanrad S. 2015. Using Game Theory Approach to Interpret Stable Policies for Iran's Oil and Gas Common Resources Conflicts with Iraq and Qatar. *Journal of Industrial Engineering International*. №11. P. 543–554. DOI: 10.1007/s40092-015-0120-z

- Fodor A. 2023. The Extension of Greece's Territorial Waters: A Resilience Dilemma? *Euro-Atlantic Resilience Journal*. 1(1). P. 1–22.
- Franck R., Melese F. 2003. A Game Theory View of Military Conflict in the Taiwan Strait. *Defense & Security Analysis*. 19(4). P. 327–348. DOI: 10.1080/1475179032000149412
- Grigoriadis I.N. 2023. Between Escalation and Détente: Greek-Turkish Relations in the Aftermath of the Eastern Mediterranean Crisis. *Theoretical Approaches to Turkish Foreign Policy*. Routledge. P. 158–176.
- Haywood Jr O.G. 1954. Military Decision and Game Theory. *Journal of the Operations Research Society of America*. 2(4). P. 365–385. DOI: 10.1287/opre.2.4.365
- Heraclides A. 2019. The Unresolved Aegean Dispute: Problems and prospects. *Greece and Turkey in Conflict and Cooperation*. Routledge. P. 89–108.
- Heraclides A., Heraclides A. 2010. *Imia/Kardak and the Grey Zones*. The Greek-Turkish Conflict in the Aegean: Imagined Enemies. P. 209–213.
- Ho E., Rajagopalan A., Skvortsov A., Arulampalam S., Piraveenan M. 2022. Game Theory in Defence Applications: A review. *Sensors*. 22(3). P. 1032. DOI: 10.48550/arXiv.2111.01876
- Hollander Y., Prashker J.N. 2006. The Applicability of Non-Cooperative Game Theory in Transport Analysis. *Transportation*. 33. P. 481–496.
- Jamali M.B., Rasti-Barzoki M., Altmann J. 2023. A Game-Theoretic Approach for Investigating the Competition between Energy Producers under the Energy Resilience Index: A Case Study of Iran. *Sustainable Cities and Society*. №95.
- Jiang W., Han H., He M., Gu W. 2024. When Game Theory Meets Satellite Communication Networks: A survey. *Computer Communications*. 217(9). P. 208–229. DOI: 10.1016/j.comcom.2024.02.005
- Kalagy T., Cohen C., Halfon E., Lavee D. 2025. Optimizing Waste Separation in Traditional Minority Communities: A Game Theory Approach for Sustainable Municipal Waste Management. *Environmental Development*. 53. 101–105.
- Kassimeris C. 2008. NATO and the Aegean Disputes. *Defense & Security Analysis*. 24(2). P. 165–179. DOI: 10.1080/14751790802124964
- Kraig M.R. 1999. Nuclear Deterrence in the Developing World: A game-theoretic treatment. *Journal of Peace Research*. 36(2). P. 141–167.
- Langlois C.C., Langlois J.P.P. 1996. Rationality in International Relations: A game-theoretic and empirical study of the US-China case. *World Politics*. 48(3). P. 358–390. DOI: 10.1353/wp.1996.0012
- Li X., Ma J., Han Z., Zhang Y., Yang M. 2023. Application of Game Theory in Risk Management of Urban Natural Gas Pipelines. *Journal of Loss Prevention in the Process Industries*. №83.
- Lumsden M. 1973. The Cyprus Conflict as a Prisoner's Dilemma Game. *Journal of Conflict Resolution*. 17(1). P. 7–32.
- Meinardus R., Triantafyllou D. (Eds.). 2021. *Bridging the Gaps: An Almanac for Greek-Turkish Cooperation*. Nobel.
- O'Neill B. 1994. Game Theory Models of Peace and War. *Handbook of Game Theory with Economic Applications*. №2. P. 995–1053.
- Özkaya M., Bakkaloğlu A. 2023. Askeri açıdan denk olmayan iki ülke savaşının oyun teorisi ile modellenmesi. *Journal of Advanced Research in Natural and Applied Sciences*. 9(2). P. 268–275. DOI: 10.28979/jarnas.1204904
- Özkaya M., İzgi B. 2021. Uluslararası bir krizin oyun teorisi ile matematiksel olarak modellenmesi. *Bitlis Eren Üniversitesi Fen Bilimleri Dergisi*. 10(4). P. 1334–1341. DOI: 10.17798/bitlis-fen.942655

Pakdaman M., Shafei M., Geravandi S., Hejazi A., Abdi F. 2019. The Interaction between Insurance Organizations and Health System: The Insurance Mechanism Based on Game Theory. *Journal of Community Health Research*. 8(1). P. 18–28.

Papadakis K. 2018. The Greece-Turkey Dispute in the Aegean and the ICJ Sea Border Delimitation Case of Ukraine-Romania: similarities and differences in a comparative perspective. *European Quarterly of Political Attitudes and Mentalities*. 7(3). P. 36–46.

Perjés G. 1981. Game Theory and the Rationality of War: The Battle of Mohacs and the Disintegration of Medieval Hungary. *East European Quarterly*. 15(2).

Pratt M., Schofield C. 1996. The Imia/Kardak Rocks Dispute in the Aegean Sea. *IBRU Boundary and Security Bulletin*. 4(1). 62–69.

Rizas S. 2009. Managing a Conflict between Allies: United States policy towards Greece and Turkey in relation to the Aegean dispute, 1974–76: Cold War in the Aegean. *Cold War History*. 9(3). P. 367–387. DOI: 10.1080/14682740802170883

Salapatas D. 2014. *The Aegean sea Dispute between Greece and Turkey: the Consequences for NATO and the EU*. Akakia Publications.

Shaabani S., Gordji M.E. 2023. Game Theory and a New Insight into How the Cuban Missile Crisis Was Resolved. *International Journal of Cuban Studies*. 15(1). P. 39–49. DOI: 10.13169/intejcubastud.15.1.0039

Shahmohammadian A., Ghafory-Ashtiany M. 2025. Game Theory Applications in Managing Stakeholder Conflicts for Building Safety and Resilience against Natural Disasters. *Progress in Disaster Science*. №26.

Şihmantepe A. 2013. Kardak Krizi Sürecinin Kriz Yönetim Prensipleri Açısından İncelenmesi. *Güvenlik Stratejileri Dergisi*. 9(17). P. 127–155.

Tetik G. 2007. *Transformation of Greco-Turkish relations after 1999: Military and economic aspects*. Master's thesis, Bilkent Üniversitesi, Turkey.

v. Neumann J. 1928. Zur theorie der gesellschaftsspiele. *Mathematische annalen*. 100(1). P. 295–320.

von Neumann J., Morgenstern O. 1944. *Theory of Games and Economic Behavior*. Princeton University Press.

Wang B., Karpathiotaki P., Sui X. 2019. Interactive Management of the Sino-Indian Border Disputes: A Game Theory Analysis. *Journal of South Asian Studies*. 7(3). P. 67–81. DOI: 10.33687/jsas.007.03.2720

Wang L.Z., Fang L., Hipel K.W. 2003. Water Resources Allocation: a cooperative game theoretic approach. *Journal of Environmental Informatics*. 2(2). P. 11–22. DOI: 10.3808/jei.200300019

Yücel S. 2010. Ege'de bitmeyen sorunun bir unsuru olarak Türk Ve yunan karasuları ve ulusal hava sahaları. *Güvenlik Stratejileri Dergisi*. 6(12). P. 83–101.

Yumuşak T. 2024. Doğu Ege Adalarının Silahlandırılması Sorunu. *Dokuz Eylül Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*. 26(2). P. 1729–1758. DOI: 10.33717/deuhfd.1480095

Zagare F.C. 2019. *Game Theory, Diplomatic History and Security Studies*. Oxford University Press.

Zarreh M., Yaghoubi S., Bahrami H. 2024. Pricing of Drinking Water under Dynamic Supply and Demand Based on Government Role: a Game-Theoretic Approach. *Water Resources Management*. 38(6). P. 2101–2133. DOI: 10.1007/s11269-024-03745-8

Влияние сирийского кризиса на местную армянскую общину

Г.М. Аршакян¹, А.В. Сафарян², С.Р.Аветисян¹

¹ Институт истории НАН Республики Армения

² Центр российских исследований Факультета международных отношений Ереванского государственного университета

В статье анализируется влияние сирийского кризиса на сирийскую армянскую общину в контексте трансформации регионального баланса сил на Ближнем Востоке. Сирийское противостояние рассматривается как прокси-конфликт с участием ключевых внерегиональных и региональных акторов (Россия, США, Турция, Иран, Израиль) и конкурирующих проектов урегулирования; отдельно подчёркивается перелом, связанный с российским военным вмешательством осенью 2015 г., изменившим динамику конфликта и создавшим предпосылки для переговорных форматов (в т. ч. Астанинского процесса) и последующей стабилизации значительной части территории Сирии. Особое внимание уделено положению армян Сирии как древнейшей и институционально развитой общины региона, оказавшейся в зоне активных боевых действий, а также фактору этнокультурной идентичности и механизмам её сохранения. Показано, что война привела к масштабной демографической деградации общины (по оценкам, сокращение численности с порядка 80 тыс. до около 10 тыс. человек), разрушению инфраструктуры и росту угроз физической безопасности.

В фокусе исследования – политика Республики Армения, ориентированная на поддержание контактов с официальным Дамаском, гуманитарную поддержку населения и взаимодействие с Российской Федерацией. Приводятся данные о переселении сирийских армян в Армению (около 22 тыс. человек), о поставках гуманитарных грузов (в 2016–2017 гг. – свыше 300 т), а также о деятельности армянской гуманитарной миссии в Алеппо с 2019 г. (девять смен; разминирование более 1,2 млн кв. м; обезвреживание около 580 взрывоопасных предметов; медицинская помощь более 50 тыс. жителей).

Отдельно рассматриваются «новые геополитические реалии» после смены власти в Сирии в декабре 2024 г. и установление официальных контактов Армении с новым руководством в 2025 г. В заключение делается вывод о том, что сочетание внешнеполитической линии Еревана и гуманитарной практики, реализуемой в координации с Россией, выступало важным инструментом снижения гуманитарных рисков и поддержания условий для сохранения сирийского армянства как общинной и культурной системы.

Ключевые слова: Ближний Восток, Сирийский конфликт, Россия, США, Турция, Иран, геополитическое соперничество, Армения, армянская община, идентичность

УДК: 327.56:314.745

Поступила в редакцию: 07.07.2025

Принята к публикации: 03.11.2025

Революционная волна «арабской весны» 2010–2011 гг. внесла новую логику в региональные процессы на Ближнем Востоке, новые риски и вызовы в хрупкую стабильность и безопасность региона. Произошедшие в ряде стран революции, а также появление террористической организации «Исламское государство» (ИГ) не только дестабилизировали, но и радикально изменили расстановку сил в регионе. Формирование нового очага сирийского противостояния, который по своим масштабам, вовлечённости внешних игроков (в том числе США, России, Турции и Ирана) и по вероятным непредсказуемым последствиям, затенило все прочие проблемы региона, ещё более осложнило ситуацию на Ближнем Востоке. Несмотря на противоположные цели и интересы основных региональных игроков, распространение экстремистских организаций в Сирии побудило их сконцентрировать свои усилия на уничтожении этой угрозы.

Российское вмешательство в сирийский конфликт не только помогло укрепить позиции сирийской администрации, но и существенно способствовало запуску цикла международных переговоров по урегулированию ситуации в Сирии.

Сирийский конфликт оставил необратимый след и на судьбе расселённой в основном в северных районах Сирии и сразу же оказавшейся в эпицентре активных военных столкновений ближневосточной армянской общины. Армянский фактор в сирийском конфликте усилился и позицией Республики Армения, которая с самого начала сирийского кризиса не только всеми средствами сохраняла высокий уровень отношений с официальным Дамаском, но и в сотрудничестве с Российской Федерацией развернула активную гуманитарную деятельность. Конфликт не только вынудил многих представителей армянской общины Сирии покинуть страну, но и поставил ставшую малочисленной армянскую общину перед проблемой сохранения армянской идентичности.

Ряд представителей академической науки считают, что ключевым игроком и главным бенефициаром в сирийском конфликте и процессе его урегулирования в конечном итоге была Россия. Именно благодаря действенной поддержке Москвы сирийским властям долгое время удавалось контролировать подавляющее большинство территории страны (Ахмедов 2018: 136–138; Степанова 2023: 14; Долгов 2023: 42–65, Ходынская-Голенищева 2019: 570–577, Гришин, Гришина, Яблочкина и др. 2015: 66; Звягельская 2014: 93–94). Следует отметить, что многие из них придерживаются мнения, что сирийский кризис, несомненно, нанёс наибольший удар по армянской общине, в результате чего число армян, проживающих в этой стране, сократилось вдвое, а оставшиеся в дальнейшем могли столкнуться с проблемой сохранения национальной идентичности. Армянская община столкнулась с подобной угрозой ещё и в связи со своей пророссийской позицией (Григорян 2020: 115–130; Пашаян, Арутюнян 2011: 28–41; Чолакян

2015: 270–283; Авакян 2022: 12–29; Симаворян, Овян, Веранян 2017: 140–153; Абрамян 1964: 420–428). Авторы настоящей статьи также разделяют эту точку зрения.

Настоящая статья опирается на сочетание системного и проблемно-ориентированного подходов. Системная перспектива позволяет рассматривать сирийский конфликт не как совокупность локальных эпизодов, а как многоуровневую конфигурацию взаимосвязанных факторов – военно-политических, дипломатических, гуманитарных и идентификационных. Проблемно-ориентированный подход задаёт фокус на том, каким образом длительный вооружённый кризис трансформирует положение конкретной общины и какие инструменты государственная политика использует для минимизации гуманитарных и демографических потерь. В интерпретации общинной динамики дополнительно применяется конструктивистская чувствительность к фактору идентичности: община рассматривается не только как демографическая категория, но и как социально-институциональная система, воспроизводящая нормы, практики солидарности и механизмы культурной преемственности.

В методическом плане исследование выполнено в логике качественного кейс-стади с элементами процесс-трейсинга (прослеживания причинно-следственных связей) и контент-анализа. Использование процесс-трейсинга позволяет выделить ключевые переломные моменты (военно-политические и институциональные), соотнести их с изменениями положения сирийской армянской общины и с эволюцией подходов официального Еревана и его партнёров к гуманитарному сопровождению кризиса. Контент-анализ применяется для сопоставления официальных позиций и практических мер с публичной дипломатией и оценками экспертного сообщества, что обеспечивает более строгую реконструкцию мотивации и логики действий сторон.

Источниковую базу составляют официальные документы и публичные заявления государственных институтов, материалы международных и региональных структур, а также публикации экспертно-аналитического и научного характера. Для эмпирического описания положения общины и гуманитарных практик используются открытые данные и сообщения профильных ведомств и организаций, позволяющие фиксировать ключевые индикаторы (динамику численности общины, масштабы перемещения населения, параметры гуманитарной поддержки, направления и результаты деятельности миссий). Сопоставление разнородных источников применяется как приём триангуляции, уменьшающий риск односторонней интерпретации и повышающий надёжность выводов.

Ограничением исследования является неоднородность статистики и различия в оценках численности общины и масштабов перемещений в условиях вооружённого конфликта; в этой связи количественные показатели рассматриваются как ориентиры, отражающие порядок величин и общую тенденцию. Тем не менее совокупность источников и выбранная методика позволяют

реконструировать устойчивые закономерности: связь между изменением внешней конфигурации конфликта и гуманитарными последствиями для общины, а также функциональную роль гуманитарных инструментов внешней политики в поддержании жизнеспособности общинных структур.

Сирийское противостояние в центре конфликта интересов России и других ключевых игроков

Сирийский кризис, который в начале «арабской весны» считался очередным восстанием против авторитарного режима, в течение времени превратился в опосредованную прокси-войну с вовлечением многих региональных стран и мировых держав. В частности, заинтересованность России в Сирии была обусловлена несколькими факторами. Военное вмешательство в Сирии было первой крупной операцией вооружённых сил РФ за пределами бывшего СССР. Успех для Москвы имел исключительную важность с точки зрения утверждения в качестве великой державы (Гришин, Гришина, Яблочкина и др. 2015: 66). Согласимся с И.Д. Звягельской в том, что российская политика на сирийском направлении была обусловлена следующими соображениями. Во-первых, предотвратить повторение ливийского сценария. Во-вторых, не допустить краха режима Б. Асада, поскольку это могло иметь деструктивные последствия для всего региона: углубление суннитско-шиитских противоречий, обострение межэтнических трений, распространение радикального исламистского проекта на другие государства Ближнего Востока и за его пределы (Звягельская 2014: 93–94).

В этом контексте примечательна опубликованная 11 сентября 2013 г. в американской газете *The New York Times* статья президента РФ В.В. Путина «Россия призывает к осторожности»¹. Поясняя политическую линию России в отношении сирийского противостояния, В.В. Путин предупреждал президента США Барака Обаму об опасности тезиса об «исключительности американского народа».

В сирийском противостоянии Россия защищала стабильность режима и своё право присутствия в Сирийской Арабской Республике (Аршакян, Сафарян 2023: 44). Интересы Москвы в Сирии и вообще на Ближнем Востоке носят стратегический характер, поскольку нестабильность в этом регионе может стать угрозой для другого, не менее важного в стратегическом плане и в плане обеспечения безопасности региона для России – Южного Кавказа; отсюда эта угроза легко может проникнуть в одну из точек России, где актуальна борьба с исламским радикализмом (Багдасарян, Петрова 2018: 112).

¹ Putin V. 2013. A Plea for Caution from Russia. *The New York Times*. 11.09. URL: <https://www.nytimes.com/2013/09/12/opinion/putin-plea-for-caution-from-russia-on-syria.html> (accessed 05.12.2025)

Для Турции вовлечённость в сирийский конфликт была важна по двум причинам. Прежде всего, для решения собственных проблем Анкара искала возможности укрепления своих позиций в качестве ближневосточной региональной державы, с другой стороны – пыталась обуздать любое проявление курдского сепаратизма². С самого начала внутреннего сирийского противостояния Турция проводила антиасадовскую политику, поддерживая борющиеся с Асадом силы (включая террористическую группировку «Исламское государство»), в том числе посредством пропаганды и дипломатической работы против Дамаска³. Более того, турецкое руководство сделало отставку Башара Асада приоритетом, усилив поддержку силам сопротивления во главе со Свободной сирийской армией (Yüksel 2019: 6–10).

Что касается США, в 2013 г. в интервью телекомпании CNN Б. Обама четко указал, что конфликт в Сирии затрагивает ключевые интересы США, в частности, сферы нераспространения оружия массового поражения, безопасности союзников и защиты американских баз в регионе⁴. Однако Б. Обама не спешил проводить военную операцию в Сирии, осознавая, что силовое решение конфликта не пользуется поддержкой большинства американской общественности и Конгресса (Шумилин 2015: 318).

США и ведущие страны Евросоюза сразу объявили режим Асада нелегитимным, признали политическое крыло оппозиции законным представителем сирийского народа и развернули давление на Дамаск через ООН и другие международные площадки. Лига арабских государств (ЛАГ) приняла беспрецедентное в своей истории решение о приостановке членства Сирии в этой организации. На тот момент цель свержения режима по ливийскому сценарию была объединяющим началом в сформировавшейся антиасадовской коалиции⁵.

Прямое вмешательство США в регион было обусловлено тем, что в июне 2014 г. ИГ провозгласило создание халифата на территории Сирии и Ирака (Федорченко, Крылов 2015: 213). Для поддержки иракских сухопутных сил в сентябре 2014 г. коалиция из 60 государств под руководством США нанесла воздушные удары по позициям и инфраструктуре ИГ⁶. Тем не менее одной из важнейших целей Соединённых Штатов было смещение Асада путём оказания помощи сирийским оппозиционным группировкам, в результате чего борьба с ИГ не была

² Маркедонов С. 2016. Российско-турецкие отношения и проблемы безопасности Кавказского региона. Россия в глобальной политике. 30.05. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossijsko-tureczkie-otnosheniya-i-problemy-bezopasnosti-kavkazskogo-regiona/> (дата обращения: 05.12.2025)

³ Brooker P.S. 2015. Russia vs. Turkey: Competition for Influence. 12.12. *ValueWalk*. URL: <http://www.valuwalk.com/2015/12/russia-vs-turkey-competition-for-influence/> (accessed 05.12.2025)

⁴ Silverleib A. 2013. Exclusive: Obama Tells CNN Key Decisions Nearing on Syria, Egypt, 23.08. *CNN*. URL: <https://edition.cnn.com/2013/08/23/politics/obama-cnn-new-day-interview/index.html> (accessed 05.12.2025)

⁵ Аксёненко А. 2019. Сирийский кризис: тернистое движение от войны к миру. *Россия в глобальной политике*. 27.08. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sirijskij-krizis-ternistoe-dvizhenie-ot-vojny-k-miru/> (дата обращения: 05.12.2025)

Joint statement issued by partners at the Counter-ISIL Coalition Meeting. December 3, 2014.

⁶ U.S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/12/234627.htm> (accessed 05.12.2025)

эффективной. Достаточно отметить, что в течение первого года деятельности Международной коалиции «Исламское государство» не только не было уничтожено, но, напротив, расширило сферу своего влияния, особенно в Ираке, где силы ИГИЛ захватили второй по величине город Мосул (Долгов 2020: 125).

Иран считал, что сирийский конфликт был спровоцирован Западом и придерживался крайне резкой позиции относительно этого вмешательства. С геополитической и религиозной точки зрения свержение сирийского режима было для Ирана серьёзным вызовом. Неслучайно официальный Тегеран выразил безоговорочную поддержку сирийской власти, предоставив Б. Асаду широкую военную и финансовую помощь (Иванов 2018: 17; Juneau 2018: 31). В рамках операций вооружённых сил России в Сирии Иран координировал усилия с Россией, что привело к фактическому разгрому ИГ и других союзнических ему исламистских радикальных группировок (Богачёва 2020: 75).

Израиль принял официально нейтральную позицию в сирийском конфликте, однако усиление Ирана и «Хезболлы» в регионе заставило власти Израиля в сентябре 2013 г. впервые официально заявить о желательности отставки Б. Асада с поста президента Сирии⁷. Израильское правительство считало размещение иранских войск в Сирии прямой и серьёзнейшей угрозой безопасности Израиля. Поэтому, для предотвращения растущего влияния Ирана и поддерживающих его сил, Израиль перешёл к активным действиям. В частности, с 2017 г. и далее военные действия, ракетные и воздушные удары Израиля были направлены как на сирийские, так и на иранские военные объекты и цели, на позиции «Хезболлы» и других проиранских формирований⁸.

Возвращаясь к развитию сирийского кризиса, отметим, что осенью 2015 г. ситуация в Сирии стала катастрофической, угрожая поражением правительственной армии и захватом Дамаска, что могло привести к потере сирийской государственности (Изиляева 2017: 99). Учитывая тот факт, что ближневосточная политика западных стран привела к фактической потере государственности в ряде арабских стран, хаосу и активизации террористов в регионе, Москва не могла остаться в стороне⁹, в том числе и по причине сохранения террористической угрозы в самой России.

⁷ Keinon H. 2013. Israel wanted Assad gone since start of Syria civil war. 17.09. *The Jerusalem Post*. URL: <https://www.jpost.com/syria-crisis/oren-jerusalem-has-wanted-assad-ousted-since-the-outbreak-of-the-syrian-civil-war-326328> (accessed 05.12.2025)

⁸ Предупреждающее послание: зачем Израиль наносит удары по территории Сирии 2017. *РБК*. 13.01. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/01/2017/5878cc179a7947fac8de3065> (дата обращения: 05.12.2025); СМИ: Израиль нанес удары по аэропортам Дамаска и Алеппо. 2023. *TACC*. 22.10. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19084227> (дата обращения: 05.12.2025)

⁹ Наумкин В.В. 2015. Кризис на Ближнем Востоке: внешнее вмешательство и разгул экстремизма. *Россия в глобальной политике*. 15.07. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/krizis-na-blizhnem-vostoke-vneshnee-vmeshatelstvo-i-razgul-ekstremizma/> (дата обращения: 05.12.2025)

По просьбе официального Дамаска 30 сентября 2015 г. Москва активно вступила в конфликт, задействовав свои военно-воздушные силы¹⁰. Это вызвало недовольство США, Запада и Турции, и ещё больше обострило ситуацию (Torosyan, Arshakyan 2017: 21; Косов 2018: 781). В результате действий России соотношение сил на сирийском фронте изменилось. Правительственными силами Сирии удалось вернуть контроль над провинцией Алеппо и захваченными исламистами другими важными городами (Ахмедов 2018: 138). Эти победы укрепили казавшиеся ранее довольно шаткими позиции президента Асада.

Зимой 2016 г. сирийские правительственные подразделения освободили Алеппо, а затем и Дейр эль-Зор. Президент Асад и вооружённая оппозиция подписали соглашение о перемирии¹¹. 11 декабря 2017 г. во время визита на сирийскую авиабазу «Хмеймим» президент РФ В.В. Путин объявил об окончании военных действий и выводе российских войск из Сирии¹². На постоянной основе в Сирии оставалось две базы: авиабаза «Хмеймим» и пункт материально-технического обеспечения военно-морских сил РФ в Тартусе¹³. К 2018 г. сирийская правительственная армия освободила большую часть территории страны от радикальных исламистских группировок (Долгов 2023: 60).

Таким образом, при поддержке российских и иранских сил сирийская армия достигла ощутимых успехов, что способствовало инициированию переговоров по урегулированию ситуации в Сирии. Долгие переговоры о нормализации конфликта между сирийской властью и оппозицией, проходившие под эгидой ООН в Женеве, так и не дали ощутимых результатов (Степанова 2023: 93–100). Женевский формат провалился, поскольку между вовлечёнными в процесс сторонами имелись серьёзные противоречия, связанные с разным видением и подходами к разрешению противостояния.

Женевский формат урегулирования сирийского конфликта не устраивал Россию, Турцию и Иран, что привело к задействованию нового переговорного формата. Рассматривая Астану в качестве площадки, комплементарной Женевскому процессу, Россия, Турция и Иран, а также ООН выразили надежду, что Астанинский процесс продолжит служить разрешению сирийского конфликта¹⁴. Начиная с января 2017 г. Астанинский процесс играл действенную роль в вопросе сирийского урегулирования (Хлопов 2019: 25). Параллельно

¹⁰ Совет Федерации разрешил использование российских войск в Сирии. 2015. *Лента*. 30.09. URL: <https://lenta.ru/news/2015/09/30/za/> (дата обращения: 05.12.2025)

¹¹ «Так воюют только русские»: почему Россия победила в Сирии. 2020. *РИА Новости*. 30.09. URL: <https://ria.ru/20200930/siriya-1577943719.html> (дата обращения: 05.12.2025)

¹² Владимир Путин посетил авиабазу «Хмеймим» в Сирии. 2017. *Официальный сайт Президента России*. 11.12. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56351> (дата обращения: 05.12.2025)

¹³ Названы постоянные пункты базирования ВС РФ в Сирии. 2017. *Известия*. 11.12. URL: <https://iz.ru/681593/2017-12-11/v-tartuse-i-khmeimime-sozdadut-na-postoiannoi-osnove-dva-punkta-bazirovaniia> (дата обращения: 05.12.2025)

¹⁴ Aksenyonok A. 2017. Intra-Syrian Reconciliation: Between Astana and Geneva. *Valdai*. 14 November URL: <http://valdaiclub.com/a/highlights/syrian-reconciliation-between-astana-andgeneva/> (accessed 05.12.2025)

Астанинскому процессу президенты России, Турции и Ирана инициировали трёхсторонние встречи в Сочи, Анкаре и Тегеране¹⁵. Важной вехой на пути урегулирования конфликта стало соглашение о прекращении огня, заключённое между сирийской правительственной армией и оппозиционными вооружёнными группировками при посредничестве России, Ирана и Турции. Причём именно благодаря усилиям российской дипломатии удалось урегулировать разногласия между Ираном и Турцией, настаивавшей на том, чтобы после прекращения военных действий с сирийской территории были выведены все проиранские шиитские формирования (Ходынская-Голенищева 2019: 577), в то время как представители Сирии и Ирана заявляли, что этот вопрос может решаться лишь на основе договоренностей между сирийским и иранским руководством.

Ключевое значение в процессе нормализации сирийского конфликта имел российско-турецкий меморандум, подписанный президентами России и Турции в Сочи 22 октября 2019 г.¹⁶. Это был серьёзный успех России. После вывода американских войск из Сирии Россия стала основной военной силой и ведущим политическим актором в сирийском конфликте. Соглашение подтвердило, что Москва в состоянии диктовать свои условия и Турции, и сирийскому правительству (не участвовавшему в переговорах), и курдам (контролировавшим в начале октября треть территории Сирии и пользовавшимся поддержкой США), а также союзнику Ирану.

Одним из важнейших результатов продолжавшихся в последующие годы активных обсуждений послевоенного будущего Сирии была представленная Москвой дорожная карта нормализации отношений между Анкарой и Дамаском¹⁷. Это в очередной подчёркивало важную роль Москвы в процессе миростроительства.

Однако ситуация в Сирии резко изменилась, когда 27 ноября 2024 г. поддерживаемый Турцией альянс сирийских оппозиционных террористических группировок во главе с террористической группировкой «Хайят Тахрир аш-Шам»¹⁸ и другие поддерживаемые Турцией группировки начали наступление на проправительственные силы Сирийской арабской армии в сирийских провинциях Алеппо, Идлиб и Хама¹⁹. Это был первый случай, когда сирийские

¹⁵ Андреева А. 2022. «Покончить с присутствием в Сирии террористов». О чём договорились Путин, Эрдоган и Раиси. *Газета*. 19.07. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/07/19/15153638.shtml> (дата обращения: 05.12.2025)

¹⁶ Hodge N. 2019. Putin and Erdogan just Did a Deal on Syria. The US is the Biggest Loser. *CNN*. 23.10. URL: <https://edition.cnn.com/2019/10/22/middleeast/putin-erdogan-syria-deal-hodge-analysis-intl/index.html> (accessed 05.12.2025); Химши-ашили 2019. П. Путин и Эрдоган договорились по Сирии. *Главное. ПБК*. 22.10. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/10/2019/5daf46a19a7947e2eade81a6> (дата обращения: 05.12.2025)

¹⁷ Питалев И. 2023. Сирия и Турция согласились с концепцией по нормализации отношений. *РИА Новости*. 22.06. URL: <https://ria.ru/20230622/kontseptsiya-1879708648.html> (дата обращения: 05.12.2025)

¹⁸ Признана в России террористической организацией и запрещена.

террористические силы начали военную наступательную кампанию после прекращения огня в Идлибе в марте 2020 г.²⁰.

Новые геополитические реалии

8 декабря 2024 г. в Сирии было свергнуто многолетнее правление Асада, и руководство страной перешло к исламистской группировке «Хайят Тахрир аш-Шам»²¹. Это привело к перераспределению влияния в регионе.

В сирийский процесс были вовлечены международные игроки, которые преследовали разные интересы. Одной из наиболее активных сил, вовлечённых в конфликт, была Турция, которая с 2011 г. поддерживала сирийские оппозиционные силы, борющиеся против власти Асада. Не случайно, что штаб-квартира «Хайят Тахрир аш-Шам» находилась именно в провинции Идлиб, граничащей с Турцией, и пользовалась поддержкой турецкой стороны. В связи с этим успех группировки «Хайят Тахрир аш-Шам» в Анкаре оценивается как победа Турции²². Победа оппозиционеров в Сирии была выгодна Р. Эрдогану и во внутриполитическом плане поскольку в контексте неоосманской идеологии он смог продемонстрировать турецкой общественности достигнутые им успехи²³. Россия, в это время сосредоточенная главным образом на специальной военной операции, не смогла оказать достаточную военную поддержку правительственным силам Асада.

После смены власти в Сирии Россия начала переговоры с Дамаском о будущем российских военных баз в Сирии, имеющих стратегическое значение для России. Министр обороны Сирии Мураф Абу Касрани заявил, что Россия может сохранить свои крупные базы в Тартусе и Хмеймиме на побережье Средиземного моря «до тех пор, пока требования Кремля соответствуют их интересам». В этом контексте следует отметить, что Россия продолжает выступать одним из влиятельных игроков в регионе, о чем также свидетельствует заявление

¹⁹ Davies M., Cooney C. 2024. More Russian strikes as Syrian rebels advance after taking Aleppo. *BBC*. 01.12. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/czr7rkzz2gmo> (accessed 05.12.2025)

²⁰ Kourdi E., Edwards C. 2024. Syrian Rebels Launch Major Attack on Regime Forces in Aleppo Province. *CNN*. 27.11. URL: <https://edition.cnn.com/2024/11/27/middleeast/syria-rebel-attack-aleppo-assad-intl-latam/index.html> (accessed 05.12.2025)

²¹ Radford A. 2024. The Assad Regime Ruled Syria for 50 years. Here's How it Fell in Less Than Two Weeks. *CNN*. 09.12. URL: <https://edition.cnn.com/2024/12/09/middleeast/timeline-syria-assad-regime-toppled-intl/index.html> (accessed 05.12.2025)

²² Ciddi S., Epley S. 2025. Turkey and HTS: A New Era of Extremism in Syria? *Foundation for Defense of Democracies (FDD)*. 15.01. URL: https://www.fdd.org/analysis/op_ed/2025/01/15/turkey-and-hts-a-new-era-of-extremism-in-syria/ (accessed 05.12.2025); Zelin Y.A., Cagaptay S. 2025. A New Age for Turkish Relations with Syria. *The Washington Institute For Near East Policy*. 20.02. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/new-age-turkish-relations-syria> (accessed 05.12.2025)

²³ Çevik S. 2024. Turkey and the Transition to a Post-Assad Regime in Syria. *Arab Center Washington DC*. 20.12. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/turkey-and-the-transition-to-a-post-assad-regime-in-syria/> (accessed 05.12.2025)

госсекретаря США Марко Рубио о том, что Россия остаётся глобальной державой, имеющей влияние в ключевых регионах²⁴. Приход к власти оппозиционных группировок в Сирии привёл к значительному ослаблению позиций Ирана.

Одной из сил, воспользовавшихся этой новой ситуацией, является, Израиль, чьи войска, ввиду хрупкой ситуации в Сирии, нарушили Соглашение о десеграции сил, подписанное в 1974 г., и продвинулись в сторону Голанских высот²⁵, а израильская авиация начала наносить удары по сирийским складам с оружием²⁶.

Влияние сирийского кризиса на идентичность сирийских армян: позиция Республики Армения

Происходящие в Сирии с марта 2011 г. процессы повлияли на этнические и религиозные меньшинства, в том числе на армян, проживавших в основном в северных районах Сирии и оказавшихся в зоне активных боевых действий с самого начала конфликта. Армянская община Сирии одна из самых древних на Ближнем Востоке (Абрамян 1964: 428). Уже в эпоху крестовых походов армяне были здесь крупнейшим христианским меньшинством наряду с ассирийцами и халдеями (арамейцами). Эта община значительно увеличилась за счёт беженцев, выживших при геноциде 1915 г. С эпохи средневековья армяне в Сирии были хорошо самоорганизованы, играли важную роль в экономике и культурном развитии общества. После обретения независимости Сирии они выказывали политическую лояльность и интегрировались в общественно-политическую жизнь страны (Пашаян, Арутюнян 2011: 24–39). Вместе с армянской общиной Ливана (и потерявшими сегодня своё былое значение армянскими общинами Ирака, Иордании и Египта), сирийское армянство является носителем западно-армянского литературного языка и диалектов, уже исчезнувших в восточной части современной Турции. Важно отметить, что этот литературный язык изучается не только в хорошо организованной сети армянских школ в разных городах Сирии и, в целом, Ближнего Востока, но и развивается, оказывая влияние на западно-армянскую культурно-образовательную жизнь в США, Канаде и целом ряде других стран, куда на протяжении десятилетий мигрируют представители сирийской и ливанской армянских общин. Важно также иметь в виду, что на протяжении веков в Сирии функционирует Армянская апостольская

²⁴ Secretary Marco Rubio with Catherine Herridge of Catherine Herridge Reports. 2025. *The official website of the U.S. Department of State*. 20.02. URL: <https://www.state.gov/secretary-marco-rubio-with-catherine-herridge/> (accessed 05.12.2025)

²⁵ Zafra M. 2024. Israel's Move into Golan Heights Demilitarised Zone. *Reuters*. 12.12. URL: <https://www.reuters.com/graphics/SYRIA-SECURITY/MAPS/myymbxdgwpr/#israels-move-into-golan-heights-demilitarised-zone> (accessed 05.12.2025)

²⁶ Nicas J. 2024. Israel, Seeing an Opportunity, Demolishes Syria's Military Assets. *The New York Times*. 10.12. URL: <https://www.nytimes.com/2024/12/10/world/middleeast/israel-strikes-syria.html> (accessed 05.12.2025)

церковь, тесно связанная как с Арменией, так и с Ливаном. До сирийского кризиса в стране функционировали также Армянско-католическая церковь и Армянская евангелическая церковь. Сирийские армяне имеют одного депутата в национальном парламенте. Всё это дало право называть сирийскую армянскую общину «Матерью армянских диаспор», уникальной средой сохранения и развития традиционных национальных институтов и структур (чем она и выделяется на общей палитре современной армянской диаспоры, разбросанной по всему миру). До начала сирийского кризиса (март 2011 г.) сирийская армянская община официально насчитывала около 100 тыс. чел. (по другим данным – более 80 тыс. чел.), большая часть которых проживала в Алеппо (ок. 40–50 тыс.), остальные в Дамаске (ок. 6–7 тыс.), Латакии, Хомсе, Ракке, в провинциях аль-Хасака и Дейр-эль Зор (более 30 тыс. чел.) (Григорян 2020: 117). Заслуживает упоминания тот факт, что армянская община Сирии пользовалась большим уважением в стране, поскольку многие видные армяне сыграли значительную роль в истории Сирии (Самсонян 2014: 497–499; Migliorino 2008: 136).

Сирийская армянская община, которая на протяжении десятилетий сохраняла свою национальную идентичность, не могла остаться безучастной к происходящим в стране с марта 2011 г. внутривластным процессам. С начала кризиса община заявила о своей поддержке правительства Б. Асада, считая сохранение законного правительства залогом безопасности и дальнейшего существования общины²⁷. Подобная линия поведения сирийских армян и массовые шествия в поддержку Б. Асада не ускользнули от внимания сирийских оппозиционных сил, которые, не ограничившись антиармянскими заявлениями, прибегли к направленным против сирийской армянской общины действиям (похищения, вооружённые нападения и т. д.)²⁸.

Как бы то ни было, с середины 2012 г. активизировались военные действия во втором городе Сирии – Алеппо и его пригородах, где была сосредоточена большая часть армянства. Постепенная эскалация сирийского кризиса, расширение военных действий в Алеппо и наличие жертв среди сирийских армян, безусловно, способствовали их оттоку не только из Алеппо, но и из других городов Сирии (армяне стали переселяться не только в Армению, но и в другие страны). С сентября 2012 г. в сирийской армянской общине были созданы отряды самообороны, которые, вооружившись в том числе за свой счёт, приступили к защите армянских кварталов, религиозно-культурных центров и собственного имущества²⁹. В середине 2013 г. ситуация для армян крайне осложнилась и в тех

²⁷ Syria Riots: Syrian-Armenians Support President Bashar al-Assad. 2011. *Panorama*. 28.03. URL: <https://www.panorama.am/en/news/2011/03/28/protests-in-siriya/970888> (accessed 05.12.2025)

²⁸ Armenians among 11 Kidnapped on Route to Aleppo. 2012. *Asbarez*. 30.10. URL: <https://asbarez.com/armenians-among-11-kidnapped-on-route-to-aleppo/> (accessed 05.12.2025)

²⁹ Janbazian R. 2015. Surviving Aleppo: An Interview with Nerses Sarkissian. *The Armenian Weekly*. 09.12. URL: <https://armenianweekly.com/2015/12/09/surviving-aleppo/> (accessed 05.12.2025)

районах Сирии, которые перешли под контроль вооружённых оппозиционных группировок. Известное своей крайней жестокостью ИГИЛ предало огню армянскую католическую церковь в Ракке, водрузив собственный флаг вместо креста на куполе³⁰, а уже в марте 2014 г. установило подушный налог для местного христианского населения³¹. 21 сентября в сирийском Дейр эль-Зоре была взорвана армянская церковь Святых Мучеников, построенная в память жертв геноцида армян³². В этот период город находился под контролем формируемых ИГИЛ. Таким образом, армянской общине Сирии грозила не только потеря национальной идентичности, но и физическое истребление и депортация.

Опасные тенденции для сирийской армянской общины особенно проявились весной 2014 г., когда сирийские оппозиционные группировки пересекли турецко-сирийскую границу на севере провинции Латакия и с нескольких направлений напали на населённый армянами город Кесаб и окрестные села. С начала сирийского кризиса Кесаб стал безопасным пристанищем для армян из других районов Сирии (по разным данным здесь проживало около 2000 армян) (Чолакян 2015: 270–283). В результате нападения 21 марта из Кесаба и окрестных сел в Латакию и близлежащие поселения было эвакуировано около 670 армянских семей³³. В декабре 2016 г. активная вовлечённость российских вооружённых сил в сирийский кризис существенно способствовала освобождению правительственными войсками и шиитскими группировками города Алеппо, что ослабило риск, угрожавший уничтожением армянской общины и потерей её уникальной идентичности. В течение 2017–2020 гг. ситуация в населённых армянами районах оставалась управляемой для сирийских властей. Несмотря на это, в указанный период в некоторых сирийских поселениях наблюдались антиармянские действия, направленные против религиозно-культурных памятников.

В самый тяжёлый период сирийского конфликта, с 2011 по 2018 гг., полностью разрушены и сожжены населённые армянами села и города, в том числе Алеппо, армянонаселённый Кесаб, разграблены, осквернены и сожжены армянские церкви, школы, национальные здания, жилые дома (Авакян 2022: 25; Закарян 2018: 569). Армянство оказалось в центре истребления, в частности, в результате эмиграции, начавшейся из-за войны. Армянская община в стране значительно поредела: из 80 тыс. армян осталось около 10 тыс. (Симаворян, Овян, Веранян 2017: 153).

³⁰ Fisk R. 2013. Nearly a Century after the Armenian Genocide, These People Are still Being Slaughtered in Syria. *The Independent*. 01.12. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/comment/nearly-a-century-after-the-armenian-genocide-these-people-are-still-being-slaughtered-in-syria-8975976.html> (accessed 05.12.2025)

³¹ Радикальные исламисты обложили сирийских христиан данью. 2014. *Лента*. 27.02. URL: <https://lenta.ru/news/2014/02/27/levy/> (дата обращения: 05.12.2025)

³² Musayelian L. Yerevan Condemns 'Armenian Church Bombing' In Syria. 2014. *Azatoryun*. 22.09. URL: <https://www.azatoryun.am/a/26600459.html> (accessed 05.12.2025)

³³ Armenians of Kesab Get to Know That Militants "Settled down" in Their Houses. 2014. *Armenpress*. 25.03. URL: <https://armenpress.am/eng/news/755313.html> (accessed 05.12.2025)

Кризис, начавшийся в Сирии в 2011 г., стал серьёзным вызовом и для Республики Армения, с точки зрения сохранения и углубления масштабов сотрудничества с Дамаском, а также обеспечения защиты армянской общины.

Следует отметить, что исторически сложившиеся крепкие связи Армении с сирийской армянской общиной обусловили важную роль последней в социально-культурной жизни исторической родины. Ещё с первых советских лет сирийские армяне всеми силами старались поддерживать связи с Арменией. Ереванские вузы окончили тысячи представителей сирийского армянства, затем часть из них репатриировалась в Армению. Сирийское армянство оказало значительную помощь Армении после Спитакского землетрясения 1988 г. С обретением независимости сирийские армяне ещё более укрепили связи с Арменией, их отношение было полностью созвучно доверительным двусторонним отношениям Республики Армения и Сирийской Арабской Республики. Сирия традиционно считала бывший СССР, а затем и Россию важнейшей союзницей, а сирийские армяне высоко оценивали союзнические отношения современной Армении и России. Всё это обусловило важность поддержки Арменией всеми возможными силами борьбы сирийских армян за сохранение своей национально-культурной идентичности.

Сирийский кризис поставил официальный Ереван перед трудной задачей выработки сбалансированной позиции. Официальная позиция Армении состояла в том, что сирийский кризис возможно решить путём немедленного прекращения военных действий, диалога со всеми политическими силами Сирии и выработки единой позиции в борьбе против терроризма. В то же время Армения пыталась внести свою лепту в преодоление гуманитарной катастрофы в Сирии, фокусируя внимание также на вопросах обеспечения безопасности сирийских армян.

Исходя из необходимости сохранения и углубления высокого уровня политического сотрудничества с Дамаском, обеспечения безопасности армянской общины, оказания необходимой помощи сирийским армянам и дружественному арабскому народу, президент Армении С. Саргсян принял решение сохранить дипломатические представительства РА в Сирии. Посольство РА в Дамаске и Генеральное консульство в Алеппо продолжили работу в тяжёлых военных условиях, находясь в постоянной контакте с политическим руководством Сирии и структурами диаспоры³⁴. Кроме сохранения дипломатических представительств РА в Сирии Армения пыталась внести свой вклад в усилия, направленные на смягчение гуманитарного кризиса в стране. В частности, начиная с 2014 г. Армения предоставляла систематическую гуманитарную помощь дружественному сирийскому народу. Наиболее активным периодом гуманитарной

³⁴ Овсепян А. 2017. Сирийский конфликт и решение Армении не покидать Сирию. *ИноСМИ*. 12.02. URL: <https://inosmi.ru/20170212/238706953.html> (дата обращения: 05.12.2025)

помощи были 2016–2018 гг. Только в 2016–2017 гг. по поручению президента РА Армения направила в Сирию два самолета с более чем 300 т гуманитарной помощи не только для армянской общины, но также Сирии в целом³⁵. Следует отметить, что Армения всеми силами сохраняла изначально высокий уровень доверительных отношений с Дамаском. Визиты министра иностранных дел Э. Налбандяна (2015 г.), а до него – парламентской делегации в Сирию были символичны с точки зрения выражения позиции Армении и готовности сохранить высокий уровень сотрудничества³⁶.

Добавим, что сирийский кризис стал причиной переселения большого числа сирийских армян в Армению. Число переехавших в Армению в результате войны сирийских армян составляло примерно 22 тыс. чел.³⁷. Армения пыталась способствовать интеграции сирийских армян путём осуществления специальных программ и мероприятий. Часть армян в дальнейшем эмигрировала в другие страны, другая часть – после завершения активной фазы боевых действий – вернулась в Сирию (Алеппо, Кесаб и пр.), что имело важное значение для сохранения национально-культурной идентичности сирийской армянской общины³⁸.

С началом военной операции России в Сирии в 2015 г. Армения официально поддержала позицию Москвы по сирийскому вопросу. В частности, 10 марта 2016 г. президент Армении заявил: «Мы твёрдо поддерживаем позицию России по сирийскому вопросу и, конечно, приветствуем обретённую Вами договорённость с Соединёнными Штатами в отношении прекращения боевых действий. Она может стать ключом политического решения этого вопроса»³⁹.

Смена власти в Армении в 2018 г. не повлияла на официальную позицию РА относительно процесса урегулирования сирийского кризиса и армяно-российского сотрудничества в этом контексте⁴⁰. Более того, после встречи с президентом России В. Путиным в Москве в сентябре 2018 г. премьер-министр Армении Н. Пашинян заявил, что Армения и Россия скоро осуществят совместную гуманитарную операцию в Сирии⁴¹. По решению армянских властей в сирийский

³⁵ В Алеппо доставили гуманитарную помощь из Армении. 2016. *РИА Новости*. 08.10. URL: <https://ria.ru/20161008/1478800093.html> (дата обращения: 05.12.2025); Армения отправила в Сирию очередную партию гуманитарного груза. 2017. *Голос Армении*. 20.02. URL: <https://www.golosarmenii.am/article/50123/armeniya-otpravila-v-siriyu-ocherednuyu-partiyu-gumanitarnogo-gruza> (дата обращения: 05.12.2025)

³⁶ Эдвард Налбандян посетил Сирию. 2015. *Официальный сайт МИД Республики Армения*. 27.05. URL: <https://www.mfa.am/ru/press-releases/2015/05/27/min-syr/5280> (дата обращения: 05.12.2025)

³⁷ Овян В. 2019. Проблемы сирийских армян в Армении. *Orbeli Analytical Research*. 10.07. URL: <https://orbeli.am/hy/post/246/2019-07-10/> (дата обращения: 05.12.2025)

³⁸ Там же.

³⁹ Армения твёрдо поддерживает позицию России по сирийскому вопросу: президент. 2016. *Арменпресс*. 10.03. URL: <https://armenpress.am/rus/news/838934/armenia-continues-to-assist-russia-on-syrian-issue-armenia-president.html> (дата обращения: 05.12.2025)

⁴⁰ Глава МИД представил позицию Армении по сирийскому кризису. 2020. *Арменпресс*. 04.03. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1007316> (дата обращения: 05.12.2025)

⁴¹ Бабалян А. Армения и Россия будут осуществлять совместную гуманитарную программу в Сирии – Пашинян. 2018. *Azatutyun*. 09.09. URL: <https://rus.azatutyun.am/a/29479658.html> (дата обращения: 05.12.2025)

город Алеппо была направлена гуманитарная миссия в составе 83 чел., состоящая из армянских сапёров, врачей и специалистов, непосредственно обеспечивающих их безопасность⁴².

Следует отметить, что в общей сложности на данный момент в ГНКО «Центр гуманитарного разминирования и экспертизы Республики Армения», успешно действующем в Сирии с 2019 г. по сей день и предоставляющим сапёрные и медицинские услуги, поменялось девять смен. Персонал гуманитарной миссии расквартирован в приспособленном для пребывания здании одной из школ относительно безопасного района Алеппо Майсалун. Работы по разминированию осуществлялись в свободных от боевых действий пригородах Алеппо в координации с российским военным персоналом. На данный момент специалисты гуманитарной миссии разминировали в провинции Алеппо более 1 200 000 кв. м заминированной территории, обезвредили около 580 самодельных и заводских взрывоопасных материалов, а медицинская группа, работающая в пяти больницах Алеппо, оказала медпомощь более чем 50 тыс. жителям провинции⁴³. Армения сразу же откликнулась на разрушительное землетрясение в Сирии 6 февраля 2023 г., направив три партии гуманитарного груза в пострадавшие от землетрясения районы⁴⁴. Не остался безучастным и всеармянский фонд «Армения», выделивший 140 тыс. долл. США 15 армянским образовательным учреждениям, действующим в Алеппо, Дамаске, Латакии и Кесабе⁴⁵.

Очевидно, что сирийская армянская община, хоть и ставшая малочисленной, сыграла и продолжает играть конструктивную роль в армяно-сирийских отношениях. Об этом говорят встречи руководителей и высокопоставленных официальных лиц Армении и Сирии последних лет, на которых специально подчёркивалась особая роль сирийской армянской общины в деле развития армяно-сирийского сотрудничества⁴⁶.

Смена власти в Сирии изначально вызвала тревогу в сирийской армянской общине, а также других христианских общинах Сирии. 16 декабря 2024 г. представители нового сирийского правительства встретились с представителями

⁴² Ереван представил подробности отправки в Сирию военных специалистов. 2019. *Регнум*. 10.02. URL: <https://regnum.ru/news/2569608> (дата обращения: 05.12.2025)

⁴³ Выступление Чрезвычайного и Полномочного Посла РА в Сирии от 23 ноября 2022 г., на конференции Института востоковедения НАН РА «Армяно-сирийские отношения: исторические связи, текущие процессы и перспективы (на армянском).

⁴⁴ Армения отправила в Сирию третью партию гуманитарной помощи весом в 32 т. 2023. *Sputnik Армения*, 23.02. URL: <https://am.sputniknews.ru/20230223/armeniya-otpravila-v-siriyu-tretyu-partiyu-gumanitarnoy-pomoschi-vesom-v-32-tonny-55795478.html> (дата обращения: 05.12.2025)

⁴⁵ Всеармянский фонд «Айастан» оказывает срочную гуманитарную помощь армянской общине Сирии. 2023. *Арменпресс*. 09.02. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1103803> (дата обращения: 05.12.2025)

⁴⁶ Встреча министра иностранных дел Армении и президента Сирии. *Официальный сайт МИД Республики Армения*. 23.02. URL: https://www.mfa.am/ru/press-releases/2023/02/23/mirzoyan_asad/11884 (дата обращения: 05.12.2025); Проблемы Армении нам не чужды, и мы поддерживаем Армению в преодолении вызовов: президент Сирии. 2023. *Арменпресс*. 15.11. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1124229> (дата обращения: 05.12.2025)

местной христианской и армянской общин. Они заявили, что уважают религиозные общины христиан, считая необходимым постепенно перезапускать механизмы сотрудничества⁴⁷.

Армения, учитывая традиции армяно-сирийских отношений, а также проблемы армянской общины Сирии, установила официальные контакты с новыми властями Сирии. Об этом 8 января 2025 г. на встрече с журналистами заявил министр иностранных дел Армении Арарат Мирзоян. 27 января заместитель министра иностранных дел Армении Ваан Костанян на встрече в Дамаске с министром иностранных дел Сирии Асадом Аль-Шайбани обсудил возможности оказания Арменией помощи Сирии, в частности, в контексте реформ и послевоенного восстановления, проводимых в социально-экономической, гуманитарной и культурно-образовательной сферах⁴⁸.

Заключение

Достижение мира в Сирии имело принципиальное значение для России, которая показала миру, что является одной из ведущих мировых держав. В сфере дипломатии Россия расширила своё партнерство с Ираном, превратила напряжённое противостояние с Турцией в активно развивающиеся отношения и стала важным актором в регионе. Россия продолжает выступать одним из наиболее влиятельных игроков в регионе и одним из основных участников урегулирования существующих конфликтов на Ближнем Востоке.

Сирийский кризис оказал влияние на ближневосточные региональные и внерегиональные процессы, вымостив путь для новых тенденций, активного вовлечения множества акторов в процессы, происходящие на Ближнем Востоке. Турция, Иран и Израиль (как региональные центры силы) активно продвигали здесь свои интересы. Турция (на первом этапе) и Израиль поддерживали в Сирии вооружённые оппозиционные силы, в то время как Иран полностью поддерживал власть Б. Асада. После прихода власти в Сирии протурецкой силы «Хайят Тахрир аш-Шам» влияние Анкары в стране значительно возросло. Доминирование Турции в Сирии означает существенное изменение региональной структуры. Именно поэтому Р. Эрдоган заявляет, что в настоящее время Турция переписывает историю человечества.

Сирийский кризис негативно сказался на сирийской армянской общине. Развернувшиеся в Сирии военные действия серьёзным образом повлияли на оказавшихся в зоне активных боевых действий армян, неся с собой угрозу для сохранения армянской идентичности и общины в целом.

⁴⁷ Syria's New Leaders Reassure Armenian Community to 'Not Live in Fear'. 2024. *Asbarez*. 16.12. URL: <https://asbarez.com/syrias-new-leaders-reassure-armenian-community-to-not-live-in-fear/> (accessed 05.12.2025)

⁴⁸ Встреча заместителя министра иностранных дел Республики Армения с министром иностранных дел Сирийской Арабской Республики. 2025. *Официальный сайт МИД Республики Армения*. 27.01. URL: https://www.mfa.am/ru/press-releases/2025/01/27/kostanyan_syria/13054 (дата обращения: 05.12.2025)

Прошедшие годы подтвердили корректность позиции Республики Армения по сирийскому противостоянию. Стороны конфликта в итоге склонились к тому, что сирийский кризис возможно решить в результате немедленного прекращения боевых действий, диалога со всеми политическими силами Сирии и совместной борьбы с терроризмом.

Деятельность армянской гуманитарной миссии имела важное значение для сирийских властей, сирийского общества и сирийских армян, поскольку её функции не ограничивались работами по разминированию и оказанию медицинской помощи населению, а включали осуществление других задач гуманитарного характера, в частности, раздачу лекарств, помощь детским садам и домам престарелых, распределение помощи общинным структурам и армянским фондам, тесное сотрудничество с различными международными организациями и работы иного порядка, что способствовало и нейтрализации угрожающих армянской идентичности факторов.

Любое предметное армянское присутствие в сирийском кризисе (в том числе в виде оказания гуманитарной помощи) не только повышало авторитет Армении в регионе, но и предоставляло возможность участвовать в восстановлении Сирии после завершения противостояния и установления мира.

Приход протурецких сил к власти в Сирии не оказал негативного влияния на жизнь сирийской армянской общины, хотя в связи с этим и возникали существенные опасения. Развитие дипломатических контактов, интерес, поддержка со стороны Арменией по отношению к Сирии во многом являются инвестициями в исторические связи, а также в новую региональную архитектуру.

Об авторах:

Григор Михайлович Аршакян – доктор политических наук, доцент ГУ им. В. Брюсова, старший научный сотрудник Института истории НАН Республики Армения. 0019, Армения, г. Ереван, проспект Маршала Баграмяна д. 24/4. E-mail: garshakyan@mail.ru

Арам Виленович Сафарян – кандидат филологических наук, доцент, Директор Центра российских исследований факультета международных отношений Ереванского государственного университета (ЕГУ). 0025, Армения, г. Ереван, ул. Алека Манукяна д. 1. E-mail: aramsafaryan@yahoo.com

Сурен Рубикович Аветисян – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории НАН Республики Армения. 0019, Армения, г. Ереван, проспект Маршала Баграмяна д. 24/4. E-mail: avetisiansuren40@gmail.com.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327.56:314.745

Received: July 7, 2025

Accepted: November 3, 2025

Impact of the Syrian Crisis on the Local Armenian Community

 G.M. Arshakyan¹, A.V. Safaryan², S.R. Avetisyan¹
[DOI 10.24833/2071-8160-2025-6-105-23-43](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-6-105-23-43)

¹ Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia

² Centre for Russian Studies, Faculty of International Relations, Yerevan State University

Abstract: This article examines the impact of the Syrian crisis on the Syrian Armenian community against the backdrop of the shifting power configuration in the Middle East. The Syrian conflict is conceptualised as a proxy war involving major external and regional actors (Russia, the United States, Türkiye, Iran, and Israel) and competing approaches to conflict management. Particular emphasis is placed on the turning point associated with Russia's military intervention in autumn 2015, which altered the battlefield balance and contributed to the emergence of negotiation tracks, including the Astana process, as well as to the subsequent stabilisation of large parts of Syria.

The study focuses on Syrian Armenians as one of the region's oldest and most institutionally developed communities, suddenly drawn into areas of intense fighting. Using a systemic approach combined with constructivist sensitivity to ethnic identity, the article analyses how violence, displacement, and targeted attacks affected community structures, demography, and the prospects for preserving Armenian identity. It argues that the war resulted in severe demographic decline—reported as a reduction from roughly 80,000 to about 10,000 Armenians in Syria—alongside the destruction of communal infrastructure and heightened threats to physical security.

A central part of the analysis concerns Armenia's policy response: maintaining diplomatic presence in Syria, supporting humanitarian relief, and coordinating with the Russian Federation. The article documents key quantitative indicators, including the relocation of approximately 22,000 Syrian Armenians to Armenia, the delivery of over 300 tons of humanitarian aid in 2016–2017, and the work of Armenia's humanitarian mission in Aleppo since 2019 (nine rotations; more than 1.2 million sq. m demined; around 580 explosive devices neutralised; medical assistance provided to over 50,000 residents).

Finally, the article addresses the “new geopolitical realities” following the change of power in Syria in December 2024 and Armenia's establishment of official contacts with the new authorities in 2025. The findings suggest that Armenia's diplomatic posture and the operational humanitarian track – implemented in coordination with Russia – functioned as an important mechanism for mitigating humanitarian risks and sustaining minimum conditions for the community's continued existence and identity preservation.

Keywords: Middle East, Syrian conflict, Russia, USA, Turkey, Iran, geopolitical rivalry, Armenia, Armenian community, identity

About the authors:

Grigor M. Arshakyan – Doctor of Political Science, Associate Professor, V. Bryusov State University; Senior Research Fellow, Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. 24/4 Marshal Baghramyan Ave., Yerevan 0019, Armenia.
E-mail: garshakyan@mail.ru

Aram V. Safaryan – Candidate of Philological Sciences (PhD), Associate Professor, Director of the Centre for Russian Studies, Faculty of International Relations, Yerevan State University (YSU). 1 Alek Manukyan St., Yerevan 0025, Armenia.
E-mail: aramsafaryan@yahoo.com

Suren R. Avetisyan – Candidate of Historical Sciences (PhD), Associate Professor; Senior Research Fellow, Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. 24/4 Marshal Baghramyan Ave., Yerevan 0019, Armenia.
E-mail: avetisyansuren40@gmail.com

Conflicts of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

References:

- Juneau T. 2018. Iran's Costly Intervention in Syria: A Pyrrhic Victory. *Mediterranean Politics*. 1(25). P. 26–44.
- Migliorino N. 2008. *(Re)constructing Armenia in Lebanon and Syria*. New York: Berghahn Books. 243 p.
- Stern J., Berger J.M. 2015. *ISIS: The State of Terror*. New York: Harper Collins Publishers. 398p.
- Torosyan T., Arshakyan G. 2017. New World Order: Regional Developments. Geopolitical Aspect of Russian-Turkish Relations: Rivalry or Cooperation? *Armenian Journal of Political Science*. 1(6). P. 5–28.
- Yüksel E. 2019. Strategies of Turkish Proxy Warfare in Northern Syria Back with a Vengeance. *CRU Policy Brief*. Netherlands Institute of International Relations Clingendael, November. P. 1–24.
- Akhmedov V.M. 2018. *Siriiskoe vosstanie: istoriia, politika, ideologiia* [The Syrian Uprising: History, Politics, Ideology]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN. 196 p. (in Russian)
- Arshakian G.M., Safarian A.V. 2023. K voprosu o kharaktere i dinamike razvitiia rossiiskoturetskikh otnoshenii v postsovetiskii period [On the Nature and Dynamics of Russian-Turkish Relations in the Post-Soviet Period]. *Rossiia i mir: nauchnyi dialog*. 1(7). P. 40–53, DOI: 10.53658/RW2023-3-1(7)-40-53 (In Russian)
- Bagdasarian S., Petrova S. 2018. Geopoliticheskie pozitsii Rossii i SShA v siriiskom konflikte [Geopolitical Positions of Russia and the United States in the Syrian Conflict]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*. №2. P. 110–115. DOI: 10.22394/2079-1690-2018-1-2-110-115 (In Russian)
- Bogacheva A.S. 2020. Politika Irana v Sirii [Iran's Policy in Syria]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*. №1. P. 74–80. DOI: 10.20542/afj-2020-1-74-80 (In Russian)
- Dolgov B.V. 2020. Siriiskii krizis na novom etape: 2017–2019 [The Syrian Crisis at a New Stage: 2017–2019]. *Aktual'nye Problemy Evropy*. 2(106). P. 122–144. DOI: 10.31249/ape/2020.02.05 (In Russian)
- Dolgov B.V. 2023. Siriiskii opyt sotsial'nogo razvitiia [The Syrian Experience of Social Development]. *Blizhnii i Postsovetiskii Vostok*. 2(2). P. 42–65. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.03 (In Russian)

Fedorchenko A.V., Krylov A.V. 2015 Fenomen «islamskogo gosudarstva» [The Phenomenon of 'Islamic State']. *MGIMO Review of International Relations*. 2(41). P. 211–220. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-2-41-211-220 (In Russian)

Grishin V.I., Grishina O.A., Iablochkina I.V., Koshkin A.P., Gusher A.I., Manoilov A.V., Bocharnikov I.V. 2015. *Siriiskii geopoliticheskiy izlom. Rol' Rossii v neutralizatsii terroristicheskoi ugrozy IG* [The Syrian Geopolitical Breakdown. Russia's Role in Neutralising the Terrorist Threat of IS]. Ed. by A.P. Koshkin, Vyp. 4, Moscow: FGBOU VO «REU im. G. V. Plekhanova». 68 p. (In Russian)

Ivanov S.M. 2018. Rol' i znachenie vneshnikh sil v siriiskom krizise [The Role and Significance of External Forces in the Syrian Crisis]. *Diplomaticheskaya sluzhba*. №4. P. 15–21. (In Russian)

Iziliaeva L.O. 2017. Osobennosti realizatsii vneshnepoliticheskogo kursa Rossii v Sirii na sovremennoy etape [Features of the Implementation of Russia's Foreign Policy in Syria at the Present Stage]. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal*. № 3. P. 97–102. (In Russian)

Khlopov A.O. 2019. Initsiativy i rol' Rossii v uregulirovani siriiskogo konflikta [Russia's Initiatives and Role in Resolving the Syrian Conflict]. *Aktual'nye problemy sovremennosti: Nauka i obshchestvo*. №3. P. 23–30. (In Russian)

Khodyn'skaya-Golenishcheva M.C. 2019. *Siriia: Trudnyi put' ot voyny k miru* [Syria: The Difficult Path from War to Peace]. Moscow: Abris. 720 p. (in Russian)

Kosov A.P. 2018. Siriiskii faktor v rossiisko amerikanskikh otnosheniakh (2011–2018 gg.) [The Syrian Factor in Russian-American Relations (2011–2018)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye Otnosheniia*. 4(18). P. 775–789. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-775-789 (In Russian)

Shumilin A.I. 2015. *Politika SShA na Blizhnem Vostoke v kontekste «arabskoi vesny»* [US Policy in the Middle East in the Context of the Arab Spring]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 336 p. (In Russian)

Stepanova E.A. 2023. *Mezhd u voynoi i mirom: mirnye protsessy i vooruzhennoe nasilie* [Between War and Peace: Peace Processes and Armed Violence]. Moscow: IMEMO RAN. 198 p. (In Russian)

Zviagel'skaya I.D. 2014. *Blizhnnevostochnyi klinch: Konflikty na Blizhnem Vostoke i politika Rossii* [The Middle East Stalemate: Conflicts in the Middle East and Russian Policy]. Moscow: Aspekt Press. 208 p. (In Russian)

Abramian A. 1964. *Hamarot urvagits hay gaghtavayrerer patmutyan* [A Brief History of Armenian Colonies]. Vol. 1. Yerevan. 484 p. (In Armenian)

Avakian K. 2022. *Siriayi Hay hamaynqi krats mardkayin ev nyutakan vnasnery (2012–2018 gg.)* [Human and Material Losses Suffered by the Armenian Community of Syria (2012–2018)]. *Vestnik obshchestvennykh nauk*. №1. P. 12–29. (In Armenian)

Cholakian A. 2015. *Arevmtyan Hayastani ev Kilikoy Yushamatyanner* [Memories of Western Armenia and Cilicia]. Kesab, Antilias. 1384 p. (In Armenian)

Grigorian S. 2020. *Siriakan hakamartutyuny 2011–2020 tt* [The Syrian conflict 2011–2020]. Yerevan. 216 p. (In Armenian)

Pashaian A., Arutiunian L. 2011. *Siriayi hay hamaynqi. Ardi himnakhndirner* [The Syrian Armenian Community. Current Issues]. Institut vostokovedeniia NAN RA. Yerevan. 154 p. (In Armenian)

Samsonian A. 2014. Siriayi ev Libanani banakneri hay razmakan gortsichnery [Armenian Military Figures in Syria and Lebanon]. *Blizhnii Vostok. Istoriia, politika, kul'tura*, IX–X. P. 492–502. (In Armenian)

Simavorian A., Ovian V., Veranian K. 2017. *Israeli, Irani, Turkiayi, Adrbejani qaghqakanutyuny spyurqi nkatmamb* [The Policies of Israel, Iran, Turkey, and Azerbaijan Toward the Diaspora]. Yerevan. 274 p. (In Armenian)

Zakarian F. 2018. *Siriayi hay hamaynqi het taruogh ashkhatanqnere (2008–2015). Surio hayere Gitazhoghvi nyuter (24-27 mais 2015 t.)* [Work Carried out with the Armenian Community in Syria. (2008–2015). Armenians of Syria. Conference proceedings (24–27 May 2015)]. A. Dakessian khmb., Beirut. 720 p. (In Armenian)

Список литературы на русском языке:

Аршакян Г.М., Сафарян А.В. 2023. К вопросу о характере и динамике развития российско-турецких отношений в постсоветский период. *Россия и мир: научный диалог*. 1(7). С. 40–53. DOI: 10.53658/RW2023-3-1(7)-40-53

Ахмедов В.М. 2018. *Сирийское восстание: история, политика, идеология*. Москва: Институт востоковедения РАН. 196 с.

Багдасарян С., Петрова С. 2018. Геополитические позиции России и США в сирийском конфликте. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. №2. С. 110–115. DOI: 10.22394/2079-1690-2018-1-2-110-115

Богачёва А.С. 2020. Политика Ирана в Сирии. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. №1. С. 74–80. DOI: 10.20542/afj-2020-1-74-80

Гришин В.И., Гришина О.А., Яблочкина И.В., Кошкин А.П., Гушер А.И., Манойло А.В., Бочарников И.В. 2015. *Сирийский геополитический излом. Роль России в нейтрализации террористической угрозы ИГ*. Под ред. А.П. Кошкина, Вып. 4, Москва: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова». 68 с.

Долгов Б.В. 2020. Сирийский кризис на новом этапе: 2017–2019. *Актуальные Проблемы Европы*. 2(106). С. 122–144. DOI: 10.31249/ape/2020.02.05

Долгов Б.В. 2023. Сирийский опыт социального развития. *Ближний и Постсоветский Восток*. 2(2). С. 42–65. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.03

Звягельская И.Д. 2014. *Ближневосточный клинч: Конфликты на Ближнем Востоке и политика России*. Москва: Аспект Пресс. 208 с.

Иванов С.М. 2018. Роль и значение внешних сил в сирийском кризисе. *Дипломатическая служба*. №4. С. 15–21.

Изиляева Л.О. 2017. Особенности реализации внешнеполитического курса России в Сирии на современном этапе. *Экономика и управление: научно-практический журнал*. №3. С. 97–102.

Косов А.П. 2018. Сирийский фактор в российско американских отношениях (2011–2018 гг.). *Вестник РУДН. Серия: Международные Отношения*. 4(18). С. 775–789. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-775-789

Степанова Е.А. 2023. *Между войной и миром: мирные процессы и вооруженное насилие*. Москва: ИМЭМО РАН. 198 с.

Федорченко А.В., Крылов А.В. 2015. Феномен «исламского государства». *Вестник МГИМО-Университета*. 2(41). С. 211–220. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-2-41-211-220

Хлопов А.О. 2019. Инициативы и роль России в урегулировании сирийского конфликта. *Актуальные проблемы современности: Наука и общество*. №3. С. 23–30.

Ходынская-Голенищева М.С. 2019. *Сирия: Трудный путь от войны к миру*. Москва: Абрис. 720 с.

Шумилин А.И. 2015. *Политика США на Ближнем Востоке в контексте «арабской весны»*. Москва: Международные отношения. 336 с.

«Мит-Гамр»: история и механизмы функционирования первого в мире исламского банка

Р.И. Беккин

Институт Африки РАН

В статье рассматривается история создания и функционирования первого в мире исламского банка – Местных сберегательных касс (более известного как банк «Мит-Гамр»). «Мит-Гамр» интересен не только тем, что в его операциях впервые в банковской практике использовались исламские методы финансирования, но и тем, что это было первое социально ориентированное микрофинансовое учреждение, которое за двадцать лет до известного Грамин банка в Бангладеш реализовало идею банка для бедных. Первое отделение Местных сберегательных касс было создано в египетском городке Мит-Гамр в июле 1963 г. Идеологом и руководителем проекта был молодой экономист и бизнесмен Ахмад ан-Наггар (1932–1996), изучавший ранее опыт сберегательных банков в Западной Германии. Создание отделения в Мит-Гамре означало не просто важный этап в развитии финансовых услуг в странах третьего мира, а настоящую революцию в банковском деле. «Мит-Гамр» представлял собой уникальное сочетание беспроцентного финансирования с социально направленной инвестиционной политикой, учитывающей культурные коды клиентов. Пионерская роль ан-Наггара состояла в том, что он не только нашёл эффективные экономические инструменты для реализации идеи беспроцентного финансирования, но и сумел экономически обосновать её, объяснив выгоду как для государства, так и для клиентов. Особое внимание в статье уделено вопросу, насколько справедливо считать «Мит-Гамр» исламским банком, поскольку по ряду ключевых признаков он отличается от современных исламских банков как в мусульманских, так и немусульманских странах. Автор полагает, что современные исламские банки – это лишь один из этапов развития исламских финансов, и в дальнейшем этот финансовый институт эволюционирует. Автор делает вывод, что опыт Местных сберегательных касс важен и актуален для современных финансовых учреждений, работающих как на процентной, так и беспроцентной основе.

Ключевые слова: «Мит-Гамр», Местные сберегательные кассы, Ахмад ан-Наггар, исламский банк, микрофинансирование, сберегательный банк

УДК 339.9, 336.71

Поступила в редакцию: 16.10.2025

Принята к публикации: 02.12.2025

В 2006 г. экономист и предприниматель из Бангладеш Мухаммад Юнус и созданный им в 1983 г. Грамин банк получили Нобелевскую премию мира «за усилия по созданию основ для экономического и социального развития». Юнус получил всемирную известность как человек, который внёс существенный вклад в борьбу с бедностью при помощи созданной им системы микрокредитования. Клиентами Грамин банка и созданных по его образцу финансовых учреждений в других странах и регионах были малообеспеченные слои населения, преимущественно – женщины.

В своих книгах Юнус указывает, что именно он первым пришёл к мысли о создании социально ответственного микрофинансового бизнеса (Юнус 2019: 34). Однако за двадцать лет до того, как начал работу Грамин банк¹, в небольшом городке Мит-Гамр в дельте Нила в Египте появилось отделение Местных сберегательных касс, представлявшее собой первое в мире социально ориентированное микрофинансовое учреждение. В литературе этот проект более известен как сберегательный банк «Мит-Гамр»².

К сожалению, об этом банке не так много информации. История его была недолгой: он работал меньше четырёх лет. Между тем значение его для развития этических финансов сложно переоценить. Это был поистине инновационный проект, в котором решение социальных проблем (борьба с бедностью, безработицей и др.) сочеталось с использованием исламских методов финансирования. Среди исследователей существует консенсус, что «Мит-Гамр» является первым в истории исламским банком³.

Исламские банки стали важным явлением мировых финансов за последние полвека⁴. Основными отличительными чертами исламских банков принято считать использование ими беспроцентных методов финансирования и этический характер их деятельности (Euromoney Encyclopedia 2021: 216). В то же время,

¹ В 1976 г. Мухаммед Юнус стал реализовывать принципы микрокредитования на базе Janata Bank. Biography of Nobel Laureate Dr. Muhammad Yunus. *Grameen Bank*. URL: <https://grameenbank.org.bd/about/founder> (accessed 05.12.2025).

² В литературе встречается несколько вариантов названия этого финансового учреждения: «Мит-Гамр», «Сберегательный банк Мит-Гамр», «Социальный банк» и др. (подробнее об этом см.: Orhan 2018: 91). Основатель банка Ахмад ан-Наггар пишет, что проект назывался «Местные сберегательные кассы» (Бунук ал-адхар ал-махалийя). «Мит-Гамром» же называлась первая сберегательная касса, работавшая на непроцентной (беспроцентной) основе в одноименном городе (ан-Наггар 1993: 70). Иными словами, «Мит-Гамр» фактически представлял собой первое отделение Местных сберегательных касс. В данной статье, за исключением особо оговорённых случаев, мы будем употреблять названия Местных сберегательных касс и «Мит-Гамр» в качестве синонимов.

³ Некоторые авторы, в частности, М. О'Салливан, отмечают, что опыт этого кредитного учреждения чрезмерно переоценён исследователями. О'Салливан подвергает сомнению исламский характер деятельности «Мит-Гамра». Главный аргумент, который он приводит: в названии банка не содержалось слова «исламский» (O'Sullivan 2020: 261).

⁴ В 2023 г. совокупный объём исламских финансовых активов вырос на 11% по сравнению с 2022 г. и составил 4,9 трлн долл. США. Общее количество исламских финансовых институтов в мире достигло в 2023 г. 1981 (ICD – LSEG Islamic Finance Development Report 2024: From Niche to Norm. URL: https://icd-ps.org/uploads/files/Islamic%20Finance%20Development%20Report%2020241746698945_8205.pdf (accessed 05.12.2025).

критики исламских банков отмечают, что, соблюдая формально требования шариата к финансовым сделкам, они нацелены на максимизацию прибыли и игнорируют социальные задачи, являющиеся необходимым условием этически ориентированного бизнеса (Kuran 2010: 14; Dusuki 2007: 29–52; Asutay 2012: 93–113).

Для того чтобы лучше понять миссию и цели исламских банков в современном мире, представляется важным изучение как теоретических аспектов этого явления, так и опыта первых финансовых институтов, использовавших в своей работе соответствующие шариату методы финансирования. Между тем большинство исследований сконцентрировано на анализе текущей практики исламских банков и оценки их успешности с точки зрения финансовых показателей.

История первого в мире исламского банка представляет особый интерес по следующим причинам. Во-первых, изучение пионерского опыта в сфере исламского банкинга поможет проследить, какую эволюцию прошёл этот институт за свою более чем шестидесятилетнюю историю. Во-вторых, история возникновения первого исламского банка лучше поможет понять саму суть этого явления, возникшего в условиях господства «традиционной» (основанной на ссудном проценте) банковской системы. Кроме того, Местные сберегательные кассы («Мит-Гамр») – яркий пример того, как микрофинансовый бизнес вполне может сочетаться с этическими и религиозными императивами и базироваться на культурных кодах.

Банк «Мит-Гамр»: от идеи до воплощения

Несмотря на то, что истории банка «Мит-Гамр» посвящён ряд публикаций (Orhan 2018: 85–102; Orhan, Kavakcı 2024: 127–147; Гарби 2013; Alonso 2015), у исследователей по-прежнему осталось много вопросов, касающихся этого финансового института. Основным источником по истории банка являются книги его основателя – Ахмада ан-Наггара (1932–1996) (ан-Наггар 1972; 1976; 1993; El Naggar 1982).

Выпускник Каирского университета Ахмад ал-Наггар планировал продолжить своё образование в Великобритании. Однако начавшийся в 1956 г. Суэцкий кризис заставил его поменять планы. Ан-Наггар, как и многие египетские студенты, был выслан из страны. Он оказался в Кёльне, где в 1959 г. успешно защитил докторскую диссертацию «Препятствия для прямых иностранных инвестиций в Египет» (Baumeister 2015: 156).

Особенно молодого экономиста заинтересовало то, что сберегательные банки в Западной Германии активно работали с сельским населением, позволяя ему осуществлять сбережения и получать кредитование на приемлемых условиях. Ан-Наггар хорошо знал принципы функционирования сбербанков изнутри, имея опыт работы в одном из старейших из них – Kreissparkasse в Кельне (Schönenbach, Klöwer 2014: 27). Ан-Наггар решил применить полученные им знания на родине. Однако при этом он не хотел механически копировать опыт

немецких сберегательных учреждений, а намеревался адаптировать его к условиям египетской провинции, где население не пользовалось услугами банков не только из-за их недоступности, но также и по религиозным мотивам (Mayer 1985: 37–38). В свою очередь, банки в Египте не желали работать с малоимущими заёмщиками, не имевшими обеспечения⁵. Кроме того, в развитии доступных большинству населения банковских услуг не было заинтересовано египетское правительство. В условиях дефицита значительной части товаров в стране увеличение платёжеспособного спроса за счёт большей доступности кредитов только бы усугубило проблему (Mayer 1985: 33).

Создавая банк, ан-Наггар преследовал сразу несколько целей: обеспечить бедному сельскому и городскому населению доступ к банковским услугам; сформировать у этой категории клиентов привычку к сбережению; предоставить финансовое и организационное содействие желающим открыть свой бизнес. Клиентами банка, по замыслу ан-Наггара должны были стать, в первую очередь, бедные крестьяне, мелкие ремесленники и городской пролетариат⁶.

Таким образом, создание банка «Мит-Гамр» означало не просто важный этап в развитии финансовых услуг в странах третьего мира, а настоящую революцию в банковском деле. Речь шла о создании нового микрофинансового института, деятельность которого, во-первых, имела социальную направленность, и, во-вторых, учитывала культурный код местного населения.

Ан-Наггар не случайно делал акцент на сбережениях. Сформировав у населения привычку к сбережению, он рассчитывал поменять господствовавшую в обществе модель экономического поведения. В авторитарном обществе, где тяжёлые условия жизни не позволяли осуществлять долгосрочное планирование, царил фатализм. Этому фатализму ан-Наггар хотел противопоставить индивидуальную ответственность человека за свою судьбу, когда он мог планировать своё будущее и реализовывать свои планы с помощью продуманной сберегательной стратегии.

При этом, ан-Наггар руководствовался не только социальными идеями, но и религиозными. Как он впоследствии пояснял в одной из своих книг: «Мы всегда осознавали, что наша сосредоточенность на сбережении – это, по сути, метод формирования личности мусульманина» (ан-Наггар 1993: 93).

Политике сбережений мешала не только бедность. Даже в тех случаях, когда люди имели значительный доход, они вынуждены были тратить большие суммы в рамках т. н. показного потребления, поскольку этого требовали традиции египетского общества (например, организация и проведение дорогостоящих свадеб) (Schönenbach 2014: 33).

⁵ Получить финансирование можно было зачастую только дав взятку тому лицу, которое принимало решение о выдаче кредита или посреднику (Schönenbach, Klöwer 2014: 27).

⁶ По факту же основную массу вкладчиков банка составили студенты (например, среди владельцев сберегательных счетов их для достигала 54,5% (ан-Наггар 1993: 92; Orhan, Kavakcı 2024: 95).

Для того чтобы создать сберегательный банк, ан-Наггару пришлось не только заниматься фандрайзингом, но и проводить серьёзную организационно-политическую работу. В своей книге «Исламское банковское движение: подлинная суть и сформировавшиеся мифы» ан-Наггар подробно описывает, сколько усилий ему стоило свести немецких финансистов и египетских чиновников и вызвать и у тех, и у других интерес к проекту сберегательного банка, работающего в соответствии с требованиями шариата (ан-Наггар 1993: 32–42). Для этого ан-Наггару пришлось задействовать свои связи (его родственник был заместителем директора Службы общей разведки Египта), а также постоянно курсировать между Бонном и Каиром, проводя многочасовые встречи с бюрократами и бизнесменами (ан-Наггар 1993: 33).

В условиях тогдашней Объединённой Арабской Республики (так официально назывался Египет с 1958 по 1971 гг.) без положительного решения президента Гамала Абдель Насера реализация этого проекта была бы невозможной. Используя своё обаяние и личные связи, ан-Наггар сумел в итоге получить устное распоряжение Насера, разрешавшее открытие Местных сберегательных касс в небольшом городе Мит-Гамр в дельте Нила (Mayer 1985: 36).

История Местных сберегательных касс подтверждает общее правило: создание и деятельность исламских финансовых институтов – это в первую очередь вопрос политический, а не экономический (Беккин 2010: 219–283). Если государство не заинтересовано в развитии подобного рода учреждений, то их существование либо невозможно, либо затруднено. И, наоборот, заинтересованность государства открывает широкие возможности для развития исламских финансовых институтов⁷. Это утверждение справедливо как для мусульманских, так и немусульманских стран.

Местные сберегательные кассы были созданы при финансовой и организационной поддержке правительства Федеративной Республики Германия в рамках проекта по развитию сектора региональных сберегательных банков в Египте (Schönenbach, Klöwer 2014: 27). Отделение касс в Мит-Гамре начало работу 25 июля 1963 г. На проект немецкая сторона (правительство и Всеобщий союз сберегательных касс) планировали выделить 750 000 марок (Schönenbach, Klöwer 2014: 29)⁸. Кроме того, правительство ФРГ профинансировало обучение 20 сотрудников банка (Schönenbach, Klöwer 2014: 28).

Однако и после принятия решения о создании отделения Местных сберегательных касс ан-Наггару приходилось преодолевать многочисленные бюрократические препятствия, мешавшие нормальной реализации проекта (ан-Наггар 1993: 49–50).

⁷ При этом, конечно, нельзя сбрасывать со счетов такие факторы, как инвестиционный климат в стране, спрос населения на соответствующие требованиям шариата финансовые услуги и др.

⁸ Египетская сторона внесла в проект 60 000 египетских фунтов.

Принципы и механизмы работы банка

Основу деятельности Местных сберегательных касс составляли четыре взаимосвязанных принципа: 1) социальная направленность, 2) локальность и децентрализация, 3) соответствие нормам шариата (беспроцентный характер финансирования), 4) универсальность предоставляемых услуг.

Социальная направленность занимала ключевое место в концепции А. ан-Наггара. Для него принципиально важно было, чтобы инициатива по созданию сберегательных учреждений исходила не от государственных органов, а от местных сообществ. Местные сберегательные кассы рассматривались им прежде всего как институты развития, а не как коммерческие финансовые организации. В этом контексте особое внимание уделялось подготовке кадров: ан-Наггар исходил из того, что сотрудники «Мит-Гамра» и других отделений должны не только обладать необходимыми техническими знаниями и практическими навыками в сфере финансов, но и чётко осознавать социальную миссию, возложенную на сберегательные учреждения в условиях египетского общества (ан-Наггар 1993: 59).

Не менее важным элементом концепции была локальность и децентрализация. Отделения касс выстраивались как относительно самостоятельные структуры: они были максимально независимы друг от друга и развивали собственные практики с учётом специфики региона, в котором работали (Гарби 2013). Руководство, в свою очередь, поощряло инвестирование привлечённых средств именно там, где проживали вкладчики, закрепляя принцип «локального оборота» капитала. Когда проект начал демонстрировать заметные успехи, правительство и губернаторы провинций стали обращаться к ан-Наггару с просьбами открывать как можно больше отделений. Он не возражал против расширения географии, однако настаивал на постепенности и предварительной подготовительной работе, которая позволяла адаптировать модель к местным условиям⁹.

Третьим, основанием выступало беспроцентное финансирование. По открываемым в банке счетам вкладчикам не выплачивалось фиксированное вознаграждение. Финансирование физических и юридических лиц также предоставлялось на непроцентной основе – либо в форме кард хасан¹⁰, либо с использованием инструментов долевого участия, прежде всего мушарака¹¹ и мудараба¹².

⁹ Так, под давлением чиновников ан-Наггар открыл отделение в Каире, о чём позже пожалел (ан-Наггар 1993: 59).

¹⁰ Кард хасан (араб. – добрый заем) – беспроцентный заем, предоставляемый как в благотворительных целях, так и для кратковременного финансирования проектов, могущих принести доход. Заёмщик обязан вернуть только заёмную сумму в заранее оговорённое время. В исламском банковском деле кард хасан выступает наряду с аманой в качестве формы привлечения средств клиентов.

¹¹ Мушарака (араб. – партнёрство, соучастие) – в широком значении: договор товарищества. В исламском банковском деле на основе договора мушарака между банком и клиентом заключается специальное соглашение, по которому полученная прибыль делится между ними в заранее оговорённых долях. Убытки подлежат распределению пропорционально вкладу в капитал. Управление проектом может осуществляться как всеми сторонами,

Наконец, Местные сберегательные кассы отличались универсальностью: отделения обеспечивали базовый набор банковских услуг как в сфере инвестирования, так и в сфере кредитования; клиентами касс выступали как физические, так и юридические лица. Вкладчики могли открыть три типа счётов: сберегательный, долевого инвестиционный и счёт закята (фонд социального обеспечения).

Сберегательный счёт был рассчитан на широкий круг клиентов и не требовал значительных первоначальных сумм: минимальный порог варьировался в зависимости от отделения (Orhan 2018: 138), тогда как максимальная сумма вклада не ограничивалась. Средства можно было снимать в любое время по первому требованию; проценты или прибыль по этому счёту банк не начислял. Вместе с тем регулярное пополнение счёта в течение как минимум шести месяцев давало вкладчику право на получение небольших краткосрочных беспроцентных займов (кард хасан) (Orhan, Kavakcı 2024: 136; ан-Наггар 1993: 44–45).

Долевой инвестиционный счёт, напротив, был ориентирован на участие в проектах: устанавливался незначительный минимальный вклад (от 1 египетского фунта) при отсутствии верхнего ограничения. Банк инвестировал средства клиентов — напрямую или в партнёрстве с другими участниками рынка — в промышленные, сельскохозяйственные и торговые проекты; при этом применялись механизмы **мушарака** и **мудароба**. По итогам года банк подводил результаты и распределял прибыль и убытки между инвесторами. Таким образом, в практике Местных сберегательных касс была впервые апробирована модель инвестирования, основанная на разделении прибылей и убытков, которая позднее стала стандартом для исламских финансовых институтов (ан-Наггар 1993: 45). Существенно, что обсуждение инвестиционных решений не замыкалось на банковской администрации: заметную роль играли лидеры общественного мнения из числа местных жителей (Schönenbach 2014: 36).

Фонд социального обеспечения по своему содержанию представлял собой счёт закята, однако по политическим причинам не мог быть обозначен соответствующим термином. Средства, размещённые на этом счёте, банк от имени клиентов направлял на благотворительные цели, которым служит закят (ан-Наггар 1993: 70). Клиенты, оказавшиеся в тяжёлом материальном положении, могли претендовать на поддержку, в том числе на материальную помощь — вплоть до предоставления безвозмездной ссуды.

так и одной из сторон. Однако, как правило, в качестве управляющего за дополнительное вознаграждение выступает клиент. При этом любая из сторон может отказаться от права участия в управлении в пользу другого лица.

¹² Мудароба – договор, по которому владелец капитала (*рабб ал-мал*) доверяет их лицу (*мударибу*), обладающему возможностями и определённым предпринимательским опытом для их эффективного использования. Доход от средств, пущенных в оборот, распределяется между *рабб ал-малем* и *мударибом* в соответствии с ранее заключённым соглашением о долях. Убытки несёт владелец капитала, а *мудариб* в таком случае не получает вознаграждения за свои усилия. В классическом договоре *мудароба* владелец капитала не может вмешиваться в управление проектом.

Оценивая спустя тридцать лет опыт Местных сберегательных касс, ан-Наггар подчёркивал, что наибольших успехов банк достиг именно в сфере сбережений (ан-Наггар 1993: 57). За три с половиной года работы совокупный объём инвестиционных вкладов вырос вдвое — с 35 тыс. египетских фунтов до 70 тыс. (1,2 млн долл.), а сберегательных — впятеро, с 25 тыс. фунтов до 125 тыс. При этом число вкладчиков всех отделений за указанный период превысило 251 000 человек (Shibu, Chachi 2021: 230) (таблица 1).

Таблица 1. Рост числа вкладчиков в «Местных сберегательных касс»

Table 1. Growth in the number of depositors in Local Savings Banks

Сбережения (вклады) в егип. фунтах	Количество вкладчиков	Годы
40 944	17 560	1963–1964
191 235	30 404	1964–1965
879 570	101 998	1965–1966
1 828 375	251 152	1966 – февр. 1967

Источник: (Абд ал-Халим Умар Гарби 2013)

Что касается активов, то в «Мит-Гамре» применялись два основных формата финансирования: неинвестиционный и долевого (инвестиционный).

Неинвестиционное финансирование носило характер потребительского кредитования: заёмщик возвращал банку только основную сумму без какого-либо дополнительного вознаграждения. Кредиты, как правило, предоставлялись на короткий срок (не более трёх лет) и в сравнительно небольших объёмах (Orhan 2018: 139).

Инвестиционное (долевое) финансирование осуществлялось через отделения Местных сберегательных касс, которые направляли средства на различные проекты на принципах участия в прибыли с использованием механизмов мушарака и мудараба. Доля банка в прибыли варьировалась от 10 до 50% в зависимости от конкретного проекта и подразделения, реализующего финансирование. Помимо этого, Местные сберегательные кассы практиковали прямое финансирование, также выстроенное на непроцентной основе.

Для получения средств от клиента материального обеспечения не требовалось, достаточно было личного поручительства. Целью кредитования было содействие развитию малого бизнеса. Ан-Наггар стремился к тому, чтобы как можно большее количество людей становилось самозанятыми, могли обеспечить своей семье независимое существование и содействовать увеличению благосостояния общества (Orhan 2018: 140). Например, банк финансировал строительство кирпичного завода в одной из деревень. Один крестьянин был утверждён управляющим завода и вскоре смог выкупить долю банка и стать полноценным собственником (Mayer 1985: 38). Отделения Местных сберегательных касс предоставляли клиентам, желавшим начать бизнес, консультационную и техническую поддержку.

У Местных сберегательных касс был высокий процент возврата по кредитам (в некоторых отделениях до 100%). Это было во многом связано с тем, что речь шла о взаимопомощи: те же самые люди выступали в роли вкладчиков и заёмщиков. Нарушение обязательств по кредиту в условиях традиционного общества, где были сильны горизонтальные связи, могло привести к серьёзному социальному давлению на нарушителя (Orhan 2018: 139). Таким образом, за двадцать лет до начала работы Грамин банка в Бангладеш Ахмад ан-Наггар с успехом реализовывал те идеи, за которые впоследствии Мухаммад Юнус получил Нобелевскую премию мира.

Для получения финансирования (как неинвестиционного, так и долевого) от заявителя требовалось соблюдение ряда условий: 1) иметь вклад в отделении, где он планировал получить кредит, минимум в течение шести месяцев (по другим данным, в течение года (Orhan 2018: 139)); 2) реализовывать проект в местности, где работает отделение, выдавшее кредит; 3) применять систему бухгалтерского учёта, одобренную экспертами банка; 4) не направлять полученные денежные средства на цели, запрещенные в исламе и противоречащие интересам общества. Приоритет отдавался проектам, которые способствовали социально-экономическому развитию региона и созданию рабочих мест (Гарби 2013).

Запрет судного процента

Некоторые авторы утверждают, что исламские методы финансирования в работе Местных сберегательных касс являлись не более чем пиар-ходом (Kuran 2010: 14). После изучения первоисточников и, прежде всего, работ самого Ахмада ан-Наггара, с этим утверждением сложно согласиться. Напротив, бизнесмену приходилось всячески скрывать от египетских чиновников и финансистов исламский характер деятельности «Мит-Гамра» и других отделений Местных сберегательных касс.

Как уже было отмечено выше, сберегательный характер деятельности банка имел не только экономическое, но и религиозное обоснование. Вот как ан-Наггар излагал свою идею сберегательных учреждений в духе Макса Вебера: «... истинный сберегатель – это тот, кто обладает набором качеств, необходимых для мусульман в соответствии с исламом. К этим качествам относятся: умеренность или уравновешенность; рассудительность и предусмотрительность; предвкушение будущего; труд ради этого мира так, словно живёшь вечно, и труд ради будущей жизни так, словно умрёшь завтра; добродетель разумного использовании ресурсов, даже если они текут рекой; планирование. Мы всегда осознавали, что наша сосредоточенность на сбережении – это, по сути, метод формирования личности мусульманина, являющегося прочным строительным блоком в построении исламского общества. По мере того, как такое поведение становится привычкой, охватывая как можно больше членов общества,

количество людей, соответствующих требованиям ислама, в мусульманской общине будет увеличиваться, и мусульманская община будет становиться сильнее по мере уменьшения числа нуждающихся» (ан-Наггар 1993: 93).

В книге «Исламское банковское движение: подлинная суть и сформировавшиеся мифы» ан-Наггар неоднократно подчёркивает, что для него реализация исламской экономической концепции на практике имела первостепенное значение. Он считал эту концепцию подлинной альтернативой доктрине арабского социализма, господствовавшей в Египте при президенте Насере.

Нет никаких свидетельств, что ан-Наггар был как-то связан с движением «Братья-мусульмане»¹³. В эпоху насеризма было крайне опасно навлечь на себя подозрения в связях с «Братьями». Сам ан-Наггар не говорит о своих контактах с движением ни слова. Несомненно одно: он симпатизировал «Братьям» и разделял их идеи, если не все, то многие, в частности касающиеся искоренения ссудного процента в Египте. Так, например, в программе движения «Послание к свету» (1936 г.)¹⁴ содержались в основном социально-экономические требования: национализация ключевых объектов инфраструктуры и природных ресурсов, запрет ростовщичества, улучшение условий труда для незащищённых групп населения и др. (Ражбадинов 2003: 88–89). В 1938 г. лидер «Братьев-мусульман» Хасан ал-Банна призывал правительство Египта реорганизовать банки и исключить из их операций ростовщическую прибыль (Ражбадинов 2003: 123). Под последней понимался любой ссудный процент. Негативное отношение к банковским операциям как нарушающим исламский запрет ростовщичества, разделяли многие египтяне. Таким образом, вопрос о недопустимости ссудного процента не был лишь идеей самого ан-Наггара и его единомышленников, а отвечал запросам египетского общества.

Пионерская роль ан-Наггара состояла в том, что он не только нашёл экономические инструменты для реализации идеи беспроцентного финансирования, но и сумел обосновать её полезность как для государства, так и для граждан. Он считал, что процентная ставка по вкладам не может служить мотивацией для привлечения большого числа клиентов. По мнению ан-Наггара, более привлекательным фактором был принцип взаимности, когда клиент, открывая вклад, не приносящий процентного дохода, мог претендовать на получение беспроцентного кредита (ан-Наггар 1993: 45).

Острые дискуссии вызвал вопрос об инвестиционных счетах. Банкиры настаивали на том, что операции с ними являются высокорискованными. Однако ан-Наггар утверждал, что эту проблему можно решить за счёт тщательного анализа инвестиционных проектов (ан-Наггар 1993: 46–47).

¹³ Решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 организация «Братья-мусульмане» признана террористической и деятельность её на территории Российской Федерации запрещена.

¹⁴ «Послание к свету» (известное также как: программа «50-ти требований») была написана Хасаном ал-Банной и адресована тогдашнему королю Египта Фаруку.

В наши дни одним из признаков исламских банков и других исламских финансовых институтов является наличие специализированного органа – шариатского совета, призванного следить за соответствием проводимых сделок мусульманскому праву (Беккин 2014: 148–164). В «Мит-Гамре» и других отделениях Местных сберегательных касс не было шариатских советов или аналогичных органов. Контроль над соответствием деятельности этих отделений осуществляли местные шейхи и имамы, пользовавшиеся авторитетом у местного населения. Они же помогали сформировать у потенциальных клиентов доверие к проекту. Соответственно, в каждом регионе, где действовали отделения Местных сберегательных касс, имелись свои авторитеты, которые, как правило, не были учёными – специалистами по мусульманскому праву (факихами). Таким образом находил воплощение принцип локальности и децентрализации.

Мы не будем здесь рассуждать, насколько такое обстоятельство, как отсутствие шариатского совета, позволяет говорить о несоответствии деятельности «Мит-Гамра» и других отделений нормам и принципам мусульманского права. Как нам представляется, не вполне корректно ставить такой вопрос, когда мы рассматриваем иной исторический контекст: в 1963 г. отсутствовали прецеденты и не было сформулировано каких-либо стандартов исламского банкинга. Заметим также, что и в наши дни, например, в России шариатский надзор в некоторых банках и других учреждениях, применяющих в своих операциях исламские методы финансирования, не во всём соответствует мировым стандартам (Беккин 2024: 204–214).

Окончание эксперимента

Местные сберегательные кассы с первых дней своего существования занимали особое положение в банковской системе Египта. Их отделения не подпадали под банковское регулирование со стороны центрального банка и имели квазиавтономный статус, хотя и субсидировался государством (Гарби 2013). В отсутствие специального нормативно-правового акта, регулировавшего статус Местных сберегательных касс, проект был уязвим перед органами государственной власти.

Автономия Местных сберегательных касс была лишь видимостью. Как объясняет ан-Наггар, проект функционировал независимо всего несколько месяцев и вскоре был взят под контроль чиновниками из Каира (ан-Наггар 1993: 69).

Довольно скоро выявилось существенное расхождение во взглядах на миссию Местных сберегательных касс у египетских чиновников и команды проекта во главе с ан-Наггаром. Правительство рассматривало банк как сберегательное учреждение. Ан-Наггар же хотел, чтобы банк решал задачи социально-экономического развития региона, то есть, по сути, посягал на полномочия органов государственной власти (ан-Наггар 1993: 51). В условиях, когда руководство страны выступало за государственное планирование и контроль над проектами развития, автономия частного сектора не поощрялась (Майер 1985: 38–39).

По мнению российских экономистов А.О. Филоника, В.А. Исаева и А.В. Федорченко, банк был закрыт, потому что государство увидело в нём «серьёзную политическую и экономическую угрозу сложившейся банковской практике» (Филоник, Исаев, Федорченко 1996: 9). В чём состояла эта угроза?

Сам ан-Наггар не скрывал впоследствии, что проект Местных сберегательных касс преследовал не только социально-экономические, но и политические цели: «Ещё один момент, который мы прекрасно осознавали... заключался в том, что распространение знаний о сбережениях и увеличение числа сберегателей, по нашему мнению, – это способ увеличить число мелких собственников и владельцев малого бизнеса. Это, в свою очередь, само по себе является одним из многих способов, способствующих искоренению политической тирании и государственной монополии на социальную и экономическую деятельность» (ан-Наггар 1993: 93).

Местные сберегательные кассы служили наглядным примером того, что цели социальной справедливости и ориентированной на интересы общества экономической и финансовой деятельности могут быть достигнуты без активного участия государства с его идеологией арабского социализма. С другой стороны, банк помогал снять социальную напряжённость в обществе и демонстрировал хорошие показатели. Поэтому вместо того, чтобы прекратить в одночасье работу Местных сберегательных касс, регулирующие органы решили взять проект под свой контроль.

По рекомендации премьер-министра и министра экономики и внешней торговли в феврале 1967 г. было решено сформировать межведомственный комитет для проведения всесторонней оценки деятельности Местных сберегательных касс. В комитет вошли представители министерства финансов, Центрального банка Египта и др. Обсуждался также вопрос о передаче отделений Местных сберегательных касс Национальному банку Египта (Гарби 2013).

В таких условиях Ахмад ан-Наггар принял решение покинуть Египет. В 1967 г. он переехал в Судан и стал профессором исламской экономики в Омдурманском исламском университете. Приглашение поступило как раз тогда, когда над проектом Местных сберегательных касс стали сгущаться тучи, и ан-Наггар даже не был уверен, что ему позволят выехать из Египта (ан-Наггар 1993: 104).

В 1969 г. по приглашению Кёльнского университета ан-Наггар приехал на короткий срок в Германию, чтобы написать научную работу, посвящённую опыту Местных сберегательных касс. В это время в Судане произошёл военный переворот, и у власти оказался поклонник Насера Джафар Нимейри. Омдурманский университет был вскоре закрыт. Опасаясь ареста, ан-Наггар не мог вернуться ни в Египет, ни в Судан (ан-Наггар 1993: 106). Он стал преподавать в университете, на немецком языке была опубликована его книга о Местных сберегательных кассах (El Naggar 1982).

В 1971 г. ан-Наггар, будучи вице-президентом Международного института сбережений и инвестиций в Западной Германии, вернулся в Египет уже при президенте Анваре Садате и помогал создавать Социальный банк Насера в качестве советника при министре финансов (ан-Наггар 1993: 112). Ан-Наггар и его друг и коллега Махмуд ал-Ансари выступили основными авторами законопроекта о Социальном банке Насера (ан-Наггар 1993: 112). Ан-Наггар также подготовил ряд подзаконных нормативно-правовых актов, касающихся деятельности банка (ан-Наггар 1993: 116).

Однако ан-Наггара ждало разочарование. Руководство банка не прислушивалось к его советам и своей недальновидной политикой не дало этому финансовому учреждению реализовать свой потенциал, несмотря на поддержку со стороны президента Садата. Вот что писал об этом ан-Наггар: «... банк, идею которого я мечтал экспортировать в исламский мир, и который должен был стать образцом успешного беспроцентного банка, превратился в отсталое учреждение, ориентированное на страхование и государственный сектор. Пенсионные средства и прибыль государственного сектора, составлявшие значительную часть его ресурсов, тратились на краткосрочное кредитование, на проведение свадеб и медицинские расходы. Создавалось впечатление, что он способствовал распространению потребительского, а не сберегательного поведения. Вскоре он последовал по пути других традиционных банков, начав выдавать кредиты с высокими процентными ставками и залогом в качестве одного из условий» (ан-Наггар 1993: 117).

В середине 1970-х ан-Наггар часто бывает в Саудовской Аравии, в 1973 г. он входит в Подготовительный комитет по созданию Исламского банка развития. Король Саудовской Аравии Фейсал привлёк его в качестве главного консультанта по вопросам развития исламского банковского дела. При этом на тот момент в самом королевстве господствовала основанная на проценте финансовая система и не существовало ни одного исламского банка. Все исламские банки и другие исламские финансовые институты, созданные по инициативе и при поддержке Фейсала, осуществляли свою деятельность за пределами Саудовской Аравии.

При участии ан-Наггара в Судане был организован банк (Исламский банк Фейсала) и первая в мире исламская страховая компания. Всего же ан-Наггар стоял у истоков создания более десяти исламских банковских и других финансовых учреждений в Африке, Азии и в Европе. Это были уже в первую очередь коммерческие структуры, в работе которых соблюдались требования шариата, но при этом отошла на задний план их социальная роль.

Возможно, бизнесмена постигло разочарование в проекте создания сберегательных учреждений наподобие «Мит-Гамра» после того, как правительство Египта фактически превратило Социальный банк Насера в обычный коммерческий банк (ан-Наггар 1993: 101–118). Впоследствии ан-Наггар неоднократно выступал с критикой практики некоторых исламских банков, созданных в 1970–1990-е гг. в разных странах (Schönenbach, Klöwer 2014: 29).

Заключение

Исламские банки не были чем-то неизменным на протяжении своей истории. Этот институт прошёл сложную эволюцию. Сначала это были мусульманские банки, функционировавшие с начала XX в. и вплоть до 1950-х гг. Главным их отличием от других банков было то, что их собственниками и клиентами были мусульмане. Мусульманские банки не использовали в своих операциях исламские методы финансирования (Беккин 2020: 149–167).

Начало работы Местных сберегательных касс в Мит-Гамре открыло новую важную страницу в истории исламского банкинга. Этот проект доказал, что основанная на исламских методах финансирования система может работать и быть успешной. Ещё до того, как будущий нобелевский лауреат Дуглас Норт сформулировал свой тезис «culture matters» («культура имеет значение»), Ахмад ан-Наггар продемонстрировал на практике, насколько важен учёт культурных кодов в сфере финансов и написал об этом в своих трудах.

История проекта Местных сберегательных касс была недолгой, но его значение не только для исламского банкинга, но и для социально ориентированной финансовой деятельности сложно переоценить. Местные сберегательные кассы представляли собой уникальное сочетание беспроцентного финансирования с социально направленной инвестиционной политикой.

Ан-Наггар руководствовался долгосрочными целями социального развития и оценивал продуктивность созданного им банка в первую очередь с точки зрения той пользы, которую тот приносил обществу. Благодаря отделениям Местных сберегательных касс тысячи крестьян изменили модель экономического поведения и научились планировать свои финансы так, чтобы не зависеть от государства и кредитных учреждений, сотни людей получили возможность начать собственный бизнес. Проект ан-Наггара опередил своё время. Только на рубеже 1970–1980-х гг. бизнесмену из Бангладеш Мухаммаду Юнусу удалось создать систему микрофинансовых учреждений для бедных.

Однако между «Мит-Гамром» и Грамин банком существует принципиальное различие. Основной функцией «Мит-Гамра» и других отделений Местных сберегательных касс было привлечение свободных средств граждан в форме сберегательных вкладов. При этом и активные, и пассивные операции осуществлялись на беспроцентной основе. «Грамин» же работал как обычный процентный банк, с той лишь разницей, что ставки по кредитам там в целом были ниже, чем у других участников рынка в стране. Пионерская роль ан-Наггара состояла в том, что он не только нашёл экономические инструменты для реализации идеи беспроцентного финансирования, но и сумел обосновать её полезность как для государства, так и для граждан.

Современные исламские банки не спешат повторить опыт Местных сберегательных касс. Показателем успешности для них служит норма прибыли,

а не социальная значимость реализуемых при их участии проектов. Однако исламские банки в том виде, в котором мы их сейчас знаем, это лишь один из этапов в истории исламского банковского дела. Нельзя исключать, что на новом этапе опыт небольших сберегательных банков, работающих на беспроцентной основе, будет востребован и получит развитие. Тогда проект Местных сберегательных касс станет если не моделью, то источником вдохновения для нового поколения банкиров.

Об авторе:

Ренат Ирикович Беккин – доктор экономических наук, PhD in Religious Studies, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1.
E-mail: bekkin@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Благодарности:

Статья подготовлена по теме Государственного задания ИАФР РАН № FMZE–2025–0012.

UDC: 339.9, 336.71
Received: October 16, 2025
Accepted: December 2, 2025

Mit Ghamr: the History and Operating Mechanisms of the World's First Islamic Bank

 R.I. Bekkin

[DOI 10.24833/2071-8160-2025-6-105-44-61](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-6-105-44-61)

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract: This article examines the origins and early operations of the world's first Islamic bank—the Local Savings Banks initiative, widely known as the Mit Ghamr Bank. Mit Ghamr is notable not only for translating core principles of Islamic finance into workable institutional practice, but also for anticipating key features of socially oriented microfinance: it operationalized “banking for the poor” roughly two decades before the establishment of the Grameen Bank in Bangladesh. The first branch opened in July 1963 in the Egyptian town of Mit Ghamr under the leadership of Ahmad al-Naggar, a young economist and entrepreneur influenced by the West German savings bank model. The Mit Ghamr experiment marked an important turning point in the provision of financial services in developing contexts, combining interest-free financial instruments with a development-oriented approach to mobilizing savings

and allocating capital that was closely attuned to the socio-cultural environment of its clients. Al-Naggar's contribution consisted not only in devising practical mechanisms for non-interest-based finance, but also in articulating a coherent economic justification for their adoption, emphasizing prospective benefits for both the state and depositors. Special attention is devoted to the longstanding debate over whether Mit Ghamr should be classified as an "Islamic bank," given its significant institutional and operational differences from contemporary Islamic banks in both Muslim-majority and non-Muslim settings. The article argues that today's Islamic banking should be understood as one stage in the continuing evolution of Islamic finance rather than its final form. It concludes that the Mit Ghamr experience remains analytically and practically relevant for contemporary financial institutions, whether operating on interest-based or interest-free principles.

Keywords: Mit Ghamr, Local Savings Banks, Ahmad al-Naggar, Islamic Bank, Microfinance, Savings Bank

About the author:

Renat I. Bekkin – Doctor of Economics, PhD in Religious Studies, Professor at the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher at the Institute for African Studies at the Russian Academy of Sciences. 30/1 Spiridonovka St., Moscow, Russia, 123001.
Email: bekkin@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The article was prepared based on the State Assignment of the Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences No. FMZE-2025–0012.

References:

- Alonso I.M. 2015. *Mit Ghamr: Pioneer in Islamic Banking*. Doha.
- Asutay M. 2012. Conceptualising and Locating the Social Failure of Islamic Finance: Aspirations of Islamic Moral Economy vs The Realities of Islamic Finance. *Asian and African Area Studies*. 11(2). P. 93–113.
- Baumeister B.M. 2015. Instrumentos financieros compatibles con la Shari'a: ¿una alternativa ética a la financiación convencional? *Temas Socio-Jurídicos*. 34(68). P. 153–170. DOI: 10.29375/01208578.2257 (In Spanish)
- Dusuki A.W. 2007. The Ideal of Islamic Banking: A Survey of Stakeholders' Perception. *Review of Islamic Economics*. №11. P. 29–52.
- El Naggar A. 1982. *Zinslose Sparkassen – Ein Entwicklungsprojekat im Nil-Delta*. Köln: Al-Kitab. 188 p.
- Euromoney Encyclopedia of Islamic Finance*. 2012. Ed. Aly Khorshid. London: Euromoney Institutional Investor.
- Kuran T. 2010. *Islam and Mammon: The Economic Predicaments of Islamism*. Princeton: Princeton University Press. 240 p.
- Mayer A.E. 1985. Islamic Banking and Credit Policies in the Sadat Era: The Social Origins of Islamic Banking in Egypt. *Arab Law Quarterly*. №1. P. 37–38. DOI: 10.1163/157302585X00383
- Orhan Z.H. 2018. Mit Ghamr Savings Bank: A Role Model or an Irreplicable Utopia? *The Journal of Humanity and Society*. 8(2). P. 85–102. DOI: 10.12658/M0263

Orhan Z.H., Kavakcı S. 2024. Is Mt Ghamr A Role Model Or A Utopia? New Findings. *Journal of Islamic Economics and Finance Studies*. №2. P. 127–147. DOI: 10.54427/ijisef.1520949

O'Sullivan M. 2020. Interest, Usury, and the Transition from “Muslim” to “Islamic” Banks, 1908–1958. *International Journal of Middle East Studies*. 52(2). P. 261–287. DOI: 10.1017/s0020743820000239

Schönenbach R. 2014. Review of the book “Ahmed El Naggar. Interest-Free Savings Banks – A Development Project in the Nile Delta Zinslose Sparkassen – Ein Entwicklungsprojekt im Nildelta”. *The European Association for Banking and Financial History Bulletin*. №1. P. 32–37.

Schönenbach R., Klöwer G. 2014. Ahmed el Naggar – the Pioneer of Islamic Banking. *The European Association for Banking and Financial History Bulletin*. №1. P. 26–31.

Shibu A.A., Chachi A. 2021. Development of Islamic banking and finance: the contribution of Ahmed Abdul Aziz al Najjar. *Eurasian Journal of Researches in Social and Economics*. 8(4). P. 223–235.

‘Абд ал-Халим ‘Умар Гарби. 2013. Ахмад ан-Наджар ва таджриба бунук ал-адхар истихдар закира ал-амал ал-масрафий ал-ислами. *Global Islamic economic magazine*.

Ахмад ан-Наггар. 1972. Бунук била фава’ид ка истратиджийа ли-т-танмийа ал-иктисадиyyа ва-л-иджтима’иййа ф-л-дуввал ал-исламиyyа. Каир: Ал-‘Ада.

Ахмад ан-Наггар. 1976. Манхадж ас-сахва ал-исламиyyа: бунук била фава’ид. Каир.

Ахмад ан-Наггар. 1993. Харакат ал-бунук ал-исламиyyа: хака’ик ал-асл ва-л-авхам ас-сура. Каир: Спринт.

Bekkin R.I. 2010. *Islamskaya ekonomicheskaya model’ i sovremennost’* [The Islamic Economic Model and Modernity]. Moscow: Izdatel’skiy dom Mardzhani. 337 p. (In Russian)

Bekkin R.I. 2014. Osobennosti shariatskogo nadzora v islamskikh finansovykh institutakh: sovremennyy opyt musul’manskikh i nemusul’manskikh stran [Features of Sharia Supervision in Islamic Financial Institutions: The Current Experience of Muslim and Non-Muslim Countries]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 5. Ekonomika: nauchno-teoreticheskiy zhurnal*. №3. P. 148–164. (In Russian)

Bekkin R.I. 2020. Musul’manskiy bank kak istoricheskaya kategoriya: opyt sozdaniya kreditnykh uchrezhdeniy dlya musul’man v pervoy polovine XX v. [Muslim Bank as a Historical Category: Creating Credit Institutions for Muslims in the First Half of the 20th Century.]. *MGIMO Review of International Relations*. №5. P. 149–167. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-5-74-149-167 (In Russian)

Bekkin R.I. 2024. Shariatskiy nadzor v islamskikh finansovykh institutakh v Rossii posle priyatiya federal’nogo zakona o partnerskom finansirovani [Sharia Supervision in Islamic Financial Institutions in Russia after the Adoption of the Federal Law on Partnership Financing]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 2(90). P. 204–214. (In Russian)

Razhbadinov M.Z. 2003. *Yegipetskoye dvizheniye «brat’yev-musul’man»* [The Egyptian Muslim Brotherhood Movement]. Moscow: IV RAN. 432 p. (In Russian)

Filonik A.O., Isayev V.A., Fedorchenko A.V. 1996. *Finansovyye struktury Blizhnego Vostoka* [Financial Structures of the Middle East]. Moscow: IV RAN. 162 p. (In Russian)

Yunus M. 2019. *Mir trekh nuley: kak spravit’sya s nishchetoy, bezrabotitsy i zagryazneniyem okruzhayushchey sredy* [The World of Three Zeros: Coping with Poverty, Unemployment, and Environmental Pollution]. Moscow: Al’pina Publisher. 275 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Беккин Р.И. 2010. *Исламская экономическая модель и современность*. Москва: Издательский дом Марджани. 337 с.

Беккин Р.И. 2014. Особенности шариатского надзора в исламских финансовых институтах: современный опыт мусульманских и немусульманских стран. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Экономика: науч.-теорет. журнал*. №3. С. 148–164.

Беккин Р.И. 2020. Мусульманский банк как историческая категория: опыт создания кредитных учреждений для мусульман в первой половине XX в. *Вестник МГИМО-Университета*. №5. С. 149–167. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-5-74-149-167

Беккин Р.И. 2024. Шариатский надзор в исламских финансовых институтах в России после принятия федерального закона о партнерском финансировании. *Проблемы современной экономики*. 2(90). С. 204–214.

Ражбадинов М.З. 2003. *Египетское движение «Братьев-мусульман»*. Москва: ИВ РАН. 432 с.

Филоник А.О., Исаев В.А., Федорченко А.В. 1996. *Финансовые структуры Ближнего Востока*. Москва: ИВ РАН. 162 с.

Юнус М. 2019. *Мир трёх нулей: как справиться с нищетой, безработицей и загрязнением окружающей среды*. Пер. с англ. Москва: Альпина Паблишер. 275 с.

Историческая память о джадидизме в современном Узбекистане

Ю.Н. Гусева

Московский городской педагогический университет

Исследование посвящено различным аспектам конструирования политического нарратива об узбекских джадидах-реформаторах как части национального метанарратива о Третьем Ренессансе Нового Узбекистана. В центре внимания – содержание политического нарратива о джадидах, а также деятельность акторов, которые генерируют и транслируют подобные нарративы. Сверх того, показано, как «переизобретённая» историческая память о джадидах воплощается в коммеморативных практиках современного Узбекистана.

Анализ опирается на методологические подходы исследований нарративов и исследований памяти. Источниками выступают публичные заявления представителей современной узбекской политической элиты, мемориальные законы, государственные документы, отражающие тематику исторической памяти о джадидах. В фокусе внимания автора также находятся исследования узбекских историков о джадидах, начиная с 2000-х гг.

Заключается, что основными чертами современного политического прочтения джадидского наследия становится его реформистский, демократический потенциал, открытость к новациям с опорой на национальные традиции. Актуальный политический нарратив о славных предках-джадидах легитимирует реформы, проводимые в стране, презентуя их как сменяющие друг друга эпохи возрождений («Третий Ренессанс»). В узком инструментальном ключе этот нарратив важен для легитимации усилий главы государства как неоджадида XXI века и курса реформ, который в «переизобретённой» рамке осеняется понятиями «крови», вековой созидательной «энергии поколений». Исключительно важна и актуализация «полезного» прошлого для укрепления национального метанарратива о полноценности и историчности проектов суверенной государственности обновлённого Узбекистана и национальной идентичности узбеков.

На конструирование и поддержание джадидского нарратива направлены серьёзные государственные усилия – практики институциональной поддержки джадидологии и публичной коммеморации «переизобретённого» джадидского наследия. Узбекские научные школы активно участвуют в выработке этого национального метанарратива о Третьем Ренессансе Нового Узбекистана, который, в свою очередь, влияет на развитие научных исследований в этой области.

Сделан вывод, что представление о джадидизме как о самом успешном западном проекте реформ пролагает невидимую, но вполне осязаемую интеллектуальную границу между Узбекистаном (Востоком) и значимым «Другим» (Западом).

УДК 327.56:94(575.1):316.75

Поступила в редакцию: 16.10.2025

Принята к публикации: 02.12.2025

Вместе с тем значительный интеллектуальный потенциал джадидизма как специфической модели модернизации способен не только оформлять текущие политико-идеологические задачи, но содержит глубокую проработку собственной, незападной версии современности, основанной на специфическом культурном и религиозном контексте.

Ключевые слова: джадидизм, джадидизм в Узбекистане, историография джадидизма, политический нарратив, национальный метанарратив, Третий Ренессанс, Новый Узбекистан

Учёным, специализирующимся в области интеллектуальной истории российского ислама и наблюдающим за научными дискуссиями в странах Центральной Азии, заметен тренд последних лет, выраженный в неуклонном росте внимания политиков и научного сообщества стран этого региона к наследию джадидов¹. Республику Узбекистан можно назвать одним из локомотивов в изучении и публичной презентации этой темы с начала 2000-х гг.

В статье анализируется конструирование политического нарратива об узбекских джадидах как элемента национального метанарратива о Третьем Ренессансе Узбекистана. Рассматриваются акторы, формирующие и транслирующие историко-политические интерпретации джадидского наследия, задающие рамки официального политического и академического дискурсов, а также механизмы закрепления «переизобретённой» памяти о джадидах в коммеморативных практиках современного Узбекистана.

Общественно-политические и научные дебаты в Узбекистане и за её пределами отражают сложный, многогранный характер джадидизма и его актуальность для современных мусульманских сообществ региона. В постсоветскую эпоху наследие джадидизма по-разному интерпретировалось и присваивалось политическими элитами различных стран: одни акторы стремились возродить идеалы движения как часть национальной идентичности, другие критиковали его связь с идеологиями и политикой советской эпохи (Ross 2024). В последние годы мы наблюдаем явный крен в пользу позитивного прочтения этого явления, включённого в рамку «полезного», «актуализированного прошлого».

Анализ данной проблематики представляется значимым по ряду причин. Прежде всего, реконструкция генезиса и логики формирования национального политического метанарратива о «Новом Узбекистане» невозможна без

¹ В самом общем виде джадидизм можно обозначить как движение, интеллектуальное течение в мусульманских регионах Евразии (прежде всего, тюркоязычных), сформировавшееся на рубеже XIX–XX вв. на территории Российской Империи (Крым, Волго-Урал) и направленное на реформирование культурно-образовательной сферы в мусульманских сообществах. Джадиды основывали школы нового типа, ориентированные на введение светских дисциплин и актуальных, западных, методик преподавания, театры, библиотеки и музеи, газеты и журналы, благотворительные общества, были сторонниками уравнивания прав мужчин и женщин, отправки мусульманской молодёжи на учёбу за границу и пр.

обращения к джадидизму, его реформаторскому потенциалу и современной интерпретации его наследия.

В широком академическом и идеологическом контексте феномен джадидизма вписывается в проблематику изучения незападных моделей модерна, увязывается с концепцией «множественных современностей» Ш. Эйзенштадта, рассматривающего современность как набор различных путей модернизации, каждый из которых формируется под влиянием собственной истории и культурных предпосылок, а не как единый универсальный процесс западной модернизации (Eisenstadt 2006).

Истории о джадидах оказывают заметное влияние на культурную дипломатию, гуманитарные связи страны, так как в своём увлечении джадидской проблематикой Узбекистан не одинок. Научные и общественные мероприятия по этой теме прочно вошли в академические календари европейских стран, Казахстана и Турции.

Заметным актором в формировании транснационального дискурса о джадидизме выступает Турецкая Республика. «Переизобретённая» история джадидизма потенциально может быть использована для символического подкрепления идей общетюркского политико-культурного единства, что объективно вызывает насторожённость российской стороны. Показателен, в частности, международный научный симпозиум «Горизонты джадидизма в столетии тюркских государств: взгляд из прошлого в будущее перед лицом неокOLONиальных вызовов», проведённый в мае 2025 г. в Стамбуле под эгидой Великого национального собрания Турции. Среди заявленных целей мероприятия – акцентирование антиколониальной, антиимперской и общетюркской интерпретации джадидизма и его значимости для формирования контуров будущего «объединённого тюркского мира»². Обсуждение при этом велось в логике критического переосмысления российского имперского и советского прошлого при практически полном игнорировании вклада мусульман Волго-Уральского региона в становление и развитие джадидского движения³.

Между тем западная наука давно и системно занимается изучением джадидизма. Даже беглый обзор современной историографии показывает высокую интенсивность и полемичность дискуссий, характерных для ведущих исламоведческих центров и специалистов по истории ислама в России и Центральной Азии⁴. В рамках этих дебатов ведущие исследователи нередко вступают

² Страница мероприятия: URL: <https://cedidciliksempozyumu.uskudaruniversitesi.edu.tr/ru/2025/o-simpoziume> (дата обращения – 16.07.2025).

³ Для российского исследователя, который погружён в перипетии интеллектуальной истории ислама в Евразии, подобное прочтение этого феномена выходит за рамки устоявшихся научных представлений. Тем удивительнее, что в России эта тема перешла из разряда актуальных, как это было в 1990-е – начале 2000-х гг., в категорию рядовых и маловостребованных.

⁴ См., например, Eden, Sartori, De Weese 2016; Sartori 2016; Сенюткина 2018.

в жёсткую критическую полемику, которую А. Моррисон обозначает как «джадидологические войны» (Morrison 2025; Ross 2024).

Для российского читателя актуальность темы определяется, в частности, необходимостью анализа того, как в странах Центральной Азии переосмыслиется интеллектуальное наследие мусульман России, как конструируется представление об их вкладе в развитие мировой мусульманской мысли и каким образом соответствующие идеи включаются в современную политико-идеологическую повестку региона. Результаты исследования позволяют также наметить линии схождения и расхождения узбекской трактовки джадидского нарратива с интерпретациями, представленными в других странах. Это, в свою очередь, важно для более точной оценки степени субъектности узбекской внутренней и внешней политики и для соотнесения её отдельных элементов с турецким дискурсом пантюркизма.

Цель статьи – проанализировать, каким образом в процессе конструирования «большого» национального нарратива о Третьем Ренессансе Узбекистана переопределяется, «изобретается» и публично репрезентируется историко-культурное наследие джадидов – как в академическом дискурсе, так и в коммеморативном пространстве. Эмпирическая база исследования включает публичные заявления представителей политической элиты, современные работы узбекских историков о джадидах, а также официальные нормативные и программные документы⁵.

В соответствии с поставленной целью последовательно рассматриваются следующие вопросы: каким образом в публичном поле оформляется и транслируется политический нарратив о джадидах; как он соотносится с идеями реформ в современном узбекском обществе и подпитывает метанарратив о Третьем Ренессансе; какие акторы формируют академический нарратив о джадидизме и каковы его ключевые содержательные акценты; какие мемориальные практики национальной памяти о джадидах инициирует и поддерживает государство. Структурно статья включает анализ метанарратива о Третьем Ренессансе Узбекистана, затем реконструкцию конструирования исторического нарратива о джадидах и джадидизме в академическом дискурсе и, наконец, рассмотрение практик публичной коммеморации «пересобранной» джадидской традиции.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что политический нарратив о джадидизме функционирует как компонент метанарратива о прошлом, настоящем и будущем страны. Интеллектуальное наследие джадидов и их жизненный путь включаются в структуру мифа основания современного Узбекистана⁶: местные джадида представляют как предтечи нынешних

⁵ Все законодательно-нормативные акты в Узбекистане публикуются в национальной базе законодательства (Lex UZ - <https://lex.uz/>), в том числе на русском языке.

⁶ Понятие «миф» в статье употребляется в нейтрально-безоценочном ключе.

реформаторов, начавшие столетие назад «Третий Ренессанс», который в XXI в. интерпретируется как продолжающийся в рамках проекта построения «Нового Узбекистана». Поддержание этой конструкции обеспечивается комплексом государственных практик – от институционального стимулирования исследований в области джадидологии до разветвлённой системы публичной коммеморации; существенную роль в данных процессах играет и узбекское научное сообщество.

Новизна работы заключается в анализе современных практик переосмысления джадидизма в Узбекистане на материале политических текстов и документов 2000–2025 гг., а также корпуса актуальных исторических исследований. В предлагаемом ракурсе, предполагающем совместное применение оптики *narrative research* и *memory studies* к связке «политический метанарратив – академический дискурс – коммеморация», данная проблематика в отечественной литературе ранее рассматривалась фрагментарно.

Нельзя сказать, что история политических идей, процессы формирования современной национальной и гражданской идентичности, национализма и исторической памяти в постсоветском Узбекистане остаются вне поля научного внимания. Показано, что исторические нарративы (в том числе концепты «Чагатайского улуса» и «государства кочевых узбеков») обеспечивают символическую основу и легитимационный ресурс, а в ряде случаев задают содержание современной национальной идентичности (Stone 2023; Tuysanov, Nurbayev, Kiyubek 2024). Отдельные исследователи подчёркивают связь идентичностных установок с внешнеполитическими ориентирами (Museyibzada, Usmonov 2024; Yilmaz, Duran 2023), тогда как проблематика исторической памяти и её соотношения с гражданской идентичностью рассматривается сравнительно реже (Dadabaev 2015).

Европейская и американская политологическая литература существенно продвинулась в анализе механизмов использования политических и исторических нарративов в различных практиках управления и типах режимов. Это направление открывает широкие возможности для сравнительных исследований на материале разных регионов (Sinkkonen 2025; Zhang 2024; Soest, Grauvogel 2017). Западные авторы показывают характерное для ряда политических режимов стремление опираться на историко-культурное наследие при конструировании национальных и националистических концептов и поддержании политического курса (Lee 2023; Zajda 2017). Отдельно анализируются стратегии легитимации, в основе которых лежат основополагающий миф и/или фигура правителя (Soest, Grauvogel 2017).

Показано также, что исторические нарративы нередко используются для легитимации «этических» или «традиционных» норм, утверждения «цивилизационной особенности» и проведения жёсткой границы между «своими» и значимым «Другим» – например, между «Западом» и «Востоком». М. Томпсон предлагает

обозначать термином «реакционный культурализм»⁷ практику обращения к культурным различиям как инструменту сдерживания политического влияния Запада (Thompson 2019).

Историографические дебаты подчёркивают, что джадидизм нельзя редуцировать к простой оппозиции традиционалистскому исламу: скорее, речь идёт о сложном социально-религиозном реформаторском движении, в рамках которого исламские доктрины переосмысливаются через рационалистическую и гуманистическую призму (Lizzerini 2023). Исламские реформаторы XIX в. активно участвовали в выработке собственного проекта современности, переинтерпретируя традицию с помощью современных понятий и формируя специфический исламский дискурс модерности, опирающийся на «аутентичное» религиозное прошлое. В этом ключе, с опорой на теорию множественных современностей Ш. Эйзенштадта, Д. Мухетдинов утверждает, что джадидизм переопределяет понятие современности и представляет собой «новый тип религиозности, возникший в результате ответа на вызовы современности» (Мухетдинов 2022: 58).

Кейс Узбекистана представляется сопоставимым с опытом ряда соседних стран. Так, в литературе представлены исследования о том, как Казахстан использует официальный исторический нарратив для формирования нового образа на международной арене (Waškiel 2019), а также работы, посвящённые коммеморативным стратегиям в казахстанском обществе в контексте сохранения памяти о Второй мировой войне (Rees 2024).

Российская научная школа, в свою очередь, накопила существенный методологический потенциал в области исследований памяти. Наряду с общетеоретическими разработками, ряд авторитетных специалистов анализирует публичные высказывания главы государства по историческим вопросам в контексте российской политики памяти (Миллер 2023; Малинова 2019).

В методологическом отношении настоящее исследование опирается, с одной стороны, на подходы исследований памяти – при анализе «переизобретения» и актуализированного перепрочтения реформистских традиций мусульман, государственной политики памяти и практик коммеморации. Для данной исследовательской оптики принципиально важно понимание того, что конструирование официального нарратива предполагает отбор и закрепление одной из возможных интерпретаций прошлого в публичном дискурсе, причём историческая составляющая играет в подобных конструкциях системообразующую роль⁸. В социально-политическом смысле историческая наука нередко

⁷ В основе данного понятия лежит тезис о несовместимости демократических идеалов с культурными особенностями некоторых стран.

⁸ В данном исследовании «нарратив» – это рассказ-толкование, который связывает отдельные элементы реальности в относительно непротиворечивое целое, «простая и доходчивая история, резонирующая с народными ценностями, которая формирует в массовом политическом сознании желаемые для политика каузальные фреймы и тем самым создаёт мотивационную базу для определённого политического поведения» (Шейгал 2007: 91).

выполняет функцию поддержания коллективной идентичности: она канонизирует определённый образ прошлого в форме национально-государственного нарратива и «встраивает» в него культурную традицию народной памяти (Репина 2020: 5). Вслед за О. Малиновой в работе используется понятие «актуализированного прошлого» как «своеобразного репертуара исторических событий, фигур и символов, которые наделяются смыслами, в той или иной мере значимыми для современных политических и культурных практик» (Малинова 2016: 142). Также принимается её определение «национального нарратива» как «смысловой схемы исторического повествования, которая описывает “генеалогию сообщества”, полагаемого нацией, устанавливая связи между событиями и выступает важным механизмом социального конструирования идентичности» (Малинова 2015: 6).

С другой стороны, исследование требует предметного политологического анализа нарративов различного уровня – метанарративов (макроуровень) и их проявлений в виде отдельных политических нарративов (мезоуровень), к числу которых относится нарратив о джадидизме. В рамках исследований нарратива (narrative research) как направления в политических науках анализируется, как формируются «большие» и «малые» истории (storytelling), почему акторы по-разному воспринимают и интерпретируют события и каким образом закрепляют эти интерпретации в устойчивых смысловых конструкциях. Цель подобных исследований состоит в том, чтобы показать, как исторические нарративы участвуют в формировании политических идеологий и коллективной идентичности и как они репрезентируют события прошлого в публичном пространстве (Onwuegbuzie, Abrams 2024; van Hulst 2024).

Для настоящего исследования существенным является положение о том, что нарративы во многом вытесняют массивные доктринальные идеологии как инструмент политической коммуникации: носителями метанарративов, как правило, выступают влиятельные политики, которые концентрируют базовые смыслы и задают рамки элитного и массового дискурса. Упрощённые интерпретационные «рассказы» становятся одним из ключевых инструментов организации публичного политического поля (Соловьёв 2025: 21). Политический нарратив, как правило, характеризуется общественной значимостью сюжета, множественностью повествователей, сочетанием содержательного единства с вариативностью интерпретаций, доступностью формулировок и неизбежным упрощением реальности (Шейгал 2007). Эти нарративы динамичны: они эволюционируют, поддерживают и воспроизводят представления о легитимности прошлого и настоящего нации как «воображаемого сообщества» (Завершинский, Корюшкин, Чайовски 2022).

Под «политическими нарративами» в статье понимаются когнитивные конструкции со специфическими смысловыми акцентами и адресными посланиями аудиториям, влияющие на формирование политических убеждений социальных групп и крупных коллективов. Для их анализа используется тематический

анализ, предполагающий выявление и интерпретацию устойчивых смысловых тем и повторяющихся мотивов в рассматриваемых нарративах (Riessman 2007).

Джадидизм в пространстве политических высказываний

Для того, чтобы понять, каким образом символический капитал историко-культурного наследия джадидов становится частью национального метанарратива о прошлом, настоящем и будущем Узбекистана, обратимся к публичным высказываниям главы государства и законодательным решениям последних лет.

Переживающий период реформирования Узбекистан с 2020 г. развивается в идеологической парадигме «Трёх Ренессансов». В упрощённом прочтении эта концепция может быть сформулирована следующим образом: территория современного Узбекистана в древности была колыбелью двух великих эпох возрождения – Первого (просветительского, IX–XII вв.) и Второго (темуридского, XIV–XV вв.). Современный этап развития страны – это «Третий Ренессанс», подразумевающий проведение широкомасштабных демократических преобразований в различных областях, прежде всего, в сфере образования.

Эти идеи в выступлениях главы государства неоднократно озвучивались в связке с концептом построения Нового Узбекистана. В 2021 г. Ш. Мирзиёев в интервью газете «Янги Узбекистон» пояснил, что понятия «„Новый Узбекистан“ и „Третий Ренессанс“ гармонично перекликаются с нашей жизнью и вдохновляют наш народ на великие цели»⁹.

В «Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы», принятой в январе 2022 года, фигурирует девиз «Новый Узбекистан – Третий Ренессанс»¹⁰.

В чём состоит пересечение этих понятий? Прежде всего, в том, что идея «Нового Узбекистана», переживающего «Третий Ренессанс», уходит своими корнями в «первую и вторую эпохи Возрождения». Авторами «Третьего Возрождения» изображаются предки-джадиды, которые «смело вступили на арену борьбы под флагом джадидизма – движения за обновление и свободу, справедливость и равенство, науку и просвещение, а также национальное самосознание (здесь и далее выделено мной – Ю.Г.) ... пробудили наш народ от векового невежества и придали ему беспрецедентную силу для национально-освободительного движения»¹¹.

Хотя поступательная прогрессистская логика реформ была опрокинута «большевистской диктатурой», бывшей «продолжением царской колониальной политики в новой формации», «благородные устремления» джадидов

⁹ Что такое Третий Ренессанс? URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/17/renaissance/> (дата обращения 20.07.2025).

¹⁰ Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы. Приложение № 1 к Указу Президента Республики Узбекистан от 28 января 2022 года № УП-60. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5841077#5843057> (дата обращения 20.07.2025).

¹¹ Что такое Третий Ренессанс? URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/17/renaissance/> (дата обращения 18.07.2025).

«сохранились в крови и исторической памяти нашего народа и живы до сих пор»¹². «В нашем регионе, который стал колыбелью двух великих Ренессансов в истории Востока, именно джадиды могли бы осуществить третий Ренессанс. К сожалению, тоталитарный режим не позволил полностью воплотить в жизнь их дальновидные идеи и устремления», – сказано в одном из обращений лидера страны к участникам международной конференции джадидологов¹³. Неоднократно отмечался «огромный вклад представителей этого движения в развитие национальной государственности и региональной самобытности, гражданского общества на территории Центральной Азии»¹⁴.

С высоких трибун говорится, что Узбекистан стал одним из центров масштабных общественно-политических и просветительских процессов, которые были запущены джадидами. На гуманистических принципах джадидизма строится в Узбекистане «свободное гражданское общество, правовое демократическое государство». В наследии предков-джадидов черпается духовная сила и энергия современными гражданами страны¹⁵. На новом этапе своего развития страна нуждается в людях, владеющих достижениями западной науки и воспитанных в духе национальных ценностей¹⁶.

Ключевая установка рассматриваемого политического дискурса состоит в том, что джадиды представлены как инициаторы Третьего Ренессанса, реализация которого в силу исторических обстоятельств не была завершена, однако должна быть продолжена последующими поколениями – образованными и социально ответственными гражданами современного Узбекистана. В этой логике на современников возлагается задача во имя будущего страны воспринять и актуализировать наиболее значимые элементы джадидского наследия, продолжить начатый ими в начале XX в. реформаторский проект и активно обращаться к мировому опыту и знаниям.

Принципиально важно, что «Ренессанс» в данном дискурсе мыслится возможным лишь при сочетании заимствования достижений Запада с опорой на собственные духовные и культурные традиции. В этом контексте джадидизм в узбекской интерпретации (и шире – в центральноазиатском пространстве)

¹² Что такое Третий Ренессанс? URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/17/renaissance/> (дата обращения 18.07.2025).

¹³ Участникам Международной конференции, посвящённой изучению наследия джадидов. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/6007> (дата обращения 16.07.2025). Стоит отметить, что конференция проводилась при поддержке Организации тюркских государств, ТЮРКСОЙ, Международной тюркской академии, Международного фонда тюркской культуры и наследия, Парламентской ассамблеи тюркских государств.

¹⁴ Конференция 11-12 декабря 2023 года – приветствие главы государства. URL: <https://president.uz/oz/lists/view/6919> (дата обращения 15.07.2025).

¹⁵ Участникам Международной конференции, посвящённой изучению наследия джадидов URL: <https://president.uz/ru/lists/view/6007> (дата обращения 16.07.2025); Президент: сфера духовности должна опережать на десять шагов другие сферы, духовность должна превратиться в новую силу, в новое движение! URL: <https://president.uz/ru/lists/view/6941> (дата обращения 16.07.2025).

¹⁶ Президент: сфера духовности должна опережать на десять шагов другие сферы, духовность должна превратиться в новую силу, в новое движение! URL: <https://president.uz/ru/lists/view/6941> (дата обращения 16.07.2025).

позиционируется не как локальное историческое явление, а как пример успешной незападной модели реформ и модернизации, обладающей универсальной значимостью для мусульманского мира.

Следующий важный шаг на пути конструирования политического метанарратива – помещение в эту картину мира лидера страны. Ему отведена историческая миссия «нового джадида», продолжателя славных реформистских традиций. В декабре 2023 г. на международной конференции, посвящённой истории джадидского движения, помощник президента Узбекистана С. Мирзиёева утверждала: «... идеи джадидов, их мечты отражаются в политике президента Шавката Мирзиёева. Новый Узбекистан под руководством президента-джадида смело идёт по пути создания светского правового государства и гражданского общества, создания системы качественного образования, обеспечения свободы слова и открытости, о которых мечтали наши предки»¹⁷.

Зафиксируем основные моменты. Национальный метанарратив «Нового Узбекистана» конструируется через присвоение интеллектуального наследия узбекских джадидов в вопросах создания собственной государственности путём реформирования различных сфер жизни. Джадидам приписывается процесс рождения Третьего Ренессанса, который был прерван советскими репрессиями, но, сохранившись в «крови и исторической памяти народа», продолжился сегодня под руководством президента страны.

Итак, Узбекистан позиционирует себя хранителем и продолжателем интеллектуальных и политических традиций джадидов Туркестана. В современных реалиях формируется государственная политика памяти с набором законодательных и разноплановых институциональных мер, инициированных, прежде всего, президентом.

В последние годы заметно активизируется проработка компонентов «национальных ценностей» и историко-культурного наследия как ресурсной базы государственной идеологии. Так, в «Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы» среди целей развития страны зафиксированы: просвещение в области правовой культуры «в сочетании с изучением богатой истории, научно-культурного наследия, национальных и религиозных ценностей нашего народа» (цель № 71), а также «государственная поддержка бережного сохранения, широкой популяризации и развития национальных ценностей и духовного наследия узбекского народа»¹⁸. Эти установки получают институциональное закрепление в нормативных актах и управленческих решениях.

¹⁷ Jadidlar: milliy o'zlik, istiqlol va davlatchilik g'oyalari. URL: https://uza.uz/oz/posts/jadidlar-milliy-ozlik-istiqlol-va-davlatchilik-goyalari-video_547067 (дата обращения 16.07.2025).

¹⁸ В перечне целей Стратегии (цель №73) фигурирует «глубокое изучение и широкая пропаганда богатого научного наследия наших великих предков». *Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы*. Приложение № 1 к Указу Президента Республики Узбекистан от 28 января 2022 года № УП-60. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5841077#5843057> (дата обращения 15.07.2025).

Решением Президента от 26 марта 2021 г. была актуализирована работа в духовно-просветительской сфере: Республиканскому центру духовности и просветительства поставлена задача продолжить поддержку «идеологических преобразований как средства защиты и продвижения духовных и культурных ценностей Нового Узбекистана»¹⁹. В числе ключевых приоритетов «Концепции развития узбекского языка и совершенствования языковой политики в 2020–2030 годах» прямо обозначено «поощрение научных исследований по изучению богатого духовного наследия, жизни и деятельности ярких представителей джадидизма»²⁰.

Отдельный блок формализации «памяти о реформаторах» представлен в документах, посвящённых увековечиванию памяти жертв политических репрессий. В Постановлении Президента «О расширении работы по изучению жизни и деятельности, увековечиванию памяти соотечественников, ставших жертвами политических репрессий» от 19 июля 2024 г. общее число пострадавших определяется как более 100 тыс. человек²¹, при этом в особую категорию выделены «представители движения джадидов»; термин «джади́ды» употребляется в документе 28 раз. Постановление предусматривает комплекс мер: организацию государственного заказа на научные исследования; активизацию рассекречивания личных дел и иных документов; оцифровку и реставрацию архивных материалов; повышение качества контента электронной платформы «Jadidlar.uz»; проведение в образовательных учреждениях в рамках «Уроков независимости» занятий о жертвах репрессий, включая деятелей джадидского движения; установку памятных табличек; развитие издательских и выставочных практик²².

Примечательно, что в официальных документах присутствует выраженный жертвенный нарратив, при этом ответственность персонализируется минимально: в качестве источника репрессий фигурирует обобщённый «тоталитарный режим». В публичных выступлениях, напротив, в зависимости от контекста и аудитории, появляются более или менее определённые формулировки, в которых Советский Союз обозначается как носитель негативного исторического опыта.

¹⁹ Решение Президента Республики «О мерах по коренному совершенствованию системы духовно-просветительского дела» от 26 марта 2021 года. *Ўзбекистон Республикаси Президентининг қарори*, 26.03.2021 йилдаги ПҚ-5040-сон. URL: <https://lex.uz/uz/docs/5344692> (дата обращения 15.07.2025). Ответственные исполнители: Академия наук, Республиканский центр духовности и просветительства, Институт истории, Государственный музей истории Узбекистана, Министерство высшего и среднего специального образования, Государственный музей памяти жертв репрессий, Министерство инновационного развития, Комитет по делам религий.

²⁰ Концепция развития узбекского языка и совершенствования языковой политики в 2020–2030 годах. Приложение к Указу Президента Республики Узбекистан от 20 октября 2020 года № УП-6084. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5058375?query=джадид#sr-1> (дата обращения 07.08.2025).

²¹ Постановление Президента Республики Узбекистан, от 19.07.2024 г. № ПП-270 «О расширении работы по изучению жизни и деятельности, увековечиванию памяти соотечественников, ставших жертвами политических репрессий». URL: <https://lex.uz/docs/7027942> (дата обращения 15.07.2025).

²² Постановление Президента Республики Узбекистан, от 19.07.2024 г. № ПП-270. URL: <https://lex.uz/docs/7027942> (дата обращения 15.07.2025).

Академический дискурс о славных предках-джадидах

В одном из обращений главы государства к участникам научной конференции подчёркивалось, что, «несмотря на наличие в ряде стран мира многочисленных исследований, посвящённых становлению и развитию идеи джадидизма как уникального общественно-политического явления, по-прежнему сохраняется актуальность всестороннего – концептуального и системного – осмысления вклада представителей этого движения в развитие национальной государственности и региональной самобытности, а также гражданского общества на территории Центральной Азии»²³.

Тем самым государство адресует узбекскому научному сообществу и академическим институтам чёткий запрос на обновление и переосмысление представлений о джадидах. Возникает вопрос, в каком именно направлении осуществляется эта работа и какие ценностные ориентиры «актуализированного прошлого» формируют её содержательное ядро.

В обсуждении исторических причин и предпосылок возникновения движения среди узбекских учёных принципиальных расхождений нет. Они видят в джадидизме «ответ на вызов» колониализма, с негативными социально-политическими и культурными последствиями которого столкнулись страны Центральной Азии. Джадида видели стагнацию образования, социально-экономические трудности узбекского народа и задумывались о путях преодоления этих проблем (Abdullaeva et al. 2022; Khodjaeva 2022; Kulshanova 2022; Mamadiyev et al. 2022). Некоторые авторы утверждают, что движение джадидов пропагандировало национальное освобождение от колониализма (Abzhalov et al. 2024; Nurmatov et al. 2022; Mamadiyev 2022; Mirzaakhmedova 2022).

К началу 2000-х гг. относится формирование и активное распространение сравнительной метафоры, сопоставляющей джадидизм с европейским Возрождением (Abdirashidov 2014); со временем она прочно закрепилась в современном метанарративе о национальном возрождении Узбекистана. Начиная с работ Б. Косимова, джадидизм и его изучение в условиях независимости стали интерпретироваться как часть более широкого процесса «национального возрождения» страны (Qosimov et al. 2004).

В фундаментальных исследованиях З. Абдирашитова и Д. Алимовой подчёркивается особая роль крымского просветителя Исмала Гаспринского, рассматриваемого как одного из ключевых лидеров не только узбекских джадидов, но и джадидского движения в Туркестане в целом (Алимова 2000; Abdirashidov 2024). Тем самым акцент смещается с локального измерения движения на его общетуркестанский и трансрегиональный характер.

²³ Конференция 11-12 декабря 2023 года – приветствие главы государства. URL: <https://president.uz/oz/lists/view/6919> (дата обращения 15.07.2025).

Ряд авторов обращает внимание на значимую социокультурную и политическую роль джадидов в жизни тюркских народов Российской империи. Возникнув как проект реформирования школьного образования и культурной модернизации, джадидизм со временем выдвинул политические лозунги и трансформировался из преимущественно культурного феномена в политическую силу тюркских обществ (Kulshanova 2022). В отдельных исследованиях подчёркивается вклад узбекских джадидов в развитие всего Туркестана, а не только узбекского сообщества (Sevara 2023).

Обобщая наработки региональных исследователей различных гуманитарных дисциплин (историков, филологов, педагогов, журналистов) к началу 2010-х гг., З. Абдирашитов фиксирует многообразие исследовательских тем и интерпретационных подходов (Abdirashidov 2014). При этом он формулирует «национальную идею» джадидов как стремление к политической независимости и национально-государственному строительству, полагая, что данная идея достигла своей кульминации в конце 1917 г. с созданием Туркестанской автономии – «первого и последнего политического управления в Туркестане, созданного джадидами» (Abdirashidov 2024: 997).

В современной историографии также утверждается, что джадидское движение последовательно критиковало автократические и феодальные порядки, рассматриваемые как препятствие общественному прогрессу. Историческая миссия джадидизма интерпретируется как попытка бросить вызов существующему социально-политическому устройству и инициировать его трансформацию (Khodjaeva 2022; Mamadiyev 2022). В этом контексте джадидизм нередко описывается как фактор формирования коллективного национального самосознания и как катализатор более широких демократических и национально-освободительных движений (Esanov 2025).

Развивая представления о национальном самосознании и общей идентичности, джадиды, согласно ряду авторов, внесли вклад в формирование предпосылок независимого узбекского государства (Sobirovich 2022; Kulshanova 2022; Turdiyev 2022; Sevara 2023). В этих интерпретациях подчёркивается, что ориентация на сильную национальную идентичность рассматривалась как необходимое условие выживания и развития народа в условиях колониального давления и внешнего влияния (Sobirovich 2022; Stone 2023).

Наибольшее внимание исследователей привлекает вопрос о характере модернизации, направленности реформ, которые предлагали и воплощали джадиды. Джадидизм был не только образовательным, но и культурным и политическим движением, которое стремились сохранить и развить национальную самобытность, возрождая узбекский язык, литературу и искусство (Sobirovich 2022; Kulshanova 2022). Подход джадидов был нацелен на воспитание поколения, способного внести вклад в национальное возрождение и духовный рост Туркестана. Они были первопроходцами в реформе образования и стремились привести традиционные ценности в соответствие с современными образовательными

практиками (Sevara 2023; Mirzaakhmedova 2022; Sadriddinova 2024). Создание ими школ нового типа способствовало формированию у молодёжи чувства самобытности и культурной гордости, что в современных условиях крайне важно для строительства Нового Узбекистана (Akhrorov 2024; Samadova 2025). Особо обращается внимание на вопрос доступности образования для всех членов общества, включая женщин (Ergasheva 2022).

Неоднозначная тема – отношение джадидов к исламу. Исследователи настаивают на том, что реформаторы стремились объединить интеллектуальные походы Востока и Запада (Esanov 2025), но на этом пути столкнулись с противодействием со стороны консервативных элементов, традиционного исламского духовенства, рассматривавшего реформы в качестве угрозы устоявшимся религиозным и культурным нормам (Abzhalov et al. 2024; Nurmatov et al. 2022).

Джадиды считали, что ислам может сосуществовать с современностью и что золотой век ислама можно возродить с помощью образования и культурных преобразований (Nurmatov et al. 2022; Evdokimov 2024). Этот синтез позволил джадидам выступать за реформы, учитывающие не только культурные особенности, но и задачи построения современного национального государства (Mamadiyev et al. 2022). Нередко проводятся параллели с проблемами современного узбекского общества, которое по-прежнему сталкивается с этим противоречием. Утверждается, что усилия джадидов соответствовали нынешним стремлениям Узбекистана создать общество, воплощающее современный ислам (Abdullaeva et al. 2022).

Отдельно стоит сказать об исследованиях в области истории права, включающих джадидскую тематику. Наше внимание привлёк текст диссертации на соискание степени доктора юридических наук Мавлуды Зулкандар кизи Эргашевой по теме «Взгляды джадидов Туркестана, Бухары и Хивы на государство и право» (защищена в Ташкенте в 2024 г.). Целью диссертации названа «разработка предложений и рекомендаций по совершенствованию законодательства на основе научно-методологических основ изучения взглядов джадидов Туркестана, Бухары, Хивы на государство и право»²⁴. В работе обоснованы «полная гармония и взаимосвязанность сути и содержания Бухарской конституции и норм конституции Республики Узбекистан»²⁵. Утверждается, что в произведениях и программах джадидов были заложены идеи политической независимости нации. «Полное искоренение самодержавия и колониализма, а также независимость Туркестана были для джадидов не только идеями, но и практической деятельностью»²⁶ – данный вывод диссертанта противоречит современным европейским и российским исследованиям. Эргашева акцентирует внимание

²⁴ Эргашева Мавлуда Зулкандар кизи. 2024. Взгляды джадидов Туркестана, Бухары и Хивы о государстве и праве: Автореферат на соискание степени доктора юридических наук. Ташкент.

²⁵ Там же: 41.

²⁶ Там же: 44.

на исторических уроках джадидизма: потребность в сильной национальной армии, значимость выборов как первого шага на пути построения независимого демократического государства.

Некоторые специалисты углубляют и расширяют тезис о перекличке конституционных принципов, провозглашённых джадидской интеллигенцией начала XX в. (человеческое достоинство, светское управление, права женщин, создание сильного гражданского общества) с современными конституционными реформами. «Интеграция этих социально-политических идей в новую конституцию Узбекистана свидетельствует о целенаправленном стремлении привести современное управление в соответствие с давними реформистскими традициями, и тем самым установить формальную идеологическую связь между историческим джадидизмом и современным государственным управлением», – пишет Н. Ризаев (Rizayev 2025). Джадиды, инициировавшие судебные реформы в Туркестане, назначаются создателями современной узбекской судебной системы (Komolov 2025).

Обзор актуальных узбекских публикаций, претендующих на научный статус, показывает их устойчивую корреляцию с установками национального метанарратива. В ряде случаев фиксируется практически полное игнорирование принципа историзма: реформаторская повестка сегодняшнего дня диахронически соотносится с идеями и практиками реформизма начала XX в. Значительная часть таких текстов (хотя и не все) фактически сводится к воспроизведению и аргументации ключевых элементов политического нарратива о джадидизме.

При этом важно подчеркнуть, что узбекская историография обращалась к теме джадидизма задолго до того, как её актуализация стала компонентом государственной политики. К числу наиболее авторитетных современных исследователей относится доктор исторических наук Д. Алимова (см., например: Алимова 2000), в работах которой заметно стремление к дистанцированию от текущей политической конъюнктуры. Так, анализируя исторический контекст реформаторских настроений в Туркестане, она признаёт позитивное воздействие российской образовательной среды и, разумеется, роль И. Гаспринского, одновременно фиксируя социально-экономические и культурные последствия включения региона в состав Российской империи (Алимова 2000). Рассматривая идейные истоки джадидизма, Алимова подчёркивает значимость русского языка как канала, через который в местную среду проникала европейская литература. К числу ключевых ошибок реформаторов она относит недостаточное внимание к вопросам экономики и юриспруденции, а также недооценку специфики и намерений большевистской политики²⁷.

²⁷ Алимова Д.А. 2022. «Джадиды – интервью с Дилором Алимовой». URL: <https://www.caa-network.org/archives/23754/dzhadidy-intervyu-s-dilorom-alimovoj> (дата обращения 17.07.2025).

Работы авторитетного узбекского исследователя истории ислама в регионе Б. Бабаджанова на эту тему тесно связаны с западной историографической традицией, со стремлением объективно осветить эту проблематику, отказавшись как от советской трактовки этого явления, так и от конъюнктурно-политической²⁸.

Итак, сформировавшийся исторический нарратив о джадидизме в современной узбекской историографии может быть описан через ряд устойчивых положений, задающих его актуальность для настоящего:

- джадидизм сыграл значимую роль в просвещении и модернизации жизни тюркских народов;
- движение выступало за национальную независимость, внесло существенный вклад в борьбу за автономию и самоопределение в регионе и – в конечном счёте – рассматривается как один из истоков формирования независимой узбекской государственности;
- джадидизм обозначается как фактор оппозиции существующему политическому порядку и как импульс к его трансформации;
- ему приписывается участие в формировании оснований современной узбекской идентичности, включая развитие национального самосознания и реформирование ислама;
- наконец, джадидизм интерпретируется как пример того, что реформистские движения, опирающиеся на «традицию» и одновременно сопрягаемые с идеями современной политической мысли, способны порождать долгосрочные институциональные изменения.

В совокупности эти положения фактически развивают установки политического нарратива о вкладе джадидов в национальную государственность, сохранение самобытности и расширение возможностей реформ для развития Узбекистана – государства, которое в официальной рамке мыслится как ориентированное на прогресс при одновременной опоре на собственный культурный капитал и духовное наследие ислама в его «обновлённом» виде. Нередко такая логика приводит к ослаблению собственно научного измерения исследований: критическая дистанция сокращается, а методологическая рефлексия уступает место апологетической реконструкции.

В «переизобретённой» истории узбекского джадидизма, в отличие от советской историографии, усиливается мотив национальной травмы и заметен антиколониальный пафос; подвергается критике советская трактовка джадидизма как буржуазно-либерального националистического движения. В результате в публичном поле становится возможным разговор о трагической судьбе джадидов и их «прерванном полёте», что находит прямое отражение в коммеморативных практиках.

²⁸ См., например, Sartori, Babajanov 2019.

Отдельного внимания заслуживает и воображаемая «джадидская география». При обсуждении генезиса идей и деятельности ключевых теоретиков регулярно упоминаются регионы Российской империи (прежде всего Крым; заметно реже – Волго-Урал и Кавказ). Вместе с тем сама Российская империя как целостное политическое пространство, как правило, возникает в нарративе главным образом при объяснении причин появления джадидского движения.

Наконец, и политико-идеологическая, и академическая версии нарратива о джадидизме, как правило, воздерживаются от прямого принятия турецких трактовок общетюркского характера этого явления. Джадидизм интерпретируется преимущественно в координатах собственного государственно-правового строительства и стратегии национального развития, что позволяет сохранять дистанцию по отношению к внешним рамкам его «общетюркской» политизации.

Практики сохранения исторической памяти о джадидах Узбекистана

Из-за тесной связи этой тематики с «трудным» советским прошлым первым из крупных мемориативных институтов стал Государственный музей Памяти жертв репрессий (*Qatag'on qurbonlari хотираси davlat muzeyi*), открытый в 2002 г. в Ташкенте (ул. Амира Тимура, 110/1)²⁹. С 2017 г. он напрямую подчиняется Кабинету министров Республики, что подчёркивает его особый статус. Целый раздел музея посвящён джадидам – «лидерам национального возрождения»³⁰. Музей располагается рядом с мемориальным комплексом «Мемориал шахидов»³¹ (*Shahidlar хотираси*), открытым в 2000 г. на месте массового захоронения репрессированных в Юнусабадском районе Ташкента.

Практики увековечения памяти получили распространение и в образовательной среде. В ряде узбекских университетов в конце 2010-х – начале 2020-х гг. были открыты музеи жертв политических репрессий, в экспозициях которых, наряду с другими сюжетами, представлены и материалы о джадидах как о деятелях, «сопротивлявшихся колонизаторской политике» Советской России³².

Постепенно джадидская тематика приобретает собственную мемориативную субъектность, оформляясь в самостоятельное направление государственной и общественной политики памяти. Так, в декабре 2023 г. было анонсировано принятие постановления президента, посвящённого изучению

²⁹ Представляет собой двухкупольное здание, состоящее из трёх просторных залов.

³⁰ Сайт музея: <http://muzey-xotira.uz/>

³¹ Шахид в исламе: мученик, погибший за веру.

³² Подобные музеи: Джизаский государственный педагогический университет имени Абдуллы Кадыри (<https://jdpu.uz/ru/muzeyi/>); Гулистанский государственный университет. (<https://guldu.uz/ru/universitet/tuzilma/markazlar/university-museum/61-qatagon-qurbonlari-xotirasi-muzeyi.html>) и др.

и развитию идей предков-джадидов, а также строительству музея и учреждению газеты «Жадид» (в переводе с узбекского – «Джадид»)³³.

В мае 2024 г. Ш. Мирзиёев подписал указ «О создании Государственного музея наследия джадидов» (*Jadidlar merosi davlat muzeyini*)³⁴. В комплексе «Ховли Поён» Бухары планируется создать экспозицию рукописей и личных вещей представителей джадидизма, разместить мультимедийную систему об истории этого явления. При комплексе откроется научный центр по изучению наследия джадидов. Среди основных задач музея – «достоверное освещение и широкая пропаганда» идей джадидов «в деле создания духовных основ национальной независимости», а также международное сотрудничество³⁵.

Исторический нарратив о джадидах, историческая память о них представлены и в цифровом пространстве. Институт истории Академии Наук Республики Узбекистан по заказу Фонда развития узбекского языка при Кабинете министров Республики Узбекистан разработал электронный портал «*jadidlar.uz*», где размещены научно-популярные, просветительские, архивные материалы по истории джадидизма. В настоящий момент на электронной платформе собраны более 100 монографий и собраний сочинений узбекских джадидов, материалы газет, документы из советских архивов, 39 диссертаций. Планируется, что в ближайшее время появятся аудиовизуальные материалы, будет расширяться база архивных источников.

Как отмечалось, джадидская тема вплетена в мемориальную политику «по увековечению памяти подвергшихся политическим репрессиям в период тоталитарного строя»³⁶: «Действуют мемориальный комплекс «Шахидлар хоти-раси» [«Память о жертвах» – Ю.Г.], Государственный музей памяти жертв репрессий и его территориальные отделения. Проводится много научных исследований, создаются художественные произведения, кинофильмы об истории джадидизма. Возводятся мемориальные комплексы, учебные заведения, создаются музеи, парки и скверы, носящие имена джадидов-просветителей. За последние три года Верховный суд Узбекистана реабилитировал более четырёхсот наших соотечественников – жертв репрессий. Особого внимания заслуживает то, что большую их часть составляют представители движения джадидов», – сказано в одном из обращений главы государства³⁷.

На конференции «Джади́ды: идеи национальной идентичности, независимости и государственности»³⁸ была представлена экспозиция «коридор памяти»,

³³ Президент: сфера духовности должна опережать на десять шагов другие сферы, духовность должна превратиться в новую силу, в новое движение! URL: <https://president.uz/ru/lists/view/6941> (дата обращения 16.07.2025).

³⁴ Постановление Президента Республики Узбекистан, от 30.05.2024 г. № ПП-201. URL: <https://lex.uz/docs/6947382> (дата обращения 16.07.2025).

³⁵ Там же.

³⁶ В Узбекистане 31 августа отмечается День памяти жертв репрессий.

³⁷ Участникам Международной конференции, посвящённой изучению наследия джадидов. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/6007> (дата обращения 16.07.2025).

³⁸ Состоялась в декабре 2023 г. в Ташкенте.

«посвящённая джадидам и джадидистскому движению в целом: его рождению, развитию, борьбе за ценности, подавлению и возрождению этих идей в эпоху Нового Узбекистана»³⁹.

В июне 2025 г. на средства Фонда развития культуры и искусства Узбекистана была организована масштабная мультимедийная выставка «Джадида. Письма в Туркестан», которая рассказывала о туркестанских студентах, отправленных на учёбу в Германию⁴⁰.

В отличие от официального политического дискурса, в академических исследованиях и коммеморативных практиках и мемориальном законодательстве тезис о негативном влиянии имперского и советского периода на историческую судьбу джадидов практически не маскируется. И если «культурное обновление в Узбекистане в течение десятилетия после обретения независимости представляло собой повторное присвоение советских методов контроля и идей, касающихся культуры» в целях государственного строительства (Adams 2010), то в политике памяти о джадидах советское идейное наследие, напротив, подвергается критическому переосмыслению.

Заключение

Наблюдаемый в Узбекистане процесс представляет собой инициируемое и поддерживаемое государством конструирование связного, упрощённого и в значительной мере ориентированного на эмоциональную сферу повествования о значимости джадидизма для прошлого, настоящего и будущего узбекского государства и общества. Апелляции к «крови», «духовной силе» и «энергии» народа задают тон политическому рассказу о джадидизме как о составной части национального метанарратива о современном Узбекистане, оказывающего влияние на формирование политической, гражданской и национальной идентичности. Нарратив о джадидах поддерживает концепт «Третьего Ренессанса», легитимируемый через достижения прошлого – проекты реформ, начатые «славными предками-джадидами» на рубеже XIX–XX вв. и, согласно нынешней интерпретации, продолженные в XXI в. Историческая память при этом закрепляется как в нормативно-правовой сфере, так и в публичном пространстве посредством набора разнообразных мемориальных практик.

Принципы, связываемые с джадидским наследием, включаются в современную общественно-политическую повестку: дискуссии о формировании национальной идентичности, образовательных инновациях, переходе к демократическому управлению, конституционно-правовых преобразованиях,

³⁹ Jadidlar: milliy o'zlik, istiqloq va davlatchilik g'oyalari. URL: https://uza.uz/oz/posts/jadidlar-milliy-ozlik-istiqloq-va-davlatchilik-goyalari-video_547067 (дата обращения 16.07.2025).

⁴⁰ Jadidlar. Turkistonga maktublar" multimedia ko'rgazmasi. URL: <https://www.afisha.uz/uz/exhibitions/2025/06/20/jadidlar> (дата обращения 16.07.2025).

а также о «модернизированной» версии ислама, совместимой с толерантностью, гражданскими правами и свободами. Тем самым джадидизм оказывается востребован как символический ресурс, позволяющий одновременно артикулировать реформаторскую программу и придавать ей историко-культурную глубину.

Характерно, что сравнительная метафора джадидизма с европейским Возрождением, сформулированная в академических работах начала 2000-х гг., органично встроилась в современный метанарратив о национальном возрождении страны. В стремлении укоренить реформистскую традицию в «крови и почве» неодажди XXI в. прибегают к стратегии, описываемой в литературе как «реакционный культурализм». Представление о джадидизме как о наиболее успешном незападном проекте реформ, опирающемся на традиционную культуру и духовность узбекского общества, формирует интеллектуальную границу между Узбекистаном как «Востоком» и значимым «Другим», в роли которого выступает аллегорический Запад. При этом симптоматично, что для обозначения желаемого образа настоящего и будущего используются понятия западной культурной традиции – «Ренессанс/Возрождение»: язык, посредством которого артикулируется «особость» узбекского проекта модернизации, по своей природе восходит к западному интеллектуальному и культурному контексту.

Возникает соблазн сблизить установки описанной исторической политики с турецким дискурсом пантюркизма, в рамках которого джадидизм трактуется как общетюркское и антиколониальное явление. На данном этапе, однако, основания для прямого отождествления представляются ограниченными. Определяющим остаётся фокус политической элиты на решении внутривнутриполитических задач и на конструировании национальной идентичности. Вместе с тем нельзя исключать возможной эволюции дискурса в сторону более выраженного внешнеполитического измерения, что делает проблему предметом внимания российских научных школ и заинтересованных государственных акторов.

Наконец, за джадидизмом следует признать значительный интеллектуальный потенциал, который может служить не только символическим сопровождением текущих политических задач, но и источником артикуляции собственной, незападной версии современности. Эта версия опирается на специфический культурно-религиозный контекст и может рассматриваться как особый религиозно-интеллектуальный ответ на вызовы, стоящие перед мусульманскими обществами в условиях модернизации и глобальных трансформаций.

Об авторе:

Юлия Николаевна Гусева – доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, РФ, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

E-mail: jguseva@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Автор выражает признательность за помощь в подготовке статьи профессора, доктора филологических наук А.С. Эркинова (Ташкент, Узбекистан).

Автор благодарит анонимных рецензентов за ценные замечания, высказанные в процессе подготовки статьи.

UDC: 327.56:94(575.1):316.75

Received: October 16, 2025

Accepted: December 2, 2025

Jadidism in Uzbekistan's Politics of Memory: Constructing the Narrative of the Third Renaissance

 Yu.N. Guseva

[DOI 10.24833/2071-8160-2025-6-105-62-87](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-6-105-62-87)

Moscow City University

Abstract: This article analyses how the memory of Uzbek Jadid reformers is reworked and mobilized in contemporary Uzbekistan as part of the state-sponsored metanarrative of the “Third Renaissance” and the “New Uzbekistan”. It examines (1) the core semantics of the political narrative about the Jadids, (2) the actors and institutional channels that produce and circulate this narrative, and (3) the ways in which a “reinvented” Jadid past is translated into commemorative policy and practices.

Methodologically, the study combines narrative research and memory studies, focusing on the interaction between political storytelling, academic historiography, and memorial governance. The empirical base includes public statements of the Uzbek political leadership, memorial legislation and policy documents (with particular attention to the expanding regulatory and institutional infrastructure of memory), as well as Uzbek historical scholarship on Jadidism since the early 2000s.

The article shows that the dominant official reading of Jadidism foregrounds its reformist and “democratic” potential, presenting it as a culturally rooted yet innovation-oriented model of non-Western modernization. Within this framework, Jadid “ancestors” are positioned as initiators of a renaissance interrupted by the Soviet period but continued in the 21st century through contemporary reforms; this narrative is further personalized by depicting the current head of state as a “neo-Jadid” and is reinforced by affective idioms of “blood”, “spiritual strength”, and the “energy of generations”. The “useful past” thus functions as a legitimacy resource for sovereign statehood and national identity-building, while extensive state efforts – ranging from institutional support for Jadidology to museums, memorial sites, educational initiatives and digital platforms – stabilize the narrative in both law and public space. Finally, the article argues that portraying Jadidism as the most successful non-Western reform

project draws a tangible symbolic boundary between Uzbekistan as “the East” and an imagined “West”, even as the renaissance vocabulary itself remains rooted in Western conceptual heritage.

Keywords: Jadidism, Jadidism in Uzbekistan, historiography of Jadidism, political narrative, national metanarrative, Third Renaissance, New Uzbekistan

About the author:

Guseva Yu. Nikolaevna – Doctor of History, Professor, Institute of Humanities, Moscow City University. Bldg. 1, 4, 2nd Selskokhozyaystvenny Proezd, Moscow 129226, Russian Federation. E-mail: j.guseva@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgments:

The author acknowledges the assistance of Professor A.S. Erkinov (Tashkent, Uzbekistan), Doctor of Philological Sciences, in preparing this article.

The author thanks the anonymous reviewers for their valuable comments during the preparation of this article.

References:

- Abdirashidov Z. 2022. *Jadids. Mahmudkhodja Behbudi*. Tashkent: Youth Publishing House.
- Abdirashidov Z. 2018. Study of Jadidism in Independent Uzbekistan, *Asian research trends. New series*. 9. P. 47-73.
- Abdirashidov Z. 2024. The National Idea of Turkestan Jadids: Developing and Implementing. *Turkiyat Mecmuasi*. 34(2). P. 973–1001. DOI: <https://doi.org/10.26650/iuturkiyat.1512323>
- Abdullaeva M., Gafurova Sh. K., Khandamian V. 2022. Central Asian Jadids' Efforts to Serve the Nation by Bringing Enlightenment to the Country. *International Journal of Social Science Research and Review*. 5(7). P. 224–232. DOI: <https://doi.org/10.47814/ijssrr.v5i7.468>
- Abzhalov S., Bazarbayev K. K., Nurmatov Z., Abdrassilov T. 2024. An analysis of contribution of jadid movement in modernisation and reform of education in Central Asia, *Адам элми*. 99(1). P. 129–142. DOI: <https://doi.org/10.48010/aa.v99i1.385>
- Adams L. L. 2011. *The Spectacular State: Culture and National Identity in Uzbekistan*. Duke University Press.
- Akhrorov I. D. 2024. Jadid maktablarining shakllanish jarayoni hamda o'qitishning nazariy asoslari. *European International Journal of Pedagogics*. 4(11). P. 90–105. DOI: <https://doi.org/10.55640/eijp-04-11-20>
- Dadabaev T. 2016. *Identity and Memory in Post-Soviet Central Asia: Uzbekistan's Soviet Past*. Routledge.
- Eden J., Sartori P., De Weese D. 2016. Moving Beyond Modernism: Rethinking the Cultural Change in Muslim Eurasia (19-20 Centuries). *JESHO*. № 59. P. 1-36.
- Eisenstadt S.N. 2006. Multiple modernities in the framework of a comparative evolutionary perspective. *Comparative Perspectives on Social Change*. P. 199–218. DOI: 10.1057/9780230524644_14
- Esanov F.D. 2025. Jadidchilik Harakatining Vujudga Kelishi va Uning Ijtimoiy-Falsafiy Ahamiyati, *Экономика и социум*. №3 (130)-2. P. 112-116.

Kashiura C. N. 2015. Sujeito de direito e interpelação ideológica: considerações sobre a ideologia jurídica a partir de Pachukanis e Althusser / Legal Subject and Ideological Interpellation: considerations on legal ideology based on Pashukanis and Althusser. *Revista Direito e Práxis*. 6(1). P. 49–70. DOI: <https://doi.org/10.12957/DEP.2015.12742>

Kulshanova A. A. 2022. Jadidism: ideology, conceptual approaches and practice. *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies*. 138(1). P. 59–71. DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2022-138-1-59-71>

Khodjaeva D. 2022. The fate and activity of the jadids in the soviet period. *Asian Journal of Multidimensional Research*. 11(10). P. 207–213. DOI: <https://doi.org/10.5958/2278-4853.2022.00268.3>

Komolov D. P. 2025. Action of the Jadids to Establish Judicial Authorities in Turkestan. *The Light of Civilization*. 2025-yil, 1-son (64) DOI: 10.69691

Lazzerini E. J. 2023. Jadidism, Modernity, and Islamic Communities of Imperial Russia. Oxford Research Encyclopedia of Asian History. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190277727.013.291>

Lee J. 2023. Collective Memory and Everyday Politics in North Korea: A Qualitative Text Analysis of New Year Statements, 1946–2019. *Asian Studies Review*. DOI: <https://doi.org/10.1080/10357823.2023.2226814>

Mamadiyev S. S., Mirsalimova D. D., Bekjonova F.F. 2022. Jadidlarning Adidlarning Millat Rivoji Uchun Qo`shagan Hissas., *Scientific Progress*. Vol. 3, Issue 10. P. 211-214.

Mirzaakhmedova S. 2022. Jadid enlightenment “jadid ways” schools and public education. *Oriental Journal of Education*. 02(01). P. 149–155. DOI: <https://doi.org/10.37547/supsci-oje-02-01-23>

Morrison A. 2025. The Jadidology Wars. A plea for peace from a neutral bystander, *New Explorations into the medieval and modern history of Central Asia. Festschrift for Professor Dilorom Alimova*.

Museyibzada J., & Usmonov B. A. 2024. Formulating Uzbekistan's Evolving Strategic Narrative (2016–2024). *The Journal for Interdisciplinary Middle Eastern Studies*. 10(2). P. 135–168. DOI: <https://doi.org/10.26351/jimes/10-2/2>

Nurmatov Z., Abdrassilov T., Hwang Soon I. 2022. An analysis on the formation of jadidism in Central Asia in the late 19th and early 20th century (1870-1917). *Al'-Farabi*. DOI: <https://doi.org/10.48010/2022.2/1999-5911.11>

Onwuegbuzie A. J., & Abrams S. S. 2024. Towards mixed methods narrative inquiry and mixed methods narrative research that are transparent, rigorous, ethical, and equitable (TREE). *Journal of Mixed Methods Studies*. 9(1). P. 82-129. DOI: <https://doi.org/10.59455/jomes.2024.9.2>

Qosimov B., Yusupov Sh., Dolimov U., Rizayev Sh., Ahmedov S. 2004. *Milliy uygʻonish davri oʻzbek adabiyoti (National revival period literature)*. Tashkent: Maʼnaviyat.

Riessman C. 2007. *Narrative Methods for the Human Sciences*. Sage Publications. DOI: <https://psycnet.apa.org/record/2008-05683-000>

Rizayev N. S. 2025. Coordination of The Constitution of The Republic of Uzbekistan With The Ideas of The Jadids Movement (Social - Philosophical Analysis). *Buletin Antropologi Indonesia*. Vol. 2. № 2. P. 1-5.

Rees K.M. 2024. Public Commemoration and Nationalizing the Cult of World War II in Kazakhstan. *Post-Colonial Approaches in Kazakhstan and Beyond. The Steppe and Beyond: Studies on Central Asia*. Palgrave Macmillan, Singapore. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-99-8262-2_4

Sadriddinovna S. S. 2024. The Role Of The Jadids In Elevating The Spirituality Of The People Of Turkestan. *Jurnal ISO: Jurnal Ilmu Sosial, Politik Dan Humaniora*, 4(2). DOI: <https://doi.org/10.53697/iso.v4i2.2074>

Samadova Kizi 2025. The Significance of the Jadids' Scientific Heritage in Developing the Spirituality of Youth in New Uzbekistan. *Intelektualitas Jurnal Penelitian Lintas Keilmuan*, January. 1(4):6 DOI: <https://doi.org/10.47134/intelektualitas.v1i4.3642>

Sartori P. 2016. Ijtihād in Bukhara: Central Asian Jadidism and Local Genealogies of Cultural Change. *Journal of The Economic and Social History of The Orient*. 59. P. 193–236. DOI: <https://doi.org/10.1163/15685209-12341397>

Sartori P., Babajanov B., 2019 Being Soviet, Muslim, Modernist, and Fundamentalist in 1950s, *Central Asia, Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 62, 108-165. DOI: [10.1163/15685209-12341476](https://doi.org/10.1163/15685209-12341476)

Sevara K. 2023. The essence of the reforms in public education of the jadids: on the example of textbooks and literature. *Научный вестник. Гуманитар Fanlar Seriyasi*. 2-son 1-seriya (138). P. 123-128. DOI: <https://doi.org/10.59251/2181-1296.2023.v2.138.1.1927>

Sinkkonen E. 2025. Chosen Glory and Chosen Trauma with Chinese Characteristics: Social Representations of History in an Authoritarian Context. *Nationalities Papers*. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1017/nps.2024.80>

Sobirovich T. B. 2022. Jadids Movement and its Role in Raising the Identity of The Uzbek Nation. *Asian Journal of Basic Science & Research*. DOI: <https://doi.org/10.38177/ajbsr.2022.4408>

Sobirovich T. B. 2024. The National Idea as a Driving Force behind Ideospheric Transformation in Uzbekistan: Exploring its Implications and Impact. *Asian Journal of Applied Science and Technology*. DOI: <https://doi.org/10.38177/ajast.2024.8316>

Soest von C., Grauvogel J. 2017. Identity, procedures and performance: how authoritarian regimes legitimize their rule. *Contemporary Politics*. 23(3). P. 287-305. DOI: <https://doi.org/10.1080/013569775.2017.1304319>

Stone D. 2023. Revival of Uzbek nationalism: a Comparative study of identity formation in Post-soviet Uzbekistan. *Journal of Social Sciences and Humanities Research Fundamentals*. DOI: <https://doi.org/10.55640/jsshfr-03-11-04>

Thompson M. R. 2019. Legitimizing Authoritarian Modernism: Reactionary Culturalism. *Authoritarian Modernism in East Asia*. Palgrave Pivot, New York. P. 77–93. DOI: https://doi.org/10.1057/978-1-137-51167-6_5

Turdiyev B. S. 2022. Jadids Movement and its Role in Raising the Identity of The Uzbek Nation. *Asian Journal of Basic Science & Research*. 04(04). P. 74–81. DOI: <https://doi.org/10.38177/ajbsr.2022.4408>

Tuyganov M. S., Nurbayev J., Kiyubek Zh.(2024. Concepts of “the state of nomadic uzbeks” and “chagatai ulus” in the policy of national construction of Uzbekistan. *Kazakhstan Spektr*. 109(1). P. 34–42. DOI: <https://doi.org/10.52536/2415-8216.2024-1.03>

van Hulst M., Metze T., Dewulf A., de Vries J., van Bommel S., van Ostaijen M. 2024. Discourse, framing and narrative: three ways of doing critical, interpretive policy analysis. *Critical Policy Studies*. DOI: <https://doi.org/10.1080/19460171.2024.2326936>

Wasziel T. 2019. Historical Narrative and Tradition as Instruments of Creating the Image of the State on the International Arena: The Case of Kazakhstan. *Historia i Polityka*. 37(30). P. 49–63. DOI: <https://doi.org/10.12775/HIP.2019.035>

Yilmaz K., Duran H. 2023. The impact of historical heritage and uzbek identity on the formation of Uzbekistan's foreign policy, *Balıkesir Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, Baunsobed*. 26(50). P. 777-788. DOI: <https://doi.org/10.31795/baunsobed.1369705>.

Zhang Q. 2024. Rehabilitating Republican China: Historical Memory, National Identity and Regime Legitimacy in the Post-Mao Era. *The China Quarterly*. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1017/s030574102400095x>

Alimova D.A. 2000. *Dzhadidizm v Srednej Azii: Puti obnovleniya, reformy, bor'ba za nezavisimost'* [Jadidism in Central Asia: Paths of Renewal, Reforms, and the Struggle for Independence]. Tashkent: Uzbekiston, 2000 (In Russian).

Malinova O.Yu. 2015. *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushhej e'lity i dilemmy' rossijskoj identichnosti* [Actual past: Symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity]. Moscow: Political Encyclopedia. (In Russian).

Malinova O.Yu. 2019. Kto i kak formiruet oficial'ny'j istoricheskij narrativ: Analiz rossijskix praktik [Who and How Shapes the Official Historical Narrative: An Analysis of Russian Practices]. *Polity*. № 3. P. 103-126. DOI:10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126 (In Russian).

Malinova O. Yu. 2016. Oficial'ny'j istoricheskij narrativ kak e'lement politiki identichnosti v Rossii: ot 1990-x k 2010-m godam [The Official Historical Narrative as an Element of Identity Politics in Russia: From the 1990s to the 2010s]. *Polis. Political Studies*. № 6. P. 139-158. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10> (In Russian).

Miller A.I. 2023. Vy'stupleniya Prezidenta V.V.Putina po istoricheskim voprosam v 2019-2022 gg.: analiz motivov i adresatov [Speeches by President V.V. Putin on Historical Issues in 2019-2022: Analysis of Motives and Addressees]. *Political Science*. № 2. P. 46-64. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.02> (In Russian).

Mukhetdinov D. V. 2023. Jadidism as a New Type of Religiousity: Essay on Preliminary Conceptualization. Islam in the Modern World. DOI: <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2022-18-4-43-64>

Repina L.P. (ed.). 2020. *Proshloe dlya nastoyashhego: istoriya-pamyat' i narrativy' nacional'noj identichnosti* [The Past for the Present: History-Memory and Narratives of National Identity]. Moscow: Akvilon. (In Russian).

Senyutkina O.N. 2018. Dzhadidizm kak chast' rossijskogo islamskogo diskursa (sovremennyy'e istoriograficheskie ocenki) [Jadidism as a Part of Russian Islamic Discourse (Modern Historiographic Assessments)]. *Islamic Studies*. Vol. 9. №. 2 (36). P. 15-29 (In Russian).

Soloviev A. I. 2025. Narrativy' v prostranstve vlasti. Vozmozhnosti i predely' narrativny'x politik [Narratives in the Space of Power. Possibilities and Limits of Narrative Policies]. *Political Science*. №2. P. 18-40 <https://doi.org/10.31249/poln/2025.02.01> (In Russian).

Tameryan T. Yu., Shaipova A. M. 2024. Politicheskij narrativ: koncepcii, tipologii i struktury' [Political Narrative: Concepts, Typologies, and Structures]. *Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics*. № 1. P. 16-35. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-16-3> (In Russian).

Sheygal E.I. 2007. Mnogolikij narrativ [Multifaceted narrative]. *Political linguistics*. № 22. P. 86-93. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogoli-kiy-narrativ> (In Russian).

Zavershinsky, K.F., Koryushkin, A.I., & Chayovsky, A. 2022. Political identity and national memory: The conflict of contemporary political narratives. *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology*. № 38(1). P. 82-93. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.107> (In Russian).

Список литературы на русском языке

Алимова Д.А. 2000. *Джадидизм в Средней Азии: Пути обновления, реформы, борьба за независимость*. Ташкент: Ўзбекистон.

Завершинский К. Ф., Корюшкин А. И., Чайовски А. 2022. Political identity and national memory: The conflict of contemporary political narratives. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. № 38(1). С. 82-93. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.107>

Малинова О.Ю. 2015. *Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. М.: Политическая энциклопедия.

Малинова О.Ю. 2019. Кто и как формирует официальный исторический нарратив: Анализ российских практик. *Полития*. № 3. С. 103-126. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126

Малинова О. Ю. 2016. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам. *Полис. Политические исследования*. №6. С. 139-158. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10>

Миллер А.И. 2023. Выступления Президента В.В. Путина по историческим вопросам в 2019-2022 гг.: анализ мотивов и адресатов. *Политическая наука*. №2. С.46-64. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.02>

Мухетдинов Д.В. 2022. Джадидизм как новый тип религиозности: опыт предварительной концептуализации. *Ислам в современном мире*. 18(4):43-64. DOI: <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2022-18-4-43-64>

Репина Л.П. (ред.). 2020. *Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности*. М.: Аквилон.

Сенюткина О.Н. 2018. Джадидизм как часть российского исламского дискурса (современные историографические оценки). *Исламоведение*. Т. 9. № 2 (36). С. 15–29.

Соловьев А. И. 2025. Нарративы в пространстве власти. Возможности и пределы нарративных политик. *Политическая наука*. № 2. С.18-40 <https://doi.org/10.31249/poln/2025.02.01>

Тамерьян Т.Ю., Шаипова А.М. 2024. Политический нарратив: концепции, типологии и структуры. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. № 1. С. 16–35. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-16-3>

Шейгал Е.И. 2007. Многоликий нарратив. *Политическая лингвистика*. №22. С. 86-93.

Применение азиатского типа оплаты труда «по результатам» для региональных гражданских служащих в России

Р.С. Гринберг¹, А.Н. Борисов², А.И. Бородин³, Р.В. Губарев³, Е.И. Дзюба⁴

¹ Институт экономики РАН

² Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

³ Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

⁴ Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН

Статья посвящена разработке и апробации подхода к применению азиатского типа оплаты труда «по результатам» в системе региональной государственной гражданской службы в России. Исходной точкой выступает позитивный опыт формирования госслужбы в ряде азиатских стран (прежде всего Сингапура), где материальное стимулирование увязывается с достижением измеримых результатов и дисциплинирует управленческие практики. Цель исследования – предложить механизм премирования региональных гражданских служащих, который опирается на оценку эффективности деятельности органов исполнительной власти и может быть использован в условиях высокой межрегиональной дифференциации и ограниченности ресурсов.

Методологически предложенный подход основан на сочетании индексной оценки и инструментов машинного обучения. Эффективность деятельности региональных органов власти измеряется по шести субиндексам, отражающим ключевые «зоны ответственности» профильных министерств, после чего проводится кластеризация субъектов РФ с использованием индексного метода и искусственных нейронных сетей для обеспечения сопоставимости регионов. Привязка уровня премирования к достигнутым результатам реализуется через теоретико-игровую модель, позволяющую формализовать распределение стимулирующих выплат и согласовать индивидуальные стимулы с целями социально-экономического развития региона.

Эмпирическая апробация выполнена на примере Республики Башкортостан (2015, 2020–2022 гг.): определено место региона в кластерной структуре российских субъектов и рассчитан объём премиальных выплат работникам органов исполнительной власти за 2022 г. Научная новизна работы заключается в адаптации теории оптимальных контрактов к специфике региональной госслужбы и в обосновании применимости «азиатской» логики оплаты по результатам в российском контексте. Практическая значимость связана с возможностью полной автоматизации расчётов персонализированных премий на основе программного решения с блочно-модульной архитектурой и последующего масштабирования подхода на другие субъекты РФ.

УДК 351.84:332.14:519.8

Поступила в редакцию: 20.04.2025

Принята к публикации: 22.10.2025

Ключевые слова: социально-экономическое развитие; регионы России; реформирование госслужбы; сингапурский опыт; азиатский тип оплаты труда; гражданские региональные служащие; эффективность труда; коллективное премирование; искусственные нейронные сети; теоретико-игровой подход

В современной России в качестве одного из ключевых инструментов решения социально-экономических задач на государственном уровне рассматривается цифровизация экономики и системы публичного управления. В этой логике была запущена национальная программа «Цифровая экономика», в составе которой реализуется федеральный проект «Цифровое государственное управление». Анализ паспорта программы, а также ряда нормативно-правовых актов¹ позволяет заключить, что на текущем этапе реформирование государственной гражданской службы во многом сводится к повышению производительности и оптимизации численности (прежде всего федеральных служащих, работающих в территориальных органах исполнительной власти) за счёт автоматизации предоставления государственных услуг гражданам и организациям.

Административная реформа и цифровизация действительно создали предпосылки для роста оплаты труда в федеральном сегменте госуправления. Так, принятые решения на уровне Президента предусматривают повышение должностных окладов и отдельных надбавок федеральных гражданских служащих ряда министерств². Вместе с тем на региональном (мезо-) уровне складывается принципиально иная ситуация. Значительная часть субъектов РФ сталкивается с ограниченностью собственной доходной базы консолидированных бюджетов, что делает повышение оплаты труда региональных гражданских служащих финансово затруднительным. В результате сохраняется низкая материальная заинтересованность работников органов исполнительной власти в достижении измеримых результатов, что, в свою очередь, может оказывать неблагоприятное влияние на качество управления и динамику социально-экономического развития территорий.

Одним из возможных решений данной проблемы выступает увязка переменной части вознаграждения (прежде всего премиальных выплат) с результативностью управления, выраженной через показатели социально-экономического развития региона. Подобная логика – оплата труда «по результатам» – получила

¹ Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2020 года № 1829 и Постановление Правительства РФ от 19 декабря 2020 года № 2177. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400049918/> (дата обращения: 17.12.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2021 года № 749 «О совершенствовании оплаты труда федеральных государственных гражданских служащих». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403236545/> (дата обращения: 17.12.2024).

практическое воплощение в ряде стран, включая Сингапур и Республику Корея, где реформирование госслужбы нередко рассматривается как один из факторов устойчивого экономического роста. В российском контексте переход к более гибким и ориентированным на результат моделям стимулирования требует учёта бюджетных ограничений, межрегиональной неоднородности и действующих правовых рамок.

Следует отметить, что действующее российское законодательство в целом допускает принятие субъектами РФ самостоятельных решений по вопросам оплаты труда работников региональных органов исполнительной власти (для дотационных регионов – с учётом объективных бюджетных ограничений). Дополнительные организационно-правовые возможности были сформированы в 2020 г., когда по инициативе Минтруда России был принят федеральный закон, расширивший основания для проведения экспериментов по развитию государственной гражданской службы, включая апробацию новых подходов к системе оплаты труда региональных гражданских служащих.

Предлагаемый авторами проект премирования, ориентированного на результат, призван повысить эффективность регионального управления и создать более прозрачные стимулы для достижения целей социально-экономического развития. Предполагается, что институциональное закрепление связи между результатами управления и материальным вознаграждением будет побуждать региональные органы исполнительной власти к более активной реализации управленческих и нормативных инициатив, в том числе через взаимодействие с федеральными и региональными законодательными структурами.

Исходя из изложенного, целью настоящего исследования является разработка подхода к стимулированию эффективного труда региональных гражданских служащих и его апробация на примере Республики Башкортостан. Поставленная цель определила структуру работы и последовательность изложения материала.

Методологически исследование строится на сочетании индексного подхода к измерению результативности регионального управления и инструментов прикладного экономико-математического моделирования. На первом этапе формируется интегральная оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ на основе системы показателей, сгруппированных по шести субиндексам, отражающим ключевые зоны ответственности профильных министерств; тем самым обеспечивается сопоставимость результатов по регионам при сохранении содержательной привязки к управленческим функциям. Для учёта межрегиональной неоднородности и повышения корректности сравнений далее применяется кластеризация субъектов Российской Федерации с использованием методов машинного обучения (самоорганизующихся карт Т. Кохонена), что позволяет сопоставлять регионы преимущественно внутри однородных групп.

На втором этапе разрабатывается механизм увязки переменной части оплаты труда с достигнутыми результатами: распределение стимулирующих выплат формализуется в рамках теоретико-игровой модели (модифицированной логики оптимальных контрактов), что позволяет согласовать индивидуальные и коллективные стимулы служащих с целями социально-экономического развития региона. Эмпирическая апробация выполнена на материалах Республики Башкортостан (2015, 2020–2022 гг.): определяется положение региона в кластерной структуре субъектов РФ и рассчитывается объём премиальных выплат по итогам 2022 г.

Валидность результатов обеспечивается, во-первых, использованием официальной статистической базы (Росстат, ЕМИСС) и единых процедур нормализации показателей для межрегиональных сопоставлений; во-вторых, проверкой качества кластеризации и прогнозных расчётов на основе формализованных метрик (ошибки обучения/аппроксимации, корреляция фактических и модельных значений, доля корректно распознанных наблюдений в тестовой выборке). В-третьих, ограничения исследования связаны с неизбежной неполнотой региональной статистики по ряду показателей и с необходимостью адаптации набора индикаторов к специфике распределения полномочий на уровне конкретного субъекта Российской Федерации; соответствующие допущения не отменяют прикладной ценности подхода, но задают рамку его дальнейшей калибровки и расширения при накоплении сопоставимых данных.

Обзор литературы

В работе (Grinberg et al. 2018: 167) справедливо отмечается, что общемировой тенденцией является параллельное развитие нескольких ведущих зарубежных парадигм государственного управления – нового государственного управления (New Public Management, NPM), общественно-государственного управления (Good Governance, GG), концепции «ответственного космополитического государства» (Responsible Cosmopolitan State, RCS) и др. При этом, как правило, в конкретной стране на практике одновременно используются элементы нескольких подходов. Так, в статье (Blokhin et al. 2024: 178) утверждается, что в современной России на протяжении более чем двух десятилетий применяется логика NPM, центральным принципом которой выступает управление по результатам. В другой работе (Борщевский 2022: 53) отмечается, что для российской модели характерно сочетание двух парадигм – нового государственного управления и веберианской (бюрократической). При этом подчёркивается, что в последние годы развитие государственной гражданской службы в России всё в большей степени смещается от NPM к веберианской логике.

В настоящее время достаточно популярным трендом как за рубежом, так и в нашей стране, является применение проектного менеджмента не только на корпоративном, но и государственном уровне управления. Поэтому косвенно

оценить эффективность национальной системы государственного управления можно посредством достижения целевых индикаторов (показателей) реализуемых государственных программ и проектов. В работе (Борщевский 2021) на основе одновременного применения теории государственного регулирования экономики и публичного управления проводится оценка эффективности новой модели управления государственными программами РФ. Для этого выдвигается и эмпирически проверяется соответствующая гипотеза. По итогам исследования Г.А. Борщевский сформулировал ряд существенных выводов. С одной стороны, по его мнению, новая модель в целом адекватна современным российским реалиям, поскольку отражает сбалансированное влияние веберианской парадигмы и нового государственного управления, а также включает отдельные элементы концепции общественно-государственного управления. С другой стороны, автор подчёркивает, что данная модель в значительной степени сохраняет преемственность по отношению к прежнему документу и, следовательно, не демонстрирует принципиально более прогрессивного характера. Так, в частности, автор работы утверждает, что «по-прежнему нормативно не закреплены такие значимые предложения, как поощрение ответственных исполнителей за высокую эффективность программ, согласованность сроков представления официальной статистической отчётности и отчётности по государственным программам и приведение порядка расчёта плановых и фактических значений показателей в соответствие с объёмами их финансирования. Следует отметить и такую тревожную тенденцию, как отсутствие в новом документе ряда положений, включённых по итогам оценки госпрограмм в прежнее положение (снижение количества обязательных документов и показателей верхнего уровня; проведение внешнего аудита в процессе мониторинга госпрограмм)» (Борщевский 2021: 13).

Следует отметить и эволюцию самих управленческих парадигм. Так, ряд исследователей фиксирует становление в настоящее время пост-NPM (Фролов и др. 2020). По их мнению, данная административная парадигма представляет собой «холистический (комплексный) подход, стремящийся к межведомственному, межтерриториальному и межотраслевому согласованию целей, решений и стратегий с различными группами стейкхолдеров» (Фролов и др. 2020: 71). Эволюция NPM в сторону пост-NPM, во-первых, предполагает трансформацию роли государственных служащих – от квазикорпоративных менеджеров к сетевым менеджерам и лидерам партнёрств (Klenk, Reiter 2019: 4), а во-вторых, демаркетизацию их деятельности (Mikuła, Kaczmarek 2019), то есть отход от преимущественно рыночной логики в пользу ориентации на задачи социального государства.

Применение различных административных парадигм и их сочетаний привело к определённому разнообразию и типов оплаты труда государственных гражданских служащих. В настоящее время можно выделить три основных типа оплаты труда госслужащих «по результатам». Основные результаты сравнительного анализа таких типов оплаты труда госслужащих представлены в табл. 1.

Таблица 1. Краткая характеристика основных типов оплаты труда для государственных гражданских служащих стран мира**Table 1. Brief characterization of the main types of remuneration for public civil servants in the countries of the world**

Тип системы оплаты труда госслужащих	Примеры стран, где применяется	Краткая характеристика
Карьерная (романо-германская)	Германия, Россия, Франция, Япония	Грейдовая система оплаты труда: государственные служащие, исходя из занимаемых должностей, объединяются в грейды. Размер должностного оклада по каждой должности устанавливается централизованно (как правило, на уровне федерального правительства) и фиксируется в тарифной сетке (тарифных разрядах). При данной модели уровень оплаты в основном определяется должностью и стажем; ключевым стимулом выступают перспективы карьерного продвижения и связанного с ним повышения социального статуса.
Позиционная (англосаксонская)	Австралия, Великобритания, Канада, Новая Зеландия, США	Характеризуется более высокой степенью децентрализации при установлении оплаты труда по сравнению с карьерной моделью. Руководители министерств и ведомств (а также их структурных подразделений) обладают полномочиями определять размеры должностных окладов и премиальных выплат. Премирование, как правило, увязывается с индивидуальными показателями результативности; основным ограничителем выступают бюджетные лимиты соответствующего органа.
Корпоративная (азиатская)	Сингапур, Южная Корея	Смешанная (гибридная) модель, сочетающая элементы романо-германской и англосаксонской систем. Уровень вознаграждения зависит не только от индивидуальной результативности, но и от коллективных результатов – в том числе от показателей, отражающих социально-экономическое развитие и общую эффективность государственного управления.

Источник: составлено авторами по данным (Журавлёва 2017).

Source: compiled by the authors according to (Zhuravleva 2017).

В работе (Богачёва, Смородинов 2020) на примере стран ОЭСР изучается связь между размером заработной платы госслужащих и результатами их деятельности. Проведённое исследование показало, что главным критерием для увеличения размера заработной платы госслужащему являлся стаж работы. Также к значимым критериям относились расширение круга обязанностей и повышение уровня квалификации. При этом повышение размера заработной платы госслужащих определённого грейда неизменно увязывалось с индивидуальными результатами труда.

Другое исследование (Шаймарданова 2022) также посвящено анализу факторов, влияющих на уровень оплаты труда государственных гражданских служащих. К числу ключевых детерминант автор относит, прежде всего, профессиональные характеристики – квалификацию, уровень образования и стаж работы, а также степень достижения показателей результативности профессиональной деятельности (Шаймарданова 2022: 161). Наряду с этим

подчёркивается значимость и иных факторов, в частности институциональных (сфера деятельности, уровень публичной власти, категория замещаемой должности, численность гражданских служащих в соответствующем государственном органе), а также социально-демографических характеристик, включая пол и возраст, расовую принадлежность и семейное положение, место прохождения службы и условия труда. По результатам проведённого эмпирического анализа сделан вывод о том, что в России на уровень заработной платы государственных служащих в большей степени влияют институциональные факторы, тогда как в Великобритании более существенную роль играют социально-демографические характеристики (Шаймарданова 2022: 166).

В работе (Ясинская и др. 2022: 384) обоснованно подчёркивается, что именно карьерное планирование в сочетании с последовательным профессиональным развитием и целевой подготовкой, предполагающей возможность занятия вышестоящих должностей, является наиболее характерной технологией формирования и развития кадрового резерва в зарубежной практике. Развивая данный тезис, авторы особо отмечают приоритет не столько теоретической подготовки, сколько совершенствования практических навыков посредством наставничества, стажировок, программ ротации и иных форм обучения на рабочем месте.

Опираясь на кибернетические законы У. Эшби и Е. Седова, а также на концепцию «вызова – ответа» А. Тойнби, соавторы исследования (Балацкий, Екимова 2021) приходят к выводу о том, что устойчивое социально-экономическое развитие государства требует постоянного совершенствования и повышения эффективности системы государственного управления. В противном случае, по их мнению, возрастает риск деградации социальных институтов вплоть до системного кризиса, сопровождающегося утратой управленческой дееспособности власти.

В работах академика РАН В. Н. Руденко, включая соавторские публикации (Rudenko 2020; Мартыанов, Руденко 2022), с одной стороны, фиксируется следование России общемировым тенденциям развития государственного управления – формирование новых институтов, расширение участия гражданского общества в процессе принятия управленческих решений, развитие системы сдержек и противовесов между различными органами и ветвями власти. С другой стороны, подчёркивается элитарный характер представительной демократии в современной России, который, по мнению автора, ограничивает потенциал существенного повышения качества жизни большинства населения страны.

Авторы данной работы также придерживаются точки зрения, что только при эффективной системе государственного управления возможно решение основных социально-экономических проблем современной России. При этом необходимо отметить, что если в странах общего права преобладает экономическое понимание эффективности, то в РФ эффективность государственной гражданской службы, как правило, отождествляется с результативностью (Тамбовцев, Рождественская 2021). В настоящее время для оценки эффективности деятельности

органов исполнительной власти субъектов РФ применяется система из двадцати одного показателя³. Такая оценка дополняется мониторингом достигнутых руководством регионов России результатов в соответствии с национальными целями и стратегическими задачами развития по двенадцати направлениям (Национальным проектам). Во исполнение Указов Президента РФ в каждом субъекте РФ разработаны соответствующие нормативно-правовые акты. В них отражается информация о должностных лицах ответственных за достижение плановых значений показателей.

Важно подчеркнуть, что оценка эффективности в современной российской практике носит не «бумажный», а в значительной степени прикладной характер. На это указывает, в частности, вывод, сделанный авторами исследования (Туровский, Луизидис 2022: 161): «... результаты анализа продемонстрировали изменчивость критериев, влияющих на губернаторские отставки. В отличие от предыдущих работ, исследование показало существенную, хотя и нерегулярную значимость определённых социально-экономических показателей и критериев управленческой эффективности». Вместе с тем в работе (Лобкова, Худоногова 2024: 50), опираясь на зарубежные исследования, обоснованно отмечается, что опросы государственных служащих, проведённые в разных странах, свидетельствуют о недостаточной зрелости применяемых систем оценки эффективности этой специфической деятельности. Такая незрелость проявляется в несбалансированности перечней показателей и их слабой увязке с механизмами стимулирования (Dolidze et al. 2019), в избыточности используемых индикаторов (Xiaowen 2023), а также в сведении оценочных процедур к формальному ритуалу (Arham et al. 2022).

Представляется, что формирование эффективной российской системы государственного управления предполагает дальнейшее реформирование государственной гражданской службы, прежде всего на мезоуровне, с ориентацией на «сингапурский» вариант (Балацкий 2021). Во-первых, целесообразно повысить уровень оплаты труда государственных гражданских служащих: это, с одной стороны, способно снизить коррупционные риски, а с другой – повысить привлекательность государственной службы для квалифицированных кадров и талантливой молодёжи. Показательно, что в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) ведётся работа по внедрению подходов и принципов управления талантами на государственной службе, при этом именно Сингапур выступает «флагманом» соответствующих практик (Ясинская и др. 2022: 386). Во-вторых, представляется необходимым более жёстко увязать размер коллективных премиальных выплат государственных гражданских служащих

³ Указ Президента РФ от 28.11.2024 г. № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и деятельности исполнительных органов субъектов РФ». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51378> (дата обращения: 17.12.2024).

с динамикой социально-экономического развития субъекта РФ. Лишь при такой настройке стимулирования у сотрудников региональных органов исполнительной власти формируются устойчивые мотивационные основания для ориентации на конечный результат – обеспечение устойчивого социально-экономического развития соответствующей территории.

Определённого внимания заслуживает и южнокорейский опыт развития государственной службы. Как и в Сингапуре, в Республике Корея применяется корпоративный (азиатский) тип организации оплаты труда гражданских служащих. Вместе с тем среди стран «азиатских драконов» именно Южная Корея последовательно акцентирует цифровизацию государственного управления как ключевое направление административных реформ. «Республика Корея имеет наиболее эффективное “электронное правительство” в Азии. У Кореи самый высокий в Азии показатель индекса EGDI, а также превосходная ИКТ-инфраструктура. Страна уже занимает первое место в мире по предоставлению услуг высокоскоростной связи» (Швецов 2020: 89).

В работе (Барабашев и др. 2019) рассматриваются факторы, препятствующие практическому внедрению в России новой инструментальной (научной, основанной на объективных данных) парадигмы государственного управления. Авторы указывают, в частности, на инерционность и архаичность процедур принятия решений, сохраняющих ориентацию на интуитивные управленческие практики; отмечаются также политико-идеологические и институциональные мотивы, включая стремление части элит реализовывать узкогрупповые интересы в ущерб запросу на социальную справедливость, а также заинтересованность в сокрытии последствий неэффективных решений. Дополнительно подчёркивается, что барьеры для развития инструментального управления могут возникать из-за методологических ошибок при построении индексов и, как следствие, из-за субъективной интерпретации полученных результатов. Действительно, бюрократическая система нередко демонстрирует сопротивление внедрению новых управленческих решений, а корректное применение индексного подхода к оценке эффективности органов исполнительной власти на мезоуровне требует серьёзной методологической проработки.

Краеугольным элементом авторской концепции обеспечения устойчивого социально-экономического развития является принципиально новый подход к стимулированию эффективного труда региональных гражданских служащих. По своей структуре предлагаемая методика (условно – «модель эффективного губернатора») представляет собой многоуровневую схему. На первом шаге, исходя из достигнутого уровня социально-экономического развития субъекта РФ, определяется общий объём коллективных премиальных выплат региональным государственным гражданским служащим. Для повышения объективности ретроспективной оценки и формирования сопоставимых групп субъектов РФ используются индексный метод и самоорганизующиеся карты Т. Кохонена. На следующем этапе связь между уровнем социально-экономического развития

региона и размером коллективного премиального фонда задаётся на основе модифицированной теории оптимальных контрактов (теоретико-игровой модели, учитывающей специфику деятельности органов исполнительной власти). Далее предусматривается распределение коллективного премиального фонда между министерствами и ведомствами региона по формализованному правилу (например, в соответствии с достигнутыми значениями субиндексов). Завершающий этап предполагает установление индивидуальных премиальных выплат гражданским служащим на основе достижения ключевых показателей эффективности.

Предлагаемый подход может быть реализован в практической плоскости – на базе специализированного программного решения, позволяющего автоматизировать расчёты и формировать на выходе персонифицированные премиальные выплаты сотрудникам региональных органов исполнительной власти. В целом авторская модель ориентирована на повышение эффективности деятельности органов исполнительной власти прежде всего за счёт коллективного стимулирования региональных гражданских служащих «по результатам».

Данные и методы

В настоящем исследовании для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ используется авторский подход. При этом необходимо учитывать, что в соответствии с действующим законодательством высшее должностное лицо региона вправе самостоятельно распределять и перераспределять полномочия между министерствами и ведомствами. В силу данной институциональной вариативности невозможно сформировать полностью универсальную систему показателей, одинаково применимую ко всем субъектам Федерации. Поэтому в рамках работы система индикаторов уточняется и конкретизируется на примере Республики Башкортостан (табл. 2).

Таблица 2. Система показателей социально-экономического развития и экологической безопасности субъектов РФ (на примере Республики Башкортостан)

Table 2. System of indicators of socio-economic development and environmental safety of the RF subjects (on the example of the Republic of Bashkortostan)

Показатель	Единица измерения	Оценка роста значения показателя
I. Министерство семьи, труда и социальной защиты населения		
1. Уровень (к величине прожиточного минимума) среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций	%	позитивная
2. Уровень (к величине прожиточного минимума) среднего размера назначенных пенсий	%	позитивная
3. Уровень (к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг) удельного (или среднедушевого) денежного дохода	%	позитивная
4. Доля (в общей численности) населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (или границы бедности)	%	негативная

Продолжение таблицы 2

Показатель	Единица измерения	Оценка роста значения показателя
5. Коэффициент фондов	-	негативная
6. Коэффициент Джини	-	негативная
7. Уровень безработицы	%	негативная
8. Общий коэффициент рождаемости	-	позитивная
II. Министерство экономического развития и инвестиционной политики		
9. Удельный (или на одного занятого) ВРП (в сопоставимых ценах)	тыс. руб.	позитивная
10. Удельный вес высокопроизводительных рабочих мест	%	позитивная
11. Уровень (на 10 тыс. занятых) используемых передовых производственных технологий	ед.	позитивная
12. Уровень (в ВРП) продукции высокотехнологичных и наукоёмких отраслей	%	позитивная
13. Коэффициент обновления основных фондов	%	позитивная
14. Доля занятых в малом предпринимательстве (без микропредприятий)	%	позитивная
15. Удельные (или на душу населения) инвестиции (без учёта бюджетных средств) в основной капитал (в сопоставимых ценах) организаций	тыс. руб.	позитивная
16. Уровень (в ВРП) инвестиций в основной капитал	%	позитивная
17. Уровень (на 1 тыс. руб. ВРП) экспорта	долл. США	позитивная
III. Министерство здравоохранения		
18. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	лет	позитивная
19. Смертность (на 100 тыс.) населения в трудоспособном возрасте	чел.	негативная
20. Смертность (на 100 тыс. населения) от болезней системы кровообращения	чел.	негативная
21. Смертность (на 100 тыс. населения) от новообразований включая злокачественные	чел.	негативная
22. Младенческая смертность (на 1 тыс. родившихся живыми)	промилле	негативная
23. Удельный вес (в общей численности) граждан, прошедших профилактические медицинские осмотры	%	позитивная
24. Обеспеченность (на 10 тыс. населения) врачами всех специальностей	чел.	позитивная
25. Заболеваемость (на 1 тыс. населения)	-	негативная
IV. Министерство образования и науки		
26. Уровень (на 10 тыс. населения) выпуска бакалавров, специалистов и магистров	чел.	позитивная
27. Уровень (на 10 тыс. населения) выпуска специалистов среднего звена	чел.	позитивная
28. Удельный вес работников, занятых научными исследованиями и разработками	%	позитивная
29. Доля исследователей в возрасте до 39 лет	%	позитивная
30. Доля исследователей с учёными степенями	%	позитивная
31. Уровень (к средней по экономике) заработной платы работников, занятых научными исследованиями и разработками	%	позитивная
32. Уровень (в ВРП) внутренних затрат на исследования и разработки	%	позитивная
33. Удельный вес (в общей численности) взрослых, обладающих навыками в области информационно-коммуникационных технологий	%	позитивная
34. Уровень (на 1 млн занятых) выданных на изобретения патентов	ед.	позитивная

Продолжение таблицы 2

Показатель	Единица измерения	Оценка роста значения показателя
V. Министерство промышленности, энергетики и инноваций		
35. Удельный (или на душу населения) объём отгруженной продукции, выполненных работ и услуг собственного производства (в сопоставимых ценах) промышленных организаций	тыс. руб.	позитивная
36. Удельный вес убыточных организаций обрабатывающих производств	%	негативная
37. Рентабельность активов организаций обрабатывающих производств	%	позитивная
38. Рентабельность проданных товаров, продукции, работ и услуг организаций обрабатывающих производств	%	позитивная
39. Уровень инновационной активности организаций	%	позитивная
40. Удельный вес (от общего числа) организаций, осуществлявших технологические инновации	%	позитивная
41. Удельный вес (в общем объёме отгруженных товаров, выполненных работ и оказанных услуг) затрат на инновационную деятельность	%	позитивная
42. Удельный вес (в общем объёме) инновационных товаров, работ и услуг промышленных организаций	%	позитивная
VI. Другие министерства и ведомства		
43. Уровень (на 1 тыс. населения) введённых в действие жилых домов	м ²	позитивная
44. Доля (по протяжённости) освещённых частей городских улиц, проездов и набережных	%	позитивная
45. Удельный вес населения, обеспеченного качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения	%	позитивная
46. Удельный вес домохозяйств, имеющих широкополосный доступ в интернет	%	позитивная
47. Доля организаций, имеющих широкополосный доступ в интернет	%	позитивная
48. Удельный вес автомобильных дорог регионального или межмуниципального значения, соответствующих нормативным требованиям	%	позитивная
49. Уровень (на 100 тыс. населения) погибших в дорожно-транспортных происшествиях	чел.	негативная
50. Удельный вес уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников	%	позитивная
51. Доля загрязнённых сточных вод, сброшенных в поверхностные водные объекты	%	негативная
52. Удельные (или на душу населения) расходы на охрану окружающей среды (в сопоставимых ценах) организаций	тыс. руб.	позитивная

Примечание: Порядковый номер показателя – ответственный орган исполнительной власти Республики Башкортостан: 43 – Министерство строительства и архитектуры; 44 и 45 – Министерство жилищно-коммунального хозяйства; 46 и 47 – Министерство цифрового развития государственного управления; 48 и 49 – Министерство транспорта и дорожного хозяйства; 50 – 52 – Министерство природопользования и экологии.

Note: The order number of the indicator is the responsible executive authority of the Republic of Bashkortostan: 43 – Ministry of Construction and Architecture; 44 and 45 – Ministry of Housing and Communal Services; 46 and 47 – Ministry of Digital Development of Public Administration; 48 and 49 – Ministry of Transport and Roads; 50 – 52 – Ministry of Nature Management and Ecology.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Такая система сформирована с учётом ранее опубликованных авторских (тематических) научных статей и ежегодного аналитического доклада, подготовленного НИУ ВШЭ⁴.

В рамках настоящего исследования под эффективностью деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ понимается обеспечение социально-экономического развития (с учётом экологической безопасности) подведомственной территории – как в сравнении с другими регионами России, так и в динамике относительно предыдущих лет. Дополнительно при оценке эффективности учитывается сбалансированность доходной и расходной частей консолидированного бюджета субъекта РФ.

В современных условиях устойчивое развитие региона возможно лишь при скоординированных действиях органов исполнительной власти, то есть при работе в режиме единой управленческой команды. Это предопределяет условность жёсткого закрепления «зон ответственности» отдельных министерств и ведомств за конкретные социально-экономические показатели: достижение многих целевых индикаторов носит межведомственный характер и зависит от взаимосвязанных решений в разных сферах. Так, например, обеспечить рост средней реальной заработной платы работников организаций силами одного регионального министерства труда затруднительно без активного участия как минимум органов, отвечающих за экономическое развитие и промышленную политику.

С учётом указанных обстоятельств в работе предлагается выстраивать коллективное премирование сотрудников органов исполнительной власти субъекта РФ на основе объективной оценки достигнутого уровня социально-экономического развития и экологической безопасности территории при одновременном учёте бюджетной сбалансированности.

Реализация национальных проектов и участие Российской Федерации в международной повестке ООН по устойчивому развитию⁵ обусловили необходимость модернизации системы статистических показателей – как на федеральном уровне, так и в разрезе субъектов РФ. Вместе с тем данный процесс в настоящее время не завершён: по значительной части новых индикаторов отсутствуют сопоставимые региональные данные. В связи с этим информационную базу исследования составляют доступные сведения официальной статистики (статистические сборники⁶, а также временные ряды показателей, размещённые на порталах Росстата и ЕМИСС). По мере формирования и накопления необходимой статистической информации представляется целесообразным дальнейшее уточнение системы показателей социально-экономического развития и экологической безопасности субъектов РФ.

⁴ *Рейтинг инновационного развития субъектов РФ. Выпуск 8. Москва: НИУ ВШЭ, 2023.* URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir2023> (дата обращения: 17.12.2024).

⁵ Российская ассоциация содействия ООН разработала соответствующую программу: «Регионы России и цели устойчивого развития ООН».

⁶ *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016–2023: стат. сб. Москва: Росстат, 2016–2023.* URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 17.12.2024).

Расчёт интегрального индекса и последующее формирование рейтинга социально-экономического развития (с учётом экологической безопасности) субъектов РФ выполняются с соблюдением следующих правил и процедур.

1. Приведение стоимостных показателей к сопоставимым ценам. Стоимостные показатели переводятся в сопоставимые цены базового периода. Так, ВРП в сопоставимых ценах рассчитывается исходя из его значения в текущих ценах, скорректированного на индекс физического объёма (с базой 2015 г.) и с учётом паритета покупательной способности. В последнем случае за базу сравнения (1 или 100%) принимается стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в Москве в 2015 г.

2. Нормализация показателей. Поскольку исходные показатели выражены в различных единицах измерения, для обеспечения сопоставимости применяется минимаксная нормализация. При позитивной интерпретации роста показателя нормализация осуществляется по формуле:

$$X_{ij} = \frac{x_{ij} - x_{i\min}}{x_{i\max} - x_{i\min}}, \quad (1)$$

где x_{ij} – фактическое значение i -го показателя в j -м году; $x_{i\min}$ и $x_{i\max}$ – минимальное и максимальное значения i -го показателя за анализируемый период (2015–2022 гг.).

Если рост показателя интерпретируется негативно, используется обратная нормализация:

$$X_{ij} = \frac{x_{i\max} - x_{ij}}{x_{i\max} - x_{i\min}}. \quad (2)$$

3. Проверка распределения и трансформация данных. По каждому показателю проверяется приближение распределения к нормальному (на основе значения коэффициента асимметрии). При необходимости, чтобы снизить модуль асимметрии до 0,5, применяется трансформация нормализованных данных путём извлечения корня степени p (в интервале $p=2\dots4$).

4. Агрегирование и расчёт индекса. Все показатели в составе индекса рассматриваются как равнозначные. Значение интегрального индекса (аналогично – субиндексов) для каждого субъекта РФ рассчитывается как простая средняя:

$$I_j = \frac{\sum_{k=1}^m \sum_i (n_k \cdot X_{ij})}{n}, \quad (3)$$

где n_k – число показателей в группе k ; m – количество групп показателей; n – общее число показателей по всем группам.

5. Ограничения раскрытия статистики. В случаях, когда действующее законодательство ограничивает раскрытие информации по отдельным показателям, индекс (и соответствующие субиндексы) для субъекта РФ рассчитывается без учёта таких показателей.

Задача кластеризации решается с применением методов машинного обучения (искусственных нейронных сетей) – методом самоорганизующихся карт Т. Кохонена в программном продукте Deductor Studio Lite 5.1. В качестве исходных данных для кластерного анализа используются значения интегрального индекса социально-экономического развития (с учётом экологической безопасности) субъектов РФ. Параметры обучения нейросети задаются следующим образом: инициализация карты осуществляется на основе обучающего множества; используется гауссова функция соседства.

При необходимости – в целях повышения устойчивости результатов кластеризации – для решения задачи может быть использован ансамблевый подход: самоорганизующиеся карты (SOM, Self-Organizing Maps) в сочетании с алгоритмом k-means. Проведение вычислительных экспериментов возможно организовать в среде Google Colab (язык программирования Python). Оптимизацию структуры SOM целесообразно осуществлять с применением генетического алгоритма. Качество кластеризации может оцениваться с использованием метрик Davies–Bouldin, Silhouette и Calinski–Harabasz. Следует отметить, что возможны и альтернативные решения, в частности консенсус-кластеризация, предполагающая объединение результатов нескольких процедур кластеризации (с различными начальными условиями и/или алгоритмами) для получения более устойчивого и надёжного разбиения данных; при этом могут применяться методы голосования или иные правила агрегирования.

В рамках настоящего исследования ограничимся построением прогноза на 2024–2025 гг. для четырёх субъектов РФ (Москва и Санкт-Петербург, Республика Татарстан и Башкортостан). Для этой цели формируется ансамбль адекватных нейромоделей с различной топологией и конфигурацией.

Вычислительные эксперименты проводятся в программном продукте NeuroSolutions for Excel 6.0, позволяющем варьировать архитектуры нейросетевых моделей: Multilayer Perceptron (MLP, многослойный персептрон), Generalized Feed Forward (GFF, обобщённая нейросеть прямого распространения), Modular Neural Network (MNN, модульная нейронная сеть), Jordan/Elman Network (JEN, рекуррентные сети Джордана и Элмана), Principal Component Analysis (PCA, метод главных компонент), Time-Lag Recurrent Network (TLRN, рекуррентная нейросеть с временной задержкой) и др.

В качестве «выходной» (зависимой) переменной используется индекс социально-экономического развития субъектов РФ (с учётом экологической безопасности) за 2015–2022 гг. «Входными» (независимыми) переменными выступают первый, второй, четвёртый и пятый субиндексы за тот же период.

Совокупность наблюдений разделяется на обучающую и тестовую выборки в пропорции 9:1.

В ходе вычислительных экспериментов для нейромоделей различных топологий варьируются число скрытых слоёв (один или два) и количество нейронов в каждом из них. При этом программный продукт предусматривает процедуру подбора оптимального числа нейронов для модели с одним скрытым слоем. Для моделей с двумя скрытыми слоями учитываются результаты предварительных экспериментов для однослойных архитектур: в первом скрытом слое фиксируется оптимальное число нейронов, а конфигурация второго слоя уточняется дополнительно. Активационные функции в скрытых слоях и в выходном слое (соответственно гиперболический тангенс и линейная функция) задаются неизменными.

Точность (адекватность) аппроксимации исходных данных нейросетевыми моделями оценивается по совокупности показателей: коэффициент корреляции между фактическими и расчётными значениями выходной переменной (r); средняя ошибка аппроксимации (E); максимальная ошибка аппроксимации ($\max e$); число (N) и доля (P) корректно распознанных наблюдений тестовой выборки при заданных порогах ошибки аппроксимации ($e=5\%$ и $e=8\%$). Последние два показателя представляют собой частотный критерий качества обучения нейросети.

Результаты исследования

Ретроспективная оценка социально-экономического развития (с учётом экологической безопасности) регионов России

Результаты ретроспективной оценки социально-экономического развития (с учётом экологической безопасности) субъектов РФ и последующего их ранжирования представлены в табл. 3.

Таблица 3. Индекс / рейтинг социально-экономического развития (с учётом экологической безопасности) регионов России

Table 3. Index / rating of socio-economic development (taking into account environmental safety) of Russian regions

Субъект РФ	2015 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Белгородская область	0,509 / 15	0,551 / 5	0,552 / 7	0,549 / 7
Брянская область	0,437 / 64	0,445 / 62	0,451 / 64	0,451 / 65
Владимирская область	0,461 / 54	0,470 / 48	0,474 / 50	0,471 / 54
Воронежская область	0,516 / 10	0,521 / 10	0,510 / 25	0,517 / 20
Ивановская область	0,426 / 69	0,443 / 63	0,455 / 62	0,463 / 57
Калужская область	0,489 / 27	0,502 / 21	0,510 / 24	0,497 / 35
Костромская область	0,447 / 58	0,452 / 58	0,471 / 52	0,479 / 47
Курская область	0,488 / 28	0,497 / 25	0,506 / 28	0,515 / 21
Липецкая область	0,515 / 11	0,508 / 16	0,527 / 10	0,525 / 14

Продолжение таблицы 3

Московская область	0,529 / 6	0,556 / 4	0,554 / 6	0,558 / 5
Орловская область	0,437 / 63	0,446 / 61	0,450 / 65	0,448 / 67
Рязанская область	0,477 / 36	0,475 / 46	0,482 / 48	0,484 / 44
Смоленская область	0,461 / 53	0,449 / 60	0,456 / 61	0,455 / 64
Тамбовская область	0,478 / 35	0,481 / 41	0,487 / 42	0,472 / 53
Тверская область	0,441 / 61	0,467 / 51	0,469 / 54	0,477 / 49
Тульская область	0,491 / 25	0,501 / 23	0,517 / 19	0,526 / 13
Ярославская область	0,495 / 24	0,490 / 34	0,499 / 33	0,496 / 38
г. Москва	0,591 / 1	0,578 / 2	0,603 / 1	0,620 / 1
Республика Карелия	0,448 / 56	0,453 / 57	0,465 / 55	0,476 / 51
Республика Коми	0,497 / 23	0,479 / 42	0,472 / 51	0,466 / 56
Архангельская область	0,464 / 49	0,468 / 50	0,465 / 56	0,457 / 62
Вологодская область	0,464 / 46	0,490 / 33	0,495 / 36	0,507 / 26
Калининградская область	0,461 / 52	0,465 / 53	0,475 / 49	0,476 / 50
Ленинградская область	0,476 / 38	0,496 / 28	0,517 / 18	0,518 / 19
Мурманская область	0,513 / 12	0,530 / 9	0,538 / 9	0,543 / 8
Новгородская область	0,456 / 55	0,478 / 43	0,505 / 29	0,508 / 25
Псковская область	0,396 / 76	0,397 / 79	0,408 / 79	0,399 / 78
г. Санкт-Петербург	0,581 / 2	0,589 / 1	0,590 / 2	0,582 / 3
Республика Адыгея	0,426 / 70	0,438 / 68	0,439 / 68	0,459 / 60
Республика Калмыкия	0,375 / 80	0,386 / 81	0,405 / 80	0,415 / 76
Республика Крым	0,413 / 74	0,411 / 77	0,423 / 76	0,440 / 70
Краснодарский край	0,473 / 40	0,465 / 54	0,487 / 44	0,491 / 41
Астраханская область	0,466 / 44	0,440 / 67	0,441 / 67	0,429 / 72
Волгоградская область	0,480 / 34	0,469 / 49	0,470 / 53	0,483 / 46
Ростовская область	0,505 / 17	0,497 / 26	0,497 / 34	0,501 / 30
г. Севастополь	0,423 / 71	0,466 / 52	0,461 / 58	0,474 / 52
Республика Дагестан	0,434 / 65	0,417 / 73	0,432 / 72	0,427 / 73
Республика Ингушетия	0,375 / 79	0,433 / 70	0,428 / 74	0,389 / 81
Кабардино-Балкарская Республика	0,418 / 72	0,417 / 74	0,426 / 75	0,399 / 79
Карачаево-Черкесская Республика	0,412 / 75	0,414 / 75	0,432 / 73	0,430 / 71
Республика Северная Осетия – Алания	0,442 / 59	0,442 / 64	0,445 / 66	0,449 / 66
Чеченская Республика	0,385 / 78	0,406 / 78	0,418 / 78	0,426 / 74
Ставропольский край	0,501 / 19	0,490 / 35	0,510 / 26	0,513 / 23
Республика Башкортостан	0,513 / 13	0,506 / 18	0,519 / 17	0,519 / 16
Республика Марий Эл	0,441 / 60	0,440 / 66	0,451 / 63	0,459 / 59
Республика Мордовия	0,484 / 31	0,508 / 17	0,504 / 30	0,504 / 27
Республика Татарстан	0,567 / 3	0,565 / 3	0,578 / 3	0,589 / 2
Удмуртская Республика	0,464 / 50	0,491 / 32	0,500 / 32	0,502 / 28
Чувашская Республика	0,498 / 22	0,489 / 36	0,494 / 37	0,492 / 40
Пермский край	0,525 / 7	0,535 / 8	0,555 / 5	0,564 / 4
Кировская область	0,466 / 43	0,493 / 30	0,504 / 31	0,483 / 45
Нижегородская область	0,524 / 8	0,537 / 7	0,545 / 8	0,536 / 9
Оренбургская область	0,464 / 47	0,463 / 56	0,487 / 45	0,487 / 42
Пензенская область	0,486 / 30	0,496 / 27	0,512 / 23	0,498 / 33
Самарская область	0,500 / 20	0,504 / 20	0,525 / 11	0,518 / 18
Саратовская область	0,482 / 32	0,472 / 47	0,487 / 46	0,486 / 43

Продолжение таблицы 3

Ульяновская область	0,482 / 33	0,483 / 39	0,491 / 40	0,498 / 34
Курганская область	0,387 / 77	0,411 / 76	0,421 / 77	0,412 / 77
Свердловская область	0,504 / 18	0,513 / 14	0,524 / 13	0,526 / 12
Тюменская область	0,531 / 5	0,550 / 6	0,559 / 4	0,558 / 6
Челябинская область	0,486 / 29	0,515 / 11	0,525 / 12	0,535 / 10
Республика Алтай	0,434 / 66	0,421 / 72	0,433 / 71	0,440 / 69
Республика Тыва	0,370 / 81	0,441 / 65	0,436 / 70	0,422 / 75
Республика Хакасия	0,433 / 67	0,434 / 69	0,456 / 60	0,456 / 63
Алтайский край	0,447 / 57	0,465 / 55	0,461 / 57	0,458 / 61
Красноярский край	0,521 / 9	0,510 / 15	0,516 / 21	0,519 / 15
Иркутская область	0,476 / 37	0,475 / 45	0,484 / 47	0,501 / 29
Кемеровская область	0,465 / 45	0,484 / 37	0,487 / 43	0,492 / 39
Новосибирская область	0,509 / 16	0,505 / 19	0,520 / 16	0,533 / 11
Омская область	0,475 / 39	0,494 / 29	0,516 / 20	0,515 / 22
Томская область	0,537 / 4	0,513 / 13	0,523 / 14	0,512 / 24
Республика Бурятия	0,472 / 42	0,492 / 31	0,491 / 39	0,496 / 36
Республика Саха (Якутия)	0,463 / 51	0,477 / 44	0,494 / 38	0,499 / 32
Забайкальский край	0,416 / 73	0,388 / 80	0,394 / 81	0,391 / 80
Камчатский край	0,464 / 48	0,483 / 40	0,489 / 41	0,469 / 55
Приморский край	0,439 / 62	0,449 / 59	0,457 / 59	0,462 / 58
Хабаровский край	0,490 / 26	0,499 / 24	0,508 / 27	0,496 / 37
Амурская область	0,432 / 68	0,425 / 71	0,437 / 69	0,443 / 68
Магаданская область	0,509 / 14	0,502 / 22	0,496 / 35	0,499 / 31
Сахалинская область	0,499 / 21	0,515 / 12	0,520 / 15	0,519 / 17
Еврейская автономная область	0,353 / 82	0,368 / 82	0,358 / 82	0,388 / 82
Чукотский автономный округ	0,472 / 41	0,483 / 38	0,514 / 22	0,479 / 48

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Как видно из данных табл. 3, распределение субъектов РФ по значениям индекса социально-экономического развития (с учётом экологической безопасности) носит выраженный центр-периферийный характер. На протяжении анализируемого периода в группу лидеров (первые пять позиций рейтинга) на регулярной основе входили Москва и Санкт-Петербург, а также Республика Татарстан; при этом именно эти субъекты РФ в разные годы занимали исключительно 1–3-е места. Начиная с 2021 г. к группе лидеров присоединился Пермский край. Московская и Тюменская области, как правило, располагались в интервале 4–6-х мест, что также позволяет отнести их к числу регионов-лидеров.

Лидирующие позиции указанных субъектов РФ объясняются наличием устойчивых конкурентных преимуществ. Так, в столичных агломерациях традиционно концентрируется значительная доля финансовых ресурсов и управленческих функций. Республика Татарстан характеризуется высокими темпами развития институтов инновационной экономики и инфраструктуры развития. Тюменская область обладает развитой минерально-сырьевой базой, обеспечивающей высокий уровень ресурсной ренты и инвестиционный

потенциал. В нижней части рейтинга (последние 10–15 позиций) устойчиво фиксируются экономически депрессивные регионы Сибири (Республика Алтай, Республика Тыва), Дальнего Востока (Забайкальский край, Еврейская автономная область) и Северного Кавказа (Республики Дагестан и Ингушетия, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская республики, Чеченская Республика). Для этих субъектов РФ характерны сравнительно низкий индустриальный потенциал и недостаточно развитая экономическая инфраструктура.

Значение индекса социально-экономического развития Республики Башкортостан в рассматриваемом периоде менялось незначительно и составляло порядка 0,51–0,52. Это позволило республике в 2020–2022 гг. занять, соответственно, 18-е, 17-е и 16-е места, то есть входить в число двадцати ведущих регионов страны. Данная динамика свидетельствует об относительной стабильности социально-экономической ситуации в республике по сравнению с большинством субъектов РФ в последние три года.

Следует также отметить, что отношение максимального значения индекса к минимальному составляло 1,68 в 2015 и 2021 гг. и 1,60 – в 2020 и 2022 гг. Следовательно, степень межрегиональной дивергенции (расслоения) по уровню социально-экономического развития с учётом экологической безопасности в анализируемый период сократилась лишь незначительно.

С учётом результатов ретроспективной оценки (минимальных, средних и максимальных значений индекса) представляется целесообразным выделить три уровня социально-экономического развития субъектов РФ (с учётом экологической безопасности): ниже среднего, средний и выше среднего.

Кластеризация регионов России по уровню социально-экономического развития (с учётом экологической безопасности)

Ключевые показатели адекватности процедуры кластеризации представлены в табл. 4. Как видно из данных табл. 4, все наблюдения были корректно распознаны, т. е. отнесены к определённому кластеру с заданной ошибкой (менее 5%). При этом средняя / максимальная ошибки обучения карт были незначительными (исчислялись лишь тысячными / десятитысячными от единицы).

Таблица 4. Адекватность кластеризации регионов России по индексу социально-экономического развития (с учётом экологической безопасности)

Table 4. Adequacy of clustering of Russian regions by socio-economic development index (taking into account environmental safety)

Показатель	2015 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Максимальная ошибка	3,77*10 ⁻³	5,43*10 ⁻³	3,29*10 ⁻³	4,36*10 ⁻³
Средняя ошибка	3,92*10 ⁻⁴	5,33*10 ⁻⁴	2,57*10 ⁻⁴	4,01*10 ⁻⁴
Распознано, %	100	100	100	100

Источник: составлено авторами.
Source: compiled by the authors.

Это позволяет сделать вывод об адекватности проведённой кластеризации и, соответственно, о возможности практического использования построенных карт Т. Кохонена. На рис. 1 и 2 представлены основные результаты кластерного анализа. Как видно из данных рис. 2, в первый кластер входили 23, 17, 27 и 24 региона – соответственно в 2015 г. и в 2020–2022 гг. Наибольшая доля регионов, отнесённых к данному кластеру (уровень социально-экономического развития и экологической безопасности выше среднего), наблюдалась в 2021 г. и составляла около 32,9% от общего числа субъектов РФ.

Наиболее многочисленным в анализируемом периоде был второй кластер, характеризующийся средним уровнем социально-экономического развития (с учётом экологической безопасности). В его состав входили 32 региона (39%) в 2015 и 2022 гг., 39 регионов (47,6%) в 2021 г. и 29 регионов (35,4%) в 2020 г.

1а 2015 г.

1б 2020 г.

Рисунок 1: Распределение регионов России по кластерам согласно индексу социально-экономического развития и экологической безопасности

Figure 1: Distribution of Russian regions into clusters according to the index of socio-economic development and environmental safety

Примечание: Республика Крым входила в третий кластер, Севастополь – во второй / третий кластер (2020, 2022 / 2015, 2021 г.).

Note: The Republic of Crimea was in the third cluster, Sevastopol was in the second / third cluster (2020, 2022 / 2015, 2021).

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

И, наконец, в третий кластер (уровень социально-экономического развития и экологической безопасности ниже среднего) входило 27 регионов или 32,9% в 2015 г., с 2020 г. количество таких регионов сократилось на единицу (31,7%) и оставалось неизменным на протяжении последних трёх лет анализируемого периода.

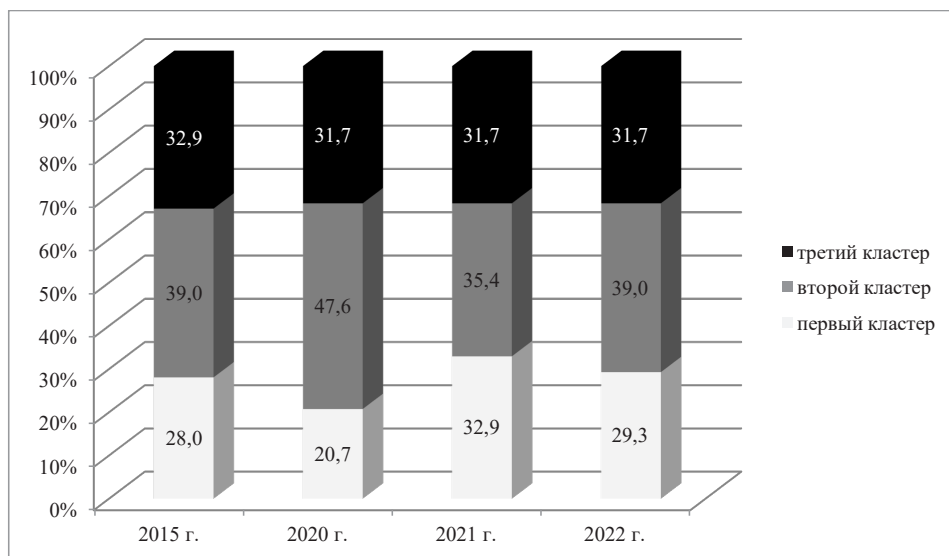

Рисунок 2: Кластерная структура регионов России по уровню социально-экономического развития (с учётом экологической безопасности)

Figure 2: Cluster structure of Russian regions by level of socio-economic development (taking into account environmental safety)

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

За последние три года на фоне сокращения доли регионов, образующих третий кластер, наблюдалось некоторое увеличение доли регионов, входящих в первый кластер. Это характеризуется позитивно с позиции изменения качества сформированной кластерной структуры российских регионов по уровню социально-экономического развития (с учётом экологической безопасности).

Прогнозирование социально-экономического развития (с учётом экологической безопасности) регионов России

В табл. 5 представлена конфигурация ансамбля нейромоделей.

Таблица 5. Конфигурация сформированного ансамбля нейромоделей

Table 5. Configuration of the generated ensemble of neuromodels

Нейромодель	Число скрытых слоев	Число нейронов	
		в первом скрытом слое	во втором скрытом слое
MLP ₁	1	10*	-
MLP ₂	2	10	10*
GFF ₁	2	8	10*
PCA ₁	1	10*	-
PCA ₂	2	10	9*

Примечание: * – оптимальное значение показателя.

Note: * – optimal value of the indicator.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Как видно из данных табл. 5, ансамбль состоит из пяти нейромоделей с различной топологией и конфигурацией. «Отбор» в ансамбль искусственных нейронных сетей производился по результатам оценки их адекватности (табл. 6).

Таблица 6. Оценка адекватности нейромоделей, включенных в ансамбль
Table 6. Evaluation of the adequacy of the neuromodels included in the ensemble

Нейромодель	r	E, %	max e, %	N		P	
				e=5%	e=8%	e=5%	e=8%
MLP ₁	0,951	2,6	8,0	57	66	86,4	100
MLP ₂	0,952	2,5	7,7	56	66	84,8	100
GFF ₁	0,949	2,6	8,4	55	65	83,3	98,5
PCA ₁	0,952	2,6	7,8	56	66	84,8	100
PCA ₂	0,950	2,6	8,0	55	66	83,3	100

Источник: составлено авторами.
Source: compiled by the authors.

Учитывая, что в социально-экономическом прогнозировании допустимая ошибка аппроксимации обычно рассматривается в интервале 5–8%, можно сделать вывод о принципиальной применимости сформированного ансамбля нейромоделей для перспективной оценки социально-экономического развития регионов России (с учётом экологической безопасности) при заданных допущениях и исходных данных.

Результаты прогнозирования для указанных субъектов РФ представлены в табл. 7. Предварительно, исходя из выявленных тенденций динамики за 2015–2022 гг., экспертным способом были заданы значения «входных» переменных на прогнозный период. Как видно из данных табл. 7, при ожидаемом росте «входных» переменных прогнозируется увеличение значений результативного показателя в 2024–2025 гг. как для регионов-лидеров рейтинга (Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан), так и для Республики Башкортостан.

Таблица 7. Перспективная оценка индекса социально-экономического развития (с учётом экологической безопасности) ряда регионов России
Table 7. Prospective assessment of the index of socio-economic development (taking into account environmental safety) of a number of Russian regions

Субъект РФ	Показатель	Прогнозное значение показателя	
		2024 г.	2025 г.
г. Москва	СубиндексI	0,588	0,593
	СубиндексII	0,59	0,595
	СубиндексIV	0,7	0,705
	СубиндексV	0,508	0,515
	Индекс	0,628	0,633
г. Санкт-Петербург	СубиндексI	0,645	0,653
	СубиндексII	0,51	0,52
	СубиндексIV	0,613	0,625

Продолжение таблицы 7

Субъект РФ	Показатель	Прогнозное значение показателя	
		2024 г.	2025 г.
г. Санкт-Петербург	СубиндексV	0,54	0,55
	Индекс	0,604	0,613
Республика Татарстан	СубиндексI	0,65	0,655
	СубиндексII	0,493	0,505
	СубиндексIV	0,553	0,56
	СубиндексV	0,665	0,67
	Индекс	0,610	0,617
Республика Башкортостан	СубиндексI	0,53	0,533
	СубиндексII	0,432	0,438
	СубиндексIV	0,535	0,54
	СубиндексV	0,47	0,48
	Индекс	0,524	0,529

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Так, в 2024 г. (по сравнению с 2022 г.) и в 2025 г. (по сравнению с 2024 г.) прогнозируется рост индекса соответственно на 1,3% и 0,7% – для Москвы; на 3,7% и 1,5% – для Санкт-Петербурга; на 3,5% и 1,1% – для Республики Татарстан; на 0,9% и 1,0% – для Республики Башкортостан.

Обобщая результаты ретроспективной оценки, кластеризации и прогнозирования, можно заключить, что в перспективе (при сохранении тенденции роста значений индекса у регионов-аутсайдеров) возможно сокращение числа кластеров с трёх до двух за счёт исчезновения группы субъектов РФ, характеризующихся уровнем социально-экономического развития (с учётом экологической безопасности) ниже среднего.

«Взаимовязка» результативности с эффективностью деятельности органов исполнительной власти в регионах России

Проведём параллель с микроуровнем управления. Если для менеджмента коммерческой организации одной из ключевых целей является максимизация прибыли, то для регионального руководства сопоставимым ориентиром выступает повышение финансовой самостоятельности по отношению к федеральному центру, что на практике выражается, в частности, в исполнении бюджета с профицитом (либо, как минимум, в устойчивой сбалансированности доходов и расходов).

В этой связи увязка результативности и эффективности на мезоуровне управления представляется возможной через анализ динамики индекса социально-экономического развития и экологической безопасности субъекта РФ при одновременной оценке бюджетной сбалансированности. Иными словами, рост интегрального индекса должен интерпретироваться с учётом того, обеспечивается ли он при приемлемом уровне финансовой автономии региона.

Согласно официальным данным Росстата⁷, сбалансированность доходной и расходной частей бюджета наблюдалась у 28, 64 и 34 субъектов РФ соответственно в 2020–2022 гг. Это означает, что лишь в 2021 г. у большинства регионов (78%) бюджет был сбалансирован, тогда как в 2020 и 2022 гг. значение данного показателя составляло 34,1% и 41,5%. Следовательно, в 2020 и 2022 гг. значительная часть субъектов РФ относилась к группе дотационных.

С учётом ожидаемого сокращения числа кластеров целесообразно предложить двухкритериальную матрицу результативности и эффективности органов исполнительной власти субъектов РФ, включающую четыре квадранта (рис. 3). Как видно из рис. 3, наиболее и наименее предпочтительными для регионального руководства являются, соответственно, попадание в I и III квадранты матрицы. При этом важно отметить, что достижение относительно высокого (в данном случае – выше среднего) уровня социально-экономического развития может быть обусловлено значительной зависимостью от межбюджетных трансфертов. В такой ситуации рост индекса не может рассматриваться как однозначно позитивная тенденция без дополнительной оценки источников финансирования и степени бюджетной самостоятельности. В целях обоснования возможностей повышения уровня оплаты труда работников органов исполнительной власти необходимо, следовательно, проанализировать собственные финансовые ресурсы регионов (табл. 8 и рис. 4).

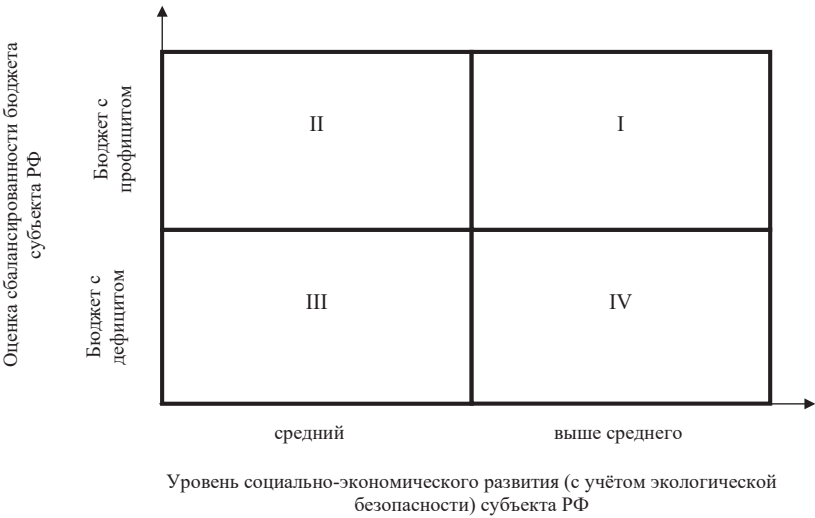

Рисунок 3: Матрица, характеризующая результативность и эффективность деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ

Figure 3: Matrix characterising the performance and efficiency of the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation

Источник: составлено авторами.
Source: compiled by the authors.

⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023. 2023. Стат. сб. Москва: Росстат.

В рамках проводимого исследования ограничимся оценкой ситуации на примере органов исполнительной власти четырёх субъектов РФ (трёх регионов – лидеров рейтинга и Республики Башкортостан). Как видно из данных табл. 8, у таких регионов-лидеров, как Москва и Республика Татарстан, на большей части анализируемого периода (в двух из трёх лет) наблюдалось превышение расходов над доходами консолидированных бюджетов. Несколько более благоприятная ситуация сложилась в Санкт-Петербурге, где лишь в 2020 г. консолидированный бюджет был сформирован с дефицитом. В соответствии с действующим российским законодательством только для бездотационных регионов отсутствует ограничение на финансирование деятельности их органов исполнительной власти.

Таблица 8. Расходы и сбалансированность консолидированных бюджетов субъектов РФ

Table 8. Expenditures and balance of consolidated budgets of the constituent entities of the Russian Federation

Субъект РФ	Период	Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ, млн руб.	Профицит (дефицит) консолидированных бюджетов субъектов РФ, млн руб.
Москва	2020 г.	3016605,4	-135881,7
Санкт-Петербург		717758,8	-38239,7
Республика Башкортостан		298888	-37345,2
Республика Татарстан		363185,1	-21968,3
Москва	2021 г.	3458708,9	-109297,8
Санкт-Петербург		799694,8	46327,9
Республика Башкортостан		299013,2	-8788,8
Республика Татарстан		398093,2	12849
Москва	2022 г.	3616552,7	54967,8
Санкт-Петербург		1046208,3	119102,7
Республика Башкортостан		343447,4	-13897,6
Республика Татарстан		527512,6	-10201,7

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Как видно из данных рис. 4, доля расходов консолидированных бюджетов на заработную плату гражданским региональным служащим органов исполнительной власти по каждому из четырёх субъектов РФ в разные годы анализируемого периода была незначительной и варьировалась в интервале от 0,72 до 1,34%. Поэтому в случае обеспечения финансовой независимости российского региона от федерального центра у губернатора имеется реальная возможность существенного повышения уровня заработной платы работникам из органов исполнительной власти с формулировкой «за высокую эффективность деятельности».

Учитывая вышесказанное необходимо отметить целесообразность разработки теоретико-игровых моделей, способствующих ускоренному переходу

большинства российских регионов в кластер, характеризующийся более высоким уровнем эффективности деятельности органов исполнительной власти.

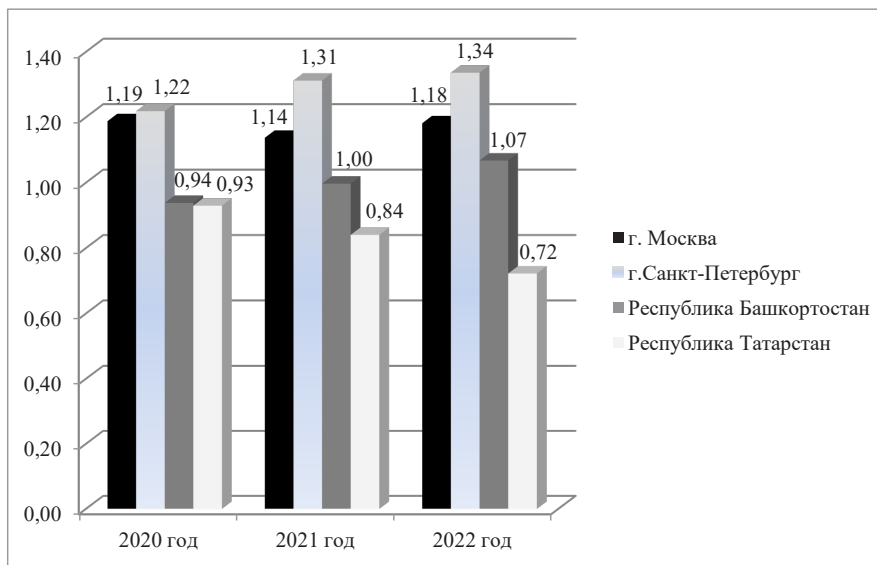

Рисунок 4: Доля расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ на заработную плату региональным гражданским служащим из органов исполнительной власти, %

Figure 4: Share of expenditures of consolidated budgets of constituent entities of the Russian Federation on salaries of regional civil servants from executive authorities, %

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Не исключением являются даже регионы – лидеры тематического рейтинга. Для них актуален переход в кластер с высоким уровнем социально-экономического развития с учётом экологической безопасности.

Теоретико-игровое моделирование стимулирования высокого уровня коллективных усилий региональных гражданских служащих

Опираясь на труды известных зарубежных учёных, российскими авторами (Зенкевич и др. 2012: 11–19) предложены два подхода к стимулированию эффективного труда менеджера компании. В рамках данного исследования проводится модификация таких подходов применительно к государственной гражданской службе на примере органов исполнительной власти ряда субъектов РФ. При этом считаем возможным сохранить логику и обозначения работы (Зенкевич и др. 2012).

Первый подход. Предлагается стимулировать коллективные усилия региональных гражданских служащих высокого уровня, поставив размер заработной платы в прямую зависимость от эффективности их деятельности (определяется

в ходе кластерного анализа исходя из достигнутого значения одноименного индекса). Для описания полезности региональных гражданских служащих применим функцию экспоненциального вида:

$$u(w) = U_H(1 - e^{-w/c}), \quad (4)$$

где U_H и c – положительные константы; w – среднемесячная номинальная начисленная заработная плата гражданских служащих органов исполнительной власти субъекта РФ.

Альтернативными вариантами по отношению к ней можно считать функции логарифмического вида или полином 2-й степени.

Предложенный подход проиллюстрируем на примере двух «полярных» уровней (высокого и низкого) как коллективных усилий региональных гражданских служащих, так и эффективности их деятельности. Предположим, что высокий уровень коллективных усилий может приводить к идентичному, либо низкому уровню эффективности деятельности. Вероятность наступления соответствующих событий: x и y . При этом за ориентир размера заработной платы региональных гражданских служащих принимается аналогичный средний показатель по экономике субъекта РФ (w_0).

Оптимальный вариант коллективного стимулирования гражданских служащих органов исполнительной власти на мезоуровне управления в случае ненаблюдаемого руководителем региона уровня их совместных усилий предполагает решение системы уравнений:

$$\begin{cases} w_1 = w_0 + \Phi + c \ln \left(\frac{x-y}{x e^{\frac{\Phi}{c}} - y} \right); \\ w_2 = w_0 + c \ln \left(\frac{x-y}{x - 1 - e^{-\frac{\Phi}{c}}(y-1)} \right). \end{cases} \quad (5)$$

где w_1 и w_2 – размер заработной платы региональных гражданских служащих, соответственно при низком и высоком уровне их коллективных усилий; Φ – расходы в случае высокого уровня коллективных усилий региональных гражданских служащих.

Варьируя, параметры Φ и c , можно изменять интенсивность вознаграждения (размера заработной платы) коллективных усилий региональных гражданских служащих. При этом можно предусмотреть повышение интенсивности премирования не только при росте значения индекса, но и при переходе региона в кластер с более высоким уровнем социально-экономического развития и экологической безопасности, т. е. так называемое стимулирование L-типа. В этом случае одну функцию полезности заменяет система из кусочно-криволинейных функций с «привязкой» к определённому кластеру.

Ограничимся расчётом среднемесячного размера заработной платы гражданских служащих органов исполнительной власти регионов-лидеров (первые три места рейтинга) и Республики Башкортостан на данных за 2022 г. (табл. 9).

Таблица 9. Исходная информация и результаты теоретико-игрового моделирования (первый подход) на примере 2022 г.

Table 9. Input information and results of game-theoretic modelling (first approach) for the example of 2022

Параметр модели	Москва	Санкт-Петербург	Республика Башкортостан	Республика Татарстан
w_0 , руб.	125638	86630	49460	52274
x	0,6	0,6	0,6	0,6
y	0,35	0,35	0,4	0,3
Φ	31000	21000	12000	13000
c	93000	63000	36000	39000
w_1 , руб.	94555	65574	33292	42541
w_2 , руб.	249855	170777	117854	94512

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Как видно из данных табл. 9, назначенные экспертно (на дифференцированной основе для четырёх субъектов РФ) параметры модели позволят руководителю региона реально заинтересовать работников органов исполнительной власти в высокой эффективности их деятельности. Так, в случае не выше среднего, а высокой эффективности деятельности по итогам 2022 г. среднемесячная заработная плата региональных гражданских служащих Москвы возрас- тала со 174132 руб. до 249855 руб., т. е. в 1,43 раза. Аналогичный интенсивный рост заработной платы региональных гражданских служащих за высокую эф- фективность деятельности предполагался и для Санкт-Петербурга, Республики Башкортостан и Республики Татарстан, соответственно в 1,47; 1,72 и 1,5 раза. В этом случае доля расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ по- вышалась, соответственно до 1,68; 1,95; 1,82 и 1,08%, т. е. на 0,5; 0,61; 0,75 и 0,36% по сравнению с фактической величиной за 2022 г.

Не менее перспективной с позиции стимулирования коллективных усилий высокого уровня гражданских региональных служащих может быть модель двухставочного контракта Берхольда-Стиглица (см.: например, Berhold 1971). В отличие от работы (Зенкевич и др. 2012) её модификацию можно применить одновременно с ранее рассмотренным первым подходом.

Второй подход. В случае возможности выбора региональными граждан- скими служащими прикладываемых усилий (e) их полезность определяется по формуле:

$$U = u\left(w - \frac{Re^2}{2}\right), \quad (6)$$

где R – заданный неотрицательный параметр; u – ранее представленная функция полезности (4).

Допустим, что коллективные усилия региональных гражданских служа- щих по-прежнему не наблюдаемы руководителем субъекта РФ, а профицит

консолидированного бюджета (Π), наоборот, является наблюдаемой величиной. Для линейной схемы стимулирования применяется одноименная функция:

$$w(\Pi) = a + b\Pi, \quad (7)$$

где a – фиксированная часть (или оклад) заработной платы региональных гражданских служащих; b – доля от профицита консолидированного бюджета российского региона, направляемая на оплату труда работников из органов исполнительной власти субъекта РФ «за высокую эффективность деятельности».

В этом случае оптимальным решением (равновесие по Штакельбергу) также является система из двух уравнений:

$$\begin{cases} b = \frac{c}{c+R}; \\ a = w_0 + \frac{c(R-c)}{2R(c+R)^2}. \end{cases} \quad (8)$$

При таком варианте коллективного стимулирования высоких усилий региональных гражданских служащих a и b являются параметрами стратегии руководителя субъекта РФ (лидер), а c – стратегия работников органов исполнительной власти российского региона (последователь).

Необходимо отметить, что если первая модель применяется для любого региона в независимости от сбалансированности доходов и расходов его бюджета, то вторая модель применима только в случае, если бюджет региона сформирован с профицитом. В анализируемый период времени (2020–2022 гг.) по Республике Башкортостан наблюдался дефицит регионального бюджета.

Поэтому в рамках исследования практическое применение второго подхода можно проиллюстрировать для российского региона-донора на примере Санкт-Петербурга по итогам деятельности его органов исполнительной власти за 2022 г. Исходные данные для модели: $R=83 \cdot 10^{-7}$, $c=21 \cdot 10^{-8}$. При таких заданных параметрах $a=88022$ руб., $b=0,024$ и $w=112174$ руб. Отсюда в случае высокой эффективности деятельности органов исполнительной власти Санкт-Петербурга порядка 13491,9 млн руб. или 11,3% профицита консолидированного бюджета было бы направлено на коллективное стимулирование региональных гражданских служащих.

Уточнение (настройка или калибровка) параметров функции полезности, как для первой, так и второй модели возможна после апробации результатов авторского подхода на практике.

Заключение

К настоящему времени учёными разных стран мира проведено достаточно большое количество научных исследований, посвящённых оценке эффективности труда и вознаграждению государственных служащих. Однако в работах, как правило, рассматривается только индивидуальный подход к финансовому вознаграждению эффективного труда госслужащих без «привязки» к уровню

социально-экономического развития страны. Также достаточно редким явлением, особенно в российской научной литературе, остаётся применение современных высокоточных методов экономико-математического моделирования для установления корректного размера стимулирующих выплат государственным служащим.

Авторский подход (или зарплатный проект для региональных гражданских служащих) учитывает успешный опыт реформирования государственной гражданской службы в Сингапуре, предполагающий прямую зависимость ежегодного размера заработной платы работников органов исполнительной власти страны от достигнутого уровня её социально-экономического развития. Такую связь в России из-за большого количества регионов с существенными различиями по степени социально-экономического развития предлагается установить на мезоуровне управления. Исходя из содержания, авторский подход является инновационной управленческой технологией. Зарплатный проект будет способствовать успешному реформированию российской региональной гражданской службы в рамках парадигмы Нового государственного управления.

Основными ожидаемыми эффектами (в случае его реализации на практике) является:

- 1) обеспечение скоординированных действий всех министерств и ведомств любого российского региона;
- 2) создание предпосылок для укрепления собственной ресурсной базы субъектов РФ и финансового оздоровления дотационных регионов страны;
- 3) повышение контроля целевого расходования бюджетных средств на оплату труда гражданских региональных служащих;
- 4) сглаживание диспропорций в размере финансового вознаграждения работников (замещающих идентичные должности на госслужбе) из органов исполнительной власти различных субъектов РФ;
- 5) снижение коррупционных рисков.

Исходя из применяемых методов (индексный метод, метод самоорганизующихся карт Т. Кохонена, ансамбль из искусственных нейронных сетей в сочетании с модифицированной теорией оптимальных контрактов) можно сделать вывод, что авторский подход позволяет корректно рассчитать размер стимулирующих выплат каждому региональному гражданскому служащему любого субъекта РФ в зависимости от достигнутых коллективно-индивидуальных результатов деятельности. Новизной работы является адаптация теоретико-игровых моделей к специфике государственной гражданской службы в России на мезоуровне управления.

Дальнейшее развитие авторского подхода возможно в двух направлениях. Во-первых, за счёт применения других высокоточных методов экономико-математического моделирования (например, методов машинного обучения или искусственных нейронных сетей в сочетании с генетическим алгоритмом) для оценки эффективности госслужбы на мезоуровне управления, а во-вторых,

путём разработки собственных (принципиально новых) теоретико-игровых моделей, позволяющих корректно устанавливать размер стимулирующих выплат работникам органов исполнительной власти субъектов РФ. Относительная автономность расчётов при таких методах позволяет реализовать зарплатный проект на базе собственного программного продукта, имеющего блочно-модульную структуру.

Об авторах:

Руслан Семёнович Гринберг – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института экономики РАН. 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32. ORCID: 0000-0003-3616-1888. E-mail: grinberg@inecon.ru

Алексей Николаевич Борисов – кандидат политических наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. ORCID: 0009-0006-0739-7444. E-mail: una@una.ru

Александр Иванович Бородин – доктор экономических наук, профессор кафедры финансов устойчивого развития, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова. 115054, Москва, Стремянный переулок, 36. ORCID: 0000-0002-2872-1008. E-mail: aib-2004@yandex.ru

Губарев Роман Владимирович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова. 115054, Москва, Стремянный переулок, 36. ORCID: 0000-0003-1634-5030. E-mail: gubarev.roma@yandex.ru

Евгений Иванович Дзюба – научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук. 450054, Уфа, пр-т Октября, 71. ORCID: 0000-0003-2209-2017. E-mail: intellectRus@yandex.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 351.84:332.14:519.8
Received: April 20, 2025
Accepted: October 22, 2025

Application of the Asian Type of Performance-Based Pay for Regional Civil Servants in Russia

 R.S. Grinberg¹, A.N. Borisov², A.I. Borodin³, R.V. Gubarev³, E.I. Dzyuba⁴
[DOI 10.24833/2071-8160-2025-6-105-88-123](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-6-105-88-123)

¹ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

² MGIMO University

³ Plekhanov Russian University of Economics

⁴ Institute of social and Economic Research of the UFRC of the RAS

Abstract: Russia's regions have been required to operate under heightened external and internal constraints, including intensified sanctions pressure and persistent interregional disparities in socio-economic development. Under these conditions, strengthening the performance incentives of regional executive authorities becomes a practical governance task. This article develops an approach to performance-linked remuneration for regional civil servants and tests it on the case of the Republic of Bashkortostan.

Methodologically, the study proceeds in three steps. First, it constructs an integrated index of regional socio-economic development with an environmental component, based on official statistical data and a system of six sub-indices aligned with major ministerial responsibility areas. Second, it uses Kohonen self-organising maps to cluster Russian regions, enabling benchmarking within more homogeneous groups and identifying Bashkortostan's position in the cluster structure for 2015 and 2020–2022. Third, it links collective and individual bonus payments to measured outcomes through a game-theoretic mechanism based on a modified optimal-contract framework that accounts for the institutional specifics of public administration and incorporates budget balance as a constraint on incentive design.

The empirical results (i) map the centre–periphery pattern of regional performance, (ii) locate Bashkortostan within the national cluster configuration, and (iii) compute the size of performance-based bonus payments for the region's executive authorities for 2022 under the proposed rules. The article's contribution lies in adapting optimal-contract logic to the meso-level of public administration and in combining index-based performance measurement, cluster benchmarking, and incentive design in a single applied framework. The proposed approach can be implemented as a modular algorithm for calculating performance-linked bonuses, subject to data availability and further calibration to regional institutional arrangements.

Keywords: Socio-economic development; Russian regions; civil service reform; Singapore experience; Asian type of remuneration; civil regional employees; labor efficiency; collective bonuses; artificial neural networks; game-theoretic approach

About the authors:

Ruslan S. Grinberg – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Scientific Director, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. 32, Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, Russia, 117218. ORCID: 0000-0003-3616-1888.

E-mail: grinberg@inecon.ru

Aleksey N. Borisov – Candidate of Political Science, Head of the UNESCO Department, MGIMO University. 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. ORCID: 0009-0006-0739-7444.

E-mail: una@una.ru

Aleksander I. Borodin – Doctor of Economics, Professor at the Department of Financial Management, Plekhanov Russian University of Economics. 36 Stremyanny Lane, Moscow, Russia, 115054. ORCID: 0000-0002-2872-1008. E-mail: aib-2004@yandex.ru

Roman V. Gubarev – Candidate of Economic Science, Associate Professor of the Department of Economic Theory, Plekhanov Russian University of Economics. 36, Stremyanny Lane, Moscow, Russia, 115054. ORCID: 0000-0003-1634-5030. E-mail: gubarev.roma@yandex.ru

Evgeniy I. Dzyuba – Research associate, Institute of Social and Economic Research of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. 71, Prospekt of October, Ufa, Russia, 450054. ORCID: 0000-0003-2209-2017. E-mail: intellectRus@yandex.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

References:

- Arham A.S., Wanusmawatie I., Novita A.A. 2022. *Analysis of the Work Performance Assessment of Civil Servants at the Tourism Office of North Kalimantan Provinc.* Proceedings of the International Conference of Public Administration and Governance (ASSEHR 761). P. 11–20. URL: <https://www.atlantis-pess.com/proceedings/icopag-22/125989157> (accessed 12.12.2024). DOI: 10.2991/978-2-38476-082-4_3.
- Berhold M. 1971. A Theory of Linear Profit-Sharing Incentives. *Quarterly Journal of Economics*. 85(3). P. 460–482.
- Blokhin A.A., Demidova S.E., Melnikova T.S. 2024. The Overdue Transformation of the Budget Policy Model in the Context of Growing Economic Dynamics. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. №4. P. 177–192. DOI: 10.15838/esc.2024.4.94.10.
- Dolidze N., Kuprashvili T., Burduli E., Dalakishvili T., Nozadze N., Shapharidze S. 2019. *Attitudes and Perceptions of Civil Servants on Performance Appraisal System*. Georgia: Ilia State University.
- Grinberg R.S., Akhunov R.R., Volodin A.I., Gubarev R.V., Dzyuba E.I. 2018. Performance-Based Pay – a New (Mixed) Payment Scheme for Russian Civil Servants. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. №6. P. 163–183. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.10.
- Pugachev A.A. 2023. Economic Inequality of Citizens beyond Averages: Assessment in the Conditions of its Transformation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. №3. P. 141–158. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.7.
- Rudenko V.N. 2020. Prospects of Democracy in modern Constitutionalism. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. №3. P. 259–266. DOI: 10.1134/S1019331620020082.
- Xiaowen G. 2023. Civil Servant Performance Appraisal Problems and Counter Measures. *Social Security and Administration Management*. Buckinghamshire: Clausius Scientific Press. P. 7–12. DOI: 10.23977/socsam.2023.040502.
- Balatsky E.V. 2021. Model' singapurskogo chuda: uroki dlya Rossii [The Model of Singapore Miracle: Lessons for Russia]. *Mir Rossii*. №4. P. 188–208. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-4-188-208. (In Russian)
- Balatsky E.V., Ekimova N.A. 2021. Vlast', rynek i slozhnost' social'noj sistemy: teoreticheskaya model' finansovo-upravlencheskogo mekhanizma [Power, Market and Social System Complexity: Theoretical Model of Financial and Management Mechanism]. *Finansy: teoriya i praktika*. №1. P. 70–83. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-1-70-83. (In Russian)
- Barabashev A.G., Makarov A.A., Makarov I.A. 2019. O sovershenstvovanii indikativnykh ocnok kachestva gosudarstvennogo upravleniya [On the Improvement of Indicative Quality Assessment of Public Administration]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. №2. P. 7–38. (In Russian)
- Bogacheva O.V., Smorodinov O.V. 2020. . Sistemy oplaty truda v gossektore stran OESR [Pay Systems in Public Sector of OECD Countries]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. №12. P. 54–62. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-54-62. (In Russian)
- Borshchevskiy G.A. 2021. Ocenka modeli upravleniya gosudarstvennymi programmami Rossijskoj Federacii [Assessment of the State Programmes Management Model in the Russian Federation]. *Upravlenec*. №5. P. 2–20. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-5-1. (In Russian)
- Borshchevskiy G.A. 2022. Sovremennyy diskurs grazhdanskoj sluzhby Rossii: vzglyad skvoz' prizmu administrativnykh paradig [Modern Discourse of Civil Service in Russia: A View through the Prism of Administrative Paradigms]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. №2. P. 34–59. (In Russian)

Cherednichenko L.G., Gubarev R.V., Dziuba E.I., Fayzullin F.S. 2022. Teoretiko-igrovoj podhod k modelirovaniyu kollektivnogo stimulirovaniya truda regional'nyh grazhdanskih sluzhashchih v Rossii [Game-Theoretic Approach to Modeling Collective Labor Incentives for Regional Civil Servants in Russia]. *Zhurnal institucional'nyh issledovanij*. №3. P. 103–118. DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.3.103-118. (In Russian)

Frolov D.P., Strekalova A.S., Tazhibov A.A. 2020. Geterodoksal'nye teorii strategirovaniya territorij [Heterodox Theories of Strategizing Territory]. *Russian Journal of Economic Theory*. №1. P. 65–78. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-1.5. (In Russian)

Lobkova E.V., Khudonogova E.R. 2024. K voprosu ob ocenke effektivnosti i rezul'tativnosti deyatelnosti gosudarstvennyh grazhdanskih sluzhashchih: opyt Krasnoyarskstat [On the Issue of Evaluating the Effectiveness and Performance of Public Civil Servants: The Experience of the Krasnoyarsk State Statistics Service]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. №3. P. 39–80. DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-3-39-80. (In Russian)

Martianov V.S., Rudenko V.N. 2022. Magiya belogo progressora: ot global'nogo kargokul'ta k novej politicheskoj normal'nosti [The Magic of the White Progressor: From Global Cargo Cult to a New Political Normality]. *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz*. №1. P. 24–49. DOI: 10.30570/2078-5089-2022-104-1-24-49. (In Russian)

Shaimardanova N.A. 2022. Klyuchevye faktory oplaty grazhdanskih sluzhashchih v Rossii i Velikobritanii [Key Factors of the Civil Servants' Pay in Russia and Great Britain]. *Moscow University Economic Bulletin*. №6. P. 159–189. DOI: 10.38050/01300105202268. (In Russian)

Shvetsov A.N. 2020. K sopostavitel'nomu analizu processov cifrovizatsii gosupravleniya v Rossii i v drugih stranah [To the Comparative Analysis of the Digitalization Process of State Administration in Russia and Other Countries]. *Rossijskij ekonomicheskij zhurnal*. №5. P. 75–117. DOI: 10.33983/0130-9757-2020-5-75-117. (In Russian)

Tambovtsev V.L., Rozhdestvenskaya I.A. 2021. Effektivnost' v gosudarstvennom sektore: illyuziya ponimaniya i eyo posledstviya [Efficiency in Public Sector: Illusion of Comprehension and its Consequences]. *Terra Economicus*. №1. P. 17–35. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-17-35. (In Russian)

Turovsky R.F., Luizidis E.M. 2022. Faktory gubernatorskih otstavok v Rossii [Exploring the Causes of Gubernatorial Resignations in Russia]. *Polis. Political Studies*. №4. P. 161–178. DOI: 10.17976/2022.04.13. (In Russian)

Yasinskaya I.A., Sladkova N.M., Petrova S.A. 2022. Sovremennye podhody i tendencii formirovaniya i razvitiya kadrovogo potentsiala gosudarstvennoj sluzhby s ucheto zarubezhnogo opyta [Modern Approaches and Trends of the Staff Development at the Civil Service, Taking into Account Foreign Experience]. *Ekonomika truda*. №2. P. 377–398. DOI: 10.18334/et.9.2.114280. (In Russian)

Zenkevich N.A., Katkalo V.S., Klemina T.N., Medvedev A.G. 2012. Evolyuciya modelirovaniya stimuliruyushchih kontraktov s top-menedzherami kompanij [Evolution of Incentive Contracts Modeling with Companies CEOs]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya Menedzhment*. №1. P. 3–25. (In Russian)

Zhuravleva T.A. 2017. Sistema oplaty truda i motivaciya gosudarstvennyh grazhdanskih sluzhashchih: obzor mezhdunarodnoj praktiki [The System of Remuneration and Motivation of Public Civil Servants: A Review of International Practice]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik*. №64. P. 331–345. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Балацкий Е.В. 2021. Модель сингапурского чуда: уроки для России. *Мир России*. №4. С. 188–208. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-4-188-208.

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. 2021. Власть, рынок и сложность социальной системы: теоретическая модель финансово-управленческого механизма. *Финансы: теория и практика*. №1. С. 70–83. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-1-70-83.

Барабашев А.Г., Макаров А.А., Макаров И.А. 2019. О совершенствовании индикативных оценок качества государственного управления. *Вопросы государственного и муниципального управления*. №2. С. 7–38.

Богачева О.В., Смородинов О.В. 2020. Системы оплаты труда в госсекторе стран ОЭСР. *Мировая экономика и международные отношения*. №12. С. 54–62. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-54-62.

Борщевский Г.А. 2021. Оценка модели управления государственными программами Российской Федерации. *Управленец*. №5. С. 2–20. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-5-1.

Борщевский Г.А. 2022. Современный дискурс гражданской службы России: взгляд сквозь призму административных парадигм. *Вопросы государственного и муниципального управления*. №2. С. 34–59.

Журавлева Т.А. 2017. Система оплаты труда и мотивация государственных гражданских служащих: обзор международной практики. *Государственное управление. Электронный вестник*. №64. С. 331–345.

Зенкевич Н.А., Катыкало В.С., Клемина Т.Н., Медведев А.Г. 2012. Эволюция моделирования стимулирующих контрактов с топ-менеджерами компаний. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Менеджмент*. №1. С. 3–25.

Лобкова Е.В., Худогова Э.Р. 2024. К вопросу об оценке эффективности и результативности деятельности государственных гражданских служащих: опыт Красноярскстата. *Вопросы государственного и муниципального управления*. №3. С. 39–80. DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-3-39-80.

Мартыанов В.С., Руденко В.Н. 2022. Магия белого прогрессора: от глобального каргокульта к новой политической нормальности. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. №1. С. 24–49. DOI: 10.30570/2078-5089-2022-104-1-24-49.

Тамбовцев В.Л., Рождественская И.А. 2021. Эффективность в государственном секторе: иллюзия понимания и её последствия. *Terra Economicus*. №1. С. 17–35. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-17-35.

Туровский Р.Ф., Луизидис Е.М. 2022. Факторы губернаторских отставок в России. *Полис. Политические исследования*. №4. С. 161–178. DOI: 10.17976/2022.04.13.

Фролов Д.П., Стрекалова А.С., Тажибов А.А. 2020. Гетеродоксальные теории стратегирования территорий. *Журнал экономической теории*. №1. С. 65–78. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-1.5.

Чердиченко Л.Г., Губарев Р.В., Дзюба Е.И., Файзуллин Ф.С. 2022. Теоретико-игровой подход к моделированию коллективного стимулирования труда региональных гражданских служащих в России. *Журнал институциональных исследований*. №3. С. 103–118. DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.3.103-118.

Шаймарданова Н.А. 2022. Ключевые факторы оплаты гражданских служащих в России и Великобритании. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. №6. С. 159–189. DOI: 10.38050/01300105202268.

Швецов А.Н. 2020. К сопоставительному анализу процессов цифровизации государственного управления в России и в других странах. *Российский экономический журнал*. №5. С. 75–117. DOI: 10.33983/0130-9757-2020-5-75-117.

Ясинская И.А., Сладкова Н.М., Петрова С.А. 2022. Современные подходы и тенденции формирования и развития кадрового потенциала государственной службы с учетом зарубежного опыта. *Экономика труда*. №2. С. 377–398. DOI: 10.18334/et.9.2.114280.

Внешнеполитические риски для связности электроэнергетической системы России

А.А. Сизов

АО «Ленинградская областная электросетевая компания»

Статья посвящена анализу внешнеполитических рисков для трансграничной связности электроэнергетической системы России и стратегий институциональной и технологической адаптации к этим рискам. Концептуальной основой служит современное понимание энергетической безопасности как низкой уязвимости жизненно важных энергосистем. Эмпирически рассмотрены три вектора связности: европейский (десинхронизация БРЭЛЛ и автономизация калининградской подсистемы), евразийский (трансформации в Центральной Азии, формирование общего электроэнергетического рынка ЕАЭС, проекты «Север – Юг») и восточный (экспорт в КНР, технологическое сотрудничество, перспективы каспийских и ближневосточных маршрутов), а также сквозные риски – санкционные, кибернетические и военно-диверсионные. Показано, что трансграничная связность имеет двойственный характер: увеличивая техническую устойчивость за счёт масштаба и взаимной помощи, она одновременно формирует каналы политического давления и угрозу каскадных сбоев. Уязвимости дифференцируются по референтным объектам (государство, регионы, отраслевые сегменты) и ценностям (надёжность снабжения, экономическая эффективность, геополитическое влияние). Портфель адаптационных мер включает повышение автономности критических узлов (островные режимы, резервирование), институционализацию связности в формате «дружественных» объединений (ЕАЭС, южные и восточные перетоки), диверсификацию партнёров и снижение импортозависимости в ключевых технологиях, а также усиление кибер- и физической защиты инфраструктуры. Теоретический вклад состоит в уточнении рамки уязвимости применительно к разветвлённой энергосистеме; практический – в обосновании баланса между интеграцией и изоляцией как принципа управления рисками в условиях геополитической турбулентности.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, трансграничная интеграция энергосистем, энергетическая геополитика, устойчивость критической инфраструктуры, евразийский электроэнергетический рынок, санкционные риски, киберугрозы в энергетике

УДК 621.311:327.8:338.242

Поступила в редакцию: 29.07.2025

Принята к публикации: 20.11.2025

Сложность и комплексность энергетики позволяет говорить о целой системе, которая отвечает за функционирование и связность современной экономики и государства в целом. Энергосистема представляет собой сложный технический комплекс, предназначенный для производства, передачи, распределения и потребления электрической энергии. Она объединяет генерирующие станции, электрические сети, трансформаторные подстанции и системы управления, обеспечивая надёжное и экономичное снабжение потребителей электроэнергией (Воропай, Стенников 2014; Bhattacharyya, Timilsina 2010).

Электроэнергетическая система России исторически формировалась как часть единой энергосети Евразии, унаследованной от СССР, и остаётся связанной линиями электропередачи с соседними государствами. Такая связанность энергосистемы приносит как преимущества (повышение надёжности, возможности экспорта/импорта электроэнергии), так и создаёт уязвимости перед внешнеполитическими факторами. В последние годы геополитические изменения – от стремления соседних стран интегрироваться в энергосети Европейского союза до международных конфликтов и санкций – поставили под вопрос устойчивость и безопасность российской энергосистемы в условиях трансграничной связности. Это породило научный и практический интерес к внешнеполитическим рискам, связанным с межгосударственной интеграцией электрических сетей, и к тому, как Россия адаптируется к этим рискам.

Понятие энергетической безопасности служит теоретической основой для анализа указанных проблем. В классическом подходе энергетическая безопасность часто описывалась через концепцию «четырёх А» (availability, accessibility, affordability, acceptability) – доступность ресурсов, их приемлемость и пр. Однако такой подход оказался недостаточным для комплексного анализа новых вызовов. Современное определение, предложенное Алегом Черпом и коллегами, фокусируется на уязвимости энергетических систем: энергобезопасность – это «низкая уязвимость жизненно важных энергосистем». (Cherp, Jewell 2014)

Жизненно важные энергосистемы включают ресурсы, инфраструктуру и потребление, связанные потоками энергии и поддерживающие критически важные функции общества. Такой подход предполагает выяснение трёх ключевых вопросов: «безопасность для кого? безопасность каких ценностей? и от каких угроз?» (Cherp, Jewell 2014). Отвечая на них, можно определить, какие элементы энергосистемы критически важны для страны, и оценить их уязвимость к внешним воздействиям. Применительно к теме это означает: чья безопасность ставится под угрозу при внешнеполитических потрясениях – государства, общества, отдельных регионов? Какие ценности и интересы затрагиваются – экономическое благополучие, политическое влияние, устойчивое энергоснабжение? От каких внешних угроз (например, от действий иностранных государств, международных конфликтов, трансграничных аварий) требуется защитить энергосистему?

В научной литературе отмечается, что трансграничные энергосети всё больше переплетаются с геополитикой. Так, К. Вестфаль и соавторы указывают, что электрические сети создают особые политико-экономические пространства и сферы влияния, хотя их геополитическое значение долгое время недооценивалось (Westphal, Pastukhova, Pere 2022). Концепция «сообщества сетей» (grid communities) подчёркивает, что государства, объединённые синхронной сетью, обречены на «общую судьбу» в вопросах электроснабжения, безопасности и благосостояния (Westphal, Pastukhova, Pere 2022). С одной стороны, более широкая интеграция сетей даёт технические плюсы – повышает устойчивость системы за счёт эффекта масштаба и взаимной помощи при дефиците мощности. С другой, такая взаимозависимость может стать источником политических рисков шантажа и давления. Как отмечает исследование К. Вестфаль и соавторов, «межсистемный электрический интерконнектор... может нести геополитические риски; [его могут] использовать в качестве своего рода политического шантажа». В отличие от торговли нефтью и газом, где обычно есть асимметрия «поставщик – потребитель», обмен электроэнергией носит более взаимный характер (электричество физически течёт в обе стороны). Тем не менее степень уязвимости государства зависит от того, насколько его собственная энергосистема способна работать автономно при отключении интерконнектора (т. е. соблюдение принципа N-1) (Westphal, Pastukhova, Pere 2022). Если какая-то страна критически зависит от импорта электроэнергии по одной линии, то эта зависимость может быть использована внешними силами как рычаг давления.

Исходя из изложенного, исследовательский вопрос данной работы формулируется так: какие внешнеполитические риски возникают из-за связанности (международной интегрированности) электрической энергосистемы России, и как Российская Федерация адаптируется к этим рискам? Для ответа на этот вопрос в статье проведён анализ различных направлений международной электрической связности России (европейского, постсоветского евразийского, восточноазиатского), выявлены основные типы рисков (геополитические, технологические, военные и др.) и рассмотрены меры адаптации и реагирования, предпринимаемые российским государством и энергетическим сектором.

Методологически исследование опирается на междисциплинарный подход: рамка энергетической безопасности Черпа используется для концептуализации угроз и уязвимостей, а анализ кейсов – для изучения конкретных ситуаций и ответных стратегий. В качестве кейсов рассматриваются, прежде всего, последние события: десинхронизация энергосистем стран Балтии с Россией, трансформации интегрированной энергосистемы в Центральной Азии, перераспределение энергетических связей России в условиях санкций и поворота на Восток.

Развитие энергосистемы России

Становление энергосистемы России прошло несколько ключевых этапов, отражающих технологический прогресс и экономические преобразования в стране. Первые шаги в создании централизованного энергоснабжения были сделаны в конце XIX в., когда в крупных городах появились локальные электростанции постоянного тока. В 1886 г. была запущена первая в России центральная электростанция на Берсеневской набережной в Москве, а к 1913 г. суммарная мощность электростанций Российской империи достигла 1,141 млн кВт (Симонов 2017, 2022).

Переломным моментом стало принятие в 1920 г. плана ГОЭЛРО (Государственная электрификация России), ставшего первым в мире комплексным планом развития национальной энергетики. В этот период были сооружены такие знаковые объекты, как Волховская ГЭС (1926), Днепрогэс (1932) и первые теплоэлектроцентрали (ТЭЦ), что позволило создать основу для формирования региональных энергосистем¹. В послевоенный период начался процесс объединения энергосистем в единую энергосистему (ЕЭС) европейской части СССР. В 1956 г. была создана первая в мире межгосударственная объединенная энергосистема «Мир» с участием стран социалистического лагеря². К 1970-м гг. завершилось формирование ЕЭС СССР, включавшей 11 объединённых энергосистем, соединённых линиями электропередачи напряжением 220–500 кВ. В этот период были построены уникальные объекты инфраструктуры: первая в мире линия электропередачи постоянного тока напряжением 800 кВ Волгоград – Донбасс (1965), атомные электростанции (первая промышленная АЭС – Обнинская, 1954)³.

Планировалось объединение энергосистем Сибири и Дальнего Востока с Уралом и Центром страны за счёт строительства ЛЭП сверхвысокого напряжения. Целью было не просто технологически объединить энергосистему, но получить возможность резко наращивать маневренный резерв мощности системы и возможности регулирования частоты, более оптимально сбалансировать нагрузку станций всех типов. Кроме того, более дешёвая энергия сибирских ГЭС могла бы поступать к центрам потребления на запад страны. В свою очередь, связность энергосистем обеспечивала бы и надёжность снабжения сибирских потребителей.

¹ ГОЭЛРО: Доклад о результатах работы государственной комиссии по электрификации России (Гоэлпро). URL: https://istmat.org/files/uploads/29115/plan_goelro_doklad.pdf (дата обращения: 05.12.2025).

² 1962 г. Создание крупнейшей на планете энергосистемы «Мир». *Системный оператор Единой энергетической системы*. URL: <https://www.so-ups.ru/memorial-day/history-event/news/12996/> (дата обращения: 05.12.2025)

³ Появление оперативно-диспетчерского управления как особой дисциплины в электроэнергетике (1921–2002 гг.). *Системный оператор Единой энергетической системы*. URL: <https://www.so-ups.ru/about/history/1921-2002/> (дата обращения: 05.12.2025)

Для решения этой задачи долгое время не существовало адекватных технологий. ЛЭП протяжённостью тысячи километров требуют самых передовых технических решений. Лишь в 1980-х гг. советскими инженерами была спроектирована и построена уникальная для своего времени линия электропередач 1150 кВ Итат – Барнаул – Экибастуз – Кокчетав – Кустанай – Челябинск. Прорабатывались и дополнительные линии аналогичного класса. Этот проект так и не был завершён, подстанции в Итате и Челябинске не достроены, а линия до сих пор используется на напряжении 500 кВ (Павлушко, Опадчий 2012).

Важной вехой развития энергосистемы России является создание в 1992 г. РАО «ЕЭС России», которое в 2000-х гг. провело масштабную реформу отрасли, включавшую разделение естественно-монопольных (сетевые компании) и конкурентных (генерация, сбыт) секторов. В 2008 г. РАО «ЕЭС» было ликвидировано, а его активы перешли к новым компаниям: «ФСК ЕЭС», «Холдинг МРСК», «СО ЕЭС» и другим. В 2000-е гг. помимо традиционных государственных компаний в Сибири начали активно развивать промышленность частные корпорации. Укрупнившаяся вокруг «Русала» отечественная алюминиевая промышленность обрела контроль над местными ГЭС и энергокомпаниями региона, а СУЭК консолидировал угольную энергетику. К 2012 г. идея объединения ОЭС Сибири и ОЭС Урала вновь стала актуальной. Предполагалось за счёт выдачи мощности сибирских ГЭС и угольных станций (как существующих, так и вновь построенных) обеспечить значительный переток мощности на запад России. Помимо дешевизны сибирской электроэнергии, это позволило бы сократить и объём газа, сжигаемого электростанциями ОЭС Урала и Центра (Сидоровни-на 2015). В свою очередь, это позволило бы «Газпрому» продавать больше газа в Европу без дорогостоящего освоения новых месторождений. Для реализации проекта требовалась значительная государственная финансовая поддержка, в первую очередь за счёт обеспечения сетевого строительства. В течение десяти следующих лет идея трансформировалась в развертывание в Сибири энергоёмких производств на базе вновь построенных и существующих ГЭС. Однако и эти проекты остаются не реализованными.

Энергосистема России разделена на семь крупных элементов, которые называются объединёнными энергосистемами (ОЭС), и технологически изолированные регионы Камчатки, Чукотки, Сахалина и Магадана⁴. Но две из семи ОЭС (ОЭС Сибири и ОЭС Востока) имеют очень слабые электрические связи с соседними регионами и между собой. Перетоки энергии из Сибири на Урал ограничены величиной в 2 ГВт, а связь между ОЭС Сибири и Востока осуществляется через вставку постоянного тока на подстанции «Могоча» (Забайкальский край) пропускной способностью всего около 100 МВт. ОЭС Востока

⁴ ЕЭС 2023. Единая энергетическая система России. *Системный оператор Единой энергетической системы*. URL: <https://www.so-ups.ru/functioning/ups/ups2025/> (дата обращения: 05.12.2025)

является отдельной синхронной зоной, то есть совокупностью её энергосистем поддерживается отличная от остальной энергосистемы России частота электрического тока (Бердышев и др. 2023). Фактически Сибирь и Дальний Восток России представляют собой отдельные, причём растущие энергосистемы. Продолжает расти нагрузка, строятся всё новые промышленные, коммерческие и гражданские объекты, развивается инфраструктура, дополняются планы по развитию регионов. Гидроэлектростанции играют большую роль в энергетическом балансе этих регионов. Они могли бы снабжать своей дешёвой энергией и соседние системы при наличии полноценной связи.

Последствия распада СССР ударили по перспективам развития Сибири. Были достроены несколько крупнейших ГЭС, но Сибирь и Дальний Восток страны так и оставались отрезанным от «большой земли» в плане энергетики. Стройки ГЭС сильно опередили рост нагрузки в регионе, а выдать имеющуюся мощность во «внешний мир» было просто невозможно из-за отсутствия ЛЭП нужной пропускной способности. ГЭС оказались «заперты» в своей локальной энергосистеме, а сетевое строительство для ряда из них до сих пор не завершилось. Наиболее ярким примером является Саяно-Шушенская ГЭС, которая до сих пор не может выдать всю свою мощность, 6,4 ГВт. Системный оператор ЕЭС России оценивает технологически невыпускаемый резерв мощности ОЭС Сибири на уровне не менее 6 ГВт. Резервы мощности ОЭС Востока полностью отрезаны от внешнего мира, при том что в регионе из-за фактического и прогнозируемого роста нагрузки необходимо строить всё новые и новые электростанции, не имея возможности пользоваться мощностями соседей. Сильно страдает и КИУМ (коэффициент использования установленной мощности – отношение фактически выработанной электроэнергии к тому количеству, которое было бы выработано, если бы электростанция работала с нагрузкой, соответствующей её установленной мощности) отечественных ГЭС, не превышающий скромный показатель 40%, в то время как хорошо связанные сетями с энергосистемой ГЭС Канады, Южной Америки и Африки приближаются к 58–60%.

Гидроэлектростанции являются источником дешёвой и экологически чистой электроэнергии, но условием для раскрытия их полного потенциала является подключение к единой сети и способность участвовать в регулировании параметров энергосистемы. Существующие проблемы с наличием линий электропередачи (ЛЭП) нужной мощности приводят к тому, что гидроэлектростанции оказываются «запертыми» в своем регионе и используются не на полную мощность. Российским энергетикам до сих пор не удалось получить устойчивое и контролируемое сечение Урал – Сибирь, выдача мощности сибирских ГЭС остаётся ограниченной, что влечёт за собой проблемы для развития энергетики сибирских регионов России. Избыток генерирующих мощностей являются только частью проблемы. Надёжное и бесперебойное энергоснабжение в крупных энергосистемах невозможно без мощных связей с соседями. В 2009 г. после

аварии на Саяно-Шушенской ГЭС потеря очень крупного объекта генерации не могла быть быстро компенсирована перетоком извне: остро не хватало пропускной способности сетей, в том числе той самой линии 1150 кВ через Казахстан. Возникла ситуация, когда при общем избытке генерирующих мощностей в стране Красноярский край испытал острый дефицит электроэнергии. Тогда длительных ограничений для потребителей удалось избежать благодаря наличию местной тепловой генерации и других ГЭС (Рисунок 1).

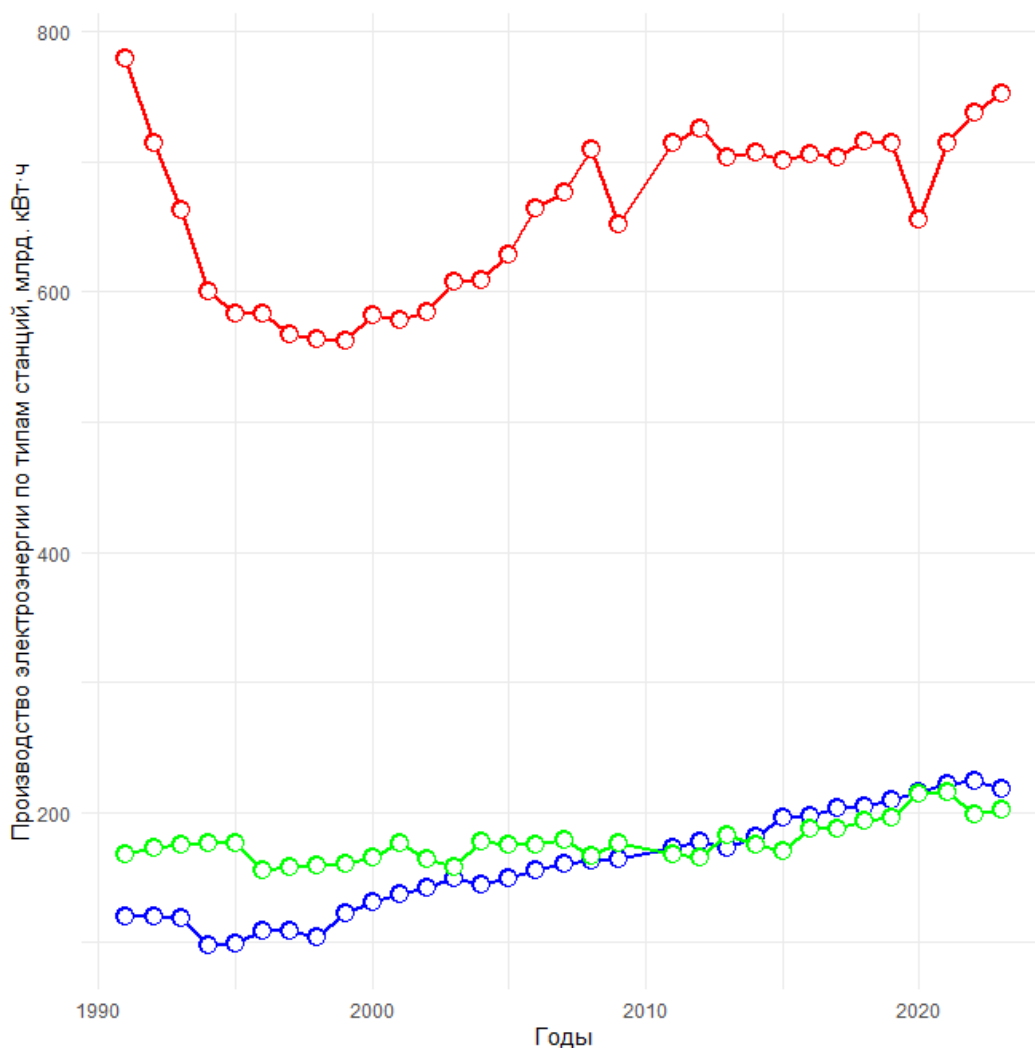

Рисунок 1. График производства электроэнергии по типам электростанций на основе данных ЕМИС

Figure 1. Graph of electricity production by power plant type based on EMIS data

Источник: составлено автором на основе: ЕМИС: Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicators/> (дата обращения: 05.12.2025).

Методология

Настоящее исследование выполнено в парадигме качественного кейс-анализа, комбинирующего элементы прикладного обзора и концептуального исследования. Базовая методологическая рамка – расширенное понятие энергетической безопасности (Cherp, Jewell 2014), фокусирующееся на уязвимости энергосистем. Это позволило операционализировать исследовательский вопрос следующей логикой: *«уязвимость каких систем, от каких внешних угроз и для каких акторов?»* Вначале были идентифицированы ключевые компоненты связанной энергосистемы России, имеющие внешнее измерение: межгосударственные линии электропередачи, синхронные зоны с участием России, экспортно-импортные потоки электроэнергии, а также критические объекты инфраструктуры, зависящие от внешних поставок технологий или энергии. Затем проведён сравнительный анализ нескольких кейсов:

1. Европейский кейс (Балтия и СНГ западного направления) – рассмотрены процессы десинхронизации БРЭЛЛ, отключение Украины и Республики Молдова от единой с Россией работы энергосетей, влияние санкций ЕС.
2. Евразийский кейс (Центральная Азия и ЕАЭС) – изменения в Единой энергосистеме Центральной Азии, участие России в проектах ЕАЭС по формированию общего электроэнергетического рынка, сотрудничество с Кавказом.
3. Восточный кейс (Китай и Азия) – текущий статус и планы по расширению экспорта электроэнергии в КНР, проекты соединения сетей через Монголию, сотрудничество с Ираном и другими странами Ближнего Востока.
4. Глобальные и технологические аспекты – угрозы кибератак на энергосистему извне, риски военных конфликтов и диверсий, внешние технологические и климатические вызовы.

Для каждого кейса собирались данные из научной литературы (рецензируемые статьи, обзоры, доклады аналитических центров). Кроме того, учитывались официальные документы и статистика: Энергетическая стратегия РФ, материалы Евразийской экономической комиссии о едином энергорынке, данные операторов энергосистем. Критическая проверка фактов осуществлялась путём сопоставления нескольких источников. Например, данные об объёмах экспорта электроэнергии сверялись с таможенной статистикой, а утверждения об испытаниях изолированной работы энергосистем – с сообщениями профильных министерств.

Результаты анализа кейсов позволяют выделить ключевые риски для российской энергосистемы и провести анализ рисков. В современной практике выделяют несколько ключевых методов анализа рисков, каждый из которых обладает особенностями и областями применения. Качественные методы ориентированы на описание и классификацию рисков без использования точных количественных показателей. Они включают экспертные оценки, мозговые

штурмы и анализ сценариев (Aven 2015). Исследование рассматривает внешнеполитические риски, под которыми понимаются угрозы, возникающие в результате взаимодействия государства с международной средой и негативно влияющие на экономику, безопасность и политическую стабильность.

Исследование содержит сетевой анализ российской энергосистемы. В технических науках системный подход стал основой системной инженерии – дисциплины, занимающейся проектированием и управлением сложными техническими системами. При создании авиакосмической техники, энергетических комплексов и транспортных систем обязательно учитываются системные взаимосвязи между компонентами (Fattahi, Sijm, Faaij 2020). В социальных науках Талкотт Парсонс применил системный подход к анализу общества, рассматривая его как систему социальных действий. Современная социология использует системные модели для изучения социальных институтов, стратификации и процессов глобализации (Парсонс 1996). Анализ энергосистем как сложных систем особенно актуален в современных условиях. Системный подход позволяет рассматривать энергосистему как целостный объект, включающий генерацию, передачу, распределение и потребление энергии, а также внешние факторы – экономические, политические и экологические. Примером системного исследования может служить анализ устойчивости энергосистемы к внешним воздействиям, таким как климатические изменения или геополитические кризисы. Рассматривается не только техническая инфраструктура, но и институциональные механизмы, рыночные регуляторы и социальные факторы (Холбаев, Шарипбаев, Тулкинов 2020). Особую ценность системный подход представляет при проектировании «умных сетей» (Smart Grid), где традиционные компоненты энергосистемы интегрируются с цифровыми технологиями и распределённой генерацией.

Связность энергосистемы проанализирована с помощью алгоритма Гирвана-Ньюмана. Это иерархический метод, предназначенный для выявления структур сообществ в сложных системах (Newman 2007). Алгоритм выявляет сообщества, последовательно удаляя рёбра из исходной сети; связанные компоненты, оставшиеся в сети, и являются сообществами. Степень посредничества вершин указывает на высокую центральность узла в сети. Для любого узла степень посредничества вершины определяется как количество кратчайших путей между парами узлов, проходящих через эту вершину. Степень посредничества вершин связана с моделями, где сеть определяет передачу товара между известными начальной и конечной точками, предполагая, что такая передача ищет кратчайший доступный путь. Показатель модулярности, используемый как мера разбиения сети на модули, продемонстрирует связность сети (Newman 2007). В качестве источников для построения сети использованы данные Системного оператора единой энергетической системы, содержащие данные о потоках, прогнозируемом потреблении и пр.⁵.

⁵ Планирование развития энергосистем. *Системный оператор Единой энергетической системы*. URL: <https://www.so-ups.ru/future-planning/> (дата обращения: 05.12.2025)

Надёжность выводов обеспечивается триангуляцией источников (научные статьи, отраслевые данные, официальные комментарии) и привлечением концепций из смежных областей – теории международных отношений (для анализа политических мотивов отключений/интеграций) и инженерно-технических исследований по устойчивости энергосетей (для понимания физических аспектов риска). Ограничения метода заключаются в том, что ряд обсуждаемых сценариев носит прогнозный характер (например, потенциальные кибератаки) и основан на экспертных оценках, а не статистически значимых выборках. Тем не менее такой подход соответствует цели работы – дать комплексную научную картину внешнеполитических рисков для энергосистемы России и ответных мер, вписав её в существующий научный дискурс об энергетической безопасности.

Европейское направление: выход соседей из российской энергосистемы и его риски

Самый наглядный пример внешнеполитических рисков для российской энергосистемы – дезинтеграция с европейскими соседями. После десятилетий совместной работы в едином синхронном режиме (IPS/UPS) бывшие советские республики Прибалтики и Восточной Европы отключились от энергокольца с Россией и стали синхронизироваться с сетью континентальной Европы (ENTSO-E). Данное решение имело политические мотивы: желание снизить энергетическую зависимость от России и встроиться в европейское пространство. Для России же оно создает риски потери влияния и технические вызовы.

Энергокольцо БРЭЛЛ, соединявшее Беларусь, Россию, Эстонию, Латвию и Литву, до недавнего времени обеспечивало синхронную работу их сетей и обмен электроэнергией в аварийных ситуациях⁶. Доля российской электроэнергии в потреблении Балтии была существенной (около 10%) (Lazarczyk 2022). Однако на фоне обострения отношений после 2014 г. и особенно после 2022 г., страны Балтии ускорили план выхода. 8 февраля 2025 г. Эстония, Латвия и Литва официально отключились от БРЭЛЛ и прекратили параллельную работу с энергосистемой России и Беларуси⁷. С этого момента их сети работают автономно (до подключения к ENTSO-E через Польшу).

Данный шаг устранил прежнюю уязвимость Балтии – угрозу, что Россия использует их энергозависимость как средство давления. Ранее эксперты указывали, что до синхронизации с ЕС балтийские страны «подвержены риску отключения со стороны России, что могло бы вызвать скачок цен, перегрузки и даже блэкауты» (Lazarczyk 2022). В особых сценариях обсуждалась возможность

⁶ Отключение Эстонии, Латвии и Литвы от БРЭЛЛ прошло для Калининграда гладко. 2025. *Янтарный край*. URL: <https://kaliningradfirst.ru/352677> (дата обращения: 05.12.2025)

⁷ Захарова назвала отключение Прибалтики от БРЭЛЛ разрушением стран региона. 2025. *РБК*. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67a8cfa59a79475489facf3c> (дата обращения: 05.12.2025)

преднамеренного отключения: например, российский оператор мог бы внепланово обесточить линии, оставив Балтию в изоляции до готовности к синхронной работе с ЕС (Fans 2023).

Для России уход Прибалтики тоже представлял риск, хотя и иного рода. Во-первых, теряется экспортный рынок электроэнергии. Прекращение торговли в 2022–2023 гг. из-за санкций и политических решений лишило российские генерирующие компании части выручки. Во-вторых, возник технический вызов – обеспечение автономной работы энергосистемы Калининградской области. Калининград – эксклав России, ранее технологически зависимый от БРЭЛЛ: через Литву шли линии, поддерживающие частоту и перетоки. Неподготовленный обрыв связи грозил дестабилизацией частоты и риском отключений в самом Калининграде (Lazarczyk 2022). Кроме того, режим «энергоострова» мог быть нестабильным без достаточных резервных мощностей. Таким образом, со стороны России главный риск заключался не в потере электроэнергии (Россия нетто-экспортёр, и её балтийские связи не были критичны для снабжения), а в угрозе надёжности изолированного региона и снижении энергетического влияния на соседей.

Предвидя выход Балтии, российские власти предприняли меры для минимизации рисков. В 2018–2020 гг. в Калининградской области были ускоренными темпами построены новые генерирующие мощности (четыре современных электростанции суммарной мощностью порядка 1 ГВт), способные полностью покрыть потребности региона автономно. Параллельно «Россети» и системный оператор провели серию испытаний работы Калининградской энергосистемы в изолированном режиме. По данным открытых источников, успешно проведены как минимум три теста автономной работы, самый длительный – 72 часа⁸. Это позволило отработать поддержание частоты без синхронизации с БРЭЛЛ и выявить узкие места. Интересно, что запланированные на 2022 г. дополнительные тесты были отменены, возможно, из-за геополитической обстановки. Тем не менее к 2024 г. Минэнерго РФ заявило о полной готовности Калининграда к выходу Прибалтики из кольца.

Главные внешнеполитические риски для связности энергосистемы РФ на европейском направлении связаны с потерей традиционно интегрированных частей сети и изменением конфигурации параллельной работы. Это приводит к падению экспортных доходов, снижению геополитического веса (энергетическое влияние на соседей уменьшается).

⁸ Baltic TSOs Postpone the Baltics' Power System Isolated Operation Test. [S. I.]. 2019. *Elering*. URL: <https://elering.ee/en/article/baltic-tsos-postpone-baltics-power-system-isolated-operation-test> (accessed 05.12.2025)

Евразийское пространство: Центральная Азия, Кавказ и электрическая интеграция в рамках ЕАЭС

Второе ключевое направление – южные и восточные соседи России на постсоветском пространстве, прежде всего страны Центральной Азии, Закавказья, а также партнёры по Евразийскому экономическому союзу. Здесь картина рисков и адаптации более комплексна: с одной стороны, Россия заинтересована в сохранении и укреплении связей своих энергосетей с соседями (что усиливает взаимозависимость и влияние); с другой – существуют внешнеполитические риски фрагментации этих связей из-за внутренних конфликтов между третьими странами, а также конкуренции со стороны других крупных держав (Китай, ЕС).

В советский период республики Центральной Азии были объединены в Единую энергетическую систему Средней Азии (ЕЭС СА), работавшую синхронно внутри региона. Северный Казахстан тогда энергетически был связан больше с Россией, а юг Казахстана и остальные республики – между собой и с центром в Ташкенте. После распада СССР эта интегрированная система начала распадаться под влиянием межгосударственных разногласий. В 1990-х – начале 2000-х гг. сначала Туркменистан, затем Узбекистан, а к 2009 г. и Таджикистан поочередно выходили из общего режима параллельной работы⁹. Узбекистан, обладавший центральным положением и крупнейшей генерацией, покинул объединённую энергосистему в 2009 г., во многом чтобы оказать давление на соседей по спорным вопросам водно-энергетических ресурсов. Этот шаг фактически положил конец функционированию региональной сети как единого целого, что имело негативные последствия прежде всего для энергодефицитных стран – Таджикистана и Киргизии. Они потеряли доступ к избыточным мощностям соседей в зимние пики и столкнулись с перебоями электроэнергии¹⁰. Тем не менее Россия сохраняла опосредованное влияние через двусторонние связи. С севером Казахстана российская сеть осталась синхронной, а через Казахстан осуществлялись точечные перетоки между РФ и южными республиками. Полностью изолированной центральноазиатская сеть не стала: Киргизия, Казахстан и Узбекистан продолжили частичную параллельную работу, регулируя перетоки через диспетчерский центр «Энергия» в Ташкенте.

⁹ Горбоконенко М. 2022. Как связаны энергосистемы Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана. *Orda.kz*. URL: <https://orda.kz/kak-svjazany-jenergosistemy-kazahstana-uzbekistana-i-kyrgyzstana/> (дата обращения: 05.12.2025)

¹⁰ Томберг И.П. 2012. Энергетика Центральной Азии: проблемы и перспективы. *РСМД*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/energetika-tsentralnoy-azii-problemy-i-perspektivy/> (дата обращения: 05.12.2025)

С середины 2010-х гг. ситуация изменилась: в Центральной Азии наметилось понимание, что разделение сетей ослабляет всех участников. Особую роль сыграла смена политики Узбекистана после 2016 г. Новое руководство взяло курс на энергетическую кооперацию. К 2018–2019 гг. Узбекистан и Киргизия подписали соглашения о возобновлении параллельной работы, Туркменистан заявил о готовности экспортировать электроэнергию соседям, а Таджикистан – о присоединении к общим проектам. В 2019 г. Узбекистан официально вернулся в синхронный режим с Казахстаном и Киргизией, частично восстановив Объединённую энергосистему Центральной Азии. Эти подвижки рассматриваются как элементы более широкой инициативы – реактивации интегрированной сети.

Для России эти процессы несут двоякий эффект. С одной стороны, восстановление региональной синхронной работы открывает перспективу расширения параллельной зоны IPS/UPS на весь регион, что усилило бы системную устойчивость и создало возможности для российского экспорта электроэнергии дальше на юг. Уже сегодня через Казахстан россияне могут поддерживать перетоки в Среднюю Азию, особенно зимой в период дефицита. Кроме того, совместная работа сетей упрощает торговлю: например, поставки из Сибири в Казахстан и далее – в Узбекистан. С другой стороны, существует риск, что интеграция Центральной Азии пойдёт без решающей роли России или даже в обход её интересов. В регионе активно присутствует Китай, инвестируя в генерацию и ЛЭП, предлагая свои проекты линии «Азия – Юг». Также Запад (США, ЕС) продвигает проекты вроде CASA-1000 – линии постройки ЛЭП из Центральной Азии (Киргизия, Таджикистан) через Афганистан в Пакистан¹¹.

К главным рискам относится конкуренция инфраструктурных проектов. Например, CASA-1000 при поддержке США стремится интегрировать Таджикистан и Киргизию с южными рынками, ослабляя их нужду в координации с Россией. Аналитики отмечают, что у Узбекистана есть свои геополитические мотивы интереса к CASA-1000 – получить прямой доступ к южноазиатскому рынку и стать хабом, опередив соседей. Для России это сигнал о потенциальной переориентации партнёров (Westphal, Pastukhova, Pepe 2022). Другой риск – технические сбои и дефициты, которые могут перекидываться через границы. Пример – массовое отключение электроэнергии 25 января 2022 г., затронувшее сразу Казахстан, Узбекистан и Киргизию¹². Причиной стал дисбаланс нагрузки в региональной сети, приведший к аварийному разделению системы. Этот случай показал, что при недостаточной координации и инвестициях в сеть

¹¹ Международный энергетический проект в Центральной и Южной Азии. CASA-1000. URL: <https://casa-1000.kg/> (дата обращения: 25.09.2025)

¹² Алешина М. 2022. Массовое отключение электричества произошло в Казахстане, Киргизии и Узбекистане. *Российская газета*. 25.01. URL: <https://rg.ru/2022/01/25/massovoe-otkluichenie-elektrichestva-proizoshlo-v-kazahstane-kirgizii-i-uzbekistane.html> (дата обращения: 05.12.2025)

региональная связность может обернуться синхронным коллапсом, влияющим и на связанные сети Казахстана, и опосредованно России. В январской аварии север Казахстана, плотно связанный с Россией, избежал отключения благодаря тому, что электрообмен с РФ удержал частоту¹³. Однако такой инцидент высветил необходимость модернизации и согласованного управления.

Стратегия России на этом направлении – укреплять интеграцию через институты и собственные инициативы. Центральным механизмом стала площадка Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Россия, Казахстан, Беларусь, Киргизия и Армения заключили Протокол о создании общего электроэнергетического рынка ЕАЭС. Планируется запуск этого общего рынка к 2025–2027 гг. после выработки единых правил торговли и доступа к сетям. Предполагается, что участники смогут свободно покупать/продавать электроэнергию друг другу, что повысит надёжность и экономическую эффективность использования генерирующих мощностей. Для России общий рынок означает сохранение лидирующей роли и институционализацию связности – превращение её в регулируемое пространство сотрудничества. Ожидается, что «создание общего электроэнергетического пространства укрепит энергетическую безопасность всех стран ЕАЭС» (Belyaev 2020).

Ещё одна адаптивная инициатива – проект «Север – Юг». В 2019–2020 гг. Россия, Азербайджан и Иран подписали соглашение о разработке ТЭО по синхронизации своих энергосистем – т. н. Север – Юг энергетический коридор. Идея состоит в соединении энергосетей РФ и Ирана через Кавказ: через Азербайджан (и, возможно, Армению) создать трансрегиональную систему. Одновременно обсуждается и «Каспийское энергокольцо», которое связало бы Россию, страны Центральной Азии, Закавказье, Иран и Турцию. Эти амбициозные проекты преследуют сразу несколько целей. Во-первых, открыть для России новые рынки сбыта на юге (Иран, а через него – Пакистан, возможно, Индия). Во-вторых, усилить взаимозависимость с такими ключевыми партнёрами, как Иран (особенно на фоне общего противостояния санкциям). В-третьих, препятствовать сценарию, при котором стандарты межсетевого взаимодействия в Евразии устанавливаются без России (например, Китаем) (Belyaev 2020).

Кавказский узел тоже важен: Россия поддерживает электрические связи с Грузией и Азербайджаном. Несмотря на политическую напряжённость, существуют проекты кольца Россия – Азербайджан – Грузия, позволившего бы обмениваться мощностью между этими странами¹⁴. Азербайджан заинтересован

¹³ Нургалиев Д. 2022. Массовое отключение света взбудоражило казахстанцев: что ждёт энергосистему страны в будущем. *Казахстанская правда*. URL: <https://kazpravda.kz/n/massovoe-otklyuchenie-sveta-vzbudorazhilo-kazhstantsev-chto-zhdet-energositemu-strany-v-budushchem/> (дата обращения: 05.12.2025)

¹⁴ Продолжаются работы по созданию энергокольца Азербайджан – Грузия – Россия. 2019. *Report*. URL: <https://report.az/ru/energetika/prodolzhayutsya-raboti-po-sozdaniyu-energokolca-azerbaydzhan-gruziya-rossi> (дата обращения: 05.12.2025)

в импорте электроэнергии в зимние месяцы, Россия – в экспорте избыточной (особенно из Дагестана, где ГЭС). Грузия, хотя и стремится к взаимодействию с ЕС, также выигрывает от транзита и баланса между Турцией, Россией и Арменией.

Подводя итог по евразийскому направлению: ключевые риски – это фрагментация постсоветской энергосети из-за конфликтов или конкурирующих интеграционных проектов, а также технические риски в недостаточно модернизированной общей сети. Адаптация России выражается в стремлении институционализировать энергетическую интеграцию (ЕАЭС общий рынок), расширить её географически на юг (проекты Север – Юг, каспийское кольцо) и поддерживать двусторонние обмены там, где многосторонняя интеграция затруднена. Такие действия уменьшают уязвимость, так как переводят спонтанные зависимости в плоскость договорённостей и правил. Кроме того, Россия вкладывается в резервирование мощностей и сетей на своих границах (например, строит новые ЛЭП с Казахстаном, усиливает пропускную способность, чтобы гибче реагировать на перебои в ЦА). Это повышает устойчивость энергетической системы РФ перед потрясениями у соседей.

Восточное направление: энергосвязь с Китаем и Азиатско-Тихоокеанским регионом

После охлаждения отношений с Западом Россия провозгласила стратегический «поворот на Восток» в энергетике, в первую очередь ориентированный на Китай. Хотя нефть и газ находятся в центре этого поворота, электрическая энергетика тоже приобретает значение. Связанность с Китаем до сих пор ограничена: отсутствует синхронная работа (различие частоты и стандарты не позволяют), но существуют мощные линии постоянного тока для экспорта электроэнергии. Внешнеполитические риски и выгоды здесь несколько иные: не существует прямой опасности зависеть от Китая в плане импорта электроэнергии (Россия сама крупный производитель), однако есть риск экономической асимметрии и технологической зависимости при реализации крупных проектов.

На начало 2020-х гг. Россия экспортирует в Китай относительно небольшие объёмы электроэнергии по меркам общей генерации, но они растут. Экспорт идёт в основном из Амурской области и Приморья в прилегающие провинции Китая. По данным торговой статистики, в 2023 г. экспорт электроэнергии из России в Китай составил ~\$143 млн (для сравнения: в Казахстан ~\$235 млн, в другие страны меньше)¹⁵. В физическом выражении это несколько миллиардов кВт/ч,

¹⁵ Electricity in Russia. 2022. *The Observatory of Economic Complexity*. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/electricity/reporter/rus> (accessed 05.12.2025)

то есть доли процента от производства России. Тем не менее тренд восходящий: после 2022 г. Россия стремится нарастить эти поставки, компенсируя прекращение торговли с Финляндией и Прибалтикой. Китай заинтересован в импорте электроэнергии на северо-восток страны, особенно экологически чистой (в перспективе – от российских ГЭС и АЭС), чтобы снижать угольную генерацию у себя. Тут возникает окно возможностей: энергосотрудничество укрепляет политические связи. В 2023 г. на высшем уровне обсуждались планы увеличить экспорт мощности в Китай, построив новые ВЛ до 500 кВ и конвертерные станции.

Риски во взаимодействии с Китаем носят главным образом стратегический и экономический характер. Во-первых, Китай – гораздо более мощный потребитель, и в двусторонних проектах диктует условия (цены, объёмы). Существует вероятность, что Россия вложится в инфраструктуру (новые электростанции на Дальнем Востоке, линии до границы), а Китай затем воспользуется монополией (положением единственного покупателя) для снижения цены закупки. Это может сделать проекты менее окупаемыми. Во-вторых, технологическая зависимость: высоковольтные линии постоянного тока, системы управления, преобразователи – всё больше поставляются из Китая. Уход западных фирм (Siemens, ABB) из России из-за санкций приводит к тому, что Китай становится основным поставщиком энергетического оборудования. С одной стороны, это помогает реализовать проекты, с другой – порождает новую зависимость от китайских технологий. Если предположить гипотетическое ухудшение отношений с КНР в будущем, российская энергосистема может столкнуться с нехваткой запчастей или поддержкой ПО китайского производства. Прямая физическая уязвимость российской энергосистемы от Китая сейчас минимальна, поскольку нет синхронной работы. Все соединения – через В2В-вставки (преобразовательные станции), что изолирует частоту. Таким образом, даже серьёзные аварии в сети одного государства не перекинутся на другого напрямую.

Важным шагом адаптации стало сотрудничество с Ираном и другими странами Ближнего Востока (о чём частично сказано выше). В 2022 г. объявлено, что произведена первичная синхронизация сетей России и Ирана через Кавказ. Идут работы по полноценному объединению четырёх стран: России, Ирана, Азербайджана и Армении¹⁶. Для России это возможность экспортировать избыток летом (когда в Иране пик потребления от кондиционеров, а в России низкий спрос) и импортировать зимой (у Ирана зимой избыток, а у России пики нагрузки). Фактически создается обмен мощностями по сезонам между двумя несоприкасающимися странами через транзит. В геополитическом плане это сближает Россию с Ираном и создаёт совместный блок энергосотрудничества, устойчивый к санкционному давлению Запада.

¹⁶ Iran to Synchronize Power Grids with Russia, Azerbaijan, Armenia Soon. 2022. *Tehran Times*. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/478903/Iran-to-synchronize-power-grids-with-Russia-Azerbaijan-Armenia> (accessed 05.12.2025)

Таким образом, на восточном направлении Россия смещает фокус связности: с политически ненадёжных западных партнёров – на большие развивающиеся экономики Азии. Риски при этом касаются экономических условий и долгосрочной зависимости от одного рынка (китайского), но они менее острые по сравнению с прямыми политическими угрозами отключения. Меры адаптации включают: диверсификацию экспорта (по странам и по формату сделок – коммерческие сделки взамен политически обусловленных), развитие собственной технологической базы для ВЛ постоянного тока (чтобы снизить зависимость от китайских конвертеров), а также активное включение в региональные инициативы (например, участие России в создании азиатского энергетического кольца, чтобы задавать стандарты, а не только следовать им). В итоге связность российской энергосистемы трансформируется: она уже меньше интегрирована с Европой, но потенциально может сильнее интегрироваться с южными и восточными соседями на условиях, приемлемых для Москвы.

Прочие внешние угрозы: кибератаки, конфликты и санкции

Помимо структурных трансформаций трансграничных энергосвязей, существуют иные внешние угрозы, потенциально способные нарушить функционирование российской энергосистемы. Эти риски не всегда непосредственно связаны с межсистемной интеграцией, однако они проистекают из международной обстановки и потому имеют прямое отношение к проблематике исследования.

Киберугрозы

В современном мире энергосистемы управляются автоматизированными системами (SCADA), которые могут стать мишенью кибератак со стороны других государств или негосударственных групп. Известны прецеденты: атаки вируса Stuxnet на иранские объекты, атаки на украинские облэнерго (2015, 2016) и пр. Российская энергосистема теоретически тоже уязвима для кибершпионажа и киберсаботажа. В 2019 г. американские СМИ сообщали, что США якобы внедрили вредоносные программы в российские энергосети в качестве предупреждения Москве (информация официально не подтверждена). Возможны сценарии, при которых во время серьёзного кризиса противник попытается вывести из строя оборудование (подстанции, генераторы) через цифровое воздействие. Это новый тип угрозы, который не связан с физическими интерконнекторами, но является прямым следствием внешнеполитической конфронтации.

Россия адаптируется, усиливая кибербезопасность энергетического сектора. Созданы подразделения в Минэнерго и ФСБ, ответственные за защиту критической инфраструктуры. После 2022 г. эти усилия удвоены, учитывая рост напряжённости. Вводятся требования использовать отечественное программное обеспечение в энергокомпаниях, ограничивать удалённый доступ к сетевому оборудованию. Проводятся учения по отражению кибератак. Однако

полностью устранить риск сложно из-за высокой сложности системы и вовлечения зарубежных компонентов в прошлом. Тем не менее укрепление киберустойчивости – ключевая адаптивная мера для снижения уязвимости энергосистемы перед внешними угрозами нетрадиционного характера. В терминах Черпа, это повышение устойчивости в дополнение к снижению экспозиции.

Военные действия и терроризм

Прямое разрушение энергетической инфраструктуры в ходе военных конфликтов стало реальностью на Украине. Хотя на территории собственно России подобных разрушений в крупных масштабах не происходило, некоторая часть приграничных сетей и объектов оказалась под ударом (например, обстрелы Белгородской области нарушали электроснабжение). Растущая милитаризация также повысила риск диверсий на объектах энергетики (теракты). Для России это означает необходимость физической защиты ЛЭП, подстанций, особенно в приграничных и стратегических районах. Адаптация: усиление ПВО вокруг критических электростанций, патрулирование линий, создание резервных схем питания на случай вывода из строя магистральных ЛЭП. Например, после повреждения линий на западе Белгородчины были быстро переключены резервные, минимизировав отключения.

Санкции и технологическая изоляция

Технологические риски – одни из опаснейших для энергосистемы России. Одним из наиболее существенных внешнеполитических рисков является ужесточение санкционного режима, направленного на ограничение доступа России к высокотехнологичному оборудованию (Тимофеев 2022). Исторически российская энергетика зависела от импорта газовых турбин, силовых трансформаторов и систем автоматизированного управления, ключевыми поставщиками которых выступали компании из стран ЕС, США и Японии. Введение запретов на экспорт подобных технологий создаёт серьёзные трудности при строительстве новых и модернизации существующих энергообъектов. Санкционные режимы оказывают негативное влияние на развитие энергетической отрасли, причём это касается как секторальных, так и персональных санкций. Ограничения, направленные на смежные области (топливный сектор, санкции в сфере информационных технологий), также оказывают влияние на энергетику ввиду её комплексности. Санкции осложняют решение задач долгосрочного развития нефтегазовой отрасли: Запад запрещает поставки в Россию оборудования, необходимого для эксплуатации новых месторождений, в том числе в Арктике и Западной Сибири (Сидорова 2016).

Европейские ограничения, введённые в рамках последовательных пакетов санкций, предусматривают запрет на поставки энергетического оборудования (Клинова, Сидорова 2014). Американские ограничения по линии Министерства финансов (OFAC) и Министерства торговли (BIS) включают российские

энергетические компании в SDN-листы и устанавливают экспортные ограничения по EAR (Export Administration Regulations)¹⁷. Особую проблему представляет включение в санкционные списки ключевых производителей энергетического оборудования, таких как Siemens Energy и General Electric, что фактически блокирует доступ к оригинальным запчастям и сервисному обслуживанию ранее поставленного оборудования. Например, уже возникали сложности с обслуживанием турбин Siemens, используемых на ряде российских ТЭС, что потребовало поиска альтернативных решений, включая локализацию производства или переход на менее эффективные аналоги. Отдельного внимания заслуживают вторичные санкции, которые распространяются на третьи страны, продолжающие сотрудничество с российскими энергетическими предприятиями. Эти меры создают эффект «санкционного запугивания», ограничивая возможности российской стороны по поиску альтернативных поставщиков. Особенно чувствительными оказались ограничения на финансовые операции, включая отключение российских банков от системы SWIFT и запрет на расчёты в долларах и евро¹⁸.

Технологические санкции затронули критически важные сегменты энергосистемы. Под ограничения попали поставки газотурбинных установок большой мощности, высоковольтного трансформаторного оборудования, систем релейной защиты и автоматики. Особую уязвимость демонстрирует сектор распределённой генерации, где применяется импортное оборудование малой и средней мощности. Санкционные риски усугубляются ограничениями на передачу программного обеспечения для проектирования и управления энергосистемами. В ответ на эти вызовы российская энергетика вынуждена развивать стратегии импортозамещения и переориентации на альтернативных поставщиков. Однако процесс локализации производства сложного энергетического оборудования требует значительного времени и инвестиций. В краткосрочной перспективе это приводит к повышению эксплуатационных рисков и снижению общей надёжности энергосистемы. Особую озабоченность вызывает состояние резервных мощностей, чьё техническое обслуживание традиционно зависело от западных технологий и сервисных компаний.

Санкционная политика западных стран (ЕС, США) влияет на экспорт углеводородов и модернизацию энергетической инфраструктуры. Это создаёт угрозу снижения доходов и технологической изоляции. Конфликты с соседними странами могут привести к разрыву транзитных маршрутов или блокировке

¹⁷ General Information. *Code of Federal Regulations*. URL: <https://www.ecfr.gov/current/title-15/subtitle-B/chapter-VII/subchapter-C/part-730> (accessed 05.12.2025)

¹⁸ Тимофеев И.Н. 2024. Без «чёрных рыцарей». Остаются ли третьи страны проблемой для инициаторов санкций против России? *Российский совет по международным делам (РСМД)*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bez-chyernykh-rytsarey-ostayutsya-li-treti-strany-probleмой-dlya-initsiatorov-sanktsiy-protiv-rossii/> (дата обращения: 05.12.2025)

совместных проектов. Энергосистема России традиционно была интегрирована в более широкий евразийский энергорынок, включая синхронизацию с объединёнными сетями стран СНГ и Балтии. Однако политическая конфронтация привела к разрыву этих связей, что повлекло за собой необходимость перестройки логистики электроэнергии и поиска новых партнёров. В частности, отказ Литвы, Латвии и Эстонии от работы в общем режиме с ЕЭС России вынудил переориентировать потоки энергии на внутренний рынок и ускорить интеграцию с энергосистемами стран Азии¹⁹. Трансграничные энергопотоки всегда были инструментом политического влияния, и в условиях обострения международных отношений их уязвимость значительно возрастает. Примером может служить ситуация вокруг Калининградской области, где энергоснабжение зависит от транзита через Литву, или перебои с поставками электроэнергии в Крым после повреждения линий на территории Украины²⁰. Подобные инциденты демонстрируют, что зависимость от транзитных государств создаёт дополнительные риски для энергобезопасности. Стоит отметить, что политизированность энергетического сектора приводит к экономическим рискам, связанным с активностями других поставщиков и нерыночным поведением ряда игроков. Рост спроса на альтернативные источники энергии (СПГ из США, возобновляемые источники энергии) снижает конкурентоспособность российских энергоресурсов в Европе.

Сетевой анализ российской электроэнергетической системы

Представленная сетевая карта (рис. 1) визуализирует структуру российской электроэнергетической системы через призму её региональной организации и межсистемных связей. Каждый узел на карте отражает либо регион, либо объединённую энергосистему (ОЭС), а линии – электрические связи между ними. Таким образом, карта является не просто географической схемой, но аналитической моделью, фиксирующей сложность, масштаб и уязвимости энергетического пространства страны.

Наиболее плотный узловый кластер формируется в европейской части России. Здесь расположены ОЭС Центра, Средней Волги, Урала, Северо-Запада и Юга. Эти блоки соединены многочисленными линиями, что создаёт эффект высокой связности и структурной устойчивости. Данный узловый комплекс фактически образует «энергетическое ядро» страны, обеспечивающее как крупнейшие индустриальные зоны, так и высокую плотность населения. В сетевой

¹⁹ «Прощай, Ленин!»: Балтия отключилась от электричества РФ. 2025. *РБК*. 9 февраля. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/09/02/2025/67a900e59a7947075eb210fe (дата обращения: 05.12.2025)

²⁰ Энергосистема Калининградской области перешла на изолированный режим работы. 2025. *Интерфакс*. 8 февраля. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1006975> (дата обращения: 05.12.2025)

терминологии это выражается в высокой посреднической центральности: через данные узлы проходят основные пути распределения мощности. Их роль как «центров тяжести» российской энергосистемы делает их одновременно источником устойчивости и потенциальной уязвимости: сбой в одном из них способен вызвать каскадные эффекты.

Совсем иначе выглядит восточная часть карты. ОЭС Сибири и Востока, хотя и представлены крупными узлами, обладают относительно малым числом межсистемных связей с ядром. Это указывает на частичную изолированность восточных энергосистем. Более того, внутри них сосредоточены значительные гидроэнергетические ресурсы, но их выдача ограничена слабой пропускной способностью линий на Урал. Таким образом, карта наглядно фиксирует структурную проблему «энергетического запертого пространства», когда избыток мощностей не может быть перераспределён в масштабах всей системы.

Особый интерес вызывают малые узлы на Дальнем Востоке и Севере – Чукотка, Камчатка, Сахалин, Магадан. Они представлены как отдельные «энергоострова», существующие преимущественно за счёт локальной генерации и не имеющие значимой межсистемной интеграции. Такая «энергетическая фрагментация» увеличивает стоимость энергоснабжения и снижает общую устойчивость системы: в случае аварий отсутствует возможность компенсировать потери за счёт перетоков мощности.

На карте обозначены также международные связи – Беларусь, Финляндия, Грузия, Азербайджан, Абхазия, Южная Осетия, Китай и Монголия. Эти узлы подчёркивают, что энергосистема России не является замкнутой: она встроена в более широкие евразийские энергетические пространства. Однако степень интеграции различна. Европейские связи исторически были сильны (БРЭЛЛ), но в последние годы демонстрируют тенденцию к дезинтеграции. Напротив, восточные векторы (Китай, Монголия) представляют собой потенциал для расширения экспорта. Таким образом, карта отражает двойственность геополитического положения России: между сокращающимися западными и растущими восточными энергетическими взаимодействиями.

С точки зрения системного анализа, карта демонстрирует разветвлённую энергосистему с выраженным ядром и периферией. Её устойчивость обеспечивается множеством внутренних связей в европейской части, но уязвимость возрастает на периферии, где избыточные мощности остаются недоиспользованными, а «энергоострова» функционируют в условиях хронической изоляции. Геополитический контур усиливает данные противоречия: западное направление превращается из ресурса устойчивости в источник рисков, в то время как восточное, наоборот, открывает новые возможности, но при этом требует значительных инвестиций в инфраструктуру.

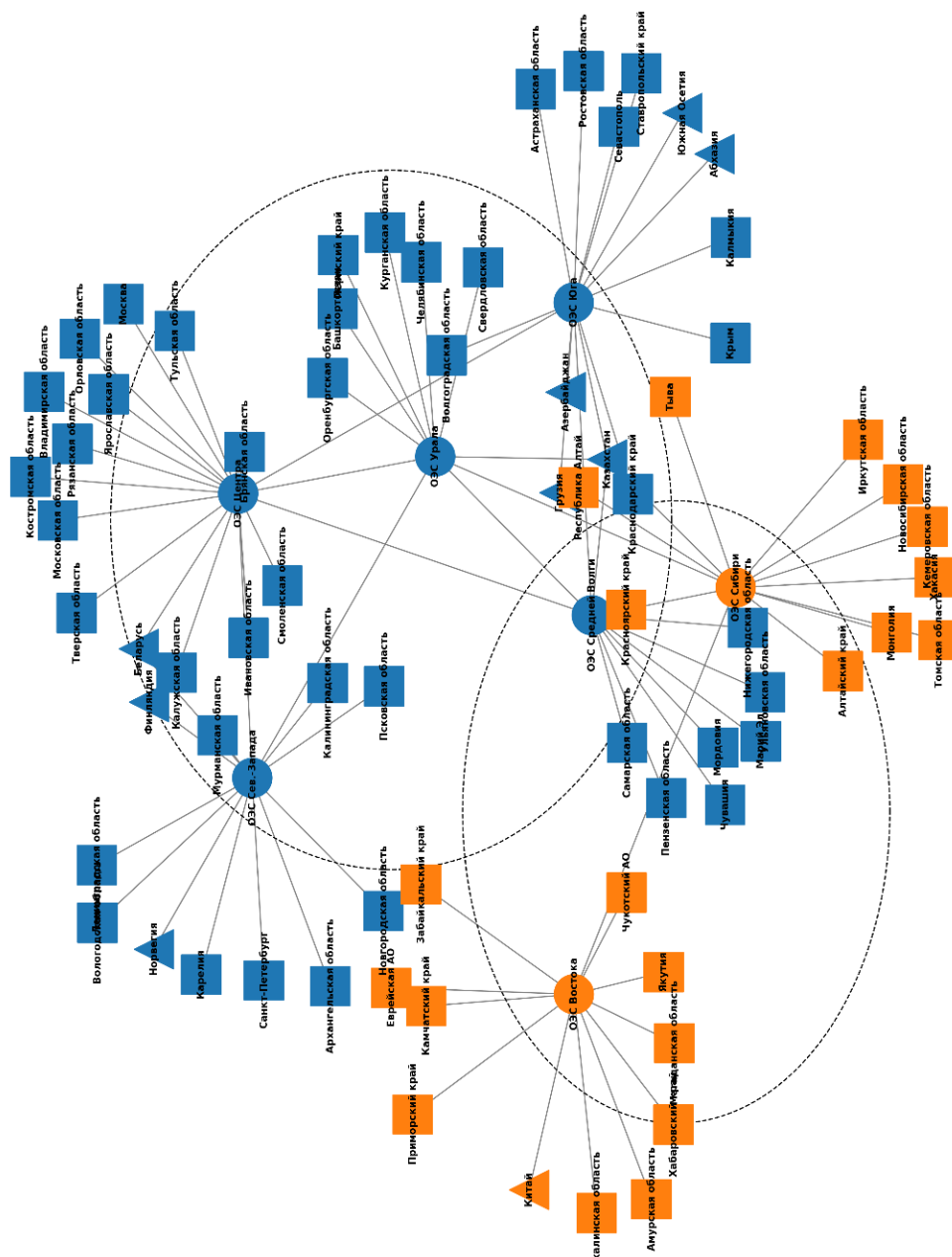

Рисунок 2. Сетевая карта энергосистемы России. Составлено автором на основе данных Системного оператора
Figure 2. Network map of the Russian power grid. Compiled by the author based on data from the System Operator

Источники: составлено автором по результатам исследования

Анализ выявил, что внешнеполитические риски связности энергосистемы России многообразны и динамичны, а адаптивная стратегия РФ носит многоплановый характер. Рассмотрим интерпретацию результатов сквозь призму концепции энергобезопасности и сопоставим их с ожиданиями научной литературы.

Прежде всего, вывод о двойственной природе межсистемной связности подтверждает положения, выдвинутые рядом исследователей. С одной стороны, интеграция сетей действительно повышает устойчивость энергоснабжения за счёт эффекта масштаба и взаимопомощи: технические преимущества межсистемных интерконнекторов позволяют компенсировать дефицит мощности и предотвращать локальные сбои. Это особенно заметно на примере Евразийского экономического союза, где формирование общего электроэнергетического рынка призвано повысить надёжность снабжения всех участников. Такая взаимозависимость создаёт общие ценности и выгоды для государств, объединённых в единую сеть, что подчёркивается в концепции «сообщества сетей» (grid community).

С другой стороны, та же связность порождает уязвимость к недружественным действиям – будь то политически мотивированное отключение (как в случаях Балтии и Украины) либо манипулирование техническими режимами работы сети. Исследование конкретизировало данные угрозы применительно к России: к числу наиболее значимых относятся опасность преднамеренного отключения (например, в связи с выходом стран Балтии из энергокольца), использование инструментов контроля частоты как потенциального средства давления, а также каскадные аварии, возникающие вследствие нестабильности у соседних государств (характерным примером стал блэкаут 2022 г. в Центральной Азии).

Важно отметить, что «безопасность для кого» тоже дифференцируется: уязвимыми оказываются *определённые регионы и группы*. Например, Калининградская область – конкретный «референт» безопасности, для которого уход Балтии был критической угрозой. Адаптация – строительство локальных станций – напрямую снизила *уязвимость этой жизненно важной подсистемы*, что соответствует рекомендации Черпа: уменьшать уязвимость жизненно важных энергетических систем. В то же время для общенациональной энергосистемы эффект выхода Балтии был умеренным – т. е. критичность угрозы географически ограничена.

Работа подтверждает слова Черпа о том, что нельзя измерять энергобезопасность только «четырьмя А» – доступностью, приемлемостью и т. п. Без учёта параметра «*безопасность от каких угроз*» сложно было бы понять, почему Россия, обладая избытком генерирующих мощностей, всё равно оказалась перед проблемой энергобезопасности, когда партнёры отключились. Ведь формально ни доступность ресурсов, ни ценовая доступность для российских потребителей не пострадали – однако в уязвимости системы произошли изменения.

Мы наблюдаем сдвиг: раньше у России была широкая интегрированная энергосистема «Мир» (совместно с бывшим СССР и Восточной Европой), теперь эта система сузилась, потеряв западное направление. С точки зрения *ценностей*, пострадали геополитические ценности – влияние, престиж великой энергодержавы; а с точки зрения *угроз* – на первый план вышли угрозы *политической изоляции и технологического отставания*.

Следующий ключевой аспект – стратегии адаптации. В анализируемом материале прослеживается несколько их основных типов.

Во-первых, это повышение автономности критических территориальных узлов (Калининград, Крым, пограничные регионы). Подобная стратегия соответствует классическому подходу к снижению экспозиции к системным рискам посредством локального дублирования инфраструктурных мощностей и создания островных режимов в качестве резервного контура функционирования. В литературе по устойчивости энергетических систем подчёркивается значимость децентрализации и резервирования как механизмов поглощения шоков и поддержания функциональности системы в условиях дестабилизации (Holling 1973; Cherp, Jewell 2014). Российский пример демонстрирует именно такую логику институциональной адаптации.

Во-вторых, наблюдается стратегия институционализации и переформатирования энергетической интеграции – через развитие общего рынка ЕАЭС и формирование новых транзитных и кооперационных конфигураций, включая каспийский коридор. Эта линия действий концептуально соотносится с тем, что в литературе обозначено как «развитие электроэнергетической внешней политики» (Westphal et al. 2022). Речь фактически идёт о формировании Россией собственной электроэнергетической дипломатии: заключении межправительственных соглашений, создании альтернативных «сетевых сообществ» и институциональных архитектур вне западных режимов регулирования.

Данная стратегия соответствует также второй группе геополитических инструментов, выделенной в исследовании К. Вестфаль и соавторов: расширение трансграничных сетей и интерконнекторов как средства проекции экономической мощи и влияния. В этом отношении особенно показателен кейс Ирана: синхронизация с иранской энергосистемой имеет преимущественно стратегический, а не технический характер. Она формирует новую энергетическую ось «Москва – Тегеран», выступающую параллелью уже существующей оси «Москва – Минск – Астана» в рамках ЕАЭС. Обе конфигурации представляют собой примеры геоэкономически мотивированного расширения связности, направленного на укрепление устойчивости и повышение автономности российской позиции в региональном и межрегиональном энергетическом пространстве.

В отношении диверсификации партнёров наблюдается явный параллелизм с нефтегазовым сектором: раз Европа «отпала», Россия переключается на Азию. Результаты показывают, что и в электроэнергетике происходит схожий процесс, хоть и в меньшем масштабе: экспортные потоки перенаправляются, внимание

переключено на восток. В литературе (мм. например: Downs 2019; Mitrova 2022) отмечается «энергетический поворот на Восток» как общий тренд российской политики. Анализ электроэнергетической сферы дополняет эту картину: даже такой консервативный и инфраструктурно сложный сектор, как электросети, пытается подстроиться под новый геополитический ландшафт, где Азия важнее, чем Европа.

Меры по укреплению устойчивости и защиты (кибер, физическая защита, импортозамещение) соответствуют расширительному пониманию энергобезопасности – защите критической инфраструктуры как части национальной безопасности (см. подход (Flaherty 2013) о связи энергобезопасности и защиты национальной инфраструктуры). Анализ показал, что без учёта данного измерения картина энергобезопасности остаётся неполной. Россия может усиливать интеграцию или, напротив, переходить к дезинтеграции сетевых связей, однако при сохранении «открытых ворот» для кибератак либо при отсутствии защиты критически важных технологий энергосистема неизбежно остаётся уязвимой. Поэтому адаптационные меры предпринимаются и на этом уровне: вносятся изменения в законодательство, создаются специализированные центры киберзащиты, разворачиваются программы локализации производства. Показателен пример разработок российских газовых турбин мощностью 110–170 МВт, призванных заменить оборудование Siemens. Хотя эти проекты в большей степени относятся к теплоэнергетике, они демонстрируют общую тенденцию к снижению технологической зависимости и формированию устойчивости критической инфраструктуры.

Заключение

В работе проведён анализ внешнеполитических рисков, возникающих в результате трансграничной связности электроэнергетической системы России, а также стратегий адаптации к ним. Рассмотрены случаи разрыва традиционных энергетических связей с европейскими государствами, трансформации энергетической интеграции на постсоветском пространстве, переориентация на новых партнёров в Азии, а также нетрадиционные угрозы, связанные с кибербезопасностью и санкционным давлением. Основной вывод состоит в том, что российская энергосистема сталкивается с беспрецедентными геополитическими вызовами, однако отвечает на них комбинацией институциональных, технологических и инфраструктурных мер, направленных на снижение уязвимости и формирование новых форм связности на условиях, соответствующих национальным интересам.

Проведённое исследование подтвердило аналитический потенциал концептуальной рамки А. Черпа для изучения внешнеполитических рисков в электроэнергетике. Через вопросы «безопасность для кого, каких ценностей и от каких угроз» было показано, что различные сегменты российской энергосистемы –

от Калининградской области до Центральной Азии – обладают собственными референтными объектами безопасности, оперируют различными ценностями (от гарантированного энергоснабжения населения до сохранения геополитического влияния) и подвержены разным типам угроз (от политически мотивированного отключения до технологических коллапсов и каскадных сбоев). Тем самым восполнен пробел в литературе, где рамка Черпа ранее не применялась к столь масштабной и комплексной системе, как ЕЭС России в условиях геополитической турбулентности.

Во-вторых, работа развивает направление исследований по международной политике электроэнергетики, предоставляя детальный анализ крупнейшей евразийской энергосистемы. Электрические сети выявлены как значимый элемент международной безопасности, что способствует более глубокому пониманию феномена «энергетического суверенитета» в XXI в.: государства способны трансформировать даже взаимовыгодные инфраструктуры, если они воспринимаются как угроза их политической безопасности. Этот вывод соотносится с теорией комплексной взаимозависимости Р. Кеохейна и Дж. Ная, одновременно уточняя её: взаимозависимость может быть сознательно редуцирована государствами, когда она рассматривается как фактор уязвимости.

В-третьих, исследование расширяет рамки дискуссии об энергетической политике России. Если прежние работы фокусировались преимущественно на нефти и газе как инструментах внешней политики, то полученные результаты демонстрируют, что и электроэнергетика занимает самостоятельное место в стратегиях государства – от участия в интеграционных инициативах ЕАЭС до реализации трансграничных проектов (например, российско-иранских). Это позволяет по-новому концептуализировать образ России как «энергетической державы», включая в него электрическую инфраструктуру наряду с углеводородами.

Наконец, результаты анализа указывают на необходимость равновесия между изоляцией и интеграцией в управлении рисками трансграничной связности. Полная изоляция сопряжена с издержками: утратой экономических выгод и снижением устойчивости без взаимной поддержки; в то время как чрезмерная интеграция создаёт угрозы в условиях недружественного поведения партнёров. Россия избирает стратегию умеренного выбора: усиление автономности там, где интеграция генерирует риски (западное направление), и формирование новых связей там, где угрозы ниже, а возможности шире (южное и восточное направления).

В совокупности исследование позволяет заключить, что к 2025 г. российская энергосистема вступила в фазу энергетического плюрализма во внешних связях. Доминирование европейского вектора уступило место более сложной и диверсифицированной сети отношений. Внешнеполитические риски при этом не исчезли, но трансформировались: от угроз отключения от энергосистем ЕС к дисбалансам в Евразии и осторожному сотрудничеству с азиатскими государствами. Россия демонстрирует гибкость в стремлении минимизировать уязвимость жизненно важных энергосистем.

Об авторе:

Андрей Андреевич Сизов – кандидат технических наук, генеральный директор АО «Лозск». 187342, Ленинградская область, Кировский район, г. Кировск, Ладужская ул., д. 3а.

E-mail: sizov.a.a@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 621.311:327.8:338.242

Received: June 29, 2025

Accepted: October 20, 2025

Foreign Policy Risks to the Connectivity of Russia's Electric Power System

 A.A. Sizov

[DOI 10.24833/2071-8160-2025-6-105-124-153](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-6-105-124-153)

JSC «Leningrad Regional Electric Grid Company»

Abstract: This article analyzes the foreign-policy risks arising from the cross-border interconnectedness (inter-system integration) of Russia's electric power system and the country's institutional and technological adaptation to these risks. The analysis applies a contemporary conception of energy security as "low vulnerability of vital energy systems," operationalized through the questions "security for whom, of which values, and from what threats." Methodologically, the study integrates a multidisciplinary framework with conceptual analysis, qualitative case studies, and elements of network modeling (community detection, betweenness centrality). Empirically, it examines three connectivity vectors: the European (BRELL desynchronization and the islanding of the Kaliningrad subsystem), the Eurasian (Central Asian transformations, the emerging EAEU common electricity market, and North–South projects), and the Eastern (exports to China, technology cooperation, and prospective Caspian and Middle Eastern corridors), alongside cross-cutting risks such as sanctions, cyber threats, and warfare/sabotage. The findings highlight the dual nature of interconnection: while scale and mutual support enhance technical resilience, interties simultaneously create channels of political coercion and cascading failures. Vulnerabilities are differentiated across referent objects (state, regions, sectoral segments) and values (supply reliability, economic efficiency, geopolitical influence). Russia's adaptation portfolio includes strengthening the autonomy of critical nodes (islanding, redundancy), institutionalizing connectivity within "friendly" formats (EAEU; south- and east-bound interconnections), diversifying partners and reducing import dependence in key technologies, and reinforcing cyber and physical protection of critical infrastructure. The theoretical contribution lies in refining the vulnerability framework for a large multi-node system; the practical contribution is in substantiating a balance between integration and insulation as a principle of connectivity-risk management under geopolitical turbulence.

Keywords: energy security, cross-border integration of energy systems, energy geopolitics, resilience of critical infrastructure, Eurasian electricity market, sanctions risks, cyber threats in the energy sector

About the author:

Andrey A. Sizov – Candidate of Technical Sciences, General Director of JSC Loesk. 187342, Leningrad Region, Kirovsky District, Kirovsk, Ladozhskaya St., 3a.
E-mail: sizov.a.a@inno.mgimo.ru

Conflicts of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Aven T. 2015. *Risk Analysis*. Chichester: John Wiley & Sons.
- Belyaev L., Chudinova L., Podkovalnikov S. 2020. Russia's Electric Power Reintegration with Central Asia and Caucasus and Entering South Asia and Middle East Electricity Markets. *E3S Web of Conferences*. №209. P. 4001. DOI: 10.1051/e3sconf/202020904001
- Bhattacharyya S.C., Timilsina G.R. 2010. A Review of Energy System Models. *International Journal of Energy Sector Management*. 4(4). P. 494–518.
- Cabeza L.F. et al. 2018. Comparison of Past Projections of Global and Regional Primary and Final Energy Consumption with Historical Data. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. №82. P. 681–688.
- Cherp A., Jewell J. 2014. The Concept of Energy Security: Beyond the Four As. *Energy Policy*. №75. P. 415–421.
- Fang S. 2023. *Electricity Grids and Geopolitics: A Game-Theoretic Analysis of the Synchronization of the Baltic States' Electricity Networks with Continental Europe*. SSRN. 35 p. DOI: 10.2139/ssrn.4644564.
- Fattahi A., Sijm J., Faaij A. 2020. A Systemic Approach to Analyze Integrated Energy System Modeling Tools: A Review of National Models. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. №133. P. 110–195.
- Lazarczyk Carlson E. 2022. Can the Baltic States Do Without Russian Electricity? Policy Brief. FREE Network, 2022. URL: <https://freepolicybriefs.org/2022/11/30/baltic-states-without-russian-electricity/>
- Moriarty P., Honnery D. 2012. What Is the Global Potential for Renewable Energy? *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 16(1). P. 244–252.
- National Research Council et al. 2010. *Hidden Costs of Energy: Unpriced Consequences of Energy Production and Use*. Washington, DC: National Academies Press.
- Neal L., Williamson J.G. eds. 2014. *The Cambridge History of Capitalism: Vol. 1. The Rise of Capitalism: From Ancient Origins to 1848*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Newman M.E.J. 2006. Modularity and Community Structure in Networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 103(23). P. 8577–8596.
- Newman M.E.J. 2007. Mathematics of Networks. *The New Palgrave Encyclopedia of Economics*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Paltrinieri N., Comfort L., Reniers G. 2019. Learning about Risk: Machine Learning for Risk Assessment. *Safety Science*. №118. P. 475–486.
- Tao Z. et al. 2025. The Dynamic Linkage and Network Connectivity of Renewable Energy and Electricity Markets from a Time-Frequency Perspective. *Journal of Renewable and Sustainable Energy*. 17(1).
- Westphal K., Pastukhova M., Pepe J.M. 2022. *Geopolitics of Electricity: Grids, Space and (political) Power: research paper Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik*. 57 p. DOI: 10.18449/2022RP06.

Berdyshev I. et al. 2023. Issledovaniya perspektivy razvitiya gidroenergetiki v Sibiri, na Dal'nem Vostoke i Kamchatke [Research of the Prospects for the Development of Hydropower in Siberia, the Far East and Kamchatka]. *Energeticheskaya politika*. №6. P. 38–53.

Bertalanffy L. 1969. Obshchaya teoriya sistem: kriticheskiy obzor [General Systems Theory: A Critical Review]. *Issledovaniya po obshchey teorii sistem*. Moscow: Progress. 520 c

Bogdanov A.A. 2013. *Tektologiya. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka* [Tectology: Universal Organizational Science]. Directmedia.

Kholbaev D.Zh., Sharibaev E.Yu., Tulkinov M.E. 2020. Analiz ustoychivosti energeticheskoy sistemy v obuchenii predmeta perekhodnye protsessy [Analysis of the Energy System Stability in Teaching the Subject of Transient Processes]. *Ekonomika i sotsium*. 5-2(72). P. 340–343.

Klinova M., Sidorova E. 2014. Ekonomicheskie sanktsii i ikh vliyaniye na khozyaystvennyye svyazi Rossii s Evropeyskim soyuzom [Economic Sanctions and Their Impact on Russia's Economic Ties with the European Union]. *Voprosy ekonomiki*. №1. P. 67–79. DOI: 10.32609/0042-8736-2014-12-67-79

Mastepanov A.M. 2019. Vliyaniye zapadnykh sanktsiy na razvitiye energetiki Rossii [The Impact of Western Sanctions on the Development of Russia's Energy Sector]. *Regulirovaniye energeticheskoy politiki. Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom*. 6(174). P. 5–24. DOI: 10.33285/1999-6942-2019-6(174)-5-24

Neuymyn V.G., Ostanin A.Yu., Tomalev A.A. 2019. Vnedreniye sistemy monitoringa zapasov ustoychivosti pri planirovanii i upravlenii elektroenergeticheskim rezhimom OES Sibiri [Implementation of a Stability Margin Monitoring System for Planning and Managing the Power Regime of the Siberian Integrated Power System]. *Energiya edinoy seti*. 6(49).

Ostrovskiy A.V. 2011. *Rynok energeticheskikh resursov Kitaya: interesy i vozmozhnosti Rossii* [China's Energy Resources Market: Interests and Opportunities for Russia]. Moscow: Izdatel'stvo IDV RAN. 254 c.

Parsons T. 1996. Ponyatiye obshchestva: komponenty i ikh vzaimootnosheniya [The Concept of Society: Components and Their Interrelationships]. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'*. Moscow: INION RAN.

Pavlushko S.A., Opadchiy F.Yu. 2012. O tselesoobraznosti stroitel'stva tranzita 1150 kV Ural – Kazakhstan – Sibir' [On the Feasibility of Constructing the 1150 kV Ural – Kazakhstan – Siberia Transit]. *Akademiya energetiki*. 6(50). P. 20–27.

Sidorova E.A. 2016. Energetika Rossii pod sanktsiyami Zapada [Russia's Energy Sector under Western Sanctions]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 1(44). P. 143–155. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.11

Sidorovnina I.A. 2015. Energosistema Sibiri: osobennosti i perspektivy razvitiya [The Siberian Energy System: Features and Development Prospects]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo*. 2(31). P. 119–124.

Simonov N. 2022. *Razvitiye elektroenergetiki Rossiyskoy imperii: predystoriya GOELRO* [The Development of the Electric Power Industry in the Russian Empire: The Prehistory of GOELRO]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.

Simonov N.S. 2017. Energeticheskaya statistika dorevolutsionnoy Rossii [Energy Statistics of Pre-Revolutionary Russia]. *Statistika i ekonomika*. 4(14). P. 22–32. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-4-22-32

Timofeev I.N. 2022. Politika sanktsiy protiv Rossii: novyy etap [Sanctions Policy against Russia: a New Stage]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. 3(55). P. 198–206.

Voropay N.I., Stennikov V.A. 2014. Integrirovannyye intellektual'nye energeticheskie sistemy [Integrated Intelligent Energy Systems]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Energetika*. №1. P. 64–73.

Wiener N. 2003. Kibernetika i obshchestvo [Cybernetics and Society]. Moscow: Taideks Ko. 245 p.

Список литературы на русском языке:

Бердышев И. и др. 2023. Исследования перспективы развития гидроэнергетики в Сибири, на Дальнем Востоке и Камчатке. *Энергетическая политика*. №6. С. 38–53.

Бертуланфи Л. 1969. Общая теория систем: критический обзор. *Исследования по общей теории систем*. Москва: Прогресс. 520 с

Богданов А.А. 2013. *Тектология. Всеобщая организационная наука*. Directmedia.

Винер Н. 2003. *Кибернетика и общество*. Москва: Тайдекс Ко. 245 с.

Воропай Н.И., Стенников В.А. 2014. Интегрированные интеллектуальные энергетические системы. *Известия Российской академии наук. Энергетика*. №1. С. 64–73.

Клинова М., Сидорова Е. 2014. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским союзом. *Вопросы экономики*. №1. С. 67–79. DOI: 10.32609/0042-8736-2014-12-67-79

Мастепанов А.М. 2019. Влияние западных санкций на развитие энергетики России. Регулирование энергетической политики. *Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом*. 6(174) С. 5–24. DOI: 10.33285/1999-6942-2019-6(174)-5-24

Неуймин В.Г., Останин А.Ю., Томалев А.А. 2019. Внедрение системы мониторинга запасов устойчивости при планировании и управлении электроэнергетическим режимом ОЭС Сибири. *Энергия единой сети*. 6(49).

Островский А.В. 2011. *Рынок энергетических ресурсов Китая: интересы и возможности России*. Москва: Издательство ИДВ РАН. 254 с.

Павлушко С.А., Опадчий Ф.Ю. 2012. О целесообразности строительства транзита 1150 кВ Урал – Казахстан – Сибирь. *Академия энергетики*. 6(50). С. 20–27.

Парсонс Т. 1996. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. *Американская социологическая мысль*. Москва: ИНИОН РАН.

Сидорова Е.А. 2016. Энергетика России под санкциями Запада. *Международные процессы*. 1(44). С. 143–155. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.11

Сидоровина И.А. 2015. Энергосистема Сибири: особенности и перспективы развития. *Бизнес. Образование. Право*. 2(31). С. 119–124.

Симонов Н. 2022. Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке.

Симонов Н.С. 2017. Энергетическая статистика дореволюционной России. *Статистика и экономика*. 4(14). С. 22–32. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-4-22-32

Тимофеев И.Н. 2022. Политика санкций против России: новый этап. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 3(55). С. 198–206. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-11

Холбаев Д.Ж., Шарибаев Э.Ю., Тулкинов М.Э. 2020. Анализ устойчивости энергетической системы в обучении предмета «Переходные процессы». *Экономика и социум*. 5-2(72). С. 340–343.

Политика формирования доходов бюджета Европейского союза

М.В. Стрежнева

ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Один из ключевых вопросов для Евросоюза на период после 2027 г. заключается в том, как финансировать достижение его множащихся стратегических целей: из бюджета на европейском уровне, за счёт совместных заимствований (через разнообразные финансовые инструменты) или из государственных бюджетов стран-участниц. Наиболее вероятным представляется сочетание на практике всех трёх указанных вариантов с упором на последний. В частности, Брюсселю нужны новые финансовые ресурсы для пополнения своего бюджета, в том числе для погашения наднационального долга, возникшего в ходе восстановления экономики ЕС после пандемии COVID-19. Научная новизна работы связана с тем, что выбор источников пополнения бюджета ЕС на будущее не трактуется в ней как чисто экономический. Он требует учёта факторов, применимых в псевдо-федеральном контексте экономического управления, присущем Евросоюзу. Под таким углом зрения в статье рассматриваются доходы бюджета ЕС и перспективы реформирования системы собственных ресурсов, включая возможность финансирования наднационального бюджета за счёт общего долга, что имеет большое значение для оценки более долговременной жизнеспособности ЕС. Отмечено, что Евросоюзу не доступно взимание налогов напрямую для собственного бюджета. Тем не менее не отвергается применимость теории фискального федерализма к распределению полномочий по налогообложению и бюджетным расходам в его рамках. Исследование сфокусировано на выявлении того, что препятствует наращиванию в системе Евросоюза доли бюджетных доходов, основанных на налогообложении, для оценки перспектив реформирования доходной части наднационального бюджета. Особое внимание уделено при этом последствиям реализации новых подходов, временно применяемых в связи с программой «ЕС следующего поколения». Проанализированы относящиеся к ЕС официальные источники (договорные положения, доклады Европейской комиссии и др.), а также публикации европейских экспертов, что помогает определить специфику компетенции Евросоюза в налоговых вопросах, как и его налоговой политики. По итогам исследования нашёл подтверждение вывод о том, что целостная система собственных ресурсов, которая была бы действительно автономна от бюджетов государств-членов, если не принимать в расчёт таможенные доходы наднационального бюджета, пока не создана.

Ключевые слова: бюджет ЕС, собственные ресурсы бюджета ЕС, налоговая способность, фискальная автономия, многоуровневое управление, фискальный федерализм, программа «ЕС следующего поколения», фискальный союз

УДК 336.14:336.2:061.1ЕС

Поступила в редакцию: 18.08.2025

Принята к публикации: 11.11.2025

16 июля 2025 г. Европейская комиссия (Комиссия) обнародовала свои планы по следующему долгосрочному бюджету Евросоюза на 2028–2034 гг. (многолетние финансовые рамки – МФР). Она предложила увеличить его общий объём (примерно до 2 трлн евро)¹ и изменить порядок управления финансированием в Евросоюзе. Предполагается существенное сокращение числа программ финансирования, повышение гибкости в управлении наднациональным бюджетом и введение дополнительных источников дохода. Речь идёт об исходном предложении: точная цифра общего объёма расходов ЕС и список источников дохода ещё будут меняться по ходу переговоров между Европейским парламентом (Европарламентом) и Советом Европейского союза (Советом). Цель принятого исследования заключается в том, чтобы на основании наметившихся изменений оценить более долговременные перспективы реформирования доходной части собственного бюджета ЕС. Автор исходит из того, что теория фискального федерализма первого поколения (Сергеев 2018: 173–174) сохраняет полезность, в том числе при попытках объяснения нынешних усилий ЕС по пересмотру текущего распределения функций между Брюсселем и государствами-членами, в том числе в бюджетно-налоговой сфере. При этом вопрос об оптимальной фискальной архитектуре для европейского интеграционного объединения остаётся открытым (Hinarejos, Schütze 2023).

Как многоуровневая система фискального и (в более широком плане) экономического управления, Евросоюз сталкивается с теми же проблемами, которые так или иначе присущи и другим федеральным, многоуровневым или децентрализованным в фискальном отношении системам. Исходя из традиционных положений теории фискального федерализма², касающихся вертикального структурирования управления, с которыми европейская интеграционная практика входит в противоречие, полномочия по доходам в таких системах обычно бывают децентрализованными реже, или, по крайней мере, в меньшей степени, чем полномочия по расходам (Musgrave 1971; Boadway, Keen 1996). Отсюда следует, что у центральных правительств больше доходов, чем необходимо для предоставления публичных благ, которые находятся в их ведении. Органы власти более низкого уровня при подобном раскладе сами не имеют достаточных ресурсов для оказания публичных благ, за предоставление которые они отвечают. Вертикальные трансферты (сверху вниз) считаются ответом федерализма на эту проблему.

В ЕС ситуация принципиально иная, и развитие его (отсутствующей на сегодняшний день) фискальной автономии потребовало бы серьёзного расширения Брюсселем своих полномочий по привлечению собственных источников

¹ МФР на 2021–2027 гг. позволяют ЕС израсходовать 1,2 трлн евро.

² На Западе принято исходить из того, что система налогового (фискального) федерализма может функционировать не только в федеративном государстве (Пешина, Стрекалова 2016; Сеницына 2009).

доходов по традиционным рецептам указанной теории, вследствие чего произошло бы сокращение вертикального фискального дисбаланса (Woźniakowski 2022: 10), а именно его зависимости от трансфертов снизу вверх.

Необходимо учитывать, что, в отличие от того, что имеет место при функционировании федеральных систем, наднациональный бюджет ЕС не отражает полностью его реальный фискальный потенциал (Сидорова 2021), что подтверждает дальнейшее изложение в этой статье данного сюжета. Отсутствие у ЕС фискальной автономии тем не менее ограничивает способность его бюджета выполнять три основные функции, которые, согласно функциональному подходу американского экономиста Ричарда Масгрейва, принято возлагать на государственный бюджет: (1) стабилизацию (влияние на макроэкономическое равновесие); (2) перераспределение (доходов); и (3) распределение (размещение и аллокация доходов) (Musgrave 1959).

В качестве экономической теории фискальный федерализм стремится дать нормативную основу для распределения функций и фискальных инструментов между разными уровнями управления в многоуровневой системе. Один из его классических принципов заключается в том, что центральное правительство должно нести основную ответственность за макроэкономическую стабилизацию. Эта ответственность должна сочетаться с необходимыми фискальными инструментами для выполнения соответствующих функций. Среди прочего, центр должен иметь возможность получать собственные доходы, что непосредственно подводит нас к вопросу о налогах. Поскольку расходы ЕС, которыми он волен распоряжаться, по существу ограничиваются суммой, которую национальные правительства обязаны ему перевести, эти бюджетные функции в ЕС на наднациональном уровне выполняются только в незначительной степени. При этом даже осторожные подвижки по направлению к классической модели фискального федерализма вряд ли достижимы в ЕС, в том числе в среднесрочной перспективе.

Обращает на себя внимание: хотя получившие наиболее широкую известность политические предложения, направленные на углубление европейской фискальной интеграции³, со всей очевидностью опирались на литературу по фискальному федерализму, их авторы, наделённые властью в ЕС, нарочито обходили молчанием вопросы налогообложения в целом и тем более не упоминали «налоги ЕС»; между хрестоматийной моделью фискальной федерации и тем фискальным союзом, который предлагался в политических дебатах о реформах управления и институтов на уровне ЕС, просматривалась существенная разница.

³ См. Van Rompuy H. 2012. *Towards a Genuine Economic and Monetary Union*. European Council to the President of the European Council. Brussels 26 June 120/12. URL: https://www.bankingsupervision.europa.eu/about/thessm/milestones/shared/pdf/2012-06-26_towards_genuine_economic_and_monetary_union.pl.pdf (accessed 05.12.2025); Juncker J-C. 2015. *Completing Europe's Economic and Monetary Union*. Brussels. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/5presidentsreport.en.pdf> (accessed 14.07.2025).

Чаще всего в Евросоюзе давали такие определения фискального союза, при которых передача налоговых полномочий на уровень ЕС выглядит не обязательной и компенсируется сочетанием других элементов (общие фискальные правила для государств-членов, механизмы разрешения кризисов и совместные гарантии по государственным долгам), используемых наднациональной властью в Брюсселе при сохранении преимущественно регуляторной модели фискальной интеграции (Fuest, Peichl 2012). Вопросам налогообложения вплоть до середины 2010-х гг. отводилась более заметная роль лишь в отдельных работах, где речь шла о дальнейшей европейской фискальной интеграции (Iara 2015)⁴ и обсуждалась, в частности, их способность действовать в качестве автоматических (встроенных) стабилизаторов в течение делового цикла.

Несмотря на то что во время и сразу после пандемии COVID-19 призывы наделить Европейский союз правом взимать налоги зазвучали заметно громче – равно как и аргументы о наличии функциональных оснований для формирования собственного налогового потенциала ЕС, – налоговые полномочия по-прежнему остаются в Союзе прерогативой государств-членов. Отчасти из-за такой нормативной презумпции, которой государства дорожат, они далеки от достижения консенсуса, необходимого для предоставления ЕС более весомых налоговых полномочий. Ввиду вышесказанного, настоящее исследование не игнорирует стандартные подходы фискального федерализма, которые сохраняют свою полезность в концептуальном плане, но учитывает ограниченность их применимости в конкретных условиях развития европейской интеграции.

Экономический анализ с позиций фискального федерализма приводит к заключению, что в случае Евросоюза наращивание центрального (наднационального) бюджета не является необходимостью. К тому же государства-члены такую идею не поддерживают. В то же время ЕС не хватает собственных бюджетных средств на заявленные общие цели, включая дальнейшее расширение, что подрывает его конкурентоспособность и влияние на международной арене. Чтобы подтолкнуть решение проблемы бюджетной автономии в тех формах, от которых государства-члены не смогут отказаться, Комиссия изощряется в институциональном дизайне предлагаемых ею новых источников пополнения бюджета ЕС.

Общие цели на период после 2027 г. во многом определяются новыми геополитическими и геоэкономическими вызовами, с которыми сталкивается европейское интеграционное объединение (Montoya 2023). Главными вызовами для Евросоюза в настоящее время, помимо преодоления долговременных экономических последствий пандемии COVID-19, являются: повышение конкурентоспособности и производительности ЕС, отстающей по сравнению с глобальными державами Азии, такими как Китай и Индия; противостояние изменению

⁴ В этом исследовании также приведены в хронологическом порядке основные предложения по созданию фискального союза в ЕС за 2012–2014 гг.

климата; деградация архитектуры безопасности в обстановке украинского кризиса и сложностей трансатлантического партнёрства с США при второй администрации Дональда Трампа, выливающихся в прогрессирующее ослабление глобальной роли ЕС. Но наднациональный бюджет, как и ранее, в принципе слишком мал для выполнения возложенных на Евросоюз разнообразных обязательств и к тому же крайне плохо поддается реформированию.

Таким образом, деньги нужны Брюсселю на военные расходы, на дальнейшую поддержку Украины, на реализацию планов по расширению ЕС, на содействие конкурентоспособности Европы⁵, зелёного⁶ и цифрового переходов, а также (не в последнюю очередь) на погашение долгов по линии «ЕС следующего поколения». При этом большую часть доходов европейского бюджета собирают национальные органы власти: они формируются из государственных бюджетов.

В плане наращивания бюджетных доходов ЕС государства-члены до сих пор стоят перед практическим выбором: они могли бы либо дополнительно увеличить национальные взносы, исходя из валового национального дохода (ВНД) каждого из них, либо согласовать новые механизмы сбора таких доходов (в согласии с проинтеграционными, но довольно робкими предложениями Комиссии).

Выбор структуры новых источников бюджетных средств для ЕС представляется политически весьма болезненным, поскольку он в любом случае изменит общее межстрановое распределение национальных взносов – ведь доли 27 стран-членов при всяком новом источнике доходов бюджета ЕС, со всей вероятностью, будут так или иначе, отличаться от соотношения национальных взносов, рассчитываемых на основании ВНД, которое государствам-членам легче принять как условно справедливое.

Автор настоящей статьи не разделяет оптимизма европейских учёных (Antón 2023; Groenendijk 2024), склонных к некоторому преувеличению налоговой власти, которую уже имеет Европейский союз. В статье выявляются сохраняющиеся и пока не преодоленные препятствия к налоговоизации фискальной интеграции в ЕС, которые могут повышать долговременную заинтересованность Брюсселя в изыскании долговых источников финансирования для собственного бюджета. Ради этого были, прежде всего, подвергнуты тщательному изучению его действующие и предлагаемые новые собственные ресурсы.

⁵ Как следует из широко известного доклада Драги, для достижения этой цели необходимы минимальные ежегодные инвестиции в размере от 750 до 800 млрд евро, сочетающие публичные и частные источники. См.: Draghi M. 2024. The Future of European Competitiveness. Part A: A Competitiveness Strategy for Europe. *European Commission*. Brussels, September.

⁶ Здесь промежуточная цель к 2030 г. – сокращение выбросов на 55% по сравнению с уровнем 1990 г. По подсчётам Комиссии, для её достижения нужны дополнительные ежегодные инвестиции в 260 млрд евро в период с 2020 по 2030 гг. См.: Communication from the Commission. The European Green Deal. 2019. *European Commission*. COM(2019) 640 final, Brussels. 11 December 2019.

Нужно начать с того, что по Договору о функционировании ЕС (ДФЕС) решение об изменении существующей системы собственных ресурсов ЕС требует не только единогласной поддержки Совета после консультаций с Европейским парламентом, но и одобрения национальных парламентов в соответствии с их конституционными требованиями (ратификации). Только после ратификации данного решения этим доходом будет «владеть» ЕС. Таким образом, в институциональном плане государства продолжают удерживать налоговый суверенитет в отношении финансов Евросоюза (Mohl, Heinemann, Osterloh 2008).

Собственные ресурсы, основанные на введении или наращивании национальных налогов в ЕС, должны соответствовать налоговым полномочиям ЕС, как они изложены в ДФЕС. Соответственно, новые собственные ресурсы могут быть основаны на договорных положениях, относящихся к гармонизации или сближению национального налогообложения, требуемых для успешного функционирования внутреннего рынка ЕС. В ином случае они могут включать фискальные меры, вводимые ради достижения экологических и энергетических целей европейской политики. Использование Брюсселем доходов от гармонизированных или сближенных налогов или от фискальных мер, относящихся к экологической или энергетической политике, для бюджета ЕС, уже во вторую очередь, должно опираться на решение о собственных ресурсах в соответствии со ст. 311 ДФЕС. Наращивание доходов наднационального европейского бюджета, как мы видим, не выступает тут в качестве основной цели.

Между тем в таких странах Евросоюза, как Испания, Франция, Италия популярны идеи наращивания Брюсселем общего долга, что на практике могло бы быстро умножить расходную способность наднационального бюджета. В то же время страны, являющиеся его чистыми донорами (Германия, северные европейские страны) продолжают сопротивляться таким веяниям. Они не желают нести финансовую ответственность за более высокие расходы по займам правительств, которые считают и нередко без обиняков называют менее дисциплинированными в фискальном отношении.

В настоящем исследовании оцениваются перспективы реформирования системы собственных ресурсов бюджета Евросоюза в создавшихся непростых условиях, а также появления у ЕС собственных налогов и вероятность перехода в дальнейшем к долговому финансированию общего бюджета. Для этого в следующем разделе мы рассмотрим, как соотносятся между собой ежегодный бюджет, многолетние финансовые рамки и формально единовременная и внебюджетная программа «ЕС следующего поколения». За ним следует раздел, где проанализированы эволюция и настоящее состояние системы собственных ресурсов наднационального бюджета. В третьем разделе охарактеризованы потенциальные источники пополнения бюджета ЕС на будущее, которые предлагает Комиссия. В заключении переход к преимущественной опоре на налоговые источники пополнения наднационального бюджета расценен как крайне маловероятный.

Ежегодный бюджет, МФР и «ЕС следующего поколения»

Римский договор 1957 г., учредивший Европейское экономическое сообщество, не предусматривал ныне действующего единогласного принятия бюджетных решений в интеграционном объединении, о котором мы уже упомянули, т. е. он в потенциале открывал более широкие возможности для развития фискальной интеграции. Но правило единогласия сложилось к 1966 г. как часть «Люксембургского компромисса», достигнутого французским правительством и Комиссией по вопросу бюджетных приоритетов западноевропейского интеграционного объединения, что позволило Парижу защитить свои интересы в сельскохозяйственной области.

Действующие сейчас в отношении общего бюджета правило единогласия, как и иные основные правила, достаточно ясны: все статьи расходов включаются в общий бюджет; доходы и расходы должны быть сбалансированы. Решение по ежегодным расходам принимается совместно Советом и Европарламентом, но только Совет, объединяющий представителей национальной исполнительной власти, самостоятельно решает вопросы формирования доходов, тогда как расходы заключены в многолетние финансовые рамки, определяемые Советом, действующим единогласно, но с согласия Европарламента, который лишён при этом права вносить изменения в соответствующее предложение Комиссии. Ввиду высокой финансовой и политической значимости их результатов переговоры по МФР обычно проходят трудно и затягиваются.

Евросоюз не может напрямую взимать налоги для своего бюджета, так как в ДФЕС отсутствует непротиворечивая правовая база на этот счёт. Ему также запрещено привлекать средства путём заимствования на финансовых рынках, если на то нет прямого специального разрешения, как, например, в ст. 5 Решения о собственных ресурсах 2020 г.⁷ В данном случае Комиссия, опираясь на ст. 122 ДФЕС, была уполномочена Европейским советом (без формального вовлечения Европарламента в принятие соответствующего решения) на исключительной и единовременной основе занять до 807 млрд евро для грантов и займов, предоставляемых государствам-членам в рамках плана по восстановлению европейской экономики после пандемии COVID-19 под названием «ЕС следующего поколения» (*NGEU – Next Generation EU*)⁸. Небольшая часть средств *NGEU*

⁷ Council Decision (EU, Euratom) 2020/2053 of 14 December 2020 on the system of own resources of the European Union and repealing Decision 2014/335/EU, Euratom. *EUR-Lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2020/2053/oj/eng> (accessed 05.12.2025).

⁸ Новые заимствования должны прекратиться до конца 2026 г., после чего будут возможны только операции рефинансирования.

была предназначена для усиления нескольких уже существующих программ ЕС, таких как: «Фонд справедливого перехода» (*Just Transition Fund*), «Горизонт Европа» (*Horizon Europe*), *InvestEU*, *RescEU*⁹ и *ReactEU*¹⁰.

Необходимо подчеркнуть, что подход ЕС к заимствованиям и после начала реализации *NGEU* остаётся крайне осторожным. Возможно, именно поэтому, к примеру, текущая финансовая помощь непосредственно от Евросоюза Украине (без учёта помощи непосредственно из бюджетов государств-членов) остаётся ограниченной, а её распределение затруднено.

Хотя «ЕС следующего поколения» – это внебюджетный инструмент, выплата процентов по долгу в её рамках отнесена к текущему бюджету ЕС¹¹, а погашение основного долга, накопленного по грантам государствам-членам (до 338 млрд евро) и на усиление существующих бюджетных программ (и то, и другое относится к внешне распределённому доходу евробюджета, *externally assigned revenue – EAR*) станет непосредственной частью расходов общего бюджета ЕС на период с 2028 г. и по 2058 г.¹². Таким образом возникла (или, если выразаться точнее, была нарочито заострена для государств-членов политическим руководством ЕС) необходимость пересмотреть структуру его доходной части. *NGEU*, впрочем, в любом случае следует рассматривать как значительную институциональную инновацию, поскольку никогда ранее Брюссель не занимал вовсе столь крупных сумм для финансирования расходов государств.

Вместо того, чтобы укреплять Евросоюз, принятие новых долговых инструментов и новых расходных обязательств ещё до определения структуры новых доходов для наднационального бюджета поставило бы будущее объединения под вопрос, усугубив трения между странами-реципиентами и странами-донорами бюджета ЕС ввиду того, что именно последним и придётся, в конечном счёте, за эти долги расплачиваться. В декабре 2020 г. в данной связи было заключено межинституциональное соглашение в отношении дальнейших шагов по реформе доходной части европейского бюджета¹³, которое, впрочем, осталось невыполненным. В отсутствие соглашения о дополнительных собственных ресурсах, бремя финансирования этого долга легло бы непосредственно на страны ЕС. Это также могло бы привести к сокращению текущих программ ради высвобождения средств, необходимых для обслуживания долга Евросоюза по линии *NGEU*.

⁹ Программа нацелена на обеспечение безопасности населения во время стихийных бедствий, катастроф и других инцидентов.

¹⁰ Помощь в восстановлении сплочённости и территорий Европы.

¹¹ Выплата процентов составляет до 30 млрд евро в год, т. е. доходит до 20% годового бюджета.

¹² Общая предполагаемая сумма, которую Союз должен будет заплатить в период с 2028 по 2058 г., варьируется в диапазоне от 582 млрд до 715 млрд евро.

¹³ Interinstitutional Agreement between the European Parliament, the Council of the European Union and the European Commission on budgetary discipline, on cooperation in budgetary matters and on sound financial management, as well as on new own resources, including a roadmap towards the introduction of new own resources. *EUR-Lex*. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/agree_interinstit/2020/1222/oj/eng (accessed 05.12.2025).

Многолетний бюджет на 2021–2027 гг. сейчас расходуется преимущественно на политику сплочения, направленную на укрепление экономики сравнительно более бедных регионов, и сельскохозяйственную политику. На обе эти статьи было выделено более 350 млрд евро на семилетний период. Важными расходными статьями являются также исследования и инновации, а также политика соседства, на каждое из этих двух направлений выделено примерно по 100 млрд евро. Оставшаяся часть бюджета направляется на решение проблем миграции, оборону, здравоохранение и административные расходы. Таким образом, европейский бюджет в принципе вовлечён в предоставление публичных благ (таких как содействие исследовательской и инновационной деятельности) и некоторое перераспределение ресурсов (посредством структурной политики и политики сплочения). Модернизация бюджета ЕС в свете его нынешней стратегической повестки как будто требует большей децентрализации двух традиционных упомянутых выше основных блоков расходов ЕС, хотя в этом вопросе осторожность явно не лишняя из-за сопротивления, которое такая децентрализация непременно вызовет со стороны отдельных стран, не принеся в итоге достаточных финансовых средств на новые цели.

Программа *NGEU* (трансферты сверху вниз, от Брюсселя к государствам-членам, но формально, повторим, внебюджетные) в определённой мере взяла на себя задачи макроэкономической стабилизации, которую бюджет ЕС почти не выполняет в связи с его небольшим размером и ограниченной гибкостью в жёстком формате многолетнего планирования. Даже если такой (временный) центральный фискальный потенциал, как *NGEU* проявил себя как эффективный способ решения для экзистенциального кризиса, подобного пандемии, его нельзя рассматривать как стабильную меру по организации вертикальных фискальных отношений в ЕС согласно представлениям, сформированным теорией фискального федерализма.

Собственные ресурсы Евросоюза

Государственные бюджеты стран – членов Евросоюза финансируются преимущественно за счёт налогов, утверждаемых национальными парламентами. Система финансирования наднационального бюджета ЕС на этом фоне выглядит весьма усложнённой, что отражает неоднозначную политическую природу европейского интеграционного объединения. Договором о функционировании Европейского союза предусмотрено, что «без ущерба для других доходов бюджет финансируется полностью за счёт собственных ресурсов» (ст. 311 ДФЕС). Речь идёт о безвозвратном доходе, распределяемом Евросоюзу для финансирования его бюджета и автоматически начисляемого ему без необходимости какого-либо последующего решения со стороны

национальных властей¹⁴. Однако многие европейские специалисты продолжают сомневаться, даёт ли ст. 311 ДФЕС Евросоюзу право взимать собственные налоги (Caziero 2024).

Так называемые собственные ресурсы, как не устают подчёркивать в правящих кругах ЕС, – это не налоги (Farri 2023). Это постоянные потоки доходов, в основном собираемые государствами-членами и передаваемые ими в ЕС, причём именно национальные правительства на наднациональном уровне несут ответственность за единогласное решение о том, какими должны быть эти финансовые ресурсы. Их составляют «подлинные» собственные ресурсы (таможенные пошлины) и взносы стран-участниц, опирающиеся на разные статистические показатели. С течением времени доля первых сократилась, а последних – значительно увеличилась. Требуемые собственные ресурсы определяются в соответствии с расходами, указанными в МФР и соответствующих годовых бюджетах. Они должны быть достаточными для того, чтобы заранее обеспечить сбалансированность бюджета ЕС.

Европейское объединение угля и стали (первая организация, основанная в 1950-е гг. на принципах наднациональной интеграции в Западной Европе) располагало собственными средствами, поступавшими от прямых сборов с угольных и сталелитейных предприятий – налоговым доходом (Breuer 2023). Однако в 1958–1970 гг. расходы Европейского экономического сообщества финансировались уже исключительно за счёт добровольных взносов государств – членов ЕС. С самого начала такая система добровольных «членских взносов» рассматривалась как временная (добровольные взносы полностью завершились в 1982 г.).

Собственные ресурсы европейского бюджета оформились в 1970 г.¹⁵. Они на практике составляют более 90% его доходов (если точнее, то 93% в 2025 г.)¹⁶. В текущий семилетний период (2021–2027 гг.) предельный потолок собственных ресурсов для выплат на каждый год был установлен на уровне 1.40% от совокупного валового национального дохода (ВНД) Евросоюза¹⁷. Главные категории собственных ресурсов сегодня следующие:

1. Традиционные ресурсы (с 1970 г.), после отмены в 2017 г. сахарных сборов включающие только таможенные пошлины на импорт в ЕС (страны удерживают внушительные 25% собранных пошлин для покрытия расходов на их

¹⁴ *Future financing of the EU: Final report and recommendations of the High Level Group on Own Resources*. European Commission, 2016, p. 20. *European Commission*. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2018-10/future-financing-hlgor-final-report_2016_en.pdf (accessed 05.12.2025).

¹⁵ 70/243/ECSC, EEC, Euratom: Council Decision of 21 April 1970 on the replacement of financial contributions from Member States by the Communities' own resources. *EUR-Lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/1970/243/oj/eng> (accessed 10.07.2025).

¹⁶ Другие источники включают налоги и иные вычеты из заработной платы сотрудников ЕС, взносы стран, не входящих в ЕС, на определённые программы, выплаты Великобритании в рамках финансового урегулирования по Брекситу, проценты за просроченные платежи и штрафы.

¹⁷ Для реализации плана восстановления экономики (NGEU) этот потолок был поднят дополнительно, достигнув 2% ВНД.

сбор)¹⁸. Это традиционный собственный ресурс, проистекающий из существования единой таможенной зоны, который по правовым и практическим причинам не может быть напрямую соотнесён с отдельными государствами – членами ЕС. В таком качестве отношения к государственным бюджетам он не имеет.

2. Собственный ресурс на основе небольшой доли НДС (налога на добавленную стоимость) выплачивается в бюджет ЕС из бюджетов государств-членов (с 1979 г.)¹⁹. НДС – это косвенный налог, взимаемый с товаров и услуг. Все государства-члены обязаны его внедрять и обеспечивать его сбор на собственной территории. При этом национальные ставки НДС не одинаковы по Европе, варьируясь от 17 до 27%. К гармонизированной на европейском уровне базе НДС каждой страны ЕС применяется ставка 0,3%, которая ограничена верхней планкой в 50% валового национального дохода (ВНД), и полученные в результате соответствующих вычислений средства перечисляются в ЕС из государственных бюджетов.

3. Собственный ресурс на основе ВНД (с 1988 г.) – равная доля годового ВНД государств-членов, которая ежегодно устанавливается в рамках бюджетной процедуры. Как следует из ст. 310 ДФЕС, годовые расходы ЕС не могут превышать его доходы, т. е. его бюджет сбалансированный (бездефицитный). Данному ресурсу отведена балансирующая роль, обеспечивающая соответствие общего дохода согласованному уровню выплат из общего бюджета. Но на практике именно на него приходится наибольшая доля в общем балансе доходов (Kowald et al. 2025).

4. Сбор за не подвергнутую переработке пластиковую упаковку (с 2021 г.) с единой ставкой 0,80 евро за килограмм. Этот ресурс тесно связан с основными приоритетами в политике ЕС. Он призван побудить государства-члены сокращать у себя объёмы непереработанного пластика. При таком сокращении доход европейского бюджета, соответственно, уменьшится. Этот собственный ресурс тоже выплачивается в ЕС из национальных бюджетов. Хотя государства могут ввести у себя такой налог (а некоторые, как, например, Испания, уже сделали это), ЕС не может принудить их к его введению. При неофициальных обсуждениях и в аналитических работах данный сбор нередко именуют «налогом ЕС», но нельзя не обратить внимание на некую виртуальность этого «налога», который в большинстве стран Евросоюза не получает никакой связи с индивидуальными и корпоративными налогоплательщиками. Чтобы перевести его Брюсселю из собственного бюджета, правительства должны тем или иным образом повысить налогообложение у себя дома, снизить собственные бюджетные расходы либо нарастить госдолг, что поневоле заставляет вспомнить идиому

¹⁸ В рамках таможенного союза в ЕС таможенные пошлины устанавливаются на импортируемые товары вне зависимости от того, в какую именно страну Союза они импортируются.

¹⁹ Этот ресурс формируется из доходов, которые каждое государство-член собирает с НДС. Таким образом, он работает как национальный вклад.

«Тришкин кафтан». Главная цель такого собственного ресурса не фискальная: он призван, прежде всего, стимулировать государства-члены к сокращению отходов пластиковой упаковки и загрязнения окружающей среды в целом, к переработке и к уходу от использования одноразовых пластиковых изделий.

Рисунок 1, приведённый ниже, даёт наглядное представление о соотношении долей основных ресурсов в доходах бюджета текущего года.

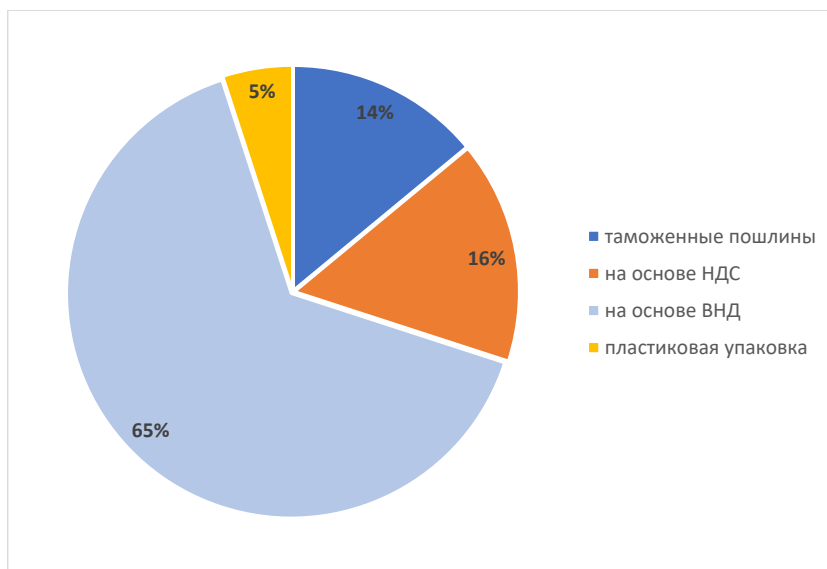

Рис. 1. Собственные ресурсы бюджета ЕС в 2025 г. (всего 150 млрд евро)

Figure. 1. Own Resources of the EU Budget in 2025 (total €150 billion)

Источник: *Financing of the EU budget*. European Council, Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/financing-the-eu-budget/#0> (accessed 05.12.2025)

Собственные ресурсы, основанные на НДС и НДС, не имея связи ни с одним направлением политики Евросоюза, воспринимаются в государствах-членах исключительно как национальные взносы в наднациональный бюджет. Они обеспечивают стабильный приток относительно скромного по объёму финансирования на наднациональные нужды, одновременно порождая (при выработке очередных МФР и согласовании приданного им списка собственных ресурсов) регулярные трения между национальными правительствами, что мешает развитию тех европейских политик, в отношении которых отдельные и тем более особо влиятельные страны не имеют своего особого интереса (Fuest, Pisani-Ferry 2020). Недаром в отношении «чрезмерных» вкладов определённых государств, являющихся «донорами» европейского бюджета (Австрия, Германия, Голландия, Дания, Швеция), продолжают действовать корректирующие вычеты²⁰.

²⁰ Rebates: Correction Mechanisms. *European Commission*. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/eu-budget/long-term-eu-budget/2021-2027/revenue/rebates_en (accessed 14.08.2025).

Сочетание единогласия при принятии бюджетных решений и преобладание национальных вкладов остаётся для Евросоюза основным источником проблем и споров, возникающих в бюджетной области, так как решения одновременно принимаются и по расходам, которые нетрудно привязать к тому или иному государству-члену (Le Cacheux 2005). Одновременно с тем отсутствие прямой связи между европейскими бюджетными доходами и гражданами, помимо прочего, ослабляет демократическую подотчётность в системе в целом.

Предложения Комиссии за 2021–2025 гг.

Начиная с 2018 г. в ЕС предпринимаются попытки модернизировать систему доходов наднационального бюджета. Общая цель реформы системы собственных ресурсов – укрепление финансовой автономии Евросоюза в общих рамках соблюдения бюджетной дисциплины. В более конкретном плане Евросоюзу сейчас необходимо срочно изыскать средства на покрытие вновь возникших бюджетных расходов, в первую очередь таких как погашение задолженности по линии *NGEU* и Социального климатического фонда²¹. Кроме того, Брюссель намерен наращивать поддержку Украины в её противостоянии с Россией и восстановлении украинской экономики, а также поддерживать процесс присоединения Украины к Евросоюзу.

Отдельные потенциальные инструменты, например, связанные с налогообложением доходов корпораций, в таком контексте обладают преимуществом по некоторым экономическим соображениям (они могут принести больше денег в бюджет), тогда как иные, например, связанные с эко-налогами, выглядят привлекательнее для Брюсселя в качестве средств продвижения общих европейских целей и имеют больше шансов на завоевание широкой политической поддержки, но их экономическая целесообразность в принципе сомнительна, так как существенных доходов они не обещают.

Уже в декабре 2021 г. Комиссия обнародовала конкретные предложения по введению новых источников для пополнения европейского бюджета, надеясь уменьшить долю средств в структуре доходов, рассчитываемых на основе ВНД. Новые ресурсы должны были вводиться постепенно, начиная с 1 января 2023 г., в их числе – ресурс, основанный на доле остаточной прибыли транснациональных корпораций, которая должна была бы перераспределяться государствам-членам в соответствии с глобальным соглашением 2021 г., принятым под эгидой

²¹ *SCF – Social Climate Fund*. Был создан в 2023 г. для предоставления государствам-членам средств, чтобы оказывать финансовую поддержку национальным мерам по повышению энергоэффективности уязвимых домохозяйств и микропредприятий. Фонд планирует начать работу в 2026 г. в связи с планами подключения зданий и автомобильного транспорта к торговле квотами на выбросы парниковых газов (так называемая система ETS II).

ОЭСР и G20²², но они просто-напросто не вызвали видимого интереса у стран ЕС, от которых это зависело.

В июне 2023 г. Комиссия, чтобы привлечь внимание правительств к насущной проблеме, представила скорректированный пакет следующего поколения собственных ресурсов²³, куда вошли:

1. Доля дохода от аукционной торговли разрешениями на парниковые выбросы (*EU ETS – EU Emissions Trading System*). Согласно предложению Комиссии, 30% таких доходов, которые сейчас полностью забирают себе государства, должны впредь перечисляться в бюджет ЕС напрямую, минуя бюджеты государств-членов. Введение собственного ресурса, основанного на ETS, привязано к климатической политике Евросоюза и к функционированию Единого внутреннего рынка.

2. Три четверти доходов от механизма пограничной корректировки выбросов углерода (*CBAM – Carbon Border Adjustment Mechanism*) должна передаваться в бюджет ЕС в форме национального вклада. *CBAM* гарантирует, что на определённые продукты, импортируемые в ЕС, налагаются расходы на выбросы CO₂ соответственно обременению продуктов, произведённых в ЕС, которые подпадают под действие *EU ETS*²⁴. Целью Комиссии является перераспределение 75% доходов от продажи сертификатов *CBAM* из национальных бюджетов в бюджет ЕС в качестве собственного ресурса ЕС в форме национального взноса.

3. Временный статистический собственный ресурс, выплачиваемый в качестве национального взноса на прибыль компании в размере 0,5% от условной базы прибыли компании ЕС²⁵.

Из предложения 2021 г. на тот момент был сохранен 15-процентный взнос от государств-членов, вытекающий из соглашения под эгидой ОЭСР, несмотря на неопределённые перспективы реализации самого соглашения.

Помимо изложения новых идей, предложения Комиссии 2023 г. содержали призыв к странам Евросоюза ускорить переговоры с целью достижения единого мнения в Совете к 1 июля 2025 г. о введении новых собственных ресурсов хотя бы с января 2026 г. Европарламент поддержал предложения Комиссии как ведущие в правильном направлении, но в Совете активности по данному поводу

²² В октябре 2021 г. члены Инклюзивной структуры ОЭСР/G20 по противодействию размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения достигли политического соглашения о двухкомпонентном решении, направленном на решение налоговых проблем, возникающих в связи с цифровизацией и глобализацией экономики. Этот новый собственный налоговый ресурс соответствует принципам ЕС по установлению справедливого налогообложения бизнеса в ЕС и связан с рядом политических мер ЕС, таких как Европейский зелёный курс и Цифровая повестка.

²³ European Commission. 2023. An adjusted package for the next generation of own resources', COM(2023) 330 final. *EUR-Lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52023DC0330> (accessed 05.12.2025).

²⁴ Это означает, что импортные товары должны иметь такую же цену, как если бы они были произведены в Евросоюзе.

²⁵ В конечном счёте предполагается заменить его постоянным собственным ресурсом, основанным на корпоративном налогообложении. В принципе унифицированный налог на прибыль компаний в ЕС остаётся отдалённой перспективой (Saint-Amans 2024).

по-прежнему не наблюдалось. В феврале 2024 г. при среднесрочном уточнении семилетних финансовых рамок на 2021–2027 гг. будущие собственные ресурсы упоминались лишь вскользь без обновления позиций государств-членов по предложенному Комиссией пакету.

В июле 2025 г. Комиссия предложила новые собственные ресурсы и корректировки существующих, чтобы ежегодно сгенерировать до 58,5 млрд евро. Пока перечислены пять новых потенциальных источников пополнения европейского бюджета: система торговли выбросами парниковых газов, механизм трансграничной корректировки выбросов, новый ресурс, основанный на электронных отходах (*e-waste*), акцизный сбор на табачную продукцию и сбор с компаний с чистым годовым оборотом не менее 100 млн евро, работающих на рынке ЕС²⁶ – с доходами от него, поступающими непосредственно в казну ЕС.

Как мы видим, Комиссия продолжает испытывать существенные затруднения, пытаясь нащупать такие варианты новых собственных ресурсов, которые государства-члены сочтут приемлемыми для себя, что в целом остаётся очень далеко от системной модернизации европейского бюджета. Как видно, основная причина, препятствующая такой модернизации, политическая: государства-члены не торопятся поделиться с наднациональной властью налоговыми доходами и не видят для этого серьёзных оснований.

Поскольку ДФЕС не содержит внятного исчерпывающего определения собственных ресурсов бюджета ЕС, закономерен и в европейских экспертных кругах стал подниматься вопрос, можно ли будет в будущем оформить общие долговые заимствования как новый собственный ресурс в системе его бюджетного финансирования (Steinbach 2023). Напомним, что реализация *NGEU* всё же предполагает (временное) отступление от правила, согласно которому долговое финансирование наднационального бюджета не допускается, в той мере, в какой для усиления существующих бюджетных программ используется грантовая часть *NGEU* в качестве внешне распределённого бюджетного дохода.

Эта замысловатая конструкция, вызванная к жизни действующими договорными ограничениями, фактически означает, что ЕС уже идёт на внешние заимствования для финансирования своих регулярных бюджетных расходов. Если продолжать считать *NGEU* чем-то исключительным и временным, то Евросоюз в таком свете скорее выглядит как долговое агентство для своих государств-членов, без видимых изменений в соотношении фискальной власти в его системе (Cannizzaro 2020). В конечном счёте, плану восстановления европейской экономики в рамках *NGEU* (*Recovery and Resilience Facility* – *RRF*) была придана институциональная неоднозначность, позволившая избежать обвинений в нарушении принятых в ЕС фискальных правил (Reimer et al. 2025: 3).

²⁶ An ambitious budget for a stronger Europe: 2028–2034. *European Commission*. Jul 16, 2025. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_25_1847 (accessed 05.12.2025).

К ощутимым долговым заимствованиям для собственного бюджета ЕС не прибегал в прошлом, но на будущее их не следует исключать, хотя и с ограничениями: обслуживание долга, связанного с такими заимствованиями, всё равно должно быть, в соответствии с действующими европейскими правовыми требованиями, обеспечено незаёмными собственными ресурсами.

Аналитики ожидают, что достижение согласия в Совете по новым собственным ресурсам на период 2028–2034 гг. станет возможным только в связи с достижением общей договорённости по следующим многолетним финансовым рамкам, т. е., скорее всего, не ранее конца 2027 г.

Заключение

В правящих кругах Евросоюза по-прежнему преобладает точка зрения, что статья 311 ДФЕС не даёт ему права вводить собственные налоги. Те ограниченные налоговые полномочия, которыми он традиционно пользуется, предназначены прежде всего для решения задач секторальной политики (например, в области климата и энергетики). Соответственно, использование Брюсселем таких источников в качестве собственных ресурсов наднационального бюджета возможно, но по своей природе остаётся побочным эффектом секторального налогообложения, а не проявлением автономной фискальной компетенции ЕС.

При этом принимаемые европейскими институтами решения о собственных ресурсах ЕС в принципе допускают введение новых собственных ресурсов, в том числе основанных на налогообложении. Решительная замена нынешних собственных ресурсов теми, что опираются на налоговую базу, могла бы теоретически стать эффективным вкладом в более устойчивое развитие Евросоюза. Однако ключевым условием внедрения системы собственных ресурсов, основанных главным образом на налогообложении, является параллельное кардинальное изменение приоритетов ЕС в расходовании своих бюджетных средств, что пока выглядит не слишком вероятным. В противном случае – при попытке наращивания бюджетных доходов без принципиального пересмотра приоритетов по расходам Брюсселя – нетрудно спрогнозировать дальнейший рост евроскептицизма, поскольку «европейские налоги», как их принято называть неофициально, будут гораздо более прозрачны и заметны для граждан стран ЕС, нежели источники доходов, основанные на ВНД и НДС.

Сложившаяся ситуация подтверждает, что система собственных ресурсов, которая была бы действительно автономна от бюджетов государств-членов (если не считать таможенных доходов евробюджета), в Евросоюзе пока не создана. К настоящему времени согласие государств-членов по дополнительным собственным ресурсам не достигнуто. Тем не менее следует указать, что среди предложений Комиссии по источникам пополнения наднационального бюджета (ещё не принятых) фигурируют доля доходов от аукционной торговли разрешениями на парниковые выбросы и сбор с компаний с чистым годовым

оборотом не менее 100 млн евро; в качестве потенциальных собственных ресурсов бюджета ЕС эти источники в большей степени автономны от государственных бюджетов, чем традиционные механизмы, основанные на ВНД и НДС.

В то же время, учитывая тот факт, что Брюсселю насущно требуются новые источники доходов для собственного бюджета, ожидать снижения налоговой нагрузки на европейский бизнес не приходится. Евросоюз уже является одним из регионов мира с самыми высокими налогами. Поэтому серьёзное увеличение многолетнего бюджета, которое повлекло бы за собой дополнительные налоги на бизнес (и домохозяйства) в ЕС или радикальное наращивание долга Евросоюза, будет не только политически рискованно, но и обречено на провал в экономическом смысле, поскольку помешает Европе привлечь необходимые частные инвестиции.

Обращает на себя внимание, что и «пластиковый налог», основанный на статистических данных, рассмотренный выше, и типологически с ним очень схожий новый потенциальный собственный ресурс, связанный с электронными отходами (не утилизированными должным образом электронными устройствами), который предлагает Комиссия, касаются сравнительно небольшой налоговой базы. Те налоги, которые приносят большой доход, а также стабильны, имеют низкую избыточную нагрузку и которые можно сравнительно легко администрировать, уже давно используются государствами-членами, которые не захотят расставаться с доходами, ими приносимыми.

Проблема финансирования европейского бюджета за счёт заёмных средств также не имеет однозначного решения. Абсолютных ограничений, которые помешали бы ЕС в будущем финансировать свой бюджет за счёт заёмных средств, нет. Программа «ЕС нового поколения», выступая важным, хотя и своеобразным, прецедентом, обеспечивает пока не слишком заметную связку между внебюджетными заимствованиями, которые уже осуществляет Комиссия от лица ЕС, и собственно бюджетом ЕС, для которого заимствования по-прежнему формально не приняты: эта связка реализуется через использование в грантовых схемах внешне распределённого дохода. Несмотря на то что такая конструкция выглядит искусственной, будучи связана с непреодоленными договорными ограничениями, фактически она означает, что ЕС всё же заимствует средства для финансирования своих регулярных расходов (пусть пока и формально на временной основе).

Использование долга в качестве собственного ресурса стало бы исключительно значимым нововведением в бюджетной практике ЕС, которого, если и следует ожидать, то скорее уже после 2034 г. Важно, однако, подчеркнуть, что программа «ЕС следующего поколения» сама по себе не даёт Евросоюзу права пролонгировать наднациональный долг, позволяя привлекать заёмные средства только для конкретно оговорённых целей. Вопрос о том, возможно ли это в отношении заёмных средств, которые классифицировались бы как собственные ресурсы, в принципе менее ясен, но всё же представляется, что такой сценарий нельзя полностью исключить.

Об авторе:

Марина Вадимовна Стрежнева – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). 117997, Россия, г. Москва, Профсоюзная ул. 23.
E-mail: m.strezhneva@imemo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 336.14:336.2:061.1EC
Received: August 18, 2025
Accepted: November 11, 2025

Revenue Formation Policy in the European Union Budget

 M.V. Strezhneva
[DOI 10.24833/2071-8160-2025-6-105-154-173](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-6-105-154-173)

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)

Abstract: The European Union's post-2027 agenda raises a deceptively simple question: where will the money come from? The problem has acquired new urgency since the European Commission's July 2025 proposal for the 2028–2034 Multiannual Financial Framework – envisaging a substantially larger envelope (around €2 trillion), greater budgetary flexibility, and additional revenue sources – has reopened distributional conflicts over who pays, who benefits, and under what rules. Moving beyond a purely economic reading, this article frames revenue reform as an institutional choice embedded in the EU's quasi-federal system of multi-level economic governance and revisits the usefulness – and limits – of first-generation fiscal federalism for interpreting the Union's evolving fiscal architecture.

The analysis is motivated by the fiscal afterlife of NextGenerationEU. Although conceived as an off-budget instrument, interest payments are charged to the EU's current budget, while principal repayment – up to €338 billion linked to grants and the reinforcement of existing programs via externally assigned revenue – will enter the EU budget as a direct expenditure item from 2028 to 2058, sharpening the political necessity of reshaping the revenue side.

Against this background, the article identifies the obstacles that continue to prevent a shift towards tax-based “own resources”, and it evaluates the plausibility of alternative trajectories, including a more explicit reliance on common debt.

It does so through a structured examination of the EU's existing own-resources system and the Commission's successive reform packages (2021–2025), paying particular attention to proposals that seek to create more autonomous revenue streams – such as reallocating 30 per cent of EU ETS auction revenues and 75 per cent of CBAM proceeds to the EU level – while recognizing the political constraints that have repeatedly stalled agreement in the Council.

Drawing on EU primary law and official documentation, alongside expert debates on EU taxing powers and fiscal integration, the article argues that – customs duties aside – the Union still lacks a comprehensive own-resources system that is genuinely autonomous from member-state budgets.

The core implication is that the EU's future revenue strategy is likely to remain a politically contested mix of national contributions, tightly circumscribed "tax-like" resources linked to sectoral policies, and carefully designed borrowing instruments whose long-term stabilization remains uncertain.

Keywords: EU budget, own resources of the EU budget, tax capacity, fiscal autonomy, multi-level governance, fiscal federalism, Next Generation EU program, fiscal union

About the author:

Marina V. Strezhneva – Doctor of Political Science, Professor, Principal Researcher (International Relations), Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. 23 Profsoyuznaya St., Moscow 117997, Russian Federation. E-mail: m.strezhneva@imemo.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Antón R.G. 2023. Building up the EU Revenue Side: But What Is a Tax in EU Law? *Politics and Governance*. 11(4). P. 17–27. DOI: 10.17645/pag.v11i4.7176
- Boadway R., Keen M. 1996. Efficiency and the Optimal Direction of Federal-State Transfers. *International Tax and Public Finance*. №3. P. 137–155. DOI: 10.1007/BF00399907
- Breuer J.L. 2023. Revisiting Early Fiscal Centralisation in the European Coal and Steel Community in Light of the EU's Transfer Budget. *Politics and Governance*. 11(4). P. 28–39. DOI: 10.17645/pag.v11i4.7252
- Cannizzaro E. 2020. Neither Representation nor Taxation? Or, "Europe's Moment" – Part I *European Papers*. 5(2). P. 703–706. DOI: 10.15166/2499-8249/435
- Caziero M. 2024. What Legal Basis for an EU Tax? *Common Market Law Review*. 61(6). P. 1527–1548. DOI: 10.54648/cola2024101.
- Farri F. 2023. Between Form and Substance: At the Root of the Limits of the EU Taxing Powers. *The Power to Tax in Europe*. Ed. by J. Lindholm & A. Hultqvist. London: Bloomsbury Academic. P. 83–121.
- Fuest C., Peichl A. 2012. European Fiscal Union: What Is It? Does It Work? And Are There Really No Alternatives? *CESifo Forum*. 13(1). P. 3–9. URL: <https://www.ifo.de/DocDL/forum1-12-focus1.pdf> (accessed 05.12.2025).
- Fuest C., Pisani-Ferry J. 2020. Financing the European Union: New Context, New Responses. *Bruegel Policy Contribution*. Issue 16. 18 p. URL: <https://www.bruegel.org/policy-brief/financing-european-union-new-context-new-responses> (accessed 05.12.2025).
- Groenendijk N. 2023. Revenue Capacity of the EU: Taxes, Tax Sharing, and Resource Pooling. *Politics and Governance*. 11(4). P. 6–16. DOI: 10.17645/pag.v11i4.7240
- Hinarejos A., Schütze R. (eds.) 2023. *EU Fiscal Federalism: Past, Present, Future*. Oxford: Oxford University Press. 336 p. DOI: 10.1093/oso/9780198833284.001.0001
- Iara A. 2015. Revenue for EMU: A Contribution to the Debate on Fiscal Union. *Taxation Papers*. №54. 24 p. URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu/system/files/2016-09/taxation_paper_54.pdf (accessed 15.07.2025).
- Kowald K., Mazur S., Pari M., Peters T. Budgetary Outlook for the European Union 2025. *European Parliamentary Research Service (EPRS) Study*. 82 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_STU\(2025\)769563](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_STU(2025)769563) (accessed 05.12.2025).

Le Cacheux J. 2005. European Budget: the Poisonous Budget Rebate Debate. *Notre Europe Studies & Research*. № 41. 46 p. URL: <https://institutdelors.eu/content/uploads/2025/04/etud41-en-3.pdf> (accessed 05.12.2025).

Mohl P., Heinemann F., Osterloh, S. 2008. Who's Afraid of an EU Tax and Why? Revenue System Preferences in the European Parliament. *ZEW Discussion Papers*. №08-027. 36 p. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/24722/1/dp08027.pdf> (accessed 05.12.2025).

Montoya L.A. 2023. Rethinking the EU Financial Architecture. *Intereconomics*. 58(6). P. 289–294. DOI: 10.2478/ie-2023-0060

Musgrave R.A. 1959. *The Theory of Public Finance. A Study in Public Economy*. New York: McGraw-Hill. 628 p.

Musgrave R.A. 1971. Economics of Fiscal Federalism. *Nebraska Journal of Economics and Business*. 10(4). P. 3–13. URL: https://cooperative-individualism.org/musgrave-richard_economics-of-fiscal-federalism-1971-autumn.pdf (accessed 05.12.2025).

Reimer F., Guter-Sandu A., Haas A., Murau S. 2025. Schrödinger's off-Balance-Sheet Fiscal Agency: the Recovery and Resilience Facility and the Limits to incremental fiscal integration in Europe. *Journal of European Integration*. DOI: 10.1080/07036337.2025.2491618

Saint-Amans P. 2024. Broader Boarder Taxes: a New Option for European Union Budget Resources. *Bruegel Policy Brief*. Issue 06. 12 p. URL: https://aei.pitt.edu/103849/1/PB_06_2024_0.pdf (accessed 05.12.2025).

Steinbach A. 2023. Tax and Debt Financing the EU. *Intereconomics*. 58(6). P. 311–314. URL: <https://www.intereconomics.eu/contents/year/2023/number/6/article/tax-and-debt-financing-the-eu.html> (accessed 05.12.2025).

Woźniakowski T. P. 2022. *Fiscal Unions: Economic Integration in Europe and the United States*. Oxford: Oxford University Press. 192 p.

Peshina E.V., Strekalova A.A. 2016. Fiskal'nyj i byudzhetnyj federalizm: dve sistemy upravleniya publichnymi finansami [Fiscal and Budgetary Federalism: Two Systems for Public Financial Management]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya* [Financial Analytics: Science and Experience]. №11. P. 34–52. (In Russian)

Sergeev E.A. 2018. Fiskal'nyj federalizm v stranakh Vishegradskoj grupy [Fiscal Federalism in Visegrad Group]. *Sovremennaya Evropa*. №7. P. 172–183. DOI: 10.15211/soveurope72018165178 (In Russian)

Sidorova E.A. 2021. Fiskal'naya integratsiya v Evropejskom soyuze [Fiscal Integration in the European Union]. Moscow: "Ves' Mir". 200 p. (In Russian)

Sinicyna M.L. 2009. Federalizatsiya nalogov v usloviyah integratsii [Federalization of Taxes in the Context of Integration]. *Sovremennaya Evropa*. №4. P. 85–97. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Пешина Э.В., Стрекалова А.А. 2016. Фискальный и бюджетный федерализм: две системы управления публичными финансами. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 11. С. 34–52.

Сергеев Е.А. 2018. Фискальный федерализм в странах Вишеградской группы. *Современная Европа*. №7. С. 172–183.

Сидорова Е.А. *Фискальная интеграция в Европейском союзе*. Москва: Изд-во «Весь Мир». 200 с.

Синицына М.Л. 2009. Федерализация налогов в условиях интеграции. *Современная Европа*. №4. С. 85–97.

Влияние отказа от консенсуса на скорость законодательного процесса в Европейском союзе

Н.Ю. Кавешников¹, А.О. Доманов²

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

² Институт Европы РАН

В настоящей работе проведено количественное эмпирическое исследование влияния порядка принятия решений в Совете министров на скорость законодательного процесса в Европейском союзе. Реформы законодательных процедур в 1990-2000-е гг. преследовали две в значительной степени конкурирующие цели – повышение легитимности и эффективности. Легитимность законодательного процесса стремились упрочить прежде всего за счёт увеличения роли Европарламента. Ключевым способом повышения эффективности (скорости) законодательного процесса традиционно считался отказ от консенсуса в Совете министров и переход к принятию решений голосованием квалифицированным большинством (ГКБ). Цель настоящей работы состоит в том, чтобы выяснить, в какой степени голосование квалифицированным большинством в Совете оказывает ускоряющий эффект на принятие законодательства. Базу эмпирических данных исследования составили директивы и регламенты вторичного права ЕС, принятые в соответствии с обычной законодательной процедурой и процедурой консультации за период с 1994 по 2019 гг. (всего 2546 документов). В отличие от предшествующих исследований такого рода, были собраны данные о фактическом методе принятия решения в Совете. Исследование проведено с использованием анализа выживаемости (модель Кокса) и дескриптивных методов анализа статистических данных (диаграммы размаха и скользящие средние). Используемые методы и дизайн исследования позволяют отделить влияние различных институциональных параметров и в чистом виде оценить эффект порядка принятия решений в Совете на скорость законодательного процесса. Исследование показало, что ускорение законодательного процесса в связи с отказом от консенсуса в Совете количественно меньше, чем его замедление в связи с увеличением полномочий Европарламента. В стремлении повысить легитимность Евросоюза пришлось в определённой степени жертвовать эффективностью. Пределы возможного отказа от принципа консенсуса практически достигнуты, и потому мало оснований ожидать существенного увеличения эффективности принятия законодательства в ЕС. Результаты исследования имеют принципиальное значение для понимания особенностей функционирования ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз; Совет ЕС; принятие решений; законодательный процесс; скорость принятия решений; анализ выживаемости; обычная законодательная процедура; процедура консультации; голосование квалифицированным большинством

УДК: 327.7:061.1ЕС:342.5

Поступила в редакцию: 20.11.2024

Принята к публикации: 22.01.2025

Два десятилетия больших реформ Евросоюза, начавшиеся с Маастрихтского договора 1992 г., в сфере институционального развития имели целью, в частности, укрепление легитимности ЕС и одновременно повышение эффективности его функционирования. Легитимность законодательного процесса пытались упрочить прежде всего за счёт увеличения роли Европарламента¹. Теории пространственного анализа и вето-игроков постулируют, что появление и усиление нового актора при прочих равных неизбежно ведёт к усложнению процесса принятия решений и увеличению срока рассмотрения законопроектов. Таким образом, реформы законодательных процедур в ЕС преследовали две в значительной степени конкурирующие цели, требуя поддержания баланса между легитимностью и эффективностью.

Одним из параметров эффективности политической системы является скорость принятия решений. Ключевым способом повышения скорости законодательного процесса в ЕС традиционно считается отказ от консенсуса в Совете министров и переход к принятию решений голосованием квалифицированным большинством (далее по тексту – ГКБ). Характерно, что одним из базовых трендов институциональных реформ, проведённых Амстердамским (1997), Ниццким (2001) и Лиссабонским (2007) договорами, было сужение сферы консенсуса в Совете. С теоретической точки зрения это понятно, поскольку ГКБ увеличивает число потенциально возможных коалиций в пользу принятия решения (Tsebelis 2002). Иными словами, ГКБ отсекает страны с «крайними» позициями, которые при консенсусном принятии решения могли бы заблокировать законопроект (либо потребовалось бы дополнительное время для выработки устраивающего всех компромисса).

В то же время эмпирические исследования законодательного процесса в ЕС не дают однозначного подтверждения этого теоретического предположения. Ряд исследований, подтверждающих, что ГКБ в Совете ЕС ускоряет принятие решений в сравнении с консенсусом (Hertz and Leuffen 2011; König 2007; Schulz, König 2000). Отметим, что такого рода исследования были проведены на материале весьма давних периодов: 1965–1999 гг. (König 2007), 1976–2006 гг. с использованием в качестве референтного периода 1976–1981 гг. (Hertz, Leuffen 2011).

Однако другие исследования ставят эту закономерность под сомнение. Джонатан Голуб пришёл к выводу, что «применение единогласия кажется малозначимой причиной задержек принятия законодательства после 1987 г., так что не следует преувеличивать значение его продолжающегося использования в некоторых сферах» (Golub 1999: 760). Чуть позже Джонатан Голуб и Бернард

¹ Предпринимались и иные меры, например повышение транспарентности законодательного процесса, регулирования лоббизма, наделение определёнными полномочиями национальных парламентов государств-членов и т.д.

Стёненберг отметили, что использование ГКБ существенно ускоряло принятие решений до Единого европейского акта (т.е. до 1987 г.), влияние этого фактора было меньше в период до Маастрихтского договора и было весьма небольшим после Маастрихтского договора и вплоть до 1998 г. (Golub, Steunenberg 2007). Исследование на массиве директив, принятых по процедуре консультации, показало, что в 1990–1994 гг. (ЕС-12) использование ГКБ существенно ускоряло процесс принятия решений, но не выявило достоверной зависимости между процедурой голосования в Совете и скоростью принятия законодательства в периоды 1995–2004 гг. (ЕС-15) и 2004–2019 гг. (ЕС-25/28). (Кавешников, Доманов 2022)

Суммируя, теоретическая закономерность представляется не вполне устойчивой. Судя по всему, эффект ГКБ ранее существенно переоценивался (Bølstad, Cross 2016: 806). До середины 1990-х гг. использование ГКБ без сомнения ускоряло законодательный процесс, а вот после вступления в силу Маастрихтского договора этот эффект выражен гораздо слабее (Golub, Steunenberg 2007; Golub 2007), либо вообще отсутствует (Rasmussen, Toshkov 2011; Кавешников, Доманов 2022).

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы на основе оригинальной базы эмпирических данных выяснить, продолжает ли голосование квалифицированным большинством в Совете оказывать ускоряющий эффект на принятие законодательства по сравнению с консенсусом. В случае, если такого эффекта не обнаружится, мы можем предположить две гипотезы для объяснения.

Во-первых, причиной отсутствия значимых различий в скорости принятия законодательства консенсусом либо ГКБ может быть существующая в Совете ЕС культура консенсуса. Даже когда Совет *de jure* может принять решение ГКБ, государства-члены как правило продолжают переговоры и стараются выйти на консенсусное решение (Mattila, Lane 2001). Так, в период с 1994 по 2002 гг. 81% всех решений в Совете принимался без голосования, консенсусом (Heisenberg 2005: 66)². Следует отметить, что дизайн вышеупомянутых эмпирических исследований скорости законодательного процесса не позволяет учесть этот эффект. Традиционно при формировании базы данных исследователи кодируют порядок принятия решения в Совете (ГКБ или единогласие) на основе соответствующих статей основополагающих договоров. Если *de jure* предусмотрено голосование квалифицированным большинством, то не осуществлялась проверка, проводилось ли голосование на практике или документ был принят консенсусом. В нашем исследовании мы принимали во внимание фактический порядок принятия решения в Совете.³

² Впрочем, эксперты отмечают некоторое размывание этой культуры консенсуса. В первой половине 2010-х гг. доля голосований выросла до 35–40% от числа тех вопросов, где голосование предусмотрено основополагающими договорами (Wallace et al. 2015: 83).

³ Следует отметить, что по некоторым категориям актов и законодательных процедур информация о фактическом порядке принятия решения в Совете ЕС отсутствует в открытом доступе. Необходимость исключить такие типы актов и процедуры привела к некоторому сокращению исследуемого эмпирического материала.

Во-вторых, параллельно с постепенным переходом от консенсуса к ГКБ в Совете ЕС шёл процесс все более интенсивного подключения Европарламента к законодательному процессу. Теоретически понятно и многократно доказано эмпирически, что участие ЕП увеличивает срок принятия законодательства, особенно если речь идёт о процедуре совместного принятия решения (Golub 1999; 2007; Hertz, Leuffen 2011; Klüver, Sagarzazu 2013; König 2007; Rasmussen, Toshkov 2011; Schulz, König 2000; Кавешников, Доманов 2022). Не исключено, что эти два одновременно происходивших процесса (расширение сферы ГКБ и усиление роли ЕП) противоположным образом влияли на скорость принятия решений и в значительной степени уравнивали друг друга.

Описание базы данных

Базу эмпирических данных исследования составили директивы и регламенты вторичного права ЕС, собранные с официального портала законодательства EUR-Lex. Ранее нами была собрана база данных, включающая все директивы и регламенты, принятые в ЕС за 1994–2019 гг. (всего 4 081 документ)⁴. В базу данных были включены только законодательные акты в полном смысле слова (в терминологии ЕС – вторичное законодательство). Документы, по своей сути являющиеся подзаконными актами (в терминологии ЕС – третичное законодательство) не вошли в базу данных, поскольку для их принятия используются особые процедуры⁵.

Продолжительность законодательного процесса кодировалась как количество дней с обнародования законодательного предложения Комиссии до принятия документа. Также кодировались параметры, влияющие на скорость принятия решения: тип документа, законодательная процедура, порядок принятия решения в Совете (единогласие или ГКБ), новизна акта (новый или поправки), сложность (кодировалась как число страниц) и срочность акта. В процессе построения моделей они использовались в качестве контрольных параметров. На этой стадии порядок принятия решений в Совете (единогласие или ГКБ) определялся на основе статей основополагающих договоров, указанных как юридическая база документа. Если соответствующая статья *de jure* предусматривала голосование квалифицированным большинством, мы не проверяли, проводилось ли голосование на практике или документ был принят консенсусом.

⁴ Ранее эта база данных использовалась для решения иных исследовательских задач, например, для оценки влияния расширений ЕС на скорость принятия решения (Kaveshnikov and Domanov 2024).

⁵ Мы использовали ключевое различие между актами вторичного и третичного права: юридическую базу документа. Для актов вторичного права – это статьи основополагающих договоров, для актов третичного права – это акты вторичного законодательства (Lenaerts and Nuff 2005: 570).

Для целей настоящего исследования мы выбрали из этой базы данных документы, принятые в соответствии с обычной законодательной процедурой (ОЗП)⁶ и процедурой консультации, поскольку для них возможно выяснить фактический метод принятия решения в Совете ЕС (единогласие или ГKB). Данные о фактическом методе принятия решения в Совете кодировались по ежемесячным отчётам о работе Совета⁷ и, при необходимости, по результатам голосования, имеющимся в базе EUR-Lex. К сожалению, мы были вынуждены отказаться от использования документов, принятых Советом без участия Европарламента. Хотя по своим юридическим признакам они являются законодательством в полном смысле этого слова, введённая Лиссабонским договором типология актов ЕС классифицирует их на незаконодательные акты (non-legislative acts). В соответствии с правилами раскрытия информации в открытом доступе отсутствуют данные о результатах голосования в Совете по таким актам.⁸ Из полученного массива мы исключили около десятка документов, имевших экстремально длинный период принятия (более 10 лет для директив и более 7 лет для регламентов).

Итоговую базу эмпирических данных составили 2546 документов, принятые за период с 1994 по 2019 гг. (см. Табл. 1). Необходимо отметить неравномерность имеющихся данных, связанную с многочисленными изменениями сферы применения отдельных законодательных процедур. К примеру, ОЗП была введена Маастрихтским договором и вплоть до вступления в силу Амстердамского договора (1.05.1999 г.) практически не применялась к регламентам (принято только 4 регламента). С другой стороны, после вступления в силу Лиссабонского договора большинство актов, ранее принимавшихся по процедуре консультации, стали приниматься в соответствии с ОЗП. Соответственно, резко сократилось число документов, принятых по процедуре консультации, а документы, принимаемые по процедуре консультации при *de jure* ГKB в Совете практически исчезли. Поскольку для получения статистически значимых результатов моделирования требуется значительное число документов каждого типа, такая неравномерность привела к необходимости при анализе отдельных групп документов использовать несовпадающие временные периоды.

⁶ До вступления в силу Лиссабонского договора она называлась процедура совместного принятия решения.

⁷ Например, Council of The European Union. Monthly Summary of Council Acts - December 2006. Doc. 17121/06, 27 February 2007.

⁸ До Лиссабонского договора не существовало чёткого разделения между законодательными и незаконодательными актами, результаты голосования в Совете по таким актам иногда обнародовались. Однако имеющиеся данные носят фрагментарный характер и их использование в исследовании не может дать корректных результатов.

Таблица 1. Описание базы данных**Table 1. Database description**

Процедура принятия решения в Совете ЕС	Обычная законодательная процедура		Процедура консультации	
	Директивы	Регламенты	Директивы	Регламенты
de jure консенсус	----	----	126	142
de jure ГКБ, фактически консенсус	517	657	69	344
de jure ГКБ, фактически ГКБ	221	251	31	188
ИТОГО	738	908	226	674
	1646		900	

Результаты исследования

Факторами, в наибольшей степени определяющими скорость принятия решений, являются используемая законодательная процедура и тип документа (регламент или директива), что легко понятно с теоретической точки зрения и подтверждено многочисленными эмпирическими исследованиями (Hertz, Leuffen 2011; Golub, Steunenberg 2007; Rasmussen, Toshkov 2011; Klüver, Sagarzazu 2013). Чтобы исключить влияние этих факторов и более корректно оценить эффект, который оказывает на скорость законодательного процесса порядок принятия решения в Совете ЕС (консенсус или ГКБ), мы провели анализ данных отдельно по каждой процедуре / типу документа.⁹

Для исследования мы использовали два дескриптивных метода анализа статистических данных, которые позволили сформулировать предварительные оценки и наглядно визуализировать полученные результаты: диаграммы размаха и скользящие средние. Для получения более достоверных результатов был использован анализ выживаемости с применением для расчётов модели Кокса.

Диаграмма размаха («ящик с усами», *box-and-whiskers diagram*) является одним из наиболее употребительных способов представления распределения случайной величины (Рисунок 1–2). Центральная линия обозначает медианное значение показателя (в нашем случае длительность принятия актов в днях). Верхняя и нижняя границы «ящика» обозначают межквартильный размах, т. е. пределах «ящика» расположено 50% всех значений длительности (с 25-го по 75-й процентилю соответственно). Длина усов рассчитывается как разность первого квартиля и полутора межквартильных расстояний; сумма третьего квартиля и полутора межквартильных расстояний. Асимметрию данных можно увидеть не только по медиане, смещённой к верхней или нижней границе «ящика», и по разной длине «усов».

⁹ Это привело к необходимости использовать небольшие по объёму выборки, однако, как будет показано далее, результаты расчётов, за одним исключением, имеют очень высокую статистическую значимость.

Обычная законодательная процедура *de jure* не требует единогласия в Совете, однако около 70% документов принимаются без голосования (см Таблица 1), что отражает существующую в Совете культуру консенсуса¹⁰. При этом на первый взгляд парадоксальным выглядит тот факт, что принятие документов консенсусом требовало меньше времени, чем при голосовании (Рисунок 1). Это видно как по медианным значениям, так и при сравнении границ «ящичков» и размера «усов». Отметим, что эта закономерность действительно, и для директив, и для регламентов.

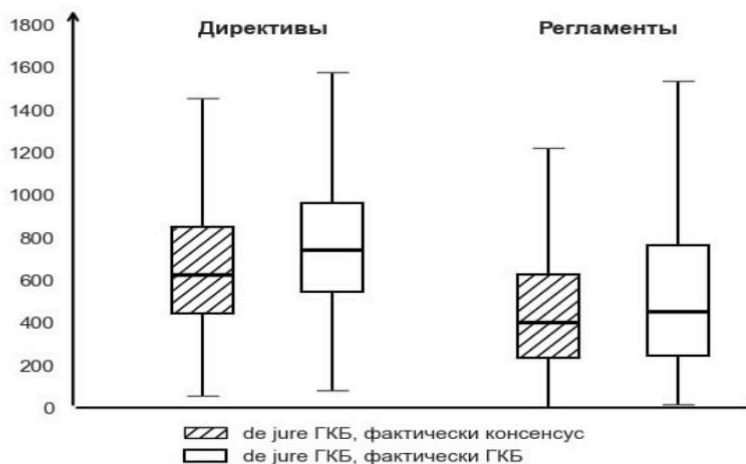

Рисунок 1 Длительность принятия актов, диаграмма размаха. ОЗП.

Figure 1. Acts adoption duration, box-and-whiskers diagram. Ordinary legislative procedure.

Источник: составлено авторами по данным за период с 01.05.1999 по 31.12.2019 г.

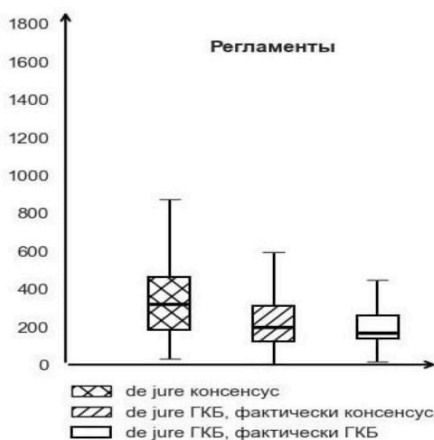

Рисунок 2. Длительность принятия актов, диаграмма размаха. Процедура консультации.

Figure 2. Acts adoption duration, box-and-whiskers diagram. Consultation procedure.

Источник: составлено авторами по данным за период с 01.05.1999 по 31.12.2019 г.

¹⁰ Подробнее об обычной законодательной процедуре и ее эволюции см, например, Кавешников (2021).

Процедура консультации существует в двух вариантах¹¹. Получив консультативное заключение Европарламента, Совет ЕС в некоторых случаях обязан принять решение единогласно (*de jure* консенсус). В других случаях Совет имеет возможность принять решение квалифицированным большинством и нередко так и поступает (*de jure* ГКБ, фактически ГКБ), но зачастую (чуть менее 70% случаев) и в этом случае в Совете удаётся достичь консенсуса (*de jure* ГКБ, фактически консенсус). Как видно на Рисунке 2, продолжительность принятия документов, требующих единогласия, существенно больше. А вот разница между ГКБ и фактическим («необязательным») консенсусом практически отсутствует¹².

Возникает вопрос, насколько эти закономерности устойчивы во времени. Это тем более важно, что за исследуемый период (1994–2019 гг.) правила принятия решений неоднократно менялись. Прежде всего следует упомянуть увеличение числа государств-членов, особенно в результате большого расширения ЕС в 2004 г. Также неоднократные реформы основополагающих договоров (Амстердамский, Ниццкий и Лиссабонский договоры) в частности, включали: а) Изменения сфер использования отдельных законодательных процедур; б) Реформу обычной законодательной процедуры (Амстердамский договор); в) Реформы правил голосования в Совете ЕС (ограниченного характера в Ниццком договоре и кардинальная в Лиссабонском договоре).

Стандартный метод, основанный на анализе годовых средних, не применим в связи с малым объёмом выборки. В этих условиях принятие в течение одного года нескольких документов с необычно длительным или коротким сроком рассмотрения существенно искажает средние значения и генерирует случайные отклонения. Этот фактор имеет особое значение в связи со спецификой законодательного процесса в ЕС, когда зачастую несколько законопроектов инициируются пакетом и затем также пакетом принимаются. В качестве экстремального случая приведём пример: в 2008 г. по ОЗП было принято всего 52 директивы, при этом 11 марта 2008 г. был принят пакет из 23 директив, касающихся регулирования единого рынка. Чтобы исключить такого рода случайные колебания и выделить основную тенденцию, был использован метод, скользящих средних. Были рассчитаны ежеквартальные арифметические скользящие средние на основе сглаживающего интервала 12 кварталов. Представленные на Рисунках 3–5¹³ результаты свидетельствуют об устойчивости выявленных закономерностей.

¹¹ Сфера использования каждого из двух вариантов зафиксирована в основополагающих договорах.

¹² На рис. 2 и 4, отражающих срок принятия документов по процедуре консультации, представлены данные только по регламентам. Это связано с тем, что данные по директивам, как будет показано по результатам матмоделирования (модель Кокса), не имеют достаточной статистической значимости и потому не могут служить основой для содержательных выводов. Практически наверняка это связано с крайне малым числом выборки.

¹³ Рис. 3 и 5 построены по данным с 1994, Q1. Рис. 4 построен по данным с 2001, Q1 (ранее по этой процедуре принималось крайне мало регламентов, что не позволяет корректно построить скользящие средние). Рис. 5 построен до 2009, Q4 (позже по этой процедуре принималось крайне мало регламентов, что не позволяет корректно построить скользящие средние).

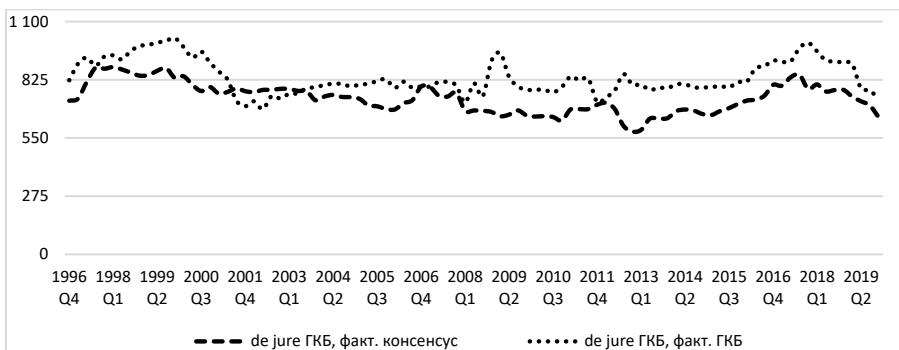

Рисунок 3. Длительность принятия актов, скользящая средняя по 12 кварталам. ОЗП, директивы.

Figure 3. Acts adoption duration, 12-quarter moving average. Ordinary legislative procedure, directives

Источник: составлено авторами

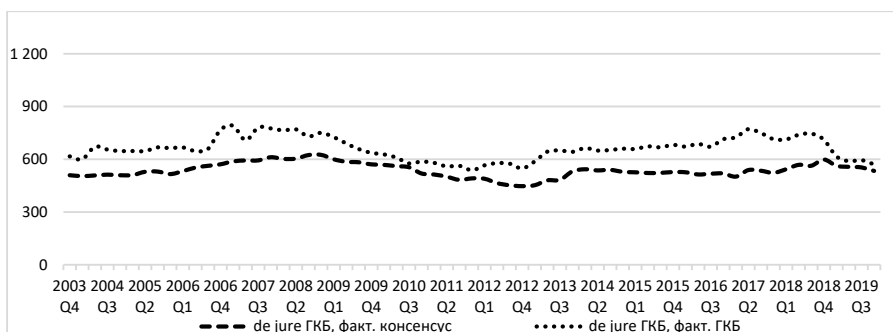

Рисунок 4. Длительность принятия актов, скользящая средняя по 12 кварталам. ОЗП, регламенты.

Figure 3. Acts adoption duration, 12-quarter moving average. Ordinary legislative procedure, regulations.

Источник: составлено авторами

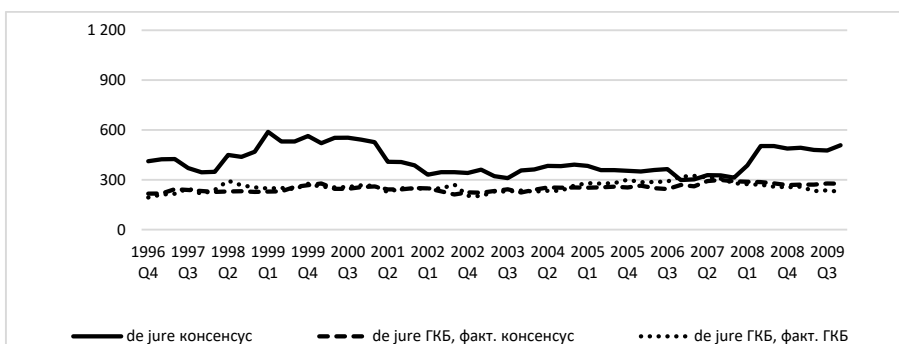

Рисунок 5. Длительность принятия актов, скользящая средняя по 12 кварталам. Процедура консультации, регламенты.

Figure 5. Acts adoption duration, 12-quarter moving average. Consultation procedure, regulations.

Источник: составлено авторами

Использованные дескриптивные методы не учитывают того влияния, которое на скорость принятия решений оказывают факторы, прямо не связанные с использованной законодательной процедурой. Существующие эмпирические исследования выявили ряд таких факторов. Принятие новых законодательных актов требует больше времени, чем внесение поправок (Rasmussen, Toshkov 2011; 2013; Drüner et al. 2018; Hurka, Haag 2020; Кавешников, Доманов 2022), а принятие бессрочных актов требует большего времени, нежели принятие срочных (т.е. временных, срок действия которых определён изначально, в момент их принятия) (Rasmussen, Toshkov 2011; Drüner et al. 2018; Hurka, Haag 2020). Также не удивительно, что чем сложнее законодательный акт, тем больше времени требуется для его принятия (Brandsma, Meijer 2020; Hurka, Haag 2020; Кавешников, Доманов 2022).

Для того, чтобы корректно выявить влияние порядка принятия решений в Совете ЕС, необходимо отделить его от влияния иных факторов. С этой целью был проведён анализ выживаемости с использованием для расчётов модели Кокса. Полупараметрическая модель Кокса основана на методе множественной регрессии (Cox 1972) и активно используется в политической науке со второй половины 1990-х гг. (Box-Steffensmeier and Bradford 2004). По результатам состоявшейся в первой половине 2000-х гг. дискуссии модель Кокса считается наиболее приемлемой для исследования продолжительности законодательного процесса в ЕС с учётом доступных эмпирических данных и неоднородного распределения вероятности принятия актов (Golub 2007: 162; Zorn 2007: 568), и является наиболее часто используемым из существующих методов анализа выживаемости (продолжительности) законодательного процесса.

Анализ выживаемости прогнозирует риск наступления события (*hazard risk*) и даёт оценку влияния независимых переменных на этот риск. Применительно к исследованию процесса принятия решений в ЕС событие – это принятие законодательного акта. В качестве результата математическая модель даёт значение отношения рисков (*hazard ratio*, HR), которое показывает, в какой степени отличается вероятность принятия документа в любой день $N+1$ с момента начала законодательного процесса в зависимости от использованной законодательной процедуры либо метода принятия решения в Совете ЕС. Значение $HR > 1$ означает, что соответствующий фактор ускоряет законодательный процесс, $HR < 1$ – замедляет его.

Построенная нами многофакторная модель включает следующие контрольные параметры: новизна акта (новый или поправки), срочность акта и сложность акта¹⁴. Результаты расчётов удовлетворяют критериям теста Грамбш-Терно.

¹⁴ Для оценки сложности акта был использован параметр количества страниц. Это самый простой из существующих подходов, уже использовавшийся в ряде работ (Golub 2006). Существуют и более сложные способы операционализации, например, число слов или статей закона, либо комплексный набор параметров, который включает структурную сложность, лингвистическую сложность и сложность взаимосвязей (Hurka and Haag 2020). Однако, как демонстрируют существующие исследования, использование различных способов операционализации не оказывает принципиального влияния на итоговые результаты. Поэтому мы считаем корректным использовать число страниц как параметр, отражающий сложность документа.

В связи с ранее упомянутой неравномерностью имеющихся данных, для более корректного сопоставления результатов мы разбили исследуемый период на три подпериода и провели моделирования отдельно по каждому из них¹⁵. В качестве моментов, разделяющих подпериоды, были использованы даты вступления в сила Амстердамского (01.05.1999 г.) и Лиссабонского (01.12.2009г.) договоров.

Результаты моделирования (Таблица 2) подтверждают закономерности, выявленные в ходе дескриптивного анализа. При этом полученные результаты имеют высокую степень статистической достоверности, за исключением директив, принятых по процедуре консультации.

Таблица 2. Влияние порядка голосования в Совете на скорость принятия решений (модель Кокса)¹⁶

Table 2. Impact of voting order in the Council on the speed of decision-making (Cox model)

	Обычная законодательная процедура		Процедура консультации	
	директивы	регламенты	директивы	регламенты
<i>до АД: 1.01.1994 - 30.04.1999</i>				
de jure консенсус	-----	-----	1,00	0,42***
de jure ГКБ, факт. консенсус	1,58*	н.д.	1,61	1,37*
de jure ГКБ, фактически ГКБ	0,63*	н.д.	0,71	1,36*
число актов	97	7	68	254
<i>АД-ЛД: 01.05.1999 - 30.11.2009</i>				
de jure консенсус	-----	-----	1,32	0,59***
de jure ГКБ, факт. консенсус	1,21	1,35*	0,79	1,37***
de jure ГКБ, фактически ГКБ	0,83	0,61*	0,90	1,15
число актов	421	326	124	401
<i>после ЛД: 1.12.2009 - 31.12.2019</i>				
de jure консенсус	-----	-----	н.д.	н.д.
de jure ГКБ, факт. консенсус	1,47**	1,27***	н.д.	н.д.
de jure ГКБ, фактически ГКБ	0,68**	0,79***	н.д.	н.д.
число актов	220	575	34	19

Источник: Составлено авторами

В процедуре ОЗП принятие акта консенсусом существенно ускоряет законодательный процесс в сравнении с голосованием квалифицированным большинством. Это верно как для директив, так и для регламентов, за все исследуемые промежутки времени, кроме директив, принятых в период от Амстердамского до Лиссабонского договоров¹⁷.

¹⁵ Также было проведено моделирование в целом по периоду 1994–2019 гг. Его результаты принципиально совпадают с результатами по отдельным подпериодам.

¹⁶ Точность расчётов: * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p < 0,005$

Контрольные параметры: новизна акта, срочность акта, сложность акта.

н.д. - недостаточно данных для матмоделирования, т.к. в указанный период по этой процедуре было принято крайне мало актов этого типа.

¹⁷ Вероятнее всего, слабое проявление этой закономерности в указанный период связано с адаптацией законодателей к существенной реформе ОЗП, проведённой Амстердамским договором, и формированием именно в этот период практики триалогов (Brandsma 2015; Кавешников 2021).

Результаты многофакторного моделирования принятия директив в соответствии с процедурой консультации не имеют статистической достоверности, достаточной для формулирования субстантивных выводов. Скорее всего, это связано с относительно небольшим числом директив, принимавшихся по этой процедуре. А вот моделирование принятия регламентов с использованием процедуры консультации подтвердило ранее обнаруженные закономерности: 1) обязательное единогласие существенно увеличивает срок принятия документа в сравнении с *de jure* ГКБ; 2) разница между фактическим ГКБ и фактическим («необязательным») консенсусом отсутствует, т. е. эти параметры не влияют на скорость принятия документа.

Обсуждение результатов

Выявленные закономерности позволяют сформулировать несколько выводов в отношении скорости законодательного процесса в ЕС.

Первый вывод. В соответствии с «фундаментальным уравнением политики», политическое решение является результатом предпочтений политических субъектов и институтов (формальных и неформальных правил принятия решений) (Hinich, Munger 1997: 17). Тот факт, что в процедуре ОЗП принятие акта консенсусом существенно ускоряет законодательный процесс в сравнении с ГКБ с очень высокой уверенностью можно объяснить изначальной степенью различий между предпочтениями государств-членов. Если эти предпочтения находятся в узком диапазоне, то не требуется много времени для выработки устраивающего всех решения и документ будет поддержан консенсусом. В противном случае для сближения позиций требуется гораздо больше усилий, и все равно с высокой вероятностью какие-то из государств-членов не поддержат документ, что приведёт к необходимости голосования. Проверка этого вывода возможна лишь на основе учёта изначальных позиций государств-членов по большому массиву законодательных актов, что требует принципиально иной методологии и представляет собой отдельное исследование¹⁸.

Отсутствие такой закономерности при принятии документов по процедуре консультации связано с ролью Европарламента. Известно, что в законодательном процессе ЕП с большим успехом продвигает свою позицию в случае существенных разногласий в Совете ЕС, играя на различии предпочтений государств-членов (Hagemann, Hoyland 2010; Konig 2008). Соответственно, глядя на этот процесс с другой стороны, очевидно, что конкурирующие группы государств в Совете пытаются заручиться поддержкой ЕП для реализации своих интересов. В ОЗП полномочия Европарламента весьма существенны.

¹⁸ До настоящего момента лучшим примером такого рода исследования является собранная по результатам экспертных интервью база данных о позициях всех государств-членов, Комиссии и Европарламента по 331 вопросу из 125 законопроектов (Thomson et al. 2012).

Находящиеся в относительном меньшинстве государства-члены, блокируясь с ЕП, имеют неплохие шансы отстоять свои интересы. Поэтому, при прочих равных, они тратят больше усилий и времени на попытку привлечь ЕП на свою сторону и не склонны быстро идти на уступки своим оппонентам в Совете. Это ведёт к увеличению срока принятия решений. А вот в процедуре консультации ЕП имеет значительно меньшее влияние. Находящиеся в меньшинстве в Совете государства не могут возлагать больших надежд на блокирование с ЕП. Понимая, что документ может быть принят ГKB без их согласия, они быстрее идут на уступки сформировавшемуся большинству в обмен на то, что большинство хотя бы в ограниченной степени учитывает их предпочтения.

2. В процедуре консультации *de jure* обязательный консенсус является фактором, существенно замедляющим принятие решений (для регламентов HR=0,42 до Амстердамского договора и 0,59 до Лиссабонского договора). При этом замедляющее влияние гораздо существеннее, чем это выявили предыдущие исследования на данных более ранних периодов (Hertz, Leuffen 2011; König 2007).

Объяснение связано с тем, что в ходе реформ законодательного процесса решение об использовании той или иной процедуры в конкретной сфере не является случайным. Хотя одной из целей многочисленных реформ было повышение эффективности законодательного процесса, мы видим, что от правила обязательного консенсуса отказывались не в тех сферах, где имели место наибольшие сложности при согласовании позиций. Напротив, большинство государств-членов стремились сохранить контроль за решением тех вопросов, которые считали для себя наиболее значимыми. На переговорах по Амстердамскому договору «сохранилось единогласие в десяти крупных сферах, и все они являются чрезвычайно чувствительными для одного или (чаще) большинства государств-членов» (Moravcsik, Nicolaïdis 1999: 77). В Ниццком договоре «принцип ГKB распространён на большое число относительно малозначимых вопросов» (Palmer 2000: 4). Аналогичным образом оценивается результат переговоров по Лиссабонскому договору (Энтин 2010; Dinan 2008).

Таким образом с течением времени обязательное единогласие сохранилось лишь в наиболее чувствительных сферах, где даже незначительное различие предпочтений между государствами-членами имеет для них большое значение. К примеру, после Лиссабонского договора в рамках процедуры консультации единогласие в Совете ЕС необходимо в таких вопросах как: гармонизация национального законодательства в области семейного права (ст. 81(3) ДфЕС); правила оперативного сотрудничества правоохранительных органов (ст. 87(3) ДфЕС); гармонизация национальных правил налогообложения (ст. 113 ДфЕС) и меры в других сферах, которые существенно затрагивают порядок налогообложения; правила осуществления пруденциального контроля со стороны ЕЦБ (ст. 127(6) ДфЕС); процедура санкций в связи с чрезмерным бюджетным дефицитом (ст. 126(14) ДфЕС); некоторые меры в области социальной защиты

(ст. 153 ДфЕС); меры по охране окружающей среды, если они касаются правил землепользования и количественного управления водными ресурсами (ст. 192 ДфЕС).

Очевидно, что из сферы обязательного единогласия постепенно исключались те вопросы, в которых государствам было относительно проще выходить на общие решения, т. е. законодательство принималось не так медленно. Сейчас принцип обязательного консенсуса сохранился лишь в наиболее чувствительных областях, где согласование позиций требует максимальных усилий. Поэтому разрыв в скорости принятия решений между обязательным консенсусом и возможностью использования ГKB заметно увеличивается.

3. При сравнении скорости принятия решений по ОЗП и процедуре консультации становится ясно, что усиление полномочий Европарламента в существенно большей степени замедляет законодательный процесс, нежели ускорение этого процесса в связи с отказом от обязательного консенсуса в Совете ЕС (см. Рис. 1–5). На примере регламентов видно, что обязательный консенсус увеличивает срок принятия решений на 60–90%¹⁹. А использование ОЗП в сравнении с процедурой консультации, т. е. принципиальное увеличение влияния ЕП, увеличивает срок принятия решения на 100–160%²⁰.

В 1990-е и 2000-е гг. государства-члены, реформируя правила законодательного процесса, имели возможность выбора: либо просто отказаться от обязательного консенсуса в Совете, сохраняя без изменений степень вовлеченности ЕП (т. е. продолжая применять процедуру консультации); либо перенести вопрос в сферу использования ОЗП, что одновременно означает и отказ от обязательного консенсуса в Совете и усиление роли Европарламента. Это позволяло им балансировать задачи повышения легитимности и эффективности. Однако в ходе разработки Лиссабонского договора (а точнее, ещё раньше, при разработке проекта Конституции ЕС), было принято принципиальное решение о наделении ЕП существенными законодательными полномочиями по большинству сфер деятельности ЕС. Это, кстати, отразилось в том, что процедура, ранее называвшаяся процедурой совместного принятия решения, получила название «обычная законодательная процедура». Таким образом после Лиссабонского договора ограниченное участие ЕП в законодательном процессе предусмотрено лишь в тех вопросах, где государства хотели сохранить обязательное единогласие в Совете (после 2009 г. подавляющее большинство актов, принимаемых по процедуре консультации, требуют единогласия в Совете).

¹⁹ Медиана длительности принятия регламентов по процедуре консультации при обязательном консенсусе составляет 321 день, при возможности использования ГKB – 198 и 171 день (при принятии документа единогласно и при фактическом голосовании ГBB, соответственно). См. Рис 1б.

²⁰ Медиана длительности принятия регламентов при фактическом консенсусе в Совете составляет 400 дней по ОЗП и 198 дней по процедуре консультации, при голосовании квалифицированным большинством – 453 и 171 день соответственно. См. рис 1а и 1б.

Сформулированные выводы следует рассматривать с учётом двух ограничений, связанных с выбранным методом исследования. Во-первых, в сферу анализа не вошла деятельность ЕС в области Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ), поскольку решения ОВПБ имеют политический характер, не являются законодательством и принимаются в соответствии с особыми процедурами. Информация о ходе выработки таких решений не раскрывается и потому невозможно собрать комплексные данные о длительности принятия решений. Во-вторых, методика применима лишь для оценки длительности принятия принятых документов и не позволяет учесть те законопроекты, которые в итоге не получили поддержки и были отозваны Еврокомиссией.

Заключение

Имевшее место в 1990-е – 2000-е гг. существенное увеличение роли Европарламента в законодательном процессе привело к тому, что обычная законодательная процедура (ОЗП) стала применяться в большинстве сфер, в которых ЕС принимает законодательные акты. Активное участие ЕП существенно усложняет законодательный процесс и увеличивает длительность принятия документов. Этот эффект количественно превышает положительное (ускоряющее) влияние отказа от консенсуса в Совете ЕС. В стремлении повысить легитимность Евросоюза пришлось в определённой степени пожертвовать эффективностью²¹. Судя по всему, если вынести за скобки многолетние дискуссии о возможности пересмотреть принцип принятия политических решений в сфере ОВПБ, пределы отказа от принципа консенсуса достигнуты,

В ситуации, когда принятие большинства законодательных актов стало возможно на основе голосования в Совете ЕС (ГКБ), изменилась причинно-следственная связь между способом и длительностью принятия решений. Ранее необходимость обеспечить единогласную поддержку существенно увеличивала длительность рассмотрения законодательства. В настоящее время, при возможности решения вопросов ГКБ, факт принятия законодательного акта консенсусом скорее свидетельствует об изначальной близости предпочтений государств-членов, что, в свою очередь, позитивно влияет на срок рассмотрения законопроекта. Такая ситуация может породить иллюзию, что использование консенсуса само по себе ведёт к ускорению принятия решений в сравнении с ГКБ, что и стало причиной описанных в первой части статьи противоречивых результатов предыдущих исследований.

²¹ В данном случае эффективность понимается в узком смысле, как оперативное принятие законодательства. Разумеется, эффективность также (а возможно и большей степени) проявляется в качестве принимаемого законодательства, в способности с учётом интересов всех государств-членов, институтов ЕС, различных групп общества и многочисленных групп влияния сформулировать оптимальный политический курс и создать работоспособную систему регулирования. Однако этот аспект эффективности лежит за рамками настоящего исследования.

Об авторах:

Николай Юрьевич Кавешников – кандидат политических наук, заведующий кафедрой интеграционных процессов МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76.
E-mail: nikandrrr@mail.ru

Доманов Алексей Олегович – научный сотрудник Института Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3. E-mail: domanov.aleksey@gmail.com

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00096, <https://rscf.ru/project/23-28-00096/>, МГИМО МИД России

UDC: 327.7:061.1EC:342.5
Received: November 11, 2025
Accepted: January 22, 2025

The Impact of Renunciation of Consensus on the Speed of Legislative Process in the European Union

 N.Yu. Kaveshnikov¹, A.O. Domanov²
[DOI 10.24833/2071-8160-2025-6-105-174-192](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-6-105-174-192)

¹ MGIMO University

² Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

Abstract: This article assesses whether abandoning consensus in the Council of Ministers has, in practice, accelerated EU law-making. Institutional reforms in the 1990s–2000s pursued two partly competing objectives: strengthening legitimacy by empowering the European Parliament and improving efficiency by expanding the scope for qualified majority voting (QMV) in the Council. Against the widespread expectation that QMV should shorten legislative duration, the article asks whether Council voting by qualified majority continues to have an independent accelerating effect once the EU's evolving institutional environment is taken seriously. The analysis draws on an original dataset of EU directives and regulations adopted as secondary law under the ordinary legislative procedure and the consultation procedure between 1994 and 2019 (N = 2,546). Crucially, unlike most earlier studies that infer Council decision rules from treaty legal bases, the dataset codes the actual decision method in the Council – distinguishing between *de jure* QMV adopted by consensus and *de jure* QMV adopted by recorded vote – using Council monthly reports and voting records where necessary.

Methodologically, the article combines descriptive evidence (box plots and moving averages) with survival analysis (a Cox proportional hazards model), allowing the effect of the Council's decision method to be separated from other determinants of legislative duration and from cross-procedure heterogeneity. The results qualify conventional accounts of “efficiency gains”

from replacing unanimity with QMV. Under the ordinary legislative procedure, acts adopted by consensus are, on average, completed faster than acts adopted by qualified-majority vote – consistent with the interpretation that consensus more often reflects low underlying preference dispersion among member states, whereas recourse to voting signals deeper disagreement and more costly bargaining.

Under the consultation procedure, by contrast, mandatory unanimity substantially slows adoption compared with the legal possibility of QMV; yet where QMV is legally available, there is no meaningful difference between adoption by recorded vote and adoption by “voluntary” consensus, underscoring the continued relevance of the Council’s consensus-seeking practices.

Taken together, the findings suggest that the efficiency dividend from extending QMV has been more limited than often assumed, while the empowerment of the European Parliament has imposed larger time costs on EU law-making. The practical scope for further accelerating legislation through additional departures from consensus therefore appears constrained, which has implications for debates on the EU’s capacity to deliver policy under conditions of expanding responsibilities and heightened legitimacy requirements.

Keywords: European Union; Council; decision making; legislative process; decision making duration; survival analysis; ordinary legislative procedure; consultation procedure; qualified majority vote

About the authors:

Nikolay Yu. Kaveshnikov – Candidate of Political Science (PhD), Head of the Department of Integration Processes, MGIMO University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow 119454, Russian Federation. E-mail: nikandrrr@mail.ru

Alexey O. Domanov – Research Fellow, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. 3 Mokhovaya St., Moscow 125009, Russian Federation. E-mail: domanov.aleksey@gmail.com

Conflict of interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The study was funded by the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00096, <https://rscf.ru/project/23-28-00096/>) and carried out at MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

References:

Bølstad J., Cross J.P. 2016. Not all Treaties are Created Equal: The Effects of Treaty Changes on Legislative Efficiency in the EU. *Journal of Common Market Studies*, 54(4). P. 793–808. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.12349>

Box-Steffensmeier J., Jones B.S. 2004. *Event history modeling in political science*. Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511790874>

Brandsma G.J. 2015. Co-decision after Lisbon: The Politics of Informal Trilogues in European Union Lawmaking. *European Union Politics*, 16(2). P. 300–319. DOI: <https://doi.org/10.1177/1465116515584497>

Brandsma G.J., Meijer A. 2020. Transparency and the efficiency of multi-actor decision-making processes: an empirical analysis of 244 decisions in the European Union. *International Review of Administrative Sciences*, 88(3). P. 626–643. DOI: <https://doi.org/10.1177/0020852320936750>

Cox D.R. 1972. Regression Models and Life Tables (with Discussion). *Journal of the Royal Statistical Society, Series B*, 34. P. 187–220. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.2517-6161.1972.tb00899.x>

- Dinan D. 2008. Governance and Institutional Developments: Ending the Constitutional Impasse. *CMS: Journal of Common Market Studies*, 46. P. 71-90. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2008.00812.x>
- Drüner D., Klüver H., Mastenbroek E., Schneider G. 2018. The Core or the Winset? Explaining Decision Making Duration and Policy Change in the European Union. *Comparative European Politics*, 16. P. 271–289. DOI: <https://dx.doi.org/10.1057/cep.2015.26>
- Golub J. 2006. 'Did the Luxembourg compromise have any consequences?', in Palayret J.-M., Wallace H. and Winand P. (eds.) *Visions, Votes and Vetoes: The Empty Chair Crisis and the Luxembourg Compromise Forty Years On*, Brussels: P.I.E.-Peter Lang. P. 279–300.
- Golub J. 1999. In the Shadow of the Vote? Decision-making in the European Community. *International Organization*, 53 (4). P. 733–764. DOI: <https://doi.org/10.1162/002081899551057>
- Golub J. 2002. 'Institutional Reform and Decision-Making in the European Union', in Hosli M.O., van Deemen A.M.A. and Wirgins M. (eds) *Institutional Challenges in the European Union*. London / New York: Routledge. P. 134-154.
- Golub J. 2007. Survival Analysis and European Union Decision-making. *European Union Politics*, 8(2). P. 155–179. DOI: <https://doi.org/10.1177/1465116507076428>
- Golub J., Steunenberg B. 2007. How Time Affects EU Decision-Making. *European Union Politics*, 8 (4). P. 555–566. DOI: <https://doi.org/10.1177/1465116507082814>
- Hagemann S., Hoyland B. (2010) Bicameral Politics in the European Union. *Journal of Common Market Studies*, 48(4). P. 811–833. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2010.02075.x>
- Heisenberg D. (2005) The Institution of 'Consensus' in the European Union: Formal Versus Informal Decision-Making in the Council, *European Journal of Political Research*, vol. 44. P. 65–90. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2005.00219.x>
- Hertz R., Leuffen D. 2011. Too Big to Run? Analysing the Impact of Enlargement on the Speed of EU Decision-Making. *European Union Politics*, 12(2). P. 193–215. DOI: <https://doi.org/10.1177/1465116511399162>
- Hinich H.J., Munger M.C. 1997. *Analytical Politics*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hurka S., Haag M. 2020. Policy complexity and legislative duration in the European Union. *European Union Politics*, 21(1). P. 87–108. DOI: <https://doi.org/10.1177/146511651985943>
- Kaveshnikov N.Yu., Domanov A.O. 2024 How the Enlargement Affects European Union Legislative Process. *Changing Societies & Personalities*, 8(1). P. 151–172. DOI: <https://doi.org/10.15826/csp.2024.8.1.269>
- Klüver H., Sagarzazu I. 2013. Ideological Congruency and Decision-Making Speed: the Effect of Partisanship Across European Union Institutions. *European Union Politics*, 14(3). P. 388–407. DOI: <https://doi.org/10.1177/1465116512472938>
- König T. 2008. Why Do Member States Empower the European Parliament. *Journal of European Public Policy*, 5(2). P. 167–188. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501760701817674>
- König T. 2007. Divergence or Convergence? From Ever-Growing to Ever-Slowing European Legislative Decision-Making. *European Journal of Political Research*, 46(3). P. 417–444. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2006.00648.x-i1>
- Lenaerts K., Nuff P.V. 2005. *Constitutional Law of the European Union*. 2nd ed. London: Sweet and Maxwell.
- Mattila M., Lane J.E. 2001. Why Unanimity in the Council?: A Roll Call Analysis of Council Voting. *European Union Politics*, 2. P. 31–52. DOI: <https://doi.org/10.1177/1465116501002001>
- Moravcsik A., Nicolaïdis K. 1999. Explaining the Treaty of Amsterdam: Interests, Influence, Institutions. *JCMS*, 37(1). P. 59–85. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00150>
- Palmer J. 2000. The European Union after Nice – One Step Forward, Two Steps Back? *EPC Communications*. Brussels: EPC.

Rasmussen A., Toshkov D. 2013. The Effect of Stakeholder Involvement on Legislative Duration: Consultation of External Actors and Legislative Duration in the European Union. *European Union Politics*, 14. P. 366–387. DOI: <https://doi.org/10.1177/1465116513489777>

Rasmussen A., Toshkov D. 2011. The Inter-Institutional Division of Power and Time Allocation in the European Parliament. *West European Politics*, 34(1). P. 71–96. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2011.523545>

Schulz H., König T. 2000. Institutional Reform and Decision-Making Efficiency in the European Union. *American Journal of Political Science*, 44(4). P. 653–666. DOI: <https://doi.org/10.2307/2669273>

Thomson R., Arregui J., Leuffen D., Costello R., Cross J., Hertz R., Jensen T. 2012. A New Dataset on Decision-Making in the European Union Before and After the 2004 and 2007 Enlargements (DEUII). *Journal of European Public Policy*, 19(4). P. 604–622. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/13501763.2012.662028>

Tsebelis G. 2002. *Veto Players: How Political Institutions Work*, Princeton, NJ: Princeton University Press.

Wallace H., Pollack M., Young A. 2015. (eds.) *Policy-Making in the European Union*. 7th ed. Oxford: Oxford University Press.

Zorn Ch. 2007. Temporal Change and the Process of European Union Decision-Making. *European Union Politics*, 8(4). P. 567–576. DOI: <https://doi.org/10.1177/1465116507082815>

Entin L. 2010. Лиссабонский договор и реформа европейского союза [The Lisbon treaty and restructuring of the EU]. *Russian Law Journal*, 3. P. 104–115. (In Russian)

Kaveshnikov N., Domanov A. 2022. Skorost' zakonodatel'nogo processa v Evropejskom soyuze. Kolichestvennyj analiz [Factors Behind Legislative Duration in the European Union. Quantitative Analysis]. *International Trends*, 20(1). P. 80–108. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.1.68.3> (In Russian)

Kaveshnikov N. 2021. Obychnaya zakonodatel'naya procedura v ES kak primer kooperativnyh praktik. [The Ordinary Legislative Procedure in the EU as an Example of Cooperative Practices]. *MGIMO Review of International Relations*, 14(1). P. 126–147. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-1-76-126-147> (In Russian)

Список литературы на русском языке

Кавешников Н.Ю., Доманов А.О. 2022. Скорость законодательного процесса в Европейском союзе. Количественный анализ, *Международные процессы*, 20(1) . С. 80–108. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.1.68.3>

Кавешников Н.Ю. 2021. Обычная законодательная процедура в ЕС как пример кооперативных практик. *Вестник МГИМО-Университета*, 14(1). С. 126–147. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-1-76-126-147>

Энтин Л.М. 2010. Лиссабонский договор и реформа европейского союза. *Журнал российского права*, 3. С. 104–115.

Зелёные в Германии: из «партии мира» в «партию войны»

Т.Л. Ровинская

ИМЭМО им. Е.М. Примакова

Статья посвящена анализу идеологической и политической трансформации немецкой социально-экологической партии Союз 90 /Зелёные из партии с пацифистской идеологией («партии мира») в политическую силу, поддерживающую военные методы достижения политических и гуманитарных целей («партию войны»). Анализ строится вокруг программных документов партии по рассматриваемой проблеме в хронологической последовательности. Параллельно анализируется политическая деятельность немецких Зелёных в различные периоды их истории, что позволяет определить характер связи между содержанием программных документов, политической риторикой и реальными политическими шагами. Автор приходит к выводу, что «на бумаге» и в политической риторике немецкие Зелёные стремятся сохранить образ партии-миротворца перед избирателями и в глазах мирового сообщества, в то время как де-факто они отступили от принципа пацифизма ещё в конце 1990-х гг. (в период Косовской войны). В 2020-е гг., в контексте конфликта на Украине, это противоречие обострилось с новой силой. Позиция партии усилилась в связи с её вхождением в федеральное правительство по итогам выборов в Бундестаг 2021 г., и особенно после начала специальной военной операции России в феврале 2022 г. Последние программные документы, а также выступления партийных лидеров на сегодняшний день полностью утратили признаки пацифистской идеологии и приобрели черты оборонительно-конфронтационной парадигмы. Политическая деятельность Зелёных в составе правительства 2021–2025 гг., особенно на внешнеполитическом треке, была направлена на усиление роли ФРГ в решении военных конфликтов (самостоятельно и в составе НАТО), на усиление Североатлантического альянса, повышение веса Бундесвера как «миротворческой армии», разрешение использовать немецкое оружие для «борьбы за права человека» и против авторитарных режимов. После ухода в оппозицию по результатам досрочных федеральных выборов 2025 г. конфронтационная политическая линия партии сохранилась. На сегодняшний день можно констатировать полный отход Союза 90 / Зелёных от принципов пацифизма и ненасилия во внешней политике, лежащих в основе зелёной идеологии как таковой.

Ключевые слова: Союз 90 / Зелёные, Германия, Петра Келли, Йошка Фишер, Анналена Бербок, «партия мира», «партия войны», пацифизм, Бундестаг, Бундесвер

УДК: 329.17:327.56(430)

Поступила в редакцию: 21.08.25

Принята к публикации: 01.11.25

23 февраля 2025 г. в ФРГ состоялись досрочные выборы в Бундестаг, что было связано с распадом правящей «светофорной» коалиции, сформированной по итогам очередных федеральных выборов 26 сентября 2021 г. Коалиция, названная по политическим цветам партий-участниц (красный, зелёный, желтый), состояла из Социал-демократической партии Германии (СДПГ)¹, «Союза 90/Зелёных»² и либеральной Свободной демократической партии (СвДП)³. На протяжении всего периода деятельности «светофорного» правительства (с 10 декабря 2021 г. по 5 мая 2025 г.) обстановка в структурах власти была напряжённой, характеризовалась противоречиями и непрерывной борьбой во всех сферах – по вопросам экономики, социальной, внутренней и внешней политики. Это не только препятствовало эффективной работе правительства, но и портило его имидж в глазах избирателей.

5 ноября 2024 г. федеральный канцлер Олаф Шольц (СДПГ) освободил от должности министра финансов Кристиана Линднера (СвДП) – формально по причине разногласий в ходе обсуждения вопросов бюджета и реформ. Вслед за этим СвДП отозвала из правительства всех своих министров (юстиции, транспорта, научных исследований и образования). Это и означало фактический распад «светофорной» коалиции: оставшийся после ухода либералов красно-зелёный альянс потерял большинство в Бундестаге. 11 декабря О. Шольц направил письменный запрос парламенту о вотуме доверия правительству⁴. 16 декабря Бундестаг выразил недоверие действующему кабинету министров, что открыло путь к досрочным федеральным выборам⁵.

Данная статья посвящена анализу идеологической и политической трансформации Зелёных из «партии мира», которой они были изначально, в «партию войны», которой они стали к настоящему времени. Цель работы – выявить причины этой трансформации, установить взаимосвязь между политическими императивами и идеологией Зелёных, проанализировать последствия изменений для самой партии и для Германии в целом.

Термин «пацифизм» используется автором в значении идеологии, постулирующей самоценность мира и неприемлемость войны, а также любого вооружённого насилия. В этом значении он противопоставляется идеологии «справедливой войны» – войны, допустимой при определённых условиях.

Автор использует ретроспективный и системный анализ. Метод ретроспективного анализа подразумевает исследование политических явлений и процессов в динамике, в исторической ретроспективе, что помогает выявить

¹ Sozial-Demokratische Partei Deutschlands (SDP).

² Bündnis 90 / Die Grünen.

³ Freie Demokratische Partei (FDP).

⁴ Вопрос о доверии может быть поставлен только самим канцлером.

⁵ Regierungsjahre in der Ampel-Koalition 2021–2025. Grüne Geschichte. Bündnis 90. Die Grünen. URL: <https://www.gruene.de/unser-gruene-geschichte> (accessed 21.11.2025).

причинно-следственные связи и проследить эволюцию политических институтов и процессов. Метод системного анализа основан на представлении о политике как о целостной системе, состоящей из взаимосвязанных элементов. В данной статье анализ деятельности партии проводится, исходя из её места в политической системе ФРГ: рассматриваются программные документы партии, её электоральная деятельность, деятельность в системе власти, влияние на принятые законы и политические решения.

Темы, близкие к теме данной статьи, разрабатываются в последние годы в работах ряда отечественных и зарубежных исследователей. Среди отечественных учёных можно выделить В. Дамье, которому принадлежит одна из первых работ о генезисе пацифизма и идеологических корней немецких Зелёных (Дамье 2014). Роль партии в политической жизни Германии исследуется в статье В.В. Пушкарёвой (Пушкарёва 2020). Концепции и подходы во внешней политике «Союза 90/Зелёных» в составе «светофорной» коалиции и «светофорного» правительства 2021–2025 гг. анализируются в статьях А.П. Соколова и С.Е. Проценко (Соколов, Проценко 2024). Трансформация идеологии Зелёных с момента их возникновения до наших дней, а также эволюция идеологии Европейского зелёного движения (включая ФРГ), его институционализация и политическое развитие подробно анализируются в более ранних работах автора данной статьи (Ровинская 2019; 2021; 2023).

Среди зарубежных исследователей проблемы внешнеполитической деятельности Союза 90 / Зелёных широко освещаются в работах учёного и публициста А. Рара⁶ в контексте российско-германских отношений. Б. Рэтбан развенчивает «миф о немецком пацифизме», анализируя послевоенную внешнюю политику ФРГ (Rathbun 2006). Д. Анан предлагает анализ обновлённой Программы принципов партии 2020 г. (Анан 2021). Трансформация идеологии Зелёных от пацифизма к «реалполитик» в духе милитаризма рассматривается в работах К. Шлегер⁷ и Дж. Йоффе⁸. В работе К. Тайхерта и К.Венгелера подробно исследуется аргументация, используемая «Союзом 90/Зелёными» для обоснования своего отхода от пацифистской идеологии, допущения и оправдания военного вмешательства в гуманитарных целях и для «борьбы с агрессией» – от Боснийской войны 1992–1995 гг. до «Украинской войны» с 2022 г. (Teichert, Wengeler 2024). А. Хек анализирует позиции различных партий (в том числе Зелёных) в ходе

⁶ Рар А. 2021. «Зелёный фундаментализм» Германии: в чём угроза новой идеологии, объединяющей немцев. ОЧН. 11.09. URL: <https://www.osnmedia.ru/opinions/zelyonyj-fundamentalizm-germanii-v-chem-ugroza-novoj-ideologii-obedinyayushhej-nemtsev/> (дата обращения: 21.11.2025); Селимова Ф. Александр Рар: Шольц попал под влияние «Зелёных». *Независимая газета*. 11.11.2024. URL: https://www.ng.ru/world/2024-11-11/6_8132_germany.html (дата обращения: 21.11.2025).

⁷ Schlaeger C. 2022. The Green Transition – from Pacifism to Realpolitik. *Ips-Journal*. 21.07. URL: <https://www.ips-journal.eu/topics/foreign-and-security-policy/the-green-transition-from-pacifism-to-realpolitik-6079/> (accessed 21.11.2025).

⁸ Joffe J. 2022. Germany's green pacifism goes to war. *The Strategist*. 19.08.2022. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/germanys-green-pacifism-goes-to-war/> (accessed 21.11.2025).

дебатов 2021–2023 гг. в немецком Бундестаге по вопросу легитимности военной поддержки Украины в контексте переосмысления геополитической роли Германии (Hesk 2025). В сборнике, изданном Европейским зелёным фондом в 2024 г., приведены различные подходы экологических партий Западной Европы (как общие позиции, так и разногласия) к вопросам войны и мира, методам достижения и поддержания мира (особенно использования вооружений и военной техники) после февраля 2022 г., а также совместимости традиционных пацифистских идеалов зелёных с реальностью угроз безопасности⁹.

Необычный взгляд на проблему представлен в работе К.Н. Брауна, где проводятся параллели между подходами немецкой партии Зелёных и католической церкви. Автор отмечает, что в обоих случаях принятие политической власти, «бремени государственного управления», приводит прежде пацифистские движения к принятию концепции «справедливой войны», и это происходит волнообразно в исторической ретроспективе (Braun 2022).

Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что автор рассматривает идеологические метаморфозы немецких Зелёных хронологически, через призму изменений содержания основных концептуальных и программных документов партии в вопросах войны и мира на протяжении всего периода её существования. Благодаря такому подходу просматривается четкая хронологическая линия поэтапного отступления Зелёных ФРГ от пацифизма – одного из основополагающих принципов европейского и всемирного Зелёного движения. Автору удалось установить, что идеологически отход партии от принципа пацифизма произошёл позднее, чем в области «реалполитик»: политически выгодный образ миротворца долгое время сохранялся в декларативной форме – вопреки реальным действиям (а в последние годы – и словам) представителей Зелёных во власти.

Принципы пацифизма и ненасилия в идеологических метаморфозах немецких Зелёных

Официальная история немецких Зелёных как партии началась с момента создания единой западногерманской партии Зелёных (*Die Grünen*)¹⁰ в январе 1980 г. Четырьмя основополагающими идеологическими столпами, закреплёнными в первой «Программе принципов» («Федеральной программе») 1980 г., были: «экологический», «социальный», «базисная демократия» и «ненасилие»¹¹. С 1983 г. по 1990 г. партия была представлена в Бундестаге.

⁹ Grüne Ansätze für Sicherheit und Verteidigung. 2024. *Green European Foundation*. URL: <https://gef.eu/wp-content/uploads/2024/04/GEF-SD-GRIP-DE-web.pdf> (accessed 21.11.2025).

¹⁰ Сайт партии: <https://www.gruene.de>

¹¹ Das Bundesprogramm. *Bündnis 90/Die Grünen*. URL: https://cms.gruene.de/uploads/assets/1980_Grundsatzprogramm_Die_Gruenen.pdf (accessed 21.11.2025).

Одна из создателей и главных идеологов западногерманской партии Зелёных Петра Келли и её соратники предложили концепцию «зелёной альтернативы» (Евдокимова 2019), в основе которой лежали либерально-демократические принципы и идеи глобализации. Главными задачами в тот период были решение экологических проблем и борьба против ядерной угрозы. Однако воплощение «зелёной альтернативы» в жизнь считалось возможным только ненасильственным путём. Базовыми идеологическими принципами Зелёных стали «гражданское неповиновение», принцип ненасилия и свобода от блоковой политики: мир рассматривался как единое целое, без границ (Kelly 1983: 12). Одной из важнейших практических задач депутаты Бундестага от Зелёных считали в то время предотвращение наращивания вооружения и расформирование двух военных блоков – НАТО и Варшавского договора¹². На заседаниях Бундестага П. Келли, используя свой депутатский мандат, открыто критиковала правительство за поставки немецкого оружия третьим странам, считая это соучастием в военных конфликтах. Она поднимала вопросы о двойных стандартах в политике, декларативном миролюбии и политическом лицемерии федерального правительства, о жертвах нацизма и нарушении прав человека¹³.

После воссоединения Германии и победы восточногерманского партийного альянса «Союз 90/Зелёные – Гражданское движение»¹⁴ на первых общегерманских выборах в Бундестаг (2 декабря 1990 г.) произошло объединение восточных и западных Зелёных в единую общегерманскую партию Зелёных (*Die Grünen*) 3 декабря 1990 г. Она позиционировала себя как «экологическая партия реформ» и относилась к левому флангу политического спектра, однако не была однородной: постепенно внутри Зелёных начался раскол на два противоборствующих крыла – «(эко)фундаменталистов» («идеалистов») и «реалистов».

В ноябре 1992 г.¹⁵ общегерманская партия Зелёных объединилась с Союзом 90¹⁶ в единую партию *Союз 90 / Зелёные*¹⁷, которая действует и по сей день. В новом названии была закреплена социально-экологическая направленность объединённой партии: в сферу её политических интересов теперь входили не только экологические, но и социальные проблемы, вопросы экономики, внутренней и внешней политики. Новая Программа принципов 1993 г. («Основополагающий консенсус»)¹⁸ соединила главные принципы Зелёных и Союза 90;

¹² Petra Kelly. *Bundesstadt Bonn*. URL: <https://www.bonn.de/themen-entdecken/soziales-gesellschaft/bonner-frauenorte/petra-kelly.php> (accessed 21.11.2025).

¹³ Stenographischer Bericht. 234. Sitzung. Bonn, Mittwoch, den 31. Oktober 1990. *Deutscher Bundestag*. S. 18753–18754. 31.10.1990. URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/11/11234.pdf> (accessed 21.11.2025).

¹⁴ Bündnis 90 / Grüne – BürgerInnenbewegung.

¹⁵ Подписанный ими договор об ассоциации был окончательно утверждён к апрелю 1993 г.

¹⁶ «Альянс стратегического партнёрства 90» (Bündnis 90) – союз трёх некоммунистических правозащитных групп активистов («Новый форум», «Демократия сейчас», «Инициатива за мир и права человека») в Восточной Германии, образованный в феврале 1990 г.

¹⁷ Bündnis 90 / Die Grünen.

¹⁸ Grundkonsens von Bündnis 90 / Die Grünen. *Bündnis 90 / Die Grünen*. URL: <https://cms.gruene.de/uploads/assets/Grundkonsens-1.pdf> (accessed 21.11.2025).

она была ориентирована на социальную рыночную экономику и изменившуюся международную ситуацию после окончания Холодной войны¹⁹. Во внешней политике Зелёные придерживались в то время своей традиционной пацифистской линии и поэтому выступили против военного присутствия Германии в Боснии в период Боснийской войны (1992–1995 гг.): «Международное обеспечение прав человека не должно осуществляться военными средствами»²⁰.

Вскоре первоначальная идеология служения высоким идеалам уступила место политическому реализму. После ухода П. Келли из руководства партии и затем её гибели в 1992 г. лидером Зелёных стал представитель крыла «реалистов» Йюшка Фишер, который в 1983 г. в числе первых зелёных был избран в Бундестаг: это произошло на волне общественных протестов против размещения в Западной Европе американских баллистических и крылатых ракет. С приходом Фишера в руководство партии в её идеологии и политической деятельности началась «эпоха реализма»: идейность и бескомпромиссность уступили место «политической гибкости». Партия постепенно отошла от стратегии «гражданского экологизма»²¹, а также от жёсткой антиатомной и пацифистской позиции. Й. Фишер поддерживал военное сотрудничество Германии со странами Запада – первоначально только в рамках ЕС, а не НАТО. В 1994 г. партия благодаря новой стратегии вернулась в Бундестаг, где стала третьей по численности фракцией после Христианско-демократического Союза / Христианско-социального Союза (ХДС/ХСС)²² и СДПГ (хотя и с большим отрывом)²³. Под руководством Фишера Зелёные перестали играть роль радикальной оппозиции, сместились к «левому центру» политического спектра и «обуржуазились».

По результатам выборов в Бундестаг 1998 г., Союз 90 / Зелёные сформировали красно-зелёную коалицию с СДПГ и получили ряд министерских постов в новом правительстве. В частности, Й. Фишер стал министром иностранных дел, представителем канцлера в правительстве, а также президентом Совета ЕС. В 1999 г. он уже в качестве министра иностранных дел ФРГ выступил за проведение военной операции НАТО против Югославии во время Косовской войны, нарушив тем самым сохранявшуюся до тех пор пацифистскую традицию Зелёных. Впервые со времени окончания Второй мировой войны немецкие вооружённые силы приняли участие в военном конфликте. Несмотря на острый внутрипартийный конфликт вокруг этого вопроса, решение о военном участии было принято большинством голосов на съезде в Билефельде (май 1999 г.).

¹⁹ Politische Grundsätze. *Bündnis 90 / Die Grünen*. URL: https://web.archive.org/web/20120122050508/http://www.boell.de/downloads/stiftung/1993_Grundsatzprogramm.pdf (accessed 21.11.2025).

²⁰ Grüne Chronik – von 1977 bis heute (Regierungsbeteiligung auf Bundesebene: 1999–2002). *Grüne Geschichte. Bündnis 90 / Die Grünen*. URL: <https://www.gruene.de/unsere-gruene-geschichte> (accessed 21.11.2025).

²¹ От англ. Grassroots Environmentalism – экологизм с акцентом на массовое общественное участие в решении острых экологических проблем, часто на местном уровне.

²² Christlich-Demokratische Union / Christlich-Soziale Union (CDU/CSU).

²³ Ergebnisse der Bundestagswahlen. *Bundestag*. URL: <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm> (accessed 21.11.2025).

И вскоре, в ноябре 2000 г., 80% делегатов очередного партийного съезда поддержали решение правительства об использовании немецких вооружённых сил в Афганистане «для борьбы с международным терроризмом и новых перспектив мирной политики»²⁴. *Де-факто Зелёные перестали быть «партией мира» именно в 1998–1999 гг., когда впервые вошли в правительство и поддержали войну в Косово. Однако в программных документах и публичных заявлениях они продолжили эксплуатировать образ миротворцев.*

Разработанная в начале 2000-х Программа принципов «Зелёное будущее» (2002 г.)²⁵ закрепляла социально-экологическую идеологию и во многом повторяла идеологемы и принципы ранних Зелёных-идеалистов (которые, однако, всё менее соответствовали «реалполитик»). В документе подчёркивалось, что внешняя политика партии развивалась на основе традиций движения за мир, солидарности Севера и Юга и движений за права человека. Партия ратует за всеобъемлющее разоружение, «внутренний и внешний мир», ненасильственное разрешение конфликтов; поддерживает становление нового международного порядка, основанного на «правах человека, экологических, социальных, демократических, мирных и либеральных стандартах», выступает против «гегемонии одного региона мира или одной группы государств над другими»²⁶.

В связи с кардинальным изменением международной ситуации в контексте глобализации роль Германии в Европе и мире «должна быть переопределена», и Берлину следует взять на себя бóльшую ответственность за судьбу мира, повлияв на процесс неолиберальной глобализации в пользу более справедливого её варианта. Утверждалось, что, в частности, «глобализация нестабильности»²⁷ находит своё наиболее яркое выражение в транснациональном терроризме, не знающем границ, потоке стрелкового оружия и распространении оружия массового уничтожения. Европа в силу её исторического опыта несёт особую ответственность за обеспечение всеобъемлющей и общей безопасности, справедливого мира, но исключительно политическими и дипломатическими методами.

В разделе «Глобализация и мир»²⁸ говорилось, что после окончания конфронтации между Востоком и Западом основная модель вооружённого насилия изменилась: акцент сместился на внутригосударственные и региональные насильственные конфликты и войны. После этапа разоружения 1990-х гг. мир переживает новый всплеск наращивания вооружений и кризис многостороннего контроля над вооружениями. Возрождение военных интересов и политики

²⁴ Op. cit. Grüne Chronik – von 1977 bis heute.

²⁵ Принята 15–17 марта 2002 г. в Берлине после трёхлетних дебатов взамен так называемой «Саарбрюкенской программы» 1980 г. Die Zukunft ist grün. Grundsatzprogramm von Bündnis 90 / Die Grünen. *Bündnis 90 / Die Grünen*. URL: <https://cms.gruene.de/uploads/documents/Grundsatzprogramm-2002.pdf> (accessed 21.11.2025).

²⁶ Op. cit. Die Zukunft ist grün. S. 143.

²⁷ Op. cit. Die Zukunft ist grün. S. 150.

²⁸ "Globalisierung und Frieden".

силы грозит возвращением к праву сильного в международных отношениях. Планы США по перевооружению, с точки зрения Зелёных тех лет, направлены на достижение глобальной военной гегемонии. Результатом этого становится не укрепление безопасности, а масштабная трата ресурсов и разжигание беспорядков и насилия в мире. Применение военной силы всегда означает страдания и разрушения и остаётся «великим злом, независимо от его целей»²⁹.

Зелёные в тот период отвергали идею превращения военного сотрудничества в рамках НАТО в «инструмент глобального управления, конкурирующий с ООН», заявляли о необходимости противодействовать опасности потенциального дисбаланса, создаваемого военным альянсом, выступали против миссий НАТО, направленных на обеспечение «национальных интересов» (таких, как поставки сырья и сохранение торговых путей) или на поддержку традиционной гегемонистской политики, а также против участия бундесвера в подобных миссиях. В связи с этим партия ратовала за постепенную отмену в Германии воинского призыва³⁰.

После выборов в бундестаг 2005 г. рейтинг Союза 90 / Зелёных постепенно снижался: если по итогам выборов 1998 и 2002 гг. партия занимала третье место, то в 2005 и 2009 гг. – последнее пятое, в 2013 г. – последнее четвёртое, в 2017 г. – последнее шестое³¹. Соответственно, ни в 2005-м, ни в 2009-м, ни в 2013-м, ни в 2017 г., по результатам федеральных выборов, Зелёные не вошли в правительство и оставались оппозиционной силой в бундестаге, однако сумели улучшить своё положение на региональном уровне и были широко представлены в бундесрате³² (как члены коалиционных правительств федеральных земель).

В оппозиционный период Зелёные обновили свою идеологическую программу: в 2014 г. был принят концептуальный документ под названием «Зелёный прорыв 2017»³³, содержащий цели и задачи на предстоявших выборах в бундестаг (2017 г.). Себя Зелёные обозначали как «прогрессивную силу левого центра», которая готова выступать «партнёром и адвокатом всех сил, работающих ради общего будущего»³⁴. В документе отмечалось, что во времена международных кризисов, войн и эпидемий Германия сталкивается «с особыми вызовами в области политики мира». Своей безусловной заслугой Зелёные считали отмену всеобщей воинской повинности в Германии (1 июля 2011 г.), которой они активно добивались.

²⁹ Op. cit. Die Zukunft ist grün. S. 160.

³⁰ Op. cit. Die Zukunft ist grün. S. 162.

³¹ Op. cit. Ergebnisse der Bundestagswahlen.

³² Федеральный законодательный орган, представляющий 16 федеральных земель ФРГ.

³³ Grüner Aufbruch 2017: Eigenständig und auf Grundlage unserer Werte. *Bündnis 90 / Die Grünen*. 38. Ordentliche Bundesdelegiertenkonferenz Hamburg, 21.–23. November 2014. URL: https://cms.gruene.de/uploads/documents/Gruener_Aufbruch_2017.pdf (accessed 01.09.2025).

³⁴ Op. cit. Grüner Aufbruch 2017. S. 87.

Предвыборная программа 2017 г. «Будущее создаётся мужеством»³⁵ включала традиционные для партии экологические, социальные и политические цели. Отдельный раздел под названием «Мы выступаем за мир, глобальную справедливость и права человека»³⁶ был посвящён проблемам внешней политики, в том числе вопросам войны и мира. В нём утверждалось, что в современном глобализированном мире внешняя и внутренняя политика тесно взаимосвязаны. Экономическая, финансовая, торговая, сельскохозяйственная и экспортно-оружейная политика больше не должны подрывать цели устойчивого развития – мир, права человека и глобальную справедливость. Мировые проблемы можно решить только сообща, поскольку они трансграничны. При этом партия ставит во главу угла демократические ценности и решительно осуждает тот факт, что авторитарные режимы во многих странах эти ценности попирают. Такие режимы (к которым причислены Россия, Китай, Египет, а также Турция), не могут считаться союзниками, их нельзя поддерживать в политическом и военном отношении³⁷.

В Программе отмечалось, что основой внешней политики – политики безопасности, мира и развития – являются права человека и международное право: «сила права вместо права сильного». В случае победы на выборах Зелёные обещали укреплять международное право, содействовать более тесному многостороннему сотрудничеству и предотвращению гражданских кризисов, – прежде всего в рамках ООН, ЕС и ОБСЕ. Германия и ЕС должны взять на себя большую ответственность за формирование мирного, справедливого мирового порядка, содействовать предотвращению вооружённых конфликтов, прекращению наращивания вооружений.

Тесное международное сотрудничество является гарантией международной безопасности. В этом контексте «важным трансатлантическим связующим звеном» представлена НАТО, играющая «ключевую роль в обеспечении общей безопасности в Европе». Зелёные вознамерились преобразовать альянс таким образом, чтобы он мог «вносить более весомый вклад в обеспечение безопасности также на основе сотрудничества с третьими сторонами» (а не только внутри блока). Большое значение придавалось диалогу в Совете Россия – НАТО³⁸. *Партийная программа к выборам 2017 г. в вопросе о роли НАТО принципиально отличалась от более ранних программных документов партии, где акцент делался на внеблоковой политике и исключалось сотрудничество в рамках военного альянса.*

³⁵ Zukunft wird aus Mut gemacht. Bündnis 90 / Die Grünen. URL: https://cms.gruene.de/uploads/assets/BUENDNIS_90_DIE_GRUENEN_Bundestagswahlprogramm_2017_barrierefrei.pdf (accessed 21.11.2025).

³⁶ "Wir stehen ein für Frieden, globale Gerechtigkeit und Menschenrechte" (C. Welt im Blick, II.).

³⁷ Op. cit. Zukunft wird aus Mut gemacht. S. 80.

³⁸ Op. cit. Zukunft wird aus Mut gemacht. S. 80.

Отдельный раздел документа был посвящён экспорту оружия, разоружению и контролю над вооружениями. Продажа оружия и военной техники в регионы, где происходят кризисы и конфликты, усугубляет их вместо того, чтобы сдерживать и разрешать. Это объясняется, с точки зрения Зелёных, экономическими интересами отдельных компаний, которые в балансе интересов правительства Германии преобладают над стремлением к предотвращению кризисов и урегулированию конфликтов. Этому необходимо положить конец, в связи с чем партия заявила о намерении принять новый юридически обязательный и ограничительный закон об экспорте оружия, который обеспечит соблюдение строгих критериев и жёстких ограничений в торговле всей военной техникой. Так, экспорт оружия в государства за пределами Евросоюза, НАТО и стран, приравненных к НАТО, может осуществляться лишь в крайне редких, оправданных случаях и только в рамках Устава ООН. Продажа оружия в зоны конфликтов и страны, где происходят серьёзные нарушения прав человека, должна быть полностью запрещена законом. Глобальное разоружение должно стать краеугольным камнем внешней политики Германии и Европы, особенно в беспокойные времена. Партия выступила также за полное ядерное разоружение и против самостоятельного ядерного вооружения ЕС. Отдельно было заявлено о недопустимости использования США и другими государствами военных баз в Германии для атак, нарушающих международное право³⁹.

Применение военной силы как таковой Зелёные по-прежнему расценивали как зло и призывали к соблюдению «культуры военной сдержанности». Допускалось, что в некоторых ситуациях при строго ограниченных обстоятельствах военная сила может быть оправдана как крайняя мера, однако монополия на её применение должна принадлежать ООН в строгом соответствии с целями и задачами Организации. ООН должна восстановить свою дееспособность в разрешении конфликтов. Важную роль в этом должно играть международное правосудие – Генеральная Ассамблея ООН и Международный уголовный суд. Прочный мир можно достичь лишь политическим, а не военным путём. Партия заявила о намерении увеличить гражданский и военный вклад Германии в миротворческие миссии ООН, ЕС и ОБСЕ для управления конфликтами и поддержания мира во всем мире. Для этого должен быть хорошо оснащён бундесвер, который в документе назван «парламентской армией»⁴⁰.

Перед федеральными выборами 2017 г. партия активно разыгрывала внешнеполитическую карту, и впервые доминирующим в избирательной кампании стал фактор России. Зелёные даже солидаризировались со своими традиционными политическими противниками – ХДС/ХСС – в части призывов к ужесточению санкций против РФ из-за её действий в Сирии и на Украине (в контексте

³⁹ Op. cit. Zukunft wird aus Mut gemacht. S. 83–84.

⁴⁰ Op. cit. Zukunft wird aus Mut gemacht. S. 85–87.

событий 2013–2014 гг. и присоединения Крыма к России)⁴¹. В дальнейшем анти-российская риторика только нарастала: задолго до конфликта 2022 г. лидеры Зелёных Роберт Хабек и Анналена Бербок высказывались резко против запуска нового газопровода «Северный поток – 2» из РФ, ссылаясь как на экологические⁴², так и на политические причины⁴³. Они обвиняли Кремль в «газовом шантаже» и рекордном росте цен на газ в Европе, призывали к ужесточению анти-российских санкций, передаче немецкого оружия Украине для «восстановления территориальной целостности»⁴⁴.

В 2020 г., в честь 40-летнего юбилея крыла Зелёных и 30-летнего юбилея крыла Союз 90, была обновлена⁴⁵ Программа принципов, получившая название «...Уважать и защищать...». Изменения создают стабильность⁴⁶. Она сохранила социально-экологическую направленность: человек, его права и свободы остаются в центре внимания, главные ценности сформулированы как «экология, справедливость, самоопределение, демократия и мир». Во многом документ повторял тезисы Программы принципов 2002 г., но с учётом новых вызовов. Одним из ключевых принципов остаётся принцип ненасилия, и это не просто отсутствие физического насилия, а целостная «культура ненасилия» во внешней и внутренней политике, направленная на «преодоление института войны в долгосрочной перспективе». Соответственно, понятие «мир» также трактуется более системно, чем просто отсутствие войны.

В обновлённой Программе снова была отмечена важность международного сотрудничества и солидарности на пути к заявленным целям, подчёркивалась главенствующая роль ООН, которая должна соответствовать вызовам времени. Поставлена цель вовлечь в этот процесс новые страны, включая новую сверхдержаву – Китай. Объединённая Европа, задуманная как мирный проект, несёт свою долю ответственности за мир во всём мире и за распространение демократических ценностей в пику «авторитарному национализму». Конечной целью является построение миропорядка на основе международных институтов, который гарантирует мир, справедливость и свободу.

Важнейшими столпами любой мирной политики признаются разоружение, контроль над вооружениями и нераспространение. Применение военной силы несёт большие человеческие страдания, поэтому необходимы превентивные методы разрешения конфликтов. К таковым относятся миротворческие

⁴¹ Немцы Зелёные настаивают на сохранении санкций против РФ. 2017. *Deutsche Welle*. 02.11. URL: <http://www.dw.com/ru/немцы-зелёные-настаивают-на-сохранении-санкций-против-рф/a-41208749> (accessed 21.11.2025).

⁴² Необходимость скорейшего отказа от угля, нефти и газа в пользу возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

⁴³ Снижение энергетической зависимости от России.

⁴⁴ До 24 февраля 2022 г. речь шла о статусе Крыма и Донбасса.

⁴⁵ В последний раз Программа принципов редактировалась за 20 лет до этого события – в начале 2000-х гг. (см. выше).

⁴⁶ «... Zu achten und zu schützen...» Veränderung schafft Halt». *Bündnis 90 / Die Grünen*. URL: https://cms.gruene.de/uploads/assets/20200125_Grundsatzprogramm.pdf (accessed 21.11.2025).

миссии – в первую очередь ООН, но также ЕС и НАТО. В этих миссиях должен участвовать бундесвер, который назван «необходимым средством международной политики безопасности»⁴⁷. *Иными словами, в обновлённой программе Принципов на уровне идеологии закреплена новая роль немецких вооружённых сил в контексте международной безопасности, а НАТО фактически приравнена к ООН и ЕС в праве на осуществление миротворческих миссий.*

Программа «Германия. Всё включено»⁴⁸ к выборам в бундестаг 2021 г. в части внешней политики и политики безопасности воспроизводила основные постулаты Программы принципов 2020 г., но предлагала ряд дополнительных тезисов. В разделе «Мы выступаем за мир и безопасность»⁴⁹ подчёркивалась особая миссия Германии: страна «должна стать движущей силой в политическом урегулировании конфликтов и управлении гражданскими конфликтами на глобальном уровне».

Речь шла о важности вмешательства в конфликты на ранних стадиях и недопущении их перерастания в вооружённые конфликты, о поддержке международных гражданских и военных миссий в рамках ООН. Отмечалось, что применение военной силы в качестве крайней меры, когда все другие варианты (санкции, эмбарго) исчерпаны, может быть необходимо в некоторых ситуациях для предотвращения геноцида и создания возможности для политического решения конфликта. Вмешательство в суверенные дела государства или в ситуации, когда государственный суверенитет отсутствует, требует мандата ООН. Кроме того, партия заявила о намерении работать в направлении укрепления региональных и государственных структур по предотвращению и разрешению конфликтов.

В Программе говорилось, что НАТО находится в глубоком кризисе, страдает от внутреннего расхождения интересов в области политики безопасности. У блока отсутствует чёткая стратегическая перспектива. Тем не менее НАТО, наряду с ЕС, остаётся «незаменимым игроком, способным гарантировать общую безопасность Европы». ЕС должен нести ответственность за собственную безопасность и оборону совместно со своими международными партнёрами. ОПБО требует проведения общей внешней политики ЕС. Необходимо создать Европейский союз безопасности с сильным парламентским надзором и общей ограничительной политикой экспорта вооружений, предусматривающей строгие правила и подлежащие принудительному исполнению санкции. Вместо того чтобы направлять всё больше средств в параллельные национальные военные структуры, необходимо расширять сотрудничество вооружённых сил ЕС, объединять военный потенциал, устранять пробелы путём консолидации

⁴⁷ Op. cit. Zu achten und zu schützen. S. 107.

⁴⁸ Deutschland. Alles ist Drin. *Bündnis 90 / Die Grünen*. URL: https://cms.gruene.de/uploads/assets/Wahlprogramm-DIE-GRUENEN-Bundestagswahl-2021_barrierefrei.pdf (accessed 21.11.2025).

⁴⁹ “Wir treten ein für Frieden und Sicherheit”.

европейского сектора вооружений. Совместные зарубежные миссии ЕС должны более пристально контролироваться Европейским парламентом. При этом Зелёные выступили против перенаправления на военные цели бюджетных средств ЕС, ранее предназначавшихся исключительно для гражданских целей.

Вооружённые действия бундесвера за рубежом должны быть встроены в систему взаимной коллективной безопасности. Германия должна иметь возможность полагаться на своих союзников, а союзники – на Германию. Из этого следует, что бундесвер должен быть надёжно оснащён личным составом и материальными средствами, а также оптимально организован в соответствии со своей миссией и задачами. Отмечается, что человеконенавистнические идеологии и правоэкстремистское поведение никоим образом не совместимы с миссией бундесвера и обязанностями его военнослужащих. Партия отвергает вербовку несовершеннолетних и использование вооружённых сил внутри страны, надеется положить конец добровольной военной службе в сфере внутренней безопасности⁵⁰.

В вопросе разоружения закреплялся тезис о необходимости возрождения контроля над обычными вооружениями с учётом растущих военных рисков в Европе. Начать предлагалось с мер по деэскалации в зонах конфликтов, а также возобновления диалога по вопросам безопасности и военных контактов между НАТО и Россией. Охватить предполагалось также все страны за пределами Европы, особенно Китай. Партия отвергает размещение новых ракет средней дальности на Европейском континенте. Основной её целью в этой области остаётся создание мира, свободного от ядерного оружия. В частности, Германия должна быть свободна от ядерного оружия и присоединиться к Договору ООН о запрещении ядерного оружия, проявить инициативу по реанимации соответствующих договоров между США и Россией. Важным моментом было заявление о том, что в предстоящий законодательный период партия намерена инициировать международную инициативу по сокращению количества ядерного оружия, отказ НАТО от любого первого удара и широкое общественное обсуждение устаревших доктрин сдерживания времён Холодной войны.

В документе повторялись тезисы предыдущих программ о недопустимости экспорта немецкого оружия в зоны конфликтов и военным диктатурам. Отдельно отмечалось при этом, что союзники ФРГ часто используют вооружённые беспилотники для «внесудебных убийств и других действий, противоречащих международному праву». Такое использование немыслимо для Зелёных и несовместимо с конституционным и военным законодательством Германии.

В разделе «Мы работаем над хорошими отношениями в многополярном мире»⁵¹ отдельный параграф посвящён отношениям с Россией. Утверждалось, что РФ «всё больше превращается в авторитарное государство, чья внешняя

⁵⁰ Op. cit. Deutschland. Alles ist Drin. S. 252–253.

⁵¹ “Wir arbeiten an guten Beziehungen in einer multipolaren Welt”.

политика, осуществляемая военными и гибридными методами, всё более агрессивно угрожает демократии, стабильности и миру в ЕС, и общим соседям». В то же время Зелёные готовы поддерживать «мужественное гражданское общество, которое бросает вызов всё более жёстким репрессиям Кремля и борется за права человека, демократию, верховенство закона и сексуальное самоопределение». Партия поддерживает введённые ЕС санкции против РФ за «незаконную аннексию Крыма и военные действия на Украине» и готова при необходимости уже сточать их. Отдельно говорится о проекте газопровода «Северный поток – 2», который «не способствует защите климата, преднамеренно направлен против энергетических и геостратегических интересов Европейского союза, ставит под угрозу стабильность Украины и поэтому должен быть остановлен». Вместе с тем необходим конструктивный диалог с Россией по вопросам климата, на каждом этапе которого должны соблюдаться права человека⁵².

Особый интерес в свете дальнейших событий представляет также параграф «Ближний и Средний Восток», где говорится, что «мир, безопасность и достойные условия жизни для всех людей на Ближнем Востоке являются центральными задачами внешней политики и политики безопасности Германии, особенно в целях достижения прочного мира между израильянами и палестинцами. Безопасность Государства Израиль является частью государственного смысла Германии. Существование и безопасность Израиля как национального очага еврейского народа с равными правами для всех его граждан не подлежат обсуждению». Партия выступает за сохранение тесных германо-израильских отношений, осуждает сохраняющуюся угрозу Государству Израиль и его суверенитету в соседних с ним районах, а также террор против его населения. Зелёные поддерживают выборы, процесс демократизации и создание правовых структур на палестинских территориях. В этом вопросе Европа должна тесно координировать свои действия с новой администрацией США⁵³.

Для анализа рассматриваемой в статье идеологической трансформации партии Союз 90 / Зелёные интересен также раздел Программы под названием «Мы защищаем права человека»⁵⁴, поскольку он отчасти касается некоторых вопросов «войны и мира». Так, в нём затрагивается тема военных преступлений и ответственности за них. Преступления против человечности, геноцид и военные преступления не должны оставаться безнаказанными: это является «символом справедливости для жертв, сигналом сдерживания и предпосылкой для мира и примирения». На международном уровне партия выступает за долгосрочную финансовую поддержку организаций гражданского общества и налаживание связей между ними, а также за политическое и финансовое укрепление

⁵² Op. cit. Deutschland. Alles ist Drin. S. 229–230.

⁵³ Op. cit. Deutschland. Alles ist Drin. S. 231–232.

⁵⁴ “Wir verteidigen die Menschenrechte”.

Международного уголовного суда и других институтов – таких, как Механизм ООН по расследованию и судебному преследованию за тяжкие военные преступления в Сирии (МРСП)⁵⁵.

Перед выборами 2021 г. Союз 90 / Зелёные снова разыграли российскую карту: был отретуширован образ врага, предвыборная риторика вновь (как и в 2017 г.) носила жёсткий антироссийский характер. Тем самым партия загнала себя в ловушку, поскольку последующие события потребовали от неё решительных действий в соответствии с предвыборными посылами. После выборов 2021 г. между Зелёными и социал-демократами как партнёрами по правящей коалиции возникли серьёзные разногласия, в особенности по вопросам энергетики и внешней политики. Так, СДПГ и вновь избранный федеральный канцлер Олаф Шольц поддерживали «Северный поток – 2», считая его важным экономическим проектом, необходимым для немецкой экономики. Р. Хабек и А. Бербок называли этот проект политическим и неприемлемым с точки зрения усиления зависимости Германии от России.

Коалиционный договор «Отважиться на большой прогресс»⁵⁶, представленный 24 ноября 2021 г., в целом, интересен тем, что прописанная в нём внешнеполитическая доктрина основана на «особой ответственности Германии за Европу и мир». Европа объявлена цитаделью «мира и процветания», решительно защищающей свои демократические ценности и верховенство права как внутри страны, так и за рубежом. Новое правительство обещало «определять интересы Германии в свете европейских интересов» и как крупнейшее государство ЕС служить Союзу верой и правдой. Как четвёртая экономика мира ФРГ также несёт «глобальную ответственность» за мир, свободу и процветание и призвана активизировать международное сотрудничество.

В области внешней политики и политики безопасности новое правительство заявило о стремлении к укреплению «стратегического суверенитета Европы» как сильного игрока, действия которого направлены на обеспечение мира, соблюдение международных прав человека и предотвращение конфликтов. Это также подразумевает «системную конкуренцию с авторитарными государствами и стратегическую солидарность с демократическими партнёрами».

Евросоюз должен быть более сплочённым и эффективным на международном уровне. В частности, новое правительство выступило за расширение сотрудничества между национальными армиями стран – членов ЕС. С этой целью было запланировано создание совместных командных структур и совместного военно-гражданского штаба. Гражданские и военные миссии ЕС должны укладываться в общую политическую концепцию, которая учитывает причины конфликта, предусматривает стратегию выхода и подлежит парламентскому

⁵⁵ Op. cit. Deutschland. Alles ist Drin. S. 234–235.

⁵⁶ Ibid.

надзору. Что касается НАТО, участию Германии в его деятельности придавалось особое значение. Трансатлантический альянс назван центральной опорой, а НАТО – неотъемлемой частью безопасности⁵⁷. Зелёные, в частности, поддержали этот пункт Договора и заявили о поддержке курса на усиление блока и его политического измерения.

В Коалиционном договоре также говорилось о возобновлении процесса международного разоружения и контроля над вооружениями, о намерении нового правительства играть ведущую роль в международной кампании по разоружению и укреплению режима нераспространения, об усилении роли ООН.

Бундесвер, будучи «парламентской армией», находится под контролем парламента. Он должен быть хорошо оснащён, в том числе новейшей военной техникой. Как и в случае с армией ЕС, каждому развертыванию бундесвера должно предшествовать критическое и содержательное изучение, анализ предпосылок, а также разработка возможных стратегий выхода. Применение военной силы является крайней мерой и всегда должно учитывать реалистичный политический подход к конфликтам и их причинам. Вооружённые развертывания бундесвера за рубежом должны быть встроены в систему взаимной коллективной безопасности, основанную на Конституции и международном праве.

Таким образом, по сравнению с ранним периодом деятельности немецких Зелёных как партии их идеология со временем претерпела кардинальные изменения: из внесистемной оппозиционной партии крайне левого толка Союз 90 / Зелёные трансформировались в системную левоцентристскую партию, де-факто отказавшись от большей части своих изначальных идеологических принципов (хотя де-юре эти принципы по-прежнему фигурируют в программных документах). Во внешней политике партия постепенно отошла от своей изначальной пацифистской позиции, допуская не только активное участие ФРГ в деятельности военного блока НАТО и военных структур ЕС, но и экспорт немецкого вооружения в зоны конфликтов, и размещение воинского контингента в таких зонах при определённых обстоятельствах. Тем самым к настоящему времени принципы «ненасилия» и «внеблоковой политики», служившие традиционными идеологическими столпами Зелёных с момента их оформления как партии, полностью обнулились.

⁵⁷ Op. cit. Mehr Fortschritt wagen. S. 143–144.

Деятельность Зелёных в правительстве 2021–2025 гг.: внешнеполитический аспект

В сформированном по итогам выборов «светофорном» правительстве Союз 90 / Зелёные получили семь важных министерских постов: вице-канцлера / министра экономики и защиты климата⁵⁸ (Роберт Хабек); министра иностранных дел (Анналена Бербок); министра сельского хозяйства (Джем Эздемир); министра охраны окружающей среды, безопасности ядерных реакторов и защиты потребителей (Штеффи Лемке); министра по делам семьи, пенсионеров, женщин и молодёжи (Анне Шпигель, с 25 апреля 2022 г. – Лиза Паус); министра по вопросам культуры и СМИ (Клаудия Рот). Таким образом, внешняя политика оказалась в зоне прямой ответственности Зелёных.

Наиболее острой и противоречивой сферой деятельности «светофорной» коалиции как в парламенте, так и в правительстве на протяжении всего периода нахождения у власти стало именно внешнеполитическое направление, в особенности конфликт на Украине и проблемы взаимоотношений с Россией. Было бы неверно утверждать, что резкое изменение политики на российском направлении случилось лишь после начала СВО. Так, из текста Коалиционного договора 2021 г. по настоянию Союза 90 / Зелёных был исключён тезис о серьёзном отношении к «обоснованным интересам России». Несмотря на многолетнее обширное экономическое сотрудничество ФРГ и РФ и наращивание закупок российских углеводородов, новое «светофорное» правительство с подачи Зелёных умышленно понизило статус России как важного политического партнёра, что создало почву для усиления напряжённости (и это произошло ещё до выдвижения «ультиматума Путина» 17 декабря 2021 г., главным требованием которого была именно необходимость учитывать интересы России, прежде всего в сфере безопасности).

Очевидно, что после начала СВО в феврале 2022 г. наступила новая – конфронтационная – фаза российско-германских отношений: 27 февраля канцлер Шольц объявил в бундестаге о «смене эпох»⁵⁹ во внешней и оборонной политике. В 2022 г. был создан Специальный фонд модернизации бундесвера на 100 млрд евро из внебюджетных фондов. В том же году канцлер инициировал создание европейской системы противоракетной обороны (ПРО) *European Sky Shield*. В 2023 г. правительство ФРГ утвердило «Принципы оборонной политики»⁶⁰ и 14 июня 2023 г. впервые в истории страны – Стратегию национальной

⁵⁸ Бывшее Министерство экономики и энергетики было усилено за счёт включения в сферу его полномочий вопросов защиты климата и энергетической политики.

⁵⁹ Zeitenwende.

⁶⁰ Verteidigungspolitische Richtlinien. Bundesministerium der Verteidigung. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/13568/28163bcaed9f30b27f7e3756d812c280/g-03-download-die-verteidigungspolitische-richtlinien-2011-data.pdf> (accessed 21.11.2025).

безопасности, где обозначены основные внешние угрозы и механизмы противодействия им в условиях «новой реальности»: Россия была названа «самой серьёзной угрозой миру и безопасности на евроатлантическом пространстве»⁶¹. В 2024 г. началась структурная реформа бундесвера. Было принято решение о размещении немецкого военного контингента (сухопутной бригады бундесвера) на восточном фланге НАТО – в Литве (до полной боевой готовности к 2027 г.). В октябре 2024 г. в г. Росток было открыто Командование военно-морской оперативной группой НАТО на Балтийском море. Кроме того, поднимались вопросы создания совместного с Великобританией и Францией (независимо от США) потенциала ядерного сдерживания (Басов 2024). На протяжении всего периода легислатуры 2021–2025 гг. обсуждался вопрос о возвращении воинского призыва, но партии «светофорной» коалиции выступили против.

«Светофорное» правительство педалировало идею о длительной конфронтации с Россией (одновременно стремясь избежать прямого военного столкновения) и необходимости сотрудничества как внутри НАТО, так и со странами-партнёрами вне блока. В августе 2022 г. А. Бербок предложила новый план выстраивания будущих отношений ЕС с РФ из четырёх пунктов: укрепление национальной обороны, поддержка противников России, поддержка Украины и работа с глобальными партнёрами в сфере защиты международного права. Берлин требовал прекращения военных действий со стороны РФ, восстановления территориальной целостности Украины, поддерживал вступление последней в НАТО и выражал готовность помогать Киеву всеми средствами. Если первоначально речь шла о гуманитарной и экономической помощи, то затем – об амуниции и оборонительном оружии, и постепенно спектр помощи расширялся, включая всё более тяжёлое вооружение (танки, бронемашины и др.). В этом вопросе были едины все партии – члены «светофорной» коалиции, мотивируя это «священным правом» Украины на самооборону.

Зелёные объясняли свой отход от традиционной пацифистской и миротворческой позиции исключительностью ситуации, серьёзностью российской угрозы для Европы и необходимостью скорейшего восстановления мира – очевидно, с помощью оружия. С их точки зрения, они продолжали оставаться «партией мира», но для этого были вынуждены прибегнуть к военным средствам.

После назначения в январе 2023 г. министром обороны социал-демократа Бориса Писториуса значительно увеличились масштабы военной помощи Киеву, в том числе – тяжёлого вооружения (в частности, танков *Leopard*). В 2023 г. немецкое правительство заявило о намерении передать Украине авиационные крылатые ракеты *Taurus* дальностью свыше 500 км, однако канцлер Шольц долгое время выступал против применения немецкого оружия по целям

⁶¹ Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie. *Nationale Sicherheitsstrategie*. URL: <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de> (accessed 21.11.2025).

на территории РФ. В мае 2024 г. с Украины были официально сняты ограничения по использованию немецкого оружия для ударов по объектам на территории России⁶². После ответных угроз со стороны РФ Писториус в июле 2025 г. публично опроверг эти планы⁶³. В настоящее время Германия является вторым по значимости после США донором помощи Украине. Так, с конца февраля 2022 г. по январь 2024 г. Берлин предоставил Киеву военную помощь на 17.7 млрд евро, общий объём помощи за тот же период составил 27.8 млрд евро (это самый высокий показатель в Европе). Несмотря на дефицит государственного бюджета ФРГ в 17 млрд евро, обе палаты бундестага одобрили выделение 7 млрд на эти цели в 2024 г. (Белов 2024: 9). В том же году на украинской территории был построен завод немецкого концерна *Rheinmetall* по производству бронемашин.

«Светофорное» правительство активно поддерживало и продвигало анти-российские санкции. 1 января 2023 г. начало работу Центральное ведомство по применению санкций⁶⁴ в подчинении Таможенного управления в составе Министерства финансов. В начале 2023 г. ФРГ стала одним из инициаторов принятия 10-го санкционного пакета ЕС против России, касавшегося ограничений на важные статьи экспорта и импорта. Принятый в июне 2023 г. 11-й санкционный пакет обозначал качественно новый этап в санкционной войне против РФ: вводились вторичные санкции в отношении компаний третьих стран, помогающих обходить торговые эмбарго ЕС. Затем, на протяжении 2023 и 2024 гг. было введено ещё несколько антироссийских санкционных пакетов ЕС, активно поддержанных Германией (Белов 2024).

Что касается импорта российских энергоносителей, после 24 февраля 2022 г. «Светофор» также пришёл к согласию о необходимости полностью отказаться от них. Возобновление закупок увязывалось лишь с окончанием военных действий и восстановлением территориальной целостности Украины. Это касалось и закупки российского угля (прекращена с августа 2022 г.), и нефти, перевозимой морским путём (с декабря 2022 г.), и эксплуатации газопроводов. С подрывом газопроводов «Северный поток – 1» и «Северный поток – 2» (в сентябре 2022 г.) прекратились прямые поставки газа из РФ. Осенью же 2022 г. государство в лице Министерства экономики и защиты климата (Р. Хабек) национализировало дочернюю компанию Газпрома *Gazprom Germania GmbH*, а в 2024 г. – дочернее предприятие Роснефти *Rosneft Deutschland GmbH*.

Другим активным внешнеполитическим направлением «светофорного» правительства стал ближневосточный конфликт, разгоревшийся с новой силой после нападения ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. ФРГ выразила полную

⁶² Германия разрешила Украине атаковать территорию России своим оружием. 2024. *Коммерсантъ*. 31.05.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6735711> (дата обращения: 25.11.2025).

⁶³ В Германии заявили, что не будут поставлять Украине ракеты Taurus. 2025. *РИА Новости*. 14.07.2025. URL: <https://ria.ru/20250714/germanija-2028915003.html> (дата обращения: 21.11.2025).

⁶⁴ Zentralstelle für Sanktionsdurchsetzung (ZfS).

поддержку Израилю: как заявил канцлер Шольц, Германия несёт особую ответственность за существование Израиля из-за холокоста. 18 октября он первым из иностранных лидеров приехал в Тель-Авив. Вместе с тем он подчеркнул, что Германия не остаётся безучастной к гуманитарной ситуации в секторе Газа, и обсудил с израильским премьер-министром Биньямином Нетаньяху возможности её улучшения. В 2022 г. был одобрен военный экспорт из ФРГ на 32 млн евро, с января по ноябрь 2023 г. – на порядка 303 млн евро. Почти 85% индивидуальных разрешений на экспорт было выдано после атаки ХАМАС 7 октября. Летальное вооружение составило лишь около 6% от общего объёма поставок (19 млн евро)⁶⁵, важнейшую долю экспорта составляют боеприпасы. Экспортируются также бронетранспортёры, системы ПВО, противотанковое оружие и дизельные подводные лодки. Разрешения на экспорт оружия выдаёт всё то же Министерство экономики и защиты климата, во главе которого стоит зелёный министр Р. Хабек.

Однако внутри правительственной коалиции наметился новый раскол: ведомство федерального канцлера продолжало безоговорочно поддерживать Израиль, а Зелёные в лице вице-канцлера / министра экономики и защиты климата (Хабека) и министра иностранных дел (Бербок) стали чаще критиковать действия Нетаньяху в секторе Газа. Осенью 2024 г. они выступили инициаторами запрета на выдачу разрешений на экспорт немецкого оружия в Израиль. Министры потребовали от израильского правительства письменно подтвердить, что оно используется Армией обороны Израиля (ЦАХАЛ) с соблюдением международных правовых норм (то есть не применяется против гражданского населения сектора Газа)⁶⁶.

Аналогичный запрос был направлен украинскому правительству, однако экспорт немецкого оружия Украине при этом не прекращался и никакого контроля за его использованием со стороны Германии не осуществлялось. Более того, представитель Министерства обороны ФРГ Арне Коллатц заявил, что вся ответственность за применение немецкого оружия лежит на Украине: «Нет немецкого оружия на Украине. Есть украинское оружие немецкого происхождения, а это – совершенно другие обстоятельства»⁶⁷.

Все это ярко свидетельствует о двойных стандартах во внешней политике «светофорной» коалиции, и особенно – в политике представителей партии Союз 90 / Зелёные, пришедшей к власти в образе миротворца.

⁶⁵ Добрунов М. 2023. Германия увеличила военные поставки в Израиль почти в десять раз. *РБК*. 09.11.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/11/2023/654c5dc29a79478ab67cab3a> (дата обращения 21.11.2025).

⁶⁶ Никифоров О. 2024. Немецкие «Зелёные» заблокировали экспорт оружия в Израиль. *Независимая газета*. 23.10.2024. URL: https://www.ng.ru/world/2024-10-23/6_9121_germany.html (дата обращения: 21.11.2025).

⁶⁷ Verteidigungsministerium gibt den Habeck: "Keine deutschen Waffen in der Ukraine". 2023. *RT.de*. 17.07. URL: <https://fromrussiawithlove.rtde.world/kurzclips/video/174960-verteidigungsministerium-gibt-habeck-keine-deutschen/?ysclid=mdenm0fpam973789711> (accessed 21.11.2025).

Самоопределение Зелёных после распада «светофорной» коалиции и досрочных выборов в бундестаг 2025 г.

После провала на выборах в Европейский парламент (9 июня 2024 г.)⁶⁸, поражения на региональных выборах в восточной части страны (сентябрь 2024 г.)⁶⁹ и распада «светофорной» коалиции состоялся 50-й партийный съезд в Висбадене (ноябрь 2024 г.), где обсуждались, в частности, наихудшие рейтинги Зелёных за всю их партийную историю и те ошибки, которые стали причиной провала. Рейтинги «светофорной» коалиции в Германии в целом снижались с первого года её работы (с 2022 г.). Так, за один год (с июня 2022 г. по май 2023 г.) популярность партии Союз 90 /Зелёные снизилась с 21% до 15%. В июне 2023 г. лишь 20% респондентов одобряли работу правительства (Белов 2023). К концу 2024 г. поддержка коалиции сократилась почти в два раза⁷⁰. Одной из главных причин такого положения для Зелёных стала утрата собственной идентичности в результате практики заключения коалиций с другими партиями и уступок политическим партнёрам во многих принципиальных вопросах, что на съезде озвучила бывший сопредседатель партии Рикарда Ланг.

Также в Висбадене было избрано новое партийное руководство – Феликс Банашак и Франциска Брантнер. Один из кандидатов в председатели, идеологический «фундаменталист» и внутренний оппозиционер Матиас Илья, заявил, что Зелёные 1970-х, 1980-х и 1990-х гг. воспринимали бы сегодняшних однопартийцев как своих политических противников. По его мнению, «вкус власти» изменил партию до неузнаваемости. В частности, в вопросе внешней политики – особенно в контексте продолжающейся уже три года войны – партия ведёт себя безответственно. И в целом, по его мнению, партийное большинство утратило связь с реальностью. Другой кандидат в председатели партии – Сюзанне Бреннер – заявила о поддержке поставок вооружений Украине для «самозащиты», мотивируя это тем, что ответственность за такое решение лежит не на поставщиках, а на получателях вооружений. Однако она признала, что это ставит «пацифистскую партию» перед чрезвычайно сложным выбором⁷¹.

⁶⁸ Результат «Зелёных» в Германии составил 11.9% – почти в два раза меньше, чем в 2021 г. (20.5%). *Regierungsjahre in der Ampel-Koalition 2021–2025. Grüne Geschichte. Bündnis 90 / Die Grünen*. URL: <https://www.gruene.de/unsere-gruene-geschichte> (accessed 21.11.2025).

⁶⁹ Партия не прошла в ландтаги земель Тюрингия (3.2%) и Бранденбург (4.1%), с трудом прошла в ландтаг Саксонии (5.1%). *Op. cit. Regierungsjahre in der Ampel-Koalition 2021–2025. Grüne Geschichte*.

⁷⁰ Антонов М. 2024. Рейтинг правящей «светофорной коалиции» Шольца вновь побил антирекорд. *Вестни*. 16.06. URL: <https://smotrim.ru/video/2866557> (дата обращения: 21.11.2025).

⁷¹ 50. Bundesdelegiertenkonferenz: Parteitag Bündnis 90/Die Grünen. Tag 2. *YouTube (Phoenix)*. 16.11.2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YADNR1EY7Qo> (accessed 21.11.2025).

После распада «светофорной» коалиции началась немедленная подготовка к досрочным выборам в бундестаг. Избирательная кампания проходила под лозунгом «Один человек. Одно слово». В специальной памятке в разделе «Европа» речь шла о европейской безопасности в контексте трёх главных угроз: «атак Владимира Путина», «стремления к власти Си Цзиньпина» и «Америки прежде всего Дональда Трампа»⁷².

На внеочередном съезде 26 января 2025 г. Зелёные приняли предвыборную программу «Растём вместе: наша правительственная программа для федеральных выборов»⁷³. Третья её глава посвящена проблеме мира и свободы внутри страны и глобально. В разделе о внешней политике сделан акцент на роли Европейского союза как «гаранта мира, свободы, благосостояния и демократии». Германия рассматривается как его неотъемлемая часть, её безопасность встроена в ЕС и НАТО. Важную роль в европейской безопасности играют также ООН и ОБСЕ. Особое внимание уделено поддержке Украины «до тех пор, пока не наступит мир». Партия намерена взять на себя ответственность за установление стабильности и мира в Европе. Самой большой угрозой для свободы и безопасности названа сегодняшняя Россия, которая «является авторитарным и всё более тоталитарным государством». Для сопротивления «насильственному изменению границ» и «имперским устремлениям», предотвращения победы России в войне партия будет принимать экономические меры (санкции) и меры безопасности. Центральным партнёром Европы названы Соединённые Штаты, с которыми Германия связана общими ценностями, культурными, историческими и общественными узами. ФРГ остаётся надежным союзником США, но в то же время необходимо укреплять европейский суверенитет и проводить независимую от Вашингтона политику безопасности. Также закреплено намерение сотрудничать со странами Глобального Юга, сокращать экономическую зависимость от Китая – «соперника, конкурента и партнёра». В отношении ближневосточного конфликта в Программе повторяются традиционные тезисы о гарантиях безопасности для обеих сторон и политическом решении конфликта. Для успешной реализации политики безопасности Зелёные планировали создать Центр стратегического прогнозирования.

Центральным звеном обороны остаётся бундесвер, который также будет участвовать в международных миротворческих операциях в рамках международного права. Будет продолжена структурная реформа бундесвера. Вместо отменённой в 2011 г. всеобщей воинской повинности предполагается введение

⁷² Ein Mensch. Ein Wort. Bündnis 90 / Die Grünen. URL: https://cms.gruene.de/uploads/assets/20250318_Regierungsprogramm_DIGITAL_DINA5.pdf (accessed 21.11.2025).

⁷³ Zusammen wachsen. Regierungsprogramm 2025. Bündnis 90 / Die Grünen. URL: https://cms.gruene.de/uploads/assets/20250318_Regierungsprogramm_DIGITAL_DINA5.pdf (accessed 21.11.2025).

добровольной воинской службы. Регулярной станет кооперация вооружённых сил внутри ЕС и НАТО. Оснащение армии должно быть обеспечено европейской оборонной промышленностью.

Партия продолжает выступать за разоружение и международный контроль над вооружением, но на фоне «российской угрозы» необходимо вооружаться в рамках НАТО. Обращает на себя внимание «философский» пассаж о сущности политики экспорта вооружений: «На фоне угроз, к сожалению, необходимо... ещё больше инвестировать в безопасность для защиты от агрессий и войн. Поэтому ориентированный на потребности рынок европейских вооружений и ограничительная совместная экспортная политика – две стороны медали. Ответственная политика экспорта вооружений способствует защите наших партнёров, но в то же время с помощью немецкого и европейского оружия предотвращает нарушение прав человека и поддержку автократических или диктаторских режимов». Для этого должны быть определены и ограничены законом чёткие критерии экспорта вооружений, и каждое решение должно быть частью выполнения Германией своих национальных и международных юридических обязательств⁷⁴. *Иначе говоря, в своей последней предвыборной программе «нацифистская» партия закрепила законность вооружённой борьбы за права человека и против авторитарных режимов с помощью немецкого и европейского оружия.*

Эта программа во многом перекликалась с предвыборной программой Зелёных к евровыборам 2024 г. под названием «Что нас охраняет»⁷⁵, где все предложения подавались в ракурсе «защиты», предоставляемой Евросоюзом. В частности, раздел «Что охраняет мир»⁷⁶ касался вопросов европейской внешней и оборонной политики, глобальной справедливости, справедливой торговли, усиления ЕС в Европе и Европы в мире.

По итогам досрочных выборов в бундестаг 23 февраля 2025 г., Союз 90 / Зелёные набрали 11.6% голосов, что заметно меньше «прорывного» результата 2021 г. (14.8% голосов)⁷⁷. Партия получила 85 депутатских мандатов (на 33 меньше, чем в 2021 г.)⁷⁸, и её влияние значительно ослабло. 5 мая 2025 г. была сформирована «большая» (чёрно-красная) правящая коалиция крупнейших партий ХДС / ХСС–СДПГ и новое правительство. Таким образом, Зелёные в правительство не вошли и вновь оказались в оппозиции.

Вскоре после формирования нового правительства под ударом оказалось и единственное значимое достижение поздних Зелёных из области «политики мира» – отмена всеобщей воинской повинности в ФРГ. Усиление бундесвера

⁷⁴ Op. cit. Zusammen wachsen. S. 155.

⁷⁵ Was uns schützt. Europawahlprogramm 2024. Bündnis 90 / Die Grünen. URL: https://cms.gruene.de/uploads/assets/20240306_Reader_EU-Wahlprogramm2024_A4.pdf (accessed 21.11.2025).

⁷⁶ Op. cit. Was Frieden schützt.

⁷⁷ Op. cit. Ergebnisse der Bundestagswahlen.

⁷⁸ Op. cit. Bundestagswahl 2025.

стало одной из главных задач нового правительства. Поставлена цель увеличить численность армии с нынешних 182 тыс. до 260 тыс. чел. к 2035 г., а также удвоить число резервистов с нынешних 100 тыс. чел. Это сделает Германию крупнейшей военной силой в Европе⁷⁹. С помощью голосов депутатов бундестага предыдущего созыва новому канцлеру Фридриху Мерцу удалось создать спецфонд объемом 500 млрд евро на развитие инфраструктуры (в том числе двойного назначения) дополнительно к уже действующему фонду на 100 млрд для перевооружения бундесвера (см. выше)⁸⁰. 27 августа 2025 г. федеральное правительство провело еженедельное заседание в здании министерства обороны в Берлине (чего не происходило с 1992 г.), где был одобрен законопроект, вводящий систему воинского учёта для молодых людей. Воинская служба пока не становится обязательной. Законопроект отправлен на рассмотрение в бундестаг, где у правящей коалиции большинство. Также было принято решение о создании Совета национальной безопасности.

Всё это, как мы видим, отнюдь не противоречит обновлённой программе Союза 90 / Зелёных, а, напротив, укладывается в её нарративы. На официальном сайте партии в разделе о внешней политике сформулирована квинтэссенция обновлённой внешнеполитической концепции: «Проводя активную внешнюю политику, мы берём на себя ответственность в трудные времена – за сильную Германию, за мирную Европу, за стабильный мир». В брошюре фракции Зелёных в бундестаге «Зелёная внешняя политика: Во имя будущего активная – ответственная – надёжная»⁸¹ (2025 г.) в краткой форме изложены основные принципы внешней политики партии после выборов 2025 г. Смысловым центром документа является борьба с «российской агрессией» на Европейском континенте. В брошюре говорится, что «своей агрессивной войной против Украины, нарушившей международное право, Россия разрушила европейский мирный порядок». Этот поворотный момент потребовал «ответов в условиях острой нехватки времени», чтобы «защитить Украину, а также нашу демократию и свободу». Однако и в глобальном масштабе важно обеспечить мир, укрепить права человека и международное право, защитить «наши средства к существованию» и содействовать устойчивому развитию. Для этого необходим сильный и эффективный ЕС. В соответствии с этим концептом перечислены основные направления внешнеполитической активности и конкретные шаги, которые «Зелёные» намерены предпринимать.

⁷⁹ Германия вводит воинский учёт. Что нужно знать. *Известия*. 27.08.2025. URL: <https://iz.ru/1943847/2025-08-27/germanii-vvodit-voinskii-uchet-cto-nuzhno-znat> (дата обращения: 21.11.2025).

⁸⁰ Бундесвер пополнят в добровольно-принудительном порядке. *Коммерсантъ*. 08.07.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7872129?ysclid=mex0ruamva971205517> (дата обращения: 07.09.2025).

⁸¹ Grüne Außenpolitik: Im Auftrag der Zukunft aktiv – verantwortlich – verlässlich. *Bündnis 90 / Die Grünen. Bundestagsfraktion*. URL: https://www.gruene-bundestag.de/fileadmin/dateien/publikationen/broschueren_und_flyer/im_auftrag_der_zukunft_aussen.pdf (accessed 21.11.2025).

Заключение

По мере все более активного включения Зелёных в политическую жизнь Германии им становилось все труднее сохранять верность фундаментальным ценностям и принципам Европейского зелёного движения, из которого они выросли. Необходимость бороться за голоса избирателей, а после победы на выборах различных уровней – сотрудничать с партиями-конкурентами, привели к смене идеологии: постепенному отходу от экофундаментализма (идеализма) в пользу политического реализма. Это напрямую касалось и подхода к вопросам ненасилия и пацифизма, особенно в сфере внешней политики.

Фактически Зелёные отступили от этих принципов в 1998–1999 гг., когда, оказавшись впервые в составе правительства, в лице министра иностранных дел Й. Фишера поддержали войну в Косово. Однако декларативно (в текстах программных документов и выступлениях) они оставались «партией мира» вплоть до выборов в Бундестаг 2017 г., когда в их предвыборной программе «Будущее создаётся мужеством» военный блок НАТО впервые был назван «важным трансатлантическим связующим звеном» международного сотрудничества, играющим ключевую роль в обеспечении общеевропейской безопасности.

Увлечение внешней политикой и конфликтом с РФ затмило даже основную социально-экологическую повестку партии: отказ от дешевых российских энергоносителей с 2022 г. в короткие сроки привёл Германию к экономическому кризису, больно ударившему по социальной сфере и отдалившему перспективу перехода к зелёной энергетике. Немецкие Зелёные не просто отступили от своего традиционного образа «партии мира», а превратились в полную её противоположность – «партию войны», которая де-факто активно поддерживает военные действия одной из сторон конфликта как идеологически, так и материально-технически. Риторика о «политической справедливости», «особых обстоятельствах» экспорта немецкого оружия и его применения, «благородной» миссии заново оснащённого Бундесвера в составе вооружённых сил ЕС и НАТО, является классическим примером политического лицемерия и двойных стандартов. Во внешней политике и международных отношениях Зелёные вплотную подошли к концепции «справедливой войны».

Об авторе:

Татьяна Леонидовна Ровинская – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Сектора теории политики ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, Россия, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.
E-mail: mirtania@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 329.17:327.56(430)
Received: August 21, 2025
Accepted: November 1, 2025

Greens in Germany: from “Peace Party” into “War Party”

 T.L. Rovinskaya
[DOI 10.24833/2071-8160-2025-6-105-193-220](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-6-105-193-220)

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences

Abstract: This article examines the ideological and political evolution of Germany's Alliance 90/The Greens from an explicitly pacifist “peace party” into a political actor that legitimizes—and, in government, actively supports—the use of military instruments for humanitarian and security objectives. The analysis combines a chronological reading of the party's core program documents and election manifestos with an examination of key episodes of political practice, allowing the study to trace how normative self-descriptions (“non-violence”, “culture of restraint”, “primacy of international law”) align—or fail to align—with concrete policy choices.

Methodologically, the study relies on retrospective and systems analysis and treats the party's positions on war and peace as embedded in Germany's broader institutional and alliance context (EU, NATO, UN) and in the Greens' own transition from movement party to governing actor. The article shows that the decisive practical break with pacifism occurred earlier than its doctrinal codification: while the Greens *de facto* crossed the threshold in 1998–1999 by endorsing NATO's Kosovo intervention and subsequently supporting deployments such as Afghanistan, they continued for years to preserve a peacemaker identity in programmatic language and public rhetoric. In the 2010s and especially the 2020s, this gap narrowed: by the 2017 program the party's view of NATO had shifted markedly, and the 2020 Principles and the 2021 manifesto further normalized a security role for the Bundeswehr in multilateral missions.

The article argues that the Ukraine conflict and the Greens' participation in the 2021–2025 “traffic light” coalition accelerated and consolidated this transformation. Under the banner of defending human rights, resisting “authoritarian aggression”, and strengthening European security, the party's leadership promoted policies aimed at enhancing Germany's and NATO's military capabilities, elevating the Bundeswehr's role in external crisis management, and broadening the political acceptability of arms deliveries and their use in conflict settings. After moving into opposition following the early federal election of 2025, the Greens largely retained this confrontational security posture, indicating a structural rather than situational shift. Overall, the article concludes that Alliance 90/The Greens have moved from a pacifist identity anchored in non-violence to a defensive–confrontational paradigm in foreign and security policy, with significant implications for Germany's strategic culture and the future of “green” politics in Europe.

Keywords: Bündnis 90 / Die Grünen, Germany, Petra Kelly, Joschka Fisher, Annalena Baerbock, “peace party”, “war party”, pacifism, Bundestag, Bundeswehr.

About the author:

Tatiana L. Rovinskaya – Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Theory of Politics Section. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russia.
E-mail: mirtania@gmail.com

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Braun Ch.N. 2022. Papal White and Shades of Green: On the Tides of Just War. *Global Studies Quarterly*. 2(3). DOI: 10.1093/isagsq/ksac047
- Heck A. 2025. Ready, Steady, No? The Contested Legitimacy of Weapon Deliveries to Ukraine in German Foreign Policy Discourse. *Politische erteljahresschrift*. Vol. 66. S. 45–75. DOI: 10.1007/s11615-024-00554-x
- Kelly P.K. 1983. *Um Hoffnung Kämpfen: gewaltfrei in eine Grüne Zukunft*. Bornheim-Merten: Lamuv. 212 s.
- Rathbun B.C. 2006. The Myth of German Pacifism. *German Politics & Society*. 24(2). P. 68–81. DOI: 10.3167/104503006780681885
- Teichert Ch., Wengeler M. 2024. "Die Grünen waren nie eine pazifistische Partei"? Argumentationsmuster der Partei Bündnis 90/Die Grünen zu Kriegseinsätzen vom Bosnienkrieg bis zum Ukrainekrieg. Attig M., Jacob K., Müller M., Vogel F. (Hg.). *Netz und Werk. Zur Gesellschaftlichkeit sprachlichen Handelns*. Berlin/Boston. S. 251–262. DOI: 10.1515/9783111086514-019
- Basov F. 2024. Germanija: krah "svetoformoj" koalicii [Germany: The Collapse of the "Traffic Light" Coalition]. *God planety: jekonomika, politika, bezopasnost'*. Red. sostav. Baranovskij V.G., Solov'jov Je.G. Vypusk 2024 [Year of the Planet: Economy, Politics, Security. Issue 2024]. Moscow: IMEMO RAN. P. 199–206. (In Russian)
- Belov V.B. 2023. "Teplovoj perevorot" vice-kanclera R. Habecka: posledstviya dlja jekonomiki i politiki Germanii. ["Thermal Coup" of Vice-Chancellor R. Habeck: Consequences for Germany's Economics and Politics]. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. №3. P. 79–94. (In Russian) DOI: 10.15211/vestnikieran320237994
- Belov V.B. 2024. Uglublenie krizisa otnoshenij Germanii s Rossiej v 2023–2024 gg. [Deepening Crisis in Germany's Relations with Russia in 2023–2024]. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. №1. P. 5–16. DOI: 10.15211/vestnikieran12024516. (In Russian)
- Damje V. 2014. Jekologicheskoe dvizhenie v FRG i politicheskaja vlast': ot grazhdanskikh iniciativ k partii „zeljonyh". [The Environmental Movement in Germany and Political Power: from Civic Initiatives to the Green Party]. *XIV aprel'skaja mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija po problemam razvitiya jekonomiki i obshhestva. V chetyreh knigah. Kniga 4-ja* [The 14th April International Scientific Conference on Economic and Social Development. In four books. Book 4]. Moscow: HSE Publishing House P. 439–448. (In Russian)
- Evdokimova T.V. 2019. Petra Karin Kelli i ee "zelenaja al'ternativa" [Petra Karin Kelly and Her "Green Initiative"]. *Tomsk State University Journal. History*. №57. P. 109–113. DOI: 10.17223/19988613/57/18 (In Russian)
- Pushkareva V.V. 2020. Novaja rol' zelenyh v politicheskoy zhizni Germanii [The New Role of the Greens in the Political Life of Germany]. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 4(1). P. 63–75. DOI: 10.35634/2587-9030-2020-4-1-63-75 (In Russian)

Rovinskaya T.L. 2019. "Zelenye" v politicheskom pole Zapadnoj Evropy (poslednie tendencii) [Greens in the Political Landscape of Western Europe (Recent Trends)]. *World Economy and International Relations*. 63(3). P. 40–48. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-40-48 (In Russian)

Rovinskaya T.L. 2021. Evropejskoe zelenoe dvizhenie v usloviyah krizisa: novye podhody [The European Green Movement in Times of Crisis: New Approaches]. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. №4. P. 24–33. DOI: 10.20542/afj-2021-4-24-33 (In Russian)

Rovinskaya T.L. 2023. "Zelenye" v Germanii – politicheskie dilemmy i kompromissy ["The Greens" in Germany: Political Dilemmas and Compromises]. *Politeia*. 1(108). P. 182–203. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-108-1-182-203 (In Russian)

Sokolov A.P., Procenko S.E. 2024. Konceptija Zeitenwende v zerkale strategicheskikh dokumentov pravitel'stva Olafa Shol'ca [Zeitenwende through the Lens of Olaf Scholz's Government Strategic Documents]. *MGIMO Review of International Relations*. 17(6). P. 230–251. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-230-251 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Басов Ф. 2024. Германия: крах «светофорной» коалиции. *Год планеты: экономика, политика, безопасность*. Под ред. В.Г. Барановского, Э.Г. Соловьева. Выпуск 2024. Москва: ИМЭМО РАН. С. 199–206.

Белов В.Б. 2023. «Тепловой переворот» вице-канцлера Р. Хабека: последствия для экономики и политики Германии. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. №3. С. 79–94. DOI: 10.15211/vestnikieran320237994

Белов В.И. 2024. Углубление кризиса отношений Германии с Россией в 2023–2024 гг. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. №1. С. 5–16. DOI: 10.15211/vestnikieran12024516

Дамье В. 2014. Экологическое движение в ФРГ и политическая власть: от гражданских инициатив к партии «зелёных». *XIV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В четырёх книгах. Книга 4-я*. Москва: Издательский дом ВШЭ. С. 439–448.

Евдокимова Т.В. 2019. Петра Карин Келли и её «зелёная альтернатива». *Вестник Томского университета. История*. №57. С. 109–113. DOI: 10.17223/19988613/57/18

Пушкарёва В.В. 2020. Новая роль зелёных в политической жизни Германии. *Вестник Удмуртского университета*. 4(1). С.63–75. DOI: 10.35634/2587-9030-2020-4-1-63-75

Ровинская Т.Л. 2019. «Зелёные» в политическом поле Западной Европы (последние тенденции). *Мировая экономика и международные отношения*. 63(3). С. 40–48. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-40-48

Ровинская Т.Л. 2021. Европейское зелёное движение в условиях кризиса: новые подходы. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. №4. С. 24–33. DOI: 10.20542/afj-2021-4-24-33

Ровинская Т.Л. 2023. «Зелёные» в Германии: политические дилеммы и компромиссы. *Полития*. 1(108). С.182–203. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-108-1-182-203

Соколов А.П., Проценко С.Е. 2024. Концепция Zeitenwende в зеркале стратегических документов правительства Олафа Шольца. *Вестник МГИМО-Университета*. 17(6). С. 230–251. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-230-251

Трансформация международных отношений в Азии на современном этапе: от постбиполярности к новой холодной войне

В.И. Белов, Г.В. Грызлов

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Рецензия на коллективную монографию: Д.В. Стрельцов и др. 2025. «Новая холодная война» в Азии. Глобальное и региональное измерение. Москва: Издательство «Аспект-Пресс».

Ключевые слова: Азия, новая холодная война, глобальное и региональное соперничество, коллективный Запад и Анти-Запад, США и Китай, Глобальный Юг, Россия, БРИКС

В 2025 г. в издательстве «Аспект Пресс» под редакцией профессора Д.В. Стрельцова вышла коллективная монография «Новая холодная война» в Азии. Глобальное и региональное измерение», подготовленная коллективом кафедры востоковедения МГИМО МИД России. В центре внимания авторов рецензируемого издания находится феномен «новой холодной войны» как парадигмы противостояния стран «коллективного Запада» (США, Великобритания, Канада, государства Европейского союза, Австралия и Новая Зеландия, Япония и Республика Корея) и «коллективного Анти-Запада» (Китай, Россия, Иран, КНДР, Венесуэла, Эритрея и др.).

Данная монография выбрана для рецензирования в силу того, что она представляет собой первое комплексное многоаспектное исследование глобального и регионального соперничества США и Китая, рассмотренного в широком международно-политическом контексте развития макрорегиона Азии во второй половине XX – первой четверти XXI вв. Ключевой исследовательский вопрос, поставленный авторами, заключается в определении степени применимости термина «холодная война» для характеристики современной ситуации в Азии и в мировой политике в целом.

УДК: 327.56:327.54(5)

Поступила в редакцию: 11.04.2025

Принята к публикации: 25.11.2025

Характеризуя состояние мировой системы как находящееся в процессе быстрой и радикальной трансформации, авторы монографии обращают внимание на элементы политической преемственности между современной и послевоенной парадигмами мироустройства. В частности, подчёркивается, что «основными странами–участницами коллективного Анти-Запада выступают как раз те государства, которые противостояли Западу в период холодной войны, – Россия (преемник СССР) и Китай, а наиболее заметными лидерами Глобального Юга являются страны, занимавшие нейтральную или близкую к нейтральной позицию до распада биполярного мира (Индия, Индонезия, Бразилия, ЮАР и т. д.)» (с. 10–11). При этом на фоне ориентированной на достижение глобальной гегемонии внешнеполитической стратегии США новым явлением становится формирование подсистем крупных и сверхкрупных государств, обладающих собственными логиками развития, что ведёт к смене конфигурации ключевых акторов в Азии. На смену сверхдержавам эпохи классической биполярности в качестве ведущих региональных игроков выдвигаются такие страны, как Индия и Китай, которые наряду с США рассматриваются в качестве потенциальных глобальных центров влияния. Азиатские державы при этом всё активнее противостоят стремлению Запада сохранить доминирующие позиции в мировой экономической системе, выступая в поддержку интересов Глобального Юга.

Анализ особенностей холодной войны XX в. в монографии выстроен вокруг четырёх её базовых признаков. Первый – мирное сосуществование антагонистических блоков капиталистических и социалистических государств. Второй – наличие определённого военного, технологического и экономического паритета между ними. Третий – тотальный характер биполярной системы, охватившей практически все регионы мира. Четвёртый – ярко выраженное идеологическое измерение конфронтации, связанное с противостоянием коммунистической и капиталистической моделей развития (с. 5–8).

Авторы предлагают следующее определение «холодной войны» – как «миропорядка, в котором государства консолидируются вокруг двух сверхдержав (полюсов) и делятся на два противостоящих друг другу в военном, политическом и экономическом отношениях лагеря», при этом вопрос о существовании «новой биполярности» признаётся дискуссионным (с. 5, 10).

В монографии делается вывод о том, что одним из ключевых вызовов для западных государств сегодня являются экономические успехи КНР, достигнутые в условиях авторитарной политической системы, что подрывает продвигаемую Западом установку о неразрывной связи между экономическим процветанием и либеральной демократией. В числе характеристик современной эпохи, отличающих её от классической холодной войны, выделяются: «отсутствие демаркации по блоковому признаку, деидеологизация конфронтационности во взаимодействии между полюсами, качественно новые формы и методы противостояния, наличие более глубокого, чем в послевоенный период, исторического бэкграунда в противостоянии двух главных полюсов» (с. 11). При этом

возникающая «новая биполярность», как отмечают авторы, проявляется наиболее отчётливо в странах Восточной, Юго-Восточной и отчасти Южной Азии, в меньшей степени – на Ближнем Востоке, в Иране и Турции (с. 221).

Вместе с тем тезис об «отсутствии демаркации по блоковому признаку» представляется дискуссионным. Приведённый в страновых разделах фактический материал по Азии за 2020-е гг. даёт основания говорить о сохранении приверженности государств коллективного Запада подходам, характерным для эпохи классической холодной войны. Так, Вашингтон последовательно актуализирует блоковую логику, вовлекая азиатских партнёров в региональные и глобальные форматы, находящиеся под контролем США (AUKUS, QUAD и др.), включая военно-политические и технологические измерения. Показательно, что сами авторы подчёркивают: «новая холодная война» в Азии рассматривается ими прежде всего как «геополитическая парадигма, сложившаяся вокруг противостояния США и Китая» (с. 19).

Материалы монографии структурированы в три главы, выстроенные в соответствии с классическим регионально-географическим подходом (Восточная, Южная и Юго-Восточная Азия; Ближний и Средний Восток). Введение выполнено в логике исторического обобщения и концептуального осмысления закономерностей и особенностей международных процессов, инициированных в период холодной войны и развивавшихся вплоть до 2024 г.

Соперничество США и КНР

В открывающей главе монографии анализируются признаки «новой холодной войны» в Восточной Азии. Центральным сюжетом первой части выступает соперничество США и Китая за региональное и глобальное влияние, которое в значительной степени задаёт параметры современной международно-политической динамики.

Авторы подчёркивают, что, хотя в период классической биполярности Вашингтон и Пекин находились в разных идеологических лагерях, это само по себе не свидетельствует об их «исторической предрасположенности» к конфронтации. С 1970-х гг. Соединённые Штаты в отношениях с КНР перешли к стратегии «вовлечения» (engagement), что способствовало расширению торгово-экономических и гуманитарных связей и в перспективе оказало заметное влияние на экономическое развитие Китая. Однако политика открытости к сотрудничеству завершилась разочарованием американского руководства: со временем стало очевиднее, что «Китай не перестаёт быть Китаем» и не стремится стать похожим на США (с. 24).

Соответственно, США не удалось добиться трансформации КНР по модели либеральной демократии, сопоставимой с траекториями Японии, Республики Корея и Тайваня. Напротив, с приходом к власти Си Цзиньпина китайская политическая система, по оценке авторов, характеризуется усилением

централизации, секьюритизацией общественной жизни и более выраженной «суверенной» внешнеполитической линией. Рост экономической мощи Китая, не принимающего западные либерально-демократические ценности в качестве нормативной основы, стал одним из факторов, подтолкнувших Вашингтон к переходу в середине 2010-х гг. к стратегии «сдерживания». В качестве одной из ключевых причин более жёсткого курса США авторы обоснованно называют борьбу за идеологическое лидерство (с. 25): в восприятии американского политического класса утрата глобального лидерства будет означать подрыв «нормального» развития мирового порядка, поскольку его место займёт Китай, несоотносимый с привычной для Запада ценностной рамкой. Именно в этом Вашингтон усматривает экзистенциальную угрозу – как для себя, так и для международной системы в целом.

Пекин, со своей стороны, призывает отказаться от менталитета холодной войны и блокового мышления и отвергает тезис о стремлении к мировому лидерству. Вместе с тем, как отмечают авторы, китайские заявления о праве народов на суверенный путь развития и критика гегемонизма де-факто выражают заинтересованность в подрыве американского доминирования и в переходе к «справедливому» многополярному миропорядку (с. 31). При этом внешняя политика КНР, по мнению авторов, находится в стадии трансформации, что проявляется в её противоречивости и некоторой непоследовательности (с. 27): наряду с ростом амбиций и стремлением играть одну из ведущих ролей в международной системе сохраняется осторожность, обусловленная ограниченностью ресурсов. Аналогичная логика прослеживается и в оценке перспектив военного противостояния: несмотря на попытки сократить диспаритет с США, Пекин, как подчёркивается, по-прежнему не готов к прямому вооружённому столкновению.

Одновременно китайское руководство стремится реагировать на антикитайскую политику США, которую в Пекине трактуют как препятствие социально-экономическому развитию страны. Стратегической целью КНР обозначается превращение к 2049 г. в «ведущую модернизированную социалистическую державу», способную, в том числе, отвечать на вызовы, исходящие от Вашингтона. В этой связи российские специалисты подчёркивают, что ключевым инструментом становится «наращивание национального инновационного и научно-технического потенциала», позволяющее обеспечить качественный скачок в экономическом развитии (Ломанов 2021: 636).

В качестве концептуального ядра китайской внешнеполитической повестки авторы выделяют идею «сообщества единой судьбы человечества», предполагающую построение международной системы, в которой прежние силовые форматы отношений утрачивают эффективность, а уровень взаимозависимости и связанности государств возрастает (с. 32). В данной рамке Китаю отводится одна из ключевых ролей, прежде всего как актору, содействующему развитию стран Глобального Юга.

Показательно, что в китайской оптике «новая холодная война» не мыслится как прямое продолжение холодной войны XX в.: Пекин заявляет, что не борется за глобальное доминирование, но вынужден реагировать на жёсткую политику США. Кроме того, Китай проявляет солидарность с Россией в оценке действий США и их союзников в Европе, рассматривая их как фактор, имеющий негативные последствия для международной безопасности¹.

Вместе с тем, несмотря на рост напряжённости, обе стороны, как подчёркивается, избегают открытой эскалации. Так, в 2022 г. администрация Дж. Байдена декларировала курс на «конкурентное взаимодействие» с КНР: сдерживание Китая при одновременном сотрудничестве по ряду принципиально важных вопросов. Такой прагматичный подход позволял снижать риски в периоды острого кризиса, включая ситуацию вокруг визита Н. Пелоси на Тайвань. Авторы выдвигают предположение, что подобная осторожная линия США сохранится независимо от партийной конфигурации в Вашингтоне (с. 38). В качестве дополнительного аргумента приводятся сигналы готовности президента Д. Трампа – при всей первоначальной бескомпромиссности – к переговорам с КНР о снижении взаимных торговых пошлин².

Однако общий тренд на углубление разрыва между США и Китаем, как отмечается, усиливается и может быть остановлен лишь при радикальном изменении парадигмы одной из сторон, что в ближайшей перспективе не просматривается. Это, в свою очередь, ведёт к нарастанию конфликтного потенциала в Восточной Азии и оказывает давление на третьи страны региона.

Япония

На фоне глобальных геополитических изменений, последовавших за распадом биполярной системы, Япония вступила в период глубоких внутренних трансформаций, который в монографии описывается как процесс «нормализации страны». Прежде всего он проявился в постепенном отходе от навязанной после Второй мировой войны пацифистской модели и в последовательном укреплении оборонного потенциала. Так, в 2015 г. было принято законодательство, закрепившее право участия японских сил в совместных боевых действиях за пределами территории страны, а в документах 2022 г. содержатся беспрецедентные положения о намерении приобрести ударный потенциал и довести оборонные расходы до 2% ВВП к 2026 г. (с. 56–57). Подобная корректировка курса, как подчёркивают авторы, обусловлена изменением стратегического положения

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. *Президент России*. 4 февраля 2022 г. URL: <https://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 29.05.2025).

² Китай и США на встрече в Женеве договорились снизить тарифы до 10%. *CGTN*. 12 мая 2025 г. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2025-05-12/1921828677988032514/index.html> (дата обращения: 29.05.2025).

Японии: если в годы холодной войны она находилась на периферии гипотетического вооружённого столкновения блоков, то в современных условиях оказывается фактически в эпицентре потенциальных региональных конфликтов (с. 56–57). В числе ключевых источников угрозы выделяются активность КНР в Южно-Китайском море, нерешённые территориальные споры с Пекином и ядерная программа КНДР.

При этом Токио не отказывается от опоры на США как на главного военно-политического союзника, но одновременно адаптирует внешнеполитическую стратегию, расширяя участие в многосторонних форматах и сетях партнёрств: QUAD и G7, взаимодействие с AUKUS, а также развитие связей с НАТО. Примечательно, что, согласно авторам, склонность Японии встраиваться в западную коалиционную конфигурацию в условиях «новой холодной войны» поддерживается и общественными настроениями: в последние годы заметно выросло негативное отношение японцев к России и Китаю при стабильно высоком уровне доверия к США, что, в свою очередь, способствует росту числа сторонников милитаризации страны (с. 60–61).

Хотя на протяжении длительного времени Токио стремился удерживать баланс между Вашингтоном и Пекином, нарастание американо-китайской конкуренции существенно сузило пространство для манёвра. США остаются краеугольным элементом внешнеполитической архитектуры Японии, тогда как отношения с КНР всё более приобретают характер стратегического соперничества. Обострение территориального спора вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао и рост военного потенциала Китая способствовали формированию в Токио устойчивого восприятия Пекина как вызова национальной безопасности; в этой логике японские власти, как отмечают авторы, присоединились к курсу США на стратегическое сдерживание КНР (с. 84).

Существенное значение приобретает и экономическое измерение «новой холодной войны» в регионе. Пекин остаётся одним из важнейших торгово-экономических партнёров Японии, а высокая взаимозависимость начинает рассматриваться в Токио как источник уязвимости. В этих условиях с 2022 г. Япония реализует политику «экономической безопасности»: принят соответствующий закон, направленный на укрепление цепочек поставок и снижение зависимости от отдельных государств, прежде всего в сфере высоких технологий (Чудинова 2023: 123–124). Как показывают авторы, Токио стремится хеджировать риски, постепенно диверсифицируя размещение производств и перенося часть мощностей с территории Китая в другие страны, прежде всего в государства Юго-Восточной Азии (с. 87). Дополнительно для обеспечения технологической безопасности Япония наращивает сотрудничество с США, Республикой Корея и Тайванем. Вместе с тем, несмотря на заметную секьюритизацию экономического взаимодействия с КНР, крупные торгово-экономические связи сохраняются; их возможное ослабление, по-видимому, будет растянутым во времени и в значительной степени зависимым от дальнейшей динамики американо-китайского соперничества.

Корейский полуостров

Понятие «новая холодная война» применимо к Корейскому полуострову лишь с существенными оговорками, поскольку «старая» холодная война здесь де-факто так и не была завершена. Авторы подчёркивают «двуслойный» характер корейской проблемы, сформированной одновременно внутринациональным расколом и глобальным геополитическим противостоянием, причём эти два измерения ни разу не удавалось преодолеть синхронно (с. 102).

После завершения классической холодной войны конфигурация сил на полуострове претерпела изменения: на фоне ослабления позиций СССР и КНР усилилось влияние США и Республики Корея, тогда как КНДР оказалась в относительной международной изоляции. Север и Юг постепенно адаптировались к факту существования друг друга, а их противостояние приобрело форму устойчивой «мини-биполярности», в рамках которой стороны избегают полномасштабного вооружённого конфликта, не отказываясь, однако, от демонстративных и провокационных действий. Подобная кажущаяся стабильность, как отмечают авторы, создаёт иллюзию безопасности и одновременно повышает риск резкой эскалации в случае кризисных ситуаций.

Внешняя политика КНДР в последние годы, по оценке авторов, приобрела более прагматичный характер и продолжает выстраиваться по традиционным направлениям – в отношении США, Китая, Японии и России (с. 104). Вместе с тем ключевой сдвиг произошёл именно в российско-северокорейских отношениях на фоне украинского кризиса: руководство КНДР практически сразу выразило политическую поддержку Москве. Авторы при этом указывают на «бездоказательность спекуляций» о военном сотрудничестве России и КНДР и подчёркивают нежелание обеих сторон вовлекать северокорейских военнослужащих в конфликт с Украиной и Западом (с. 106–107), аргументируя это логикой и отсутствием официальных подтверждений информации, активно распространяемой западными СМИ. Однако, на наш взгляд, в отношении столь чувствительных сюжетов целесообразно избегать чрезмерно категоричных оценок, поскольку эмпирическая реальность не всегда полностью коррелирует с логическими предпосылками. Так, в апреле 2024 г. Президент России В.В. Путин официально подтвердил участие военнослужащих КНДР в боевых столкновениях с Вооружёнными силами Украины на территории Курской области³. Этот факт не только ставит под сомнение тезис о нежелании Пхеньяна участвовать в европейском конфликте, но и свидетельствует о том, что КНДР фактически заняла сторону Москвы, включая контекст формирующейся «новой холодной войны».

³ Путин обратился к корейским военным и лично к Ким Чен Ыну. *РБК*. 28 апреля 2025 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/04/2025/680f1a989a794704cf95e09e> (дата обращения: 29.05.2025).

При этом в отношениях КНДР и КНР в последние годы наметилось определённое охлаждение, что частично объясняется давлением Пекина на Пхеньян по вопросу ядерной программы. Тем не менее между двумя странами сохраняется высокий уровень практического взаимодействия, что поддерживает актуальность идеи формирования стратегического треугольника Россия – КНДР – Китай.

На фоне обострения «новой холодной войны» Республика Корея также демонстрирует более жёсткую внешнеполитическую линию. Помимо сохранения тесного военно-политического взаимодействия с США, Сеул пошёл на сближение с Японией, во многом абстрагируясь от исторических и территориальных противоречий (с. 111). Несмотря на глубокую экономическую взаимозависимость с КНР, южнокорейское руководство активизировало участие в инициативах США, зачастую имеющих выраженную антикитайскую направленность. Республика Корея также поддержала антироссийский курс в связи с украинским кризисом, однако до настоящего времени воздерживается от поставок вооружений Киеву, опасаясь негативной реакции со стороны Москвы.

Ключевым фактором нестабильности остаётся ядерная проблема, значение которой растёт на фоне усиления «новой холодной войны». Процесс денуклеаризации Корейского полуострова зашёл в тупик, и ни одна из вовлечённых сторон в настоящее время не демонстрирует готовности к его разрешению посредством переговоров. В повестке отсутствует и вопрос объединения двух Корей: как отмечают авторы, в северокорейском официальном дискурсе всё чаще используется наименование «Республика Корея», что указывает на восприятие южного соседа как самостоятельного враждебного государства и свидетельствует о постепенном отходе от концепции «единой Кореи».

Монголия

С распадом биполярной системы Улан-Батор в значительной степени утратил прежнее стратегическое значение для Москвы, что, как отмечают авторы, расширило возможности Монголии для проведения более самостоятельной и многовекторной внешней политики (с. 129). В этой логике с 1990-х гг. монгольское руководство последовательно реализует концепцию «третьего соседа», выстраивая отношения с США и другими западными странами и привлекая их инвестиции и донорскую поддержку.

Особое место в внешнеэкономической стратегии Монголии занимает взаимодействие с Китаем: при сохраняющемся недоверии со стороны части монгольского общества и политических элит Пекин остаётся крупнейшим торговым партнёром Улан-Батора. Одновременно Россия сохраняет прочные позиции, участвуя в развитии транспортной и энергетической инфраструктуры Монголии и получая взамен политический «нейтралитет» и определённую лояльность монгольского руководства. В этом контексте подчёркивается

устойчивое значение традиционного треугольника Россия – Китай – Монголия, в рамках которого продвигаются проекты, включая инициативы по формированию транспортных коридоров.

В целом, несмотря на возрастающее внешнее давление, Улан-Батору удастся сохранять относительно сбалансированный внешнеполитический курс, извлекая определённые выгоды из взаимодействия с различными центрами силы. При этом, учитывая ограниченные внешнеполитические амбиции Монголии и её сравнительно скромный вес в региональных процессах, можно предположить, что даже в случае более выраженного дрейфа страны в сторону одного из «блоков» это вряд ли приведёт к заметным изменениям глобальной или региональной расстановки сил.

Южная Азия

Во второй половине XX в. Южная Азия, по оценке авторов, относилась к числу немногих регионов, которые в сравнительно меньшей степени были затронуты блоковым противостоянием: обе сверхдержавы были заинтересованы в стабилизации обстановки, а их конкуренция носила преимущественно латентный характер (с. 148). В условиях же обострения «новой холодной войны» регион всё более превращается в значимый элемент системы международных отношений, где пересекаются интересы крупных держав и формируются новые конфигурации влияния.

В последние десятилетия Индия существенно нарастила военную и экономическую мощь, претендуя на статус доминирующей региональной державы, чем, как отмечается, стремятся воспользоваться Соединённые Штаты. Вашингтон рассматривает Дели в качестве ключевого противовеса Пекину в Южной Азии. Вместе с тем, на наш взгляд, в данной части монографии целесообразно было бы более отчётливо – как это сделано в разделе о Юго-Восточной Азии – акцентировать роль американского продвижения концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) как альтернативы традиционному АТР, направленной на ограничение китайского регионального влияния (Куприянов 2021: 49). При этом, несмотря на расширение экономических и военно-политических связей с США, Индия демонстрирует осторожность в отношении идеи полного внешнеполитического «разворота» к Вашингтону, поскольку её не устраивает роль «младшего партнёра», которая, по логике Дели, неизбежно закрепляется за американскими союзниками (с. 157).

В регионе при этом отчётливо проявляется стратегическое соперничество Индии и Китая. Дели рассматривает Южную Азию как пространство своих национальных интересов и стремится ограничить вовлечение внешних акторов в региональные дела. Пекин, напротив, наращивает влияние в регионе, прежде всего через углубление сотрудничества с Пакистаном – традиционным соперником Индии. Исламабад, осознавая возможности Китая по сдерживанию

индийского влияния, заинтересован в получении максимальных политических и экономических преференций от партнёрства с Пекином. Одновременно Пакистан сохраняет определённые каналы взаимодействия с США и активно работает с исламским миром, повышая собственную дипломатическую и военно-политическую манёвренность (с. 163–164). Дополнительную обеспокоенность Индии вызывает расширение китайского сотрудничества с другими государствами Южной Азии, включая Бангладеш и Шри-Ланку.

Тем не менее «новая холодная война» в Южной Азии, как представляется, сохраняет преимущественно латентный характер. Здесь происходит столкновение интересов Индии и Китая, которые трудно однозначно отнести к разным «блокам». Даже при том, что США делают ставку на Дели, превращение Индии в полноценного союзника Вашингтона и её вовлечение в жёстко антикитайскую стратегию выглядит ограниченно вероятным. Более того, Пекин и Дели в ряде аспектов преследуют сходные цели, связанные с формированием более полицентричного миропорядка; обе страны поддерживают устойчивые отношения с Москвой. Поэтому, несмотря на наличие трудноразрешимых противоречий, их стратегическое соперничество в ближайшей перспективе вряд ли трансформируется в открытое противостояние.

Юго-Восточная Азия

Регион Юго-Восточной Азии (ЮВА) в наибольшей степени испытал на себе последствия холодной войны. Поэтому государства ЮВА, сумевшие к концу XX в. выстроить механизмы региональной кооперации и относительного баланса, объективно не заинтересованы в возрождении жёсткой биполярной конфронтации. Вместе с тем текущая геополитическая динамика ставит их перед усложняющимся выбором. В 1990–2000-е гг. синхронное присутствие США и Китая, укрепление торгово-экономических связей между ними и общая стабилизация обстановки в регионе обеспечивали странам ЮВА заметные дивиденды: участие крупных внешних акторов, как правило, воспринималось как ресурс развития. Однако последующий подъём КНР и продвижение её инициатив (в частности «Один пояс, один путь») стали вызывать растущую озабоченность в связи с асимметричным характером взаимодействия и рисками утраты экономического суверенитета.

С усилением американо-китайской конфронтации в 2010–2020-х гг. ЮВА оказался в эпицентре новой геополитической напряжённости. Страны региона всё чаще выступают ареной конкуренции двух держав в военно-политическом, технологическом и экономическом измерениях. На фоне декаплинга США и КНР, чьё параллельное участие играло важную роль в экономической динамике региона, а также продвигаемой Западом в последние годы логики *derisking*, АСЕАН сталкивается с рисками замедления роста и необходимостью адаптации к структурной перестройке глобальных цепочек поставок (с. 182).

Особенно заметной становится технологическая конкуренция, способствующая формированию в ЮВА двух во многом несогласованных технологических экосистем – китайской и американской. При этом, как подчёркивают авторы, подходы США и КНР к структурированию региона различаются: Вашингтон делает ставку на сеть минилатеральных форматов, тогда как Пекин ориентируется на двусторонние договорённости и создание новых институтов развития (с. 185).

Осознавая необходимость сохранения стратегической гибкости в условиях «новой холодной войны», государства ЮВА рассматривают несколько возможных линий поведения: примыкание к одной из сторон, укрепление единства АСЕАН как коллективного субъекта либо поиск «третьих сил» для расширения собственного «стратегического пространства» (с. 189). При этом часть стран стремится к избирательному сотрудничеству с обеими державами, пытаясь одновременно извлечь экономические выгоды и минимизировать политико-безопасностные риски – например, позиционируя регион как «инвестиционно-производственную буферную зону» и привлекая внешние инвестиции в высокотехнологичные сектора.

В целом региональная ситуация становится более подверженной нестабильности. По мере укрепления американского и китайского присутствия выбор между двумя центрами силы перестаёт быть линейным и всё чаще распадается на совокупность секторальных решений – от вопросов безопасности до технологических стандартов и инфраструктуры, – каждое из которых способно иметь долгосрочные последствия и формировать новые зависимости.

Иран

В представлении авторов соответствующего раздела иранская внешнеполитическая картина мира строится вокруг двух контуров: внешнего – расположенного за пределами исламской общины, и внутреннего – мусульманской уммы (с. 200). После одностороннего выхода Вашингтона из Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе Тегеран, как отмечается, усилил восточное направление внешней политики, что выразилось, в частности, во вступлении Исламской Республики в ШОС и БРИКС. Укрепление связей с ведущими акторами «незападного» блока – Москвой и Пекином – открывает перспективу формирования стратегического треугольника Россия–Иран–Китай. В иранской интерпретации данный треугольник рассматривается как один из опорных элементов формирующегося многополярного миропорядка и «востокоцентричного мира» как его сегмента. При этом, по мысли авторов, между новой глобальной биполярностью и многополярностью, формирующейся внутри «востокоцентричного» полюса, не возникает принципиального противоречия.

Отдельное внимание уделяется эволюции академических дискуссий в Иране относительно применимости понятия «холодной войны». Как отмечается, в традиционной трактовке данная тема становится более заметной в иранской научной среде после 2008 г., причём тогда возможность возникновения «новой холодной войны» оценивалась как маловероятная. Однако с началом украинского кризиса (2014 г.) дискуссия теряет однозначность: к 2018 г. часть авторов либо уже фиксировала начало «холодной войны» в связи с украинским или сирийским кризисами, либо подчёркивала нарастающие риски её возникновения как производные углубляющегося противостояния России и Запада. Вместе с тем авторы раздела подчёркивают, что рассматривать «поворот на Восток» как полностью сформировавшуюся и безальтернативную стратегию Ирана пока преждевременно: практическая отдача от данного курса остаётся ограниченной, что вынуждает Тегеран сохранять элементы внешнеполитического баланса, «оглядываясь» на Запад (с. 211).

Турция

Внешняя политика Турции в условиях трансформации системы международных отношений и формирования «новой биполярности» в начале 2020-х гг., по оценке авторов, вошла в качественно иной этап, что расширило возможности Анкары по наращиванию стратегической автономии. Отмечается, что в турецких элитах усиливается поиск альтернативных траекторий развития, отличных от доминировавшего на протяжении десятилетий курса на экономическую и политическую европеизацию. При сохранении значимой зависимости от западных партнёров в экономической и военно-технической сферах Турция предпринимает попытки укрепления стратегической автономии за счёт расширения внешнеполитического взаимодействия с незападными государствами (с. 239).

Новой доминантой евразийского вектора турецкой внешней политики всё более отчётливо становится Азия. В этом контексте инициативу «Снова Азия» авторы трактуют как попытку обосновать императив наращивания экономического партнёрства с ведущими азиатскими державами. Ряд турецких аналитиков допускает, что в определённом смысле альянс России, Турции и Китая уже является реальностью – в частности, в силу развития отношений с Россией в условиях санкций, договорённостей о сопряжении инициативы ОПОП и Транскаспийского международного транспортного маршрута («Срединного коридора»), а также расширения кооперации с Китаем. С этих позиций евразийское партнёрство интерпретируется не как вопрос политического выбора, а как функциональная необходимость для Турции (с. 234).

В целом авторы считают возможным выделить несколько направлений турецкого евразийства – левое, пантюркистское, исламское и прагматическое. Левое евразийство акцентирует антизападную риторику и необходимость

сближения с Россией. Исламское направление фокусируется на развитии идей неосманизма как основания для восстановления особого статуса Турции на пространствах, исторически связанных с Османской империей. Прагматическое евразийство, особенно во второй половине 2000-х гг., определялось прежде всего торгово-экономическими и энергетическими интересами.

К 2020-м гг., как подчёркивается, идеи евразийства получили более выраженное практическое воплощение во внешней политике Турции. К числу таких проявлений относятся дальнейшее развитие отношений с Россией, приобретающих характер комплексной и достаточно сложной взаимозависимости; интерес к ШОС; расширение сотрудничества с Китаем в рамках ОПОП; рост экономических и гуманитарных связей со странами Центральной Азии и Азербайджаном. При этом авторы обращают внимание, что усиление общественно-политического интереса к евразийству в Турции коррелирует с периодами кризисов в отношениях Анкары с западными партнёрами (с. 235).

Наконец, в соответствующей концептуальной рамке Турция рассматривается как «центральная держава исламского мира», призванная выполнять миссию по консолидации государств Ближнего Востока, Северной Африки и Евразии.

Монархии Персидского залива

На фоне текущих геополитических сдвигов и перераспределения глобального и регионального баланса сил всё более заметную роль в международных процессах начинают играть монархии Персидского залива – прежде всего Объединённые Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и Катар. Если в период классической биполярности эти государства в целом тяготели к Соединённым Штатам и западному лагерю, то в современных условиях они, насколько это возможно, стремятся придерживаться более автономной и прагматичной линии, избегая жёсткого блокового выбора.

Объединённые Арабские Эмираты. В публикациях эмиратских аналитических центров ОАЭ нередко характеризуются как «восходящая держава» в рамках нового мироустройства. С 2022 г., как отмечается, в международной политике усиливаются поляризация и «бинарная» логика «мы против них», что воспринимается в Абу-Даби как фактор нестабильности. Особую обеспокоенность вызывает широкое применение санкций, способное нарушать нормальное функционирование глобальной экономики. В качестве принципа внешнеполитического курса ОАЭ декларируются прагматизм и готовность взаимодействовать со всеми участниками международных отношений, включая политически «неудобных» партнёров. Официальные лица Эмиратов подчёркивают тренд к многополярности и указывают на важность сохранения в долгосрочной перспективе «открытой системы глобальной торговли» и противодействия протекционизму (с. 247). С точки зрения руководства ОАЭ, ряд глобальных вызовов требует сотрудничества максимально широкого круга государств: в числе таких

угроз называются риск новых пандемий, обеспечение глобальной финансовой стабильности, противодействие экстремизму, изменение климата и загрязнение океанов, а также продовольственная безопасность. В этой рамке ОАЭ позиционируют себя как потенциальное «связующее звено» между Востоком и Западом и подчёркивают необходимость эволюции глобальных институтов, укрепления их легитимности и повышения эффективности.

Саудовская Аравия. В представлении руководства КСА многополярность предполагает возможность проведения многовекторной внешней политики и развития партнёрств со всеми крупными экономиками – не только с США или Китаем. Отдельный акцент делается на укреплении связей по линии Юг–Юг. Исходит предположение о том, что на Глобальном Юге формируются собственные технологические и финансовые центры, что, в свою очередь, позволяет снижать зависимость от развитого Севера, характерную для прежнего миропорядка. Многополярный мир трактуется как конфигурация, в которой международная ситуация не определяется ни доминированием одной сверхдержавы, ни противостоянием двух сверхдержав; отсюда заявляется ориентация на внеблоковый подход. КСА позиционируется как одно из ведущих государств Глобального Юга, а взаимодействие со странами БРИКС и перспектива полноценного членства в объединении рассматриваются как ресурс влияния на формирование нового миропорядка. В этой логике формат БРИКС+ трактуется как площадка продвижения интересов «мирового большинства», а соответствующий курс – как подтверждение притязаний Эр-Рияда на большую субъектность и независимую внешнюю политику. Авторы также отмечают, что КСА воспринимается международным сообществом как влиятельный нейтральный игрок, который нередко выступает дипломатическим посредником (с. 253).

Катар. В катарской интерпретации одним из ключевых источников нестабильности международной системы остаётся «разрыв между Востоком и Западом», проявляющийся, в частности, как противостояние нарративов между западными странами и государствами Глобального Юга. Последние выступают против гегемонии одной державы, подчёркивая приоритет национального суверенитета и сильного государства. В Дохе, как отмечается, исходят из того, что современный мир не предполагает пространства для одностороннего доминирования; при этом Катар стремится сохранять нейтральную позицию и выстраивать сбалансированные отношения как с Западом, так и с Востоком.

В целом, как подчёркивают авторы монографии, позиции ведущих монархий Залива во многом сближаются. Эти государства признают и поддерживают формирование многополярной системы, выступают за повышение роли Глобального Юга в международных процессах и одновременно скептически оценивают вероятность полноценной «новой холодной войны», хотя и выражают обеспокоенность углубляющейся китайско-американской конфронтацией как фактором риска для мировой экономики (с. 256). Дополнительно отмечается, что страны Залива – и в цивилизационном, и в политическом отношении –

идентифицируют себя как часть Глобального Юга и разделяют близкие ценностные и внешнеполитические установки: поддержание внутренней политической стабильности, ориентацию на собственное экономическое развитие и предпочтение дипломатических методов урегулирования конфликтов (с. 257). Вместе с тем сохраняется зависимость монархий от внешних акторов в сфере безопасности, что поддерживает актуальность вопроса о роли внерегиональных игроков в формировании будущей архитектуры безопасности на Ближнем Востоке и в регионе Персидского залива (с. 258).

Израиль

В первой четверти XXI в. израильское руководство взяло курс на региональную интеграцию и нормализацию отношений с рядом арабских государств; кульминацией данной линии стало подписание «Авраамовых соглашений» с Бахрейном и ОАЭ. При этом, как справедливо отмечается в литературе, внешнеполитическая стратегия Израиля носит во многом дуалистический характер: с одной стороны, Тель-Авив стремится выстраивать прагматичные и институционально оформленные отношения с ключевыми государствами Ближнего Востока, с другой – сохраняет самоидентификацию как части западного мира и позиционирует себя в качестве одного из ведущих стратегических союзников США в регионе (Крылов, Микаелян 2024: 25).

По мнению авторов монографии, на региональную стратегию Израиля в ближайшей перспективе в наибольшей степени будут влиять нерешённость палестинской проблемы, украинский кризис и углубляющаяся конфронтация с Ираном. Иранский фактор при этом рассматривается как особенно чувствительный для Израиля и региональной архитектуры безопасности в целом: именно он, как подчёркивается, стал одним из ключевых стимулов сближения Израиля с рядом арабских стран и способствовал формированию регионального альянса под эгидой США (с. 269).

Отдельно отмечается, что Китай и Индия воспринимаются в Израиле как значимые партнёры по широкому кругу направлений, однако ни одно из этих государств не рассматривается как противовес или тем более как потенциальная замена США, учитывая исключительную плотность военно-политических и политико-дипломатических связей Тель-Авива и Вашингтона (с. 274–276).

Валидность основных положений монографии опирается на существенный научно-исследовательский и учебно-методический задел, сформированный на кафедре востоковедения МГИМО МИД России; сам по себе этот корпус работ представляет самостоятельную академическую ценность. Библиография издания включает более 600 источников на русском, английском, арабском, иврите, китайском и персидском языках. Следует отметить также высокий академический уровень изложения материала, требующего междисциплинарной компетентности, и качество визуального сопровождения: таблицы, графики

и картосхемы отличаются наглядностью и корректностью. Разделы монографии структурированы в соответствии с заявленной проблематикой, что облегчает навигацию по тексту и повышает прозрачность аргументации.

В целом книга заметно выделяется на отечественном и международном треке как фундаментальное, комплексное и многоаспектное исследование, выполненное на обширной эмпирической базе. В ней последовательно раскрываются структурные, политические, экономические, военные и идеологические характеристики парадигмы «новой холодной войны», связанной с соперничеством США и Китая на глобальном и региональном уровнях; анализируются специфические формы её проявления в отдельных странах и субрегионах современного Востока – в Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, а также на Ближнем и Среднем Востоке. Существенным достоинством работы является попытка концептуализировать новые возможности внешнеполитического и экономического маневрирования для государств Азии в условиях обострения соперничества ведущих держав, а также показать инструменты и пределы реализации таких стратегий в практической политике.

В итоге коллективная монография «“Новая холодная война” в Азии. Глобальное и региональное измерение» предстаёт значимым трудом, который, с одной стороны, систематизирует ключевые исследовательские подходы к пониманию биполярности и её современных аналогий, а с другой – задаёт продуктивную проблемно-методологическую рамку для дальнейшего анализа трансформаций глобализации и международной конкуренции в Азии.

Об авторах:

Белов Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения и африканистики Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. E-mail: vyou@yandex.ru

Грызлов Глеб Владимирович – аспирант, лаборант-исследователь кафедры востоковедения и африканистики Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. E-mail: glebanya261@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность:

Публикация выполнена в рамках Проекта № 102502–2–000 Системы грантовой поддержки научных Проектов Российского университета дружбы народов (РУДН).

UDC: 327.56:327.54(5)
Received: April 11, 2025
Accepted: November 25, 2025

Contemporary Transformation of International Relations in Asia: From Post-Bipolarity to a New Cold War

 V.I. Belov, G.V. Gryzlov
[DOI 10.24833/2071-8160-2025-6-105-221-238](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-6-105-221-238)

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Book review: D.V. Streltsov et al. 2025. *'New Cold War' in Asia. Global and regional dimension.* Moscow: Publishing House «Aspect-Press».

Keywords: Asia, the new Cold War, global and regional rivalry, the collective West and the Anti-West, the United States and China, the Global South, Russia, BRICS

About the authors:

Vladimir I. Belov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental and African Studies, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, 117198, Miklukho-Maklaya 6, Moscow, Russia. E-mail: vyou@yandex.ru

Gleb V. Gryzlov – Postgraduate Student, Laboratory Researcher, Department of Oriental and African Studies Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, 117198, Miklukho-Maklaya 6, Moscow, Russia. E-mail: glebanya261@gmail.com

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № 102502-2-000.

References:

- Chudinova K. 2022. The Impact of Technology Competition with China on US-Japan Trade. *Social Sciences and Contemporary World*. (4). P. 118–131. DOI: 10.31857/S0869049922040098 (In Russian).
- Krylov A., Mikaelian A. 2024. Israel in the Context of the “New Bipolarity”. *Vestnik RUDN. International Relations*. 24(1). P. 23–39. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-23-39 (In Russian).
- Kupriyanov A. 2021. The Indo-Pacific: Indian View. *World Economy and International Relations*. 65(5). P. 49–58. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-49-58 (In Russian).
- Lomanov A. 2021. Global implications of the US-China confrontation. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 91(7). P. 635–639. DOI: 10.31857/S0869587321070094 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Крылов А.В., Микаелян А.А. 2024. Израиль в контексте «новой биполярности». *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 24(1). С. 23–39. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-23-39

Куприянов А.В. 2021. Индо-Тихоокеанский регион: индийский взгляд. *Мировая экономика и международные отношения*. 65(5). С. 49–58. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-49-58

Ломанов А.В. 2021. Глобальные последствия американо-китайского противостояния. *Вестник Российской академии наук*. 91(7). С. 635–639. DOI: 10.31857/S0869587321070094

Чудинова К.О. 2022. Влияние технологической конкуренции с Китаем на характер американо-японского торгового взаимодействия. *Общественные науки и современность*. (4). С. 118–131. DOI: 10.31857/S0869049922040098